РЕВНИТЕЛЬ ПРАВОСЛАВІЯ,

КНЯЗЬ

КОНСТАНТИНЪ ИВАНОВИЧЪ

ОСТРОЖСКІЙ

(1461—1530)

И

православная литовская Русь въ его время.

Соч. Аѳ. Ярушевича.

Смоленскъ.
Типо-лит. Инж.-Мех. С. Гуревичъ.
1896.

Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется. 30 ноября 1896 года.

«Сказила бы всякіе рѣчи съ часомъ старость, кгды бы вчинки людскіе, которые жъ съ прироженья своего конецъ маютъ, не были черезъ листы упевнены и годнымъ сведетствомъ къ пришлой вѣдомости знакомичены...
Про то годно естъ послуги освѣцоного княжества у памети держати и добрую заплату чинити...»

Изъ грамотъ Сигизмунда I Полоцку и К. И. Острожскому.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При научныхъ бесѣдахъ съ людьми интеллигентными насъ нѣсколько удивлялъ тотъ фактъ, что подъ именемъ Константина Острожскаго обыкновенно подразумѣвался Константинъ Константиновичъ, извѣстный долголѣтнею борьбою за православіе Воевода Кіевскій. Отецъ же его, Константинъ Ивановичъ, всегда оставался и остается почти неизвѣстнымъ, а между тѣмъ онъ боролся за православіе не меньше сына и, во всякомъ случаѣ, гораздо успѣшнѣе. Только такія свѣтила русской исторической науки, какъ Карамзинъ, преосв. Макарій и Соловьевъ, удѣляютъ ему по нѣскольку строкъ, а для менѣе видныхъ ученыхъ Константинъ Ивановичъ остается большею частью въ тѣни, а иногда—объединяется съ личностью своего сына.

Причину неизвѣстности отца и славы сына мы усматриваемъ въ различіи эпохъ ихъ жизни. Богатая событіями и по этому разработанная, эпоха 1550—1608 г.г., на которую падаютъ: распространеніе въ Литвѣ протестантства, введеніе іезуитовъ, политическая и церковная уніи, борьба Іоанна Грознаго со Стефаномъ Баторіемъ,—составляетъ рѣзкій фонъ, на которомъ сильно обособляются отдѣльныя личности, часто и не такъ богатыя духовными силами. Эпоха же Константина Ивановича, если ограничиться *бѣглымъ* обозрѣніемъ ея, не блещетъ событіями, не выдѣляется рѣзкостью скачковъ народной жизни, носитъ на себѣ будничный колоритъ. Не говоримъ о сравнительной древности и аналогичности обѣихъ эпохъ—борьбѣ съ Татарами, Москвой, попыткахъ къ церковной и политической уніи.

Но если внимательнѣе всмотримся во внутренній ходъ жизни эпохи Константина Ивановича Острожскаго, то увидимъ, что его жизнь и дѣятельность падаетъ на весьма знаменательный и вмѣстѣ весьма печальный періодъ историческаго развитія Литовско-русскаго государства.

Послѣднее переживало эпоху полной ломки внутренняго строя жизни, замѣны старыхъ традицій, старыхъ началъ новыми, прямо враждебными прежнимъ,—эпоху, когда ясно выставлялось на видъ, что латинско-

польскія начала должны господствовать и замѣнить собою начала греко-русскія, что культура католическаго Запада должна замѣнить культуру православнаго Востока хотя и не ясно, но ощутительно, выставлялась правительственная программа: общая нивеллировка по латино-польскимъ образцамъ. Понятна поэтому важность эпохи; въ борьбѣ коренныхъ русскихъ и польско-латинскихъ началъ рѣзче, чѣмъ когда-либо въ другомъ случаѣ, выставлялись и разъяснялись старыя и новыя основы жизни съ одной стороны, съ другой—столкновеніе и враждебность началъ, олицетворяясь въ личностяхъ, людяхъ активной борьбы, выдвигали весьма характерныхъ дѣятелей, носителей тѣхъ или другихъ началъ жизни, дѣятелей, то поражающихъ цѣльностью своего характера, служенія своей идеѣ, то колеблющихся и не могущихъ найти выхода изъ созданной историческою жизнью дилеммы.

Интересъ къ этому далекому времени увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что борьба только начиналась и обѣ стороны были почти равносильны. Если сторона православно-русская подавляла пассивною численностью и стремилась только сохранить въ возможной чистотѣ начала своей внутренней жизни, то сторона латино-польская превосходила ее энергіей, жаждой пропаганды, активностью и внѣшнею, показною, культурностью. Эти качества враждебныхъ сторонъ создали борьбу, обострили ее и, чрезъ нѣсколько столѣтій, привели польско-литовское государство къ полному ослабленію внутреннихъ силъ и къ политической смерти.

Впрочемъ, тогдашнее литовское правительство не могло всегда и неуклонно слѣдовать своимъ принципамъ. Латино-польская программа его должна была считаться съ цѣлымъ рядомъ сопротивленій со стороны громаднаго большинства его подданныхъ—съ одной стороны, съ другой—съ притязаніями Польши на Волынь и Подолье. Отсюда въ политикѣ правительства являлась двойственность: въ первомъ случаѣ оно опиралось на латино-польскій міръ, во второмъ—на русскую народность, душу литовскаго государственнаго организма. Вотъ почему литовскіе князья по возможности устраняли обостреніе этой борьбы и, по временамъ, сами становились на сторону православно-русскихъ, тѣмъ болѣе, что многіе коренные литовцы, усвоивъ латинство, проявляютъ самобытное, въ русскомъ духѣ, государственное самосознаніе и, будучи по вѣрѣ католиками, съ глубокою ненавистью относятся ко всему поль-

скому (Лелюшъ, Мартинъ Гаштольдъ, Иванъ Семеновичъ Сапѣга и др.).

Сообразно такимъ теченіямъ и политика правительства, съ Ягайлы до Сигизмунда III, не была устойчивою. За грубымъ прогрессомъ латинства при Ягайлѣ послѣдовала значительная реакція въ пользу православныхъ при Витовтѣ. Если Сигизмундъ Кейстутьевичъ сильно склонялся къ латино-полонизму, то литовская Русь выдвинула Свидригайлу съ его смертельною ненавистью ко всему польскому. Убіеніе Сигизмунда за его полонофильство заставило Казиміра держаться болѣе примирительной политики; колебанія Александра между двумя враждебными лагерями сопровождаются потерею трети всей территоріи литовскаго княжества, полнымъ ослабленіемъ народнаго патріотизма, совершеннымъ истощеніемъ финансовыхъ и военныхъ средствъ страны. Этотъ печальный фактъ, образумившій Александра, заставилъ Сигизмунда I дать православнымъ возможно полную политическую и религіозную полноправность. Такова, въ краткихъ чертахъ, политика литовскаго правительства по отношенію къ своимъ русскимъ подданнымъ.

Съ своей стороны православные поняли цѣли правительства, какъ скоро оно обнаружило ихъ (при Ягайлѣ),—и не остались спокойными зрителями. Полная глубокаго драматизма борьба за религіозную и политическую равноправность идетъ слишкомъ столѣтіе, послѣ чего изъ среды православныхъ выдвигаются такія лица, которыя съумѣли смягчить борьбу и мирными средствами доставить русской національности сравнительную свободу вѣроисповѣданія и почти полную гражданскую полноправность.

Главною такою личностью является князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, который, при содѣйствіи другихъ лицъ, надолго задержалъ усиленіе, на счетъ русскихъ, латино-польскихъ принциповъ. Послѣдніе получаютъ безусловное господство только съ 1560-хъ годовъ, послѣ чего православіе надолго занимаетъ мѣсто гонимаго вѣроисповѣданія.

Изъ сказаннаго видно, насколько интересно въ историческомъ отношеніи время жизни кн. К. И. Острожскаго, т. е., конецъ XV и начало XVI вѣка. Въ Западной Европѣ это время ознаменовалось именами Гуттенберга, Савонароллы, Колумба, Коперника, Лютера, Карла V. Ихъ идеи проникали въ Литву; въ борьбу латинскихъ и греческихъ началъ привносился новый духъ, новое вѣяніе, давшее *осязательный* плодъ нѣсколько позднѣе. Къ сожалѣнію, давность эпохи препятствуетъ

болѣе или менѣе полному изученію ея; сказанія о ней скудны и темны; далеко не многочисленные литературные памятники сбивчивы или односторонни. Въ московско-русскихъ лѣтописяхъ—отдѣльные отрывки и замѣтки, почти не проливающіе свѣта на дѣла этой далекой эпохи; изъ лѣтописей литовско-русскихъ только двѣ касаются этого времени—такъ называемая Супрасльская и Быховца; лѣтописи польскія, современныя, хотя и носятъ заглавіе «Хроникъ Польши и Литвы», но почти всецѣло заняты первою, о Литвѣ же говорятъ мимоходомъ. Счастливымъ исключеніемъ является лѣтопись Стрыйковскаго, хотя и не современная, но писанная вскорѣ послѣ этого періода и, что цѣннѣе всего, лицомъ добросовѣстнымъ. Положимъ, сохранилось сравнительно много актовъ, грамотъ, записей, судебныхъ актовъ, касающихся купли, королевскихъ пожалованій, юридическихъ уставовъ,—но все это написано по одному образцу, по одной формѣ, сухо и оффиціально, такъ что вноситъ весьма мало свѣта во внутреннюю, интимную жизнь современниковъ,—доставляетъ весьма немного данныхъ для сужденія о томъ, чѣмъ жило современное поколѣніе, что̀ думало оно и ка̀къ думало. Вообще, за отсутствіемъ частной переписки, *подробныхъ* судебныхъ актовъ, завѣщаній и т. п., не только трудно вникнуть во внутреній ходъ жизни даннаго времени, но, подчасъ, даже возстановить внѣшнюю послѣдовательность явленій, ихъ причинную связь и зависимость. Поэтому, въ сужденіяхъ о данной эпохѣ, всегда приходится быть особенно осторожнымъ въ выводахъ и не ручаться за правильность своего сужденія въ какомъ либо отдѣльномъ случаѣ.

Сказаннымъ опредѣляется цѣль и задача нашего труда: прослѣдить шагъ за шагомъ глухую борьбу за православіе и русскую народность, оцѣнить услуги православно-русскому дѣлу наиболѣе выдающагося дѣятеля этой эпохи, кн. Константина Ивановича Острожскаго, обозрѣть его труды на пользу православной церкви и выяснить на положеніи его, какъ представителя западно-руссовъ, положеніе и значеніе русскихъ въ Литвѣ того времени. И если справедливо, что выдающійся человѣкъ является носителемъ и олицетвореніемъ запросовъ своего времени,—мы думаемъ, что такое пониманіе нашей задачи вполнѣ соотвѣтствуетъ существу дѣла и что задача нашего труда разрѣшилась бы сама собою, если бы было возможно дать полную и всестороннюю біографію кн. К. И. Острожскаго.

Литература изслѣдуемаго вопроса представляется въ слѣдующемъ видѣ:

ИСТОЧНИКИ.

АКТЫ.

1. **Archiwum książąt Lubartowiczów-Sanguszków w Sławucie.** Lwów, I—III, 1887—1890.

   Весьма много самыхъ цѣнныхъ данныхъ изъ нашей эпохи; много актовъ касаются лично К. И. Острожскаго; акты III-го т. почти исключительно экономическаго характера.

   Изданіе безукоризненное во всѣхъ отношеніяхъ,—по распредѣленію матерьяла, способу изданія, научности критическихъ пріемовъ и т. д.

2. **Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи,** т.т. I—II, въ цитатахъ—Акты З. Р.

   Особенно важенъ второй томъ, почти на девять десятыхъ состоящій изъ грамотъ разсматриваемаго періода. Грамоты подобраны весьма хорошо и въ изданіи почти нѣтъ историческаго хлама. Къ числу недостатковъ принадлежитъ: произвольное датированіе грамотъ, отсутствіе провѣрки датъ по индикту, мѣсту и подписямъ, и грамматически-правильная великорусская транскрипція литовско-русскихъ актовъ.

3. **Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи,** т.т. I—II, въ цитатахъ—Акты Ю. З. Р.

   Цѣнность изданія для нашего періода по количеству и качеству матеріала ниже предыдущаго номера, способъ же изданія нѣсколько лучше. Странна и вводитъ въ заблужденіе прибавка «и Западной», такъ какъ акты почти всецѣло относятся къ исторіи Южной Россіи, особенно въ дальнѣйшихъ томахъ.

4. **Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества**, томъ XXXV-ый СПБ. 1882.

Безконечныя пересылки Литвы съ Москвою въ періодъ 1487—1532 г.г. Изданіе обстоятельное, хотя и не вполнѣ: пропуски въ посольствѣ 1501 года, очень важномъ для нашей работы, произошли отъ непрочтенія малоразборчивой рукописи Импер. Публ. Библіотеки (Русск., IV, 70, т. III).

5. Дополненіемъ къ этому тому «Сборника» служитъ І-й т. «**Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными**», СПБ. 1851.

6. **Daniłowicz. Skarbiec dyplomatów...** I—II, Wilno, 1860—1862.

Представляетъ собою указатель того, что автору было извѣстно изъ лѣтописей и документовъ относительно того или другого событія; по годамъ приведены сказанія лѣтописей, хроникъ, грамоты, акты и т. п., иногда цѣликомъ, иногда же въ изложеніи. Для насъ важенъ второй томъ, въ которомъ много грамотъ даже изъ иностранныхъ архивовъ. Къ датамъ нужно относиться съ большою осмотрительностью.

7. **Археографическій Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Россіи**, т.т. I—XI, въ цитатахъ—Виленскій Археограф. Сборникъ.

Изданіе отличается цѣнностью, систематичностью и удачнымъ подборомъ актовъ; недостатки тѣ же, что и въ изданіи Актовъ Зап. Россіи. Актовъ нашего періода не много и разбросаны они въ разныхъ томахъ, соотвѣтственно содержанію.

8. **Акты Виленской Археографической Коммиссіи**, т.т. I—XXI.

Актовъ нашего періода не много; часть ихъ—перепечатка изъ предыдущихъ изданій. Способъ изданія крайне не удобенъ, критической обработки актовъ почти нѣтъ, цѣльности и под-

бора—тоже: акты издаются по архивамъ судовъ бывшаго княжества, почему въ изданіе вошло много актовъ безъ особеннаго научнаго значенія и почему экскурсія въ это изданіе очень затруднительна, тѣмъ болѣе, что и указатели не всегда вѣрны. Впрочемъ, послѣдніе томы изданы довольно хорошо и обстоятельно.

9. **Malinowski i Przezdziecki, Źródła do dziejów Polskich,** t. II, Wilno, 1844.

Изданіе сравнительно хорошее, не смотря на то, что русскіе документы напечатаны польскимъ шрифтомъ. На нашу тему не много, но находящееся оригинально и довольно важно.

10. **Памятники, изданныя Временной Комиссіей при Кіевскомъ Генералъ-Губернаторѣ,** т. IV.

Для насъ важны: помянники Дубенскій и Дерманскій, опись Кременецкаго замка и нѣкоторые небольшіе документы. Текстъ изданъ хорошо; примѣчанія устарѣли.

11. **Архивъ Юго-Западной Россіи,** ч. I, т.т. I и VI.

Нѣсколько цѣнныхъ грамотъ изъ разсматриваемой эпохи.

12. **Собраніе древнихъ грамотъ городовъ Вильны, Ковны, Трокъ...** Вильна, 1843.

Очень хорошее, интересное изданіе съ добросовѣстно напечатаннымъ текстомъ. Хронологія иногда запутана.

13. **Baliński i Lipiński. Starożytna Polska...,** Wyd. II, I—IV t.t., Warsz. 1885—1888.

Цѣнно статистическими данными и немногочисленными грамотами, извлеченными изъ Литовской Метрики и костельныхъ архивовъ.

14. **Любавскій. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе въ Литвѣ до введенія Статута 1529 г.**

Чтенія Моск. Ист. Общ., 1892, III—IV и отд. изданіе. Вторая половина этого труда, основаннаго на первоисточникахъ,

много послужила намъ для провѣрки хронологическихъ датъ и уясненія вопроса о поступательномъ движеніи русскихъ началъ въ коренной Литвѣ.

15. **Boniecki. Poczet rodów w Koronie i W. Ks. Litewskim XVI wieku** Warsz. 1887.

Прекрасное, основанное на первоисточникахъ, справочное изданіе.

16. **Teiner, Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae.** T. I—II, Romae 1860.

Важны грамоты по вѣроисповѣднымъ вопросамъ нашего періода.

17. **Turgenevius. Historica Russiae Monumenta ac Supplementum.** СПБ., 1849.

Данныя о православіи въ Галиціи.

18. **Monumenta confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis,** T. I, p. I, Leopoli, 1895.

19. **Bielowski. Monumenta Poloniae Historica,** I—III, Lwów 1864—1879.

На нашу тему—только третій томъ; изданіе очень хорошее,—кропотливость и старательность научной обработки удивительны.

20. **Московскій Архивъ Министерства Юстиціи.**

Въ немъ находится **Литовская Метрика,** значеніе, которой для разрабатываемаго нами періода такъ велико, что превосходитъ всѣ указываемые первоисточники. Нашъ періодъ представленъ 18-ю «Книгами Записей», восьмью «Судныхъ Дѣлъ», одной «Публичныхъ Дѣлъ» и нѣсколькими частными актами,—всего до 8 тысячъ листовъ. Наиболѣе важны IV—XIV «Книги Записей».—Книги Литовской Метрики приведены въ образцовый порядокъ, рукописи хорошо сохранились, Архивъ имѣетъ хорошо подобранную для научныхъ справокъ библіотеку,—все это много содѣйствуетъ успѣшности и правильности занятій.—Сравнительно многое напечатано, особенно въ Актахъ Зап. Россіи, поэтому мы цитуемъ такія грамоты по изданіямъ.

21. Виленскій Центральный Архивъ.

Немногочисленныя важныя грамоты изъ нашего періода почти всѣ напечатаны. Но мелкія продажныя записи, подробныя судебныя дѣла и т. п. дали намъ возможность ознакомиться съ духомъ времени и тѣмъ удивительнымъ уваженіемъ, какое возбуждала личность К. И. Острожскаго у близкихъ къ нему по времени людей.

22. Архивъ Греко-уніатскихъ митрополитовъ при Св. Синодѣ.

Грамотъ нашего періода очень мало; двѣ принадлежатъ лично К. И. Острожскому.

23. Главный Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Изъ нашего періода въ немъ находится нѣсколько грамотъ, да и тѣ не особенно важны въ исторически-бытовомъ отношеніи.

24. Рукописное Отдѣленіе Импер. Публ. Библіотеки.

Почти все, относящееся къ нашему періоду, напечатано; нѣкоторыя рукописи важны для характеристики дѣятелей пятидесятыхъ годовъ XVI столѣтія.

25. Зельверовичъ Литовская Метрика, т. I, СПБ. 1883 г.

Небольшое, но прекрасное и безупречное, изданіе. Полемическая цѣль автора (о способѣ изданія актовъ Метрики,—съ Пташицкимъ), возвысивъ качественную сторону его труда, сократила до minimum'а количество матерьяла.

26. Такого же характера, но болѣе полное изданіе—**Леонтовичъ, Акты Литовской Метрики,** т. I, вып. I, 1413—1498 г.г., Варшава 1896. Изданіе очень интересное и научное; впрочемъ есть ошибочныя хронологическія указанія (акты 8-й 225, 405) и неправильное возстановленіе сокращеній (въ актѣ № 379—Өедоръ Гричевичъ,—нужно—Өедько Григорьевичъ и др.

27. **Лебединцевъ. Матерьялы для исторіи Кіевской Митрополіи.** Кіевск. Епарх. Вѣд. за 1873 г.

Нѣсколько очень цѣнныхъ актовъ, взятыхъ изъ Литовской Метрики.

28. **Skarga. Prawa i Przywileje, od krolów nadane obywatelom Korony Polskiej i W. X. Litewskiego... greko-unickim.** Wilno, 1632.

Весьма рѣдкое изданіе, заключающее въ себѣ довольно много грамотъ, интересныхъ не по оригинальности, но по тенденціямъ интерпретатора.

29. **Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывш. В. Кн. Литовскомъ.** Вильна, 1867.

Изданіе это важно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какою сплошною массою жило православное населеніе въ Литвѣ; кромѣ того оно важно для провѣрки хронологическихъ датъ.

30. **Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ,** т. I.

Актъ присяжной записи К. И. Острожскаго вел. кн. Василію Ивановичу.

31. **Мухановъ. Сборникъ,** Москва, 1832.

Очень обиленъ по количеству матерьяла, бо́льшая часть котораго издана позже и лучше.

32. **Собраніе древнихъ грамотъ Минской губерніи.** Минскъ, 1848.

Какъ по количеству матерьяла, такъ и по научной цѣнности его, это изданіе ниже однороднаго виленскаго.

33. **Антоновичъ. Грамоты великихъ князей Литовскихъ.** Кіевъ, 1868.

На тему мало: рѣчь идетъ по преимуществу о Малороссіи позднѣйшаго времени.

34. **Krupowicz. Zbiór dyplomatów do dziejów Litwy.** Wilno, 1858.

Польско-русское изданіе Виленской Археографич. Комиссіи— въ польскомъ духѣ. Бѣдность содержанія можетъ быть приписана тенденціи.

35. **Volumina Legum,** т. I, СПБ., 1859.

36. **Добрянскій. Описаніе рукописей Виленской Публ. Библіотеки.** Вильна, 1882.

Изданіе очень хорошее и полезное для общаго представленія объ эпохѣ.

37. **Петровъ. Описаніе рукописей церковно-археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи,** Кіевъ, 1874—1878.

Хорошій справочный указатель для исторіи Кіевскихъ монастырей. Новаго сравнительно мало.

38. **Батюшковъ. Памятники старины въ Западныхъ губерніяхъ** и **Атласъ.** I—VIII. СПБ. 1868—1885.

Очень полезное, иногда не замѣнимое, изданіе. Изъ статей для насъ весьма важна «Исторія Вильны» Васильевскаго; къ сожалѣнію, она безъ ссылокъ и цитатъ, особенно необходимыхъ въ виду заявленія уважаемаго автора о томъ, что онъ писалъ по первоисточникамъ.

39. **Голубевъ. Петръ Могила,** т. I, Кіевъ, 1883. Приложенія: Матеріалы для исторіи Западно-Русской церкви.

40. **Григоровичъ. Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ,** Москва, 1824.

Хотя часть документовъ перепечатана въ позднѣйшихъ изданіяхъ, но «Архивъ» имѣетъ еще свою цѣну для исторіи Могилевской губерніи и православной церкви въ Ригѣ.

ЛѢТОПИСИ.

41. **Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей,** I—XVI.

Данныхъ для нашего труда мало; лѣтописи великорусской редакціи къ К. И. Острожскому относятся очень враждебно.

42. **Лѣтопись Быховца**, напечатанная польскимъ шрифтомъ подъ заглавіемъ: «Pomniki do dziejów Litewskich.» Wilno, 1846. Авторъ-современникъ, хорошо освѣдомленъ относительно событій, почему сказанія этой лѣтописи очень цѣнны. Къ сожалѣнію, она доведена только до сентября 1506 года,—оканчивается подробнымъ описаніемъ побѣды М. Глинскаго подъ Клецкомъ. Хронологія сбивчива и оригинальна.

43. **Супрасльская лѣтопись.** Москва, 1836.
Также современная, но очень краткая. Интересна «похвала» К. И. Острожскому по частному поводу—Оршанской побѣды. Авторъ-волынецъ, лицо духовное, начитанъ въ тогдашней литературѣ, но, при этомъ, что очень цѣнно, наивенъ и простодушенъ.

44. **Лѣтописецъ Архангелогородскій.** Москва, 1781.
Своеобразная редакція сказаній о литовскихъ событіяхъ; много интересныхъ подробностей.

45. **Dlugossii, Historia Polonica.** Lipsiae, 1711.
Полезна для характеристики времени; доведена до 1480 года.

46. **М. Мѣховій. Chronica regni Poloniae**, въ «Corpus Polonicae Historicae», Basiliae, 1582.
Современная; доведена до 1505 г.; говоритъ преимущественно о польскихъ дѣлахъ.

47. **Decius. De Sigismundi regis temporibus**, Krakow, 1521.
Полу-лѣтопись, полу-сказаніе. Цѣнна, какъ свидѣтельство современника-панегириста для современниковъ. Рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о Польшѣ, Вѣнскомъ съѣздѣ 1515 г., придворныхъ торжествахъ и побѣдахъ. Децій излагаетъ все лѣтописно и его сказанія почти буквально излагаются у Стрыйковскаго. Разсказъ доведенъ до 1516-хъ годовъ.

48. **Wapowski. Dzieje królewstwa Polskiego**, во второмъ томѣ, «Scriptores rerum Polonicarum», Kraków, 1874.
Характеръ хроники Мѣховія; доведено до смерти автора, т. е. 1535 года. Хотя онъ былъ современникомъ, но изложилъ все

такъ неисправно, что Сигизмундъ I убѣждалъ Станислава Госія выправить его хронику, «quam is imperfectam atque rudiusculam reliquit». Для той части хроники, которая обнимаетъ нашъ періодъ, этотъ отзывъ нѣсколько строгъ, ибо сказанія Ваповскаго лучше хроники Мѣховія.

49, 50. **M. Cromerus. De origine et rebus gestis Polonorum** и **Polonia, sive de situ, populis, moribus...** Coloniae, 1578.

Первое сочиненіе не такъ важно и доведено до 1505 г. Второе же, очеркъ внутренней жизни, хорошо рисуетъ оффиціальную сторону административной жизни и внѣшнюю, показную, жизнь Польши и Литвы.

51. **Bielski. Kronika wssystkyego swyata.** Изд. II, Kraków, 1554.

Кратка о Литвѣ, но уже гораздо обстоятельнѣе вышеуказанныхъ польскихъ хроникъ; встрѣчаются важныя подробности и оригинальныя указанія.

52. **Sarnicius, Annales...; Orichovius** и **Corncovius** —во II т. Длугоша. Historia Polonica. Lipsiae, 1711.

53. **Górnicki. Dzieje w Koronie Polskiej, Dworzanin Polski** etc. Въ «Zbiór pisarzów polskich», Warsz. 1828—1829. Хорошо обрисована жизнь шляхетскаго сословія.

54. **Stryjkowski. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi.** Warsz., 1846.

Наиболѣе цѣнна для насъ изо всѣхъ польско-литовскихъ лѣтописей какъ по количеству матерьяла, такъ и по симпатіямъ автора къ Литвѣ и православной Руси. Сличеніе этой лѣтописи со сказаніями Деція, Герберштейна и лѣтописью Быховца заставляетъ насъ относиться къ Стрыйковскому съ гораздо бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ это принято. Даже риторическія прикрасы мы цѣнимъ совершенно иначе: намъ важна не ихъ историческая достовѣрность, а то, какъ смотрѣлъ и представлялъ себѣ дѣло хорошо освѣдомленный человѣкъ, отдѣленный отъ изучаемаго нами періода 40—50-ью годами.

55. **Guagninus. Sarmatiae Europeae descriptio,** Spirae, 1581; второе польское, дополненное самимъ авторомъ, изданіе —Kraków, 1611.

Доведено до 1576 г. Очень сходна съ хроникой Стрыйковскаго; интересна описательная часть.

56. **Sciptores rerum Polonicarum,** I—III, Kraków, 1872—1875.

Кромѣ хроники Ваповскаго и варіантовъ Мѣховія, помѣщены отрывки русскихъ, нѣмецкихъ и венгерскихъ лѣтописцевъ.

57. **Софійскій Временникъ,** т. II. Москва 1820.

58, 59. **A. Kojałowicz. Miscellanea rerum, ad statum ecclesiasticum in M. D. Lituaniae pertinentium.** Vilnae, 1650. **Historia Lithuaniae.** Gedani, 1650, II vol. Antverp., 1669.

Хотя это и обработка, но, въ виду лѣтописнаго характера сочиненія и нѣкоторыхъ оригинальныхъ сказаній, оба сочиненія мы относимъ въ отдѣлъ первоисточниковъ. Научная цѣнность ихъ (для нашего періода) сводится къ іезуитскому освѣщенію фактовъ.

60. Такого же характера и «**Stebelski. Żywoty S.S. Eufrozyny i Paraskiewij z genealogią książąt Ostrogskich.** Wilno, 1781—1783; Lwów, 1866—1867; I—III.

61. **Кальнофойскій. Teraturgima lubo cuda...** Kiów, 1635.

Данныя изъ надгробныхъ надписей и памятниковъ Кіево-Печерской Лавры.

62. **Wolff. Kniaziowie Litewsko-Ruscy.** Warszawa 1895.

Очень полный сводъ данныхъ объ исторически извѣстныхъ князьяхъ, преимущественно въ имущественномъ и служебномъ отношеніяхъ. Кн. Острожскимъ удѣлено около 18 страницъ. Пользоваться этимъ трудомъ Вольфа (равно какъ и подобнымъ же—Senatorowie i Dygnitarze wielkiego księstwa Litewskiego, Kraków, 1885), приходится осторожно, ибо, съ одной

стороны авторъ равно пользуется какъ солидными научными изданіями, такъ и трудами Несецкаго, Стебельскаго, Нарбутта, съ другой—пользуясь по преимуществу польскими источниками, часто противорѣчитъ самъ себѣ (напр., ср. стр. 128 и 217 о кн. Лукомскомъ и Головчинскомъ, 237 и 242 о воеводствѣ Минскомъ и др.). Во всякомъ случаѣ этотъ трудъ весьма важенъ при изысканіяхъ въ области литовской исторіи, благодаря, главнымъ образомъ, весьма частымъ заимствованіямъ изъ рукописей Литовской Метрики.

СКАЗАНІЯ.

63. Герберштейнъ. Записки о Московіи. СПБ. 1866.

Цѣнность сочиненія извѣстна; для Литвы сравнительно мало данныхъ.

64. Библіотека иностраныхъ писателей о Россіи, т. I. СПБ. 1836.

Рѣдкія замѣтки о Литвѣ полны глубокаго интереса.

65. Жильбертъ де-Ляну. Извлеченія изъ него—см. Вѣстникъ Зап. Россіи, 1867, VII.

Хотя путешествіе Ляну относится къ первой пол. XV в., тѣмъ не менѣе очерки его важны для представленія о внутреннемъ состояніи Литвы. Полнымъ текстомъ сочиненія мы не могли воспользоваться по крайней рѣдкости. (Отд. изданіе было отпечатано въ кол. 100 экз.; польскій переводъ—Biblio-theka Warszawska, 1840.).

66. Сказанія кн. Курбскаго. Изд. II, СПБ. 1842.

Помимо перечисленныхъ первоисточниковъ мы пользовались многими другими, преимущественно для болѣе близкаго ознакомленія съ эпохой. Таковы: Русск. Истор. Библіотека, т.т. IV, VII и XIII, Latopisiec Litwy, Daniłowicz'a, Акты Археогр. Экспедиціи, т. I, Россійская Вивлиѳика, Новикова, т.т. V и XIV и нѣк. др.

Пособія.

Макарій, Исторія Русской Церкви, т. IX. СПБ. 1879.

Соловьевъ. Исторія Россіи, т. V. Изд. I. Москва 1855.

Pelesz. Geschichte der Union der ruthenischer Kirche mit Rom, I—II, Wien, 1878—1880.

Szujski, Historyi polskiej... Ksiąg dwanaście, Warsz. 1889.

Карамзинъ. Исторія Госуд. Россійскаго, V—VII. Изд. II. СПБ. 1819.

Jaroszewicz. Obraz Litwy, I—III, Wilno, 1845.

Narbutt. Dzieje starożytne narodu Litewskiego, VIII—IX, Wilno, 1841.

Евгеній. Описаніе Кіево-Софійскаго собора.

Kraszewski. Wilno od początków jego... I—IV, Wilno, 1840 - 1842.

Иловайскій. Исторія Россіи, т. III, Москва, 1890.

Карповъ. Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ. Москва, 1867.

Статьи и замѣтки въ «Вѣстн. Зап. Россіи», «Кіевской Старинѣ, «Волынскихъ Епарх. и Губернскихъ Вѣдомостяхъ», «Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ», «Холмскомъ Епарх. Вѣстникѣ». «Трудахъ Кіевской Дух. Академіи» и т. д.

Сочиненія: Dubowicz—Hierarchia... Lwów 1644; Paprocki-Herby rycerstwa Polskiego; Kulczynski—Specimen Ecclesiae Ruihenicae et Applendix, Romae, 1733—34; Albertrandi—Panowanie Kazimerza, Iana Alberta i Alexandra Jagełłończika, 2 tt, Warsz. 1826—1827; Зубрицкій—Лѣтопись Львовскаго братства и, особенно, Галицкая Русь въ XVI ст.,—Чт. Моск. Общ. Ист. и Древ. Р., 1862, III; Fabicz, Wiadomość o legatach i nuncyuszach apostolskich, Ostrów, 1866; Przyałgowski,—Żywoty biskupów Wileńskich, 2 tt., S.-Petersb., 1860; √Толстой—Римскій католицизмъ въ Россіи, 2 тома; статьи проф. Петрова въ Волынскихъ и Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ; Дашкевичъ, Борьба культуръ и народностей въ Литовско-Русскомъ государствѣ, Кіевск. Унив. Изв. 1884, X—XII,—и многія другія сочиненія и статьи, имѣющія отношеніе къ разрабатываемой нами эпохѣ.

Глава I, вступительная.

Литовско-русское княжество до и при Казимірѣ. Русское населеніе, его политическая и религіозная жизнь. Усиленіе латино-польскаго вліянія и вопросъ о религіозной уніи. Средства защиты православія и протесты противъ латино-польскаго направленія политики великихъ князей.

Громадная равнина, ограниченная системами Западной Двины, Днѣпра, Днѣстра, Нѣмана, Западнаго Буга и берегами Балтійскаго и Чернаго морей, задолго до нашего времени, составляла одно Литовско-русское государство. Счастливое оружіе Гедимина, Ольгерда и Витовта, ихъ политическая мудрость и тактъ, изъ небольшаго литовскаго племени создали могущественное, грозное для сосѣдей, великое княжество. Но это новое государство было могущественнымъ только въ рукахъ названныхъ геніальныхъ людей и, при томъ, только въ то время, когда разрозненная и обезсиленная татарскими нашествіями Русь еще не собралась въ одно цѣлое, была занята вопросами самосохраненія, а не самособиранія.

Причиною неустойчивости политическаго могущества Литвы было количественное и, такъ сказать качественное отношеніе побѣдителей къ побѣжденнымъ. Это числовое отношеніе кореннаго литовскаго населенія къ русскому выражалось—1:10, въ крайнемъ случаѣ, 1:6 [1]). По-

[1]) Такъ какъ числовыхъ данныхъ о населенности Литовскаго княжества не сохранилось, приходится отыскивать ихъ посредственнымъ путемъ, именно: мы считаемъ пространство Литовскаго государства при Витовтѣ равнымъ 714.000 кв. верстъ; изъ нихъ на долю всей Жмуди и Литвы-Аукстоте (занимавшей часть губерній: Сувалкской, Виленской и Гродненской) приходится до 69.300 кв. в. При томъ же, если Волынь и Кіевская область были сравнительно опустошены (—обезлюдѣли послѣ 1482 г.), то и Жмудь сильно была опустошена набѣгами Ордена, такъ что мы полагаемъ приблизительно равномѣрное распредѣленіе населенія на всему пространству Литовскаго княжества, а это и даетъ указанное въ текстѣ пропорціональное отношеніе.

мимо подавляющаго численнаго превосходства русскаго населенія, оно было гораздо культурнѣе населенія литовскаго, почему и дѣлало среди него быстрые успѣхи въ распространеніи своего языка, письменности, нравовъ и религіи [2]). Это обрусѣніе Литвы шло незамѣтно, но вѣрно, и сопровождалось полнымъ согласіемъ народностей,—вплоть до Ягайловской уніи съ Польшей. Этою уніей былъ нанесенъ рѣшительный ударъ литовско-русскому согласію, и силѣ государства, рѣшительный не въ смыслѣ внезапнаго переворота—такъ какъ поступательное движеніе русскихъ началъ шло впередъ еще около 150-ти лѣтъ,—но въ смыслѣ перемѣны правительственной программы, въ томъ, что въ основу жизни Литовскаго государства были положены два принципа,—католицизмъ и унія съ Польшей, тождественные съ полнымъ подчиненіемъ культурѣ запада, противорѣчившіе принципамъ, создавшимъ могущество Литовскаго княжества и прямо отрицавшіе культурную миссію Руси, которая до этого справедливо считала только вопросомъ времени превращеніе Литовско-Русскаго, одновременно языческаго и православ-

---

О населенности Литвы и литовской Руси см. свидѣтельства: Барбаро, ок. 1479 г. (о пустынности около Трокъ и о сравнительной населенности у Слонима)—Библ. ин. пис. о Россіи, I, 62; Контарини 1474 г., путь чрезъ Малороссію—Ibid, 20—24; Жильберта де Ляну а—Вѣстн. Зап. Р. 1867, VII, 39—42; Кампенезе, о Кіевѣ въ 1534 г.—Библ. ин. пис. о Рос. I, 19. Цыфру язычниковъ, 5,635.500, обращенныхъ въ христіанство Ягайлою и Витовтомъ, которую, со словъ Петра, еп. Камаратинскаго, приводятъ Нарбуттъ (I, 392) и Ярошевичъ (I, 96), мы считаемъ фикціей, такъ какъ она не соотвѣтствуетъ даже современному числу жмудиновъ, литовцевъ и латышей (—1.376.450 чел. въ 1864 г.—Батюшковъ. Статист. карта Зап.-Русскаго края, СПБ. 1864), предполагаетъ густоту населенія, въ три раза превосходящую современную, и едвали ли приложима ко всѣмъ литовскимъ племенамъ того времени, какъ свободнымъ, такъ и подвластнымъ Ордену.

[2]) Какъ извѣстно, литовская письменность, остатки которой, если она и была, указываетъ Нарбуттъ (т. I, таблицы), не привилась и была замѣнена русскою, которая удерживалась даже въ Упитѣ до начала XVII в., а въ другихъ мѣстахъ до второй пол. XVII в. Въ 1576 г. шляхта Браславскаго повѣта, просила Стефана Баторія присылать ей указы на русскомъ языкѣ, такъ какъ польскій ей не понятенъ. Акты З. Р. III, 187. См. Jaroszewicz. Obraz Litwy, I 173—175 и II, 2—7.

наго, княжества въ сплошное православное русское государство; а теперь сама была осуждена на гражданскую и религіозную смерть.

Вслѣдъ за Ягайлою латино-польскую культуру усваиваютъ, конечно, въ первичныхъ формахъ, преимущественно коренные литовцы правящаго класса [3]), такъ что сразу же обнаруживаются первые признаки раздѣленія, ясно сознается различіе національностей и Литовское княжество рѣзко распадается на три части: Литву и Жмудь, Бѣлоруссію и Волынь со всѣмъ югомъ. Первая часть, языческая Жмудь и Литва, дѣлается все болѣе и болѣе католическою (по крайней мѣрѣ въ лицѣ высшаго и средняго сословій) и вмѣстѣ съ католичествомъ усваиваетъ полонизмъ; простой народъ, съ большими трудностями, обращается въ католичество и сохраняетъ свои національныя особенности; впрочемъ, главные правящіе жмудско-литовскіе роды почти вымираютъ; ихъ мѣсто занимаютъ литовско-русскіе окатоличенные и православные роды, получающіе все больше и больше силы со времени Витовта [4]). Собственая Литва (Аукстоте) совершенно обезличивается, сливаясь или съ бѣлоруссами и жмудью (простой народъ), или же превращаясь въ полякующихъ католиковъ (высшій слой).—Бѣлоруссія, составляя главную и существенную силу Литвы, долго и упорно выдерживаетъ напоръ латинства, чему содѣйствовали: сосѣдство съ Москвою, природа страны, характеръ населенія и древне-княжескія традиціи. Хуже было положеніе Волыни: съ двухъ сторонъ (чрезъ Галицію и Подолье) на нее дѣйствовала Польша, внутреннія смуты (Свидригайло) и набѣги Татаръ обез-

---

[3]) См. фамиліи въ привиллеѣ 1401 г. (Vol. Leg. I, 27, по С.-Петерб. изд. 1859 г.), гдѣ упомянуто 22 литовск. и едва 6 болѣе или менѣе русскихъ фамилій;—имена подъ городельскимъ актомъ (Ibid. I, 29—32), гдѣ на 51 литовскую фамилію приходится едва три, звучащія порусски.

[4]) Къ концу XV в. какъ-то исчезаютъ роды Довгердовъ, Ромбовдовъ, Кезгайловъ, Гедиголдовъ, Мингайловъ, Сунигайловъ, а къ концу XVII в. большей части литовскихъ родовъ пѣтъ на исторической сценѣ (Монгерды, Монивиды, Монтовты, Лелюши-Костевичи, Остики, Судимонтовичи, Довойны и др.); остаются: Радивилы, Сапѣги, Войны, Тальвойши (—уже мелкая шляхта). Изъ окатоличенныхъ родовъ выступаютъ: Кишки, Заберезинскіе, кн. Гольшанскіе, кн. Свирскіе—изъ русской національности, Лелюши-Монтивиды, Сапѣги—изъ литовской. Съ православными правящими родами мы встрѣтимся ниже.

силили ея народонаселеніе; благодаря этому латинизація Волыни идетъ сравнительно быстрыми шагами [5]).

Хотя эти характерныя особенности трехъ названныхъ частей Литовско-русскаго государства и не получили дальнѣйшаго развитія, но онѣ надолго задержали общій прогрессъ латинства въ Литвѣ и заставили радѣтелей Рима прибѣгнуть къ сдѣлкамъ и уступкамъ, т. е. изобрѣсти унію. Такому положенію дѣлъ содѣйствовало то обстоятельство, что политическая унія 1386 года, какъ извѣстно, долгое время была пустымъ звукомъ и не приносила реальныхъ результатовъ, кромѣ междуусобій и обѣднѣнія государства [6]). Причиною этого былъ самый составъ Литовско-русскаго княжества, его религіозный и политическій строй: языческая Жмудь нисколько не желала латинства, Русь же была прямо враждебна ему. Великіе князья, имѣвшіе твердую опору только въ собственной Литвѣ, гдѣ были сравнительно полновластными хозяевами, насаждали латинство среди потоковъ жмудской крови. Воздѣйствовать на Русь имъ было еще труднѣе: причина заключалась въ строѣ литовской Руси, который въ это время представлялся въ слѣдующемъ видѣ.

Во главѣ русскаго населенія стоялъ рядъ князей, почти на ленныхъ правахъ управлявшихъ своими округами, любимыхъ народомъ, который чувствовалъ, что они—одно съ нимъ по плоти и духу [7]). Сла-

---

[5]) Латинская епископія, учрежденная Григоріемъ IX во Владимірѣ (1375 г.) была номинальною, пока городъ находился во власти Любарта Гедиминовича. Но уже въ 1393 г. въ Луцкѣ былъ основанъ доминиканскій монастырь, куда, въ 1427 г., была перенесена и епископская каѳедра изъ Владиміра (Ватюшковъ, Волынь, 65—66). Для Подолья была учреждена Каменецкая каѳедра, а для Поднѣпровья—Кіевская въ 1433 г.

[6]) Впослѣдствіи уже, когда объ уніи 1386 года серьезно вспомнили, крупныхъ православныхъ фамилій, которыя могли бы сгруппировать простой православный народъ, осталось такъ мало, что о рѣзкомъ протестѣ нечего было и думать. Но на первыхъ порахъ Ягайловская унія и не могла быть ничѣмъ, кромѣ пустой формальности.

[7]) Важнѣйшіе князья: Кіевскіе и вмѣстѣ Слуцко-Копыльскіе, Пинскіе, Кобринскіе и цѣлый рядъ пограничныхъ съ Москвою: Бѣлевскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Мезецкіе и др. Послѣдній Кіевскій князь, Семенъ Александровичъ, умеръ въ 1471 г.; сыну его Василію дано было Пинское княжество, перешедшее послѣ, по мужу сестры Василія, Александры, къ кн. Ярослав-

бые сами по себѣ, князья были сильны своимъ положеніемъ среди народа, своими боярами и слугами. Послѣднихъ нисколько не могла привлечь новая идея шляхетства, такъ какъ они всегда, съ глубокой древности, пользовались привиллегированнымъ положеніемъ. Съ этими мелкими князьями литовскому правительству приходилось серьезно считаться и часто поступаться своими планами и намѣреніями, особенно въ виду частыхъ военныхъ предпріятій. Даже обѣднѣніе этихъ князей приносило мало пользы центральной власти, потому что и въ этомъ случаѣ князья сохраняли право патронатства, право надѣла и т. д., пользуясь въ тоже время всѣми привиллегіями создаваемаго шляхетскаго сословія и даже больше—само правительство, бывшее въ сущности антишляхетскимъ, принуждено было причислить ихъ къ разряду «dignitarii»—сановниковъ и пановъ. Помимо этого князья предводительствовали войскомъ, занимали высшія должности («уряды») въ государствѣ (кромѣ воеводства виленскаго и троцкаго и канцлерства) входили въ составъ рады, высшаго учрежденія, составляли, въ молодыхъ годахъ, придворный штатъ великаго князя, отправляли посольства и т. д.

Кромѣ князей къ высшему сословію причислялись паны, богатые помѣстьями и извѣстные по заслугамъ. Они de facto пользовались всѣми привиллегіями латинской шляхты, но въ народѣ вліяніе ихъ было менѣе значительно; паны составляли крупную величину для правительства по преимуществу, такъ какъ они составляли главный контингентъ литовскаго правящаго класса. Таковы, напр., Олизаровичи, Сѣмашки, Стеткевичи, Ходкевичи, Иллиничи, Сологубы, Солтаны, Сапѣги, Хребтовичи, Боговитиновичи.

Слѣдующую ступень составляли бояре, служилое сословіе князей, первоначально замѣнявшее шляхту, но современемъ образовавшее или

скимъ. Князья Кобринскіе пресѣклись ок. 1490-хъ г.г., Пинскіе—1520-хъ, Мстиславльскіе—ок. 1525, Слуцкіе—ок. 1600 г.г. Эти князья пользовались особою близостью къ вел. князю, такъ что даже обычныя подтвердительныя грамоты начинались не «Билъ намъ чоломъ», а гораздо мягче, напр. «Князю Ѳедору Ивановичу Ярославича. Повѣдаемъ твоей милости, ижъ зъ ласки Божое посполъ съ королевою нашою ее милостью на тотъ часъ есмо въ добромъ здоровьи...» Изъ подтверд. грамоты на владѣніе Пинскомъ, 1517 г., Лит. Метр., Кн. Зап., XI, 8—9.

привиллегированное сословіе «земянъ», впослѣдствіи отожественныхъ со шляхтою, или же полупривиллегированное сословіе бояръ панцырныхъ и путныхъ [8]), Земяне, составлявшіе главный контингентъ войска, отличались замѣчательною приверженностью къ вѣрѣ и старымъ традиціямъ, почему и сохраняли дольше князей и пановъ православіе и остатки русской культуры.

Что касается низшаго слоя,—ремесленниковъ, «вольныхъ», «похожихъ», тяглыхъ, челяди,—то, оставаясь безусловно вѣрнымъ своей народности и религіи не смотря на крайнее недовольство полонизмомъ съ его шляхетствомъ и крѣпостничествомъ, онъ долго, до половины и даже до конца XVI в., не принималъ активнаго участія въ борьбѣ противъ латино-польскаго прогресса; по крайней мѣрѣ, данныхъ объ этомъ мы не имѣемъ, кромѣ упоминанія о возмущеніи Мухи на Подольѣ въ 1492 году [9]).

Помимо сословнаго могущества, Русь была сильна сознаніемъ областнаго единства: Смольняне, Полочане, Витебляне, Кіевляне, Волыняне жили на особыхъ правахъ, управлялись особыми законами и обычаями всегда помнили свои традиціи, свое единство, ясно и опредѣленно заявляли это въ своихъ просьбахъ къ великимъ князьямъ о подтвержденіи своихъ правъ и преимуществъ. Отдѣльныя русскія области объединялись или главнымъ городомъ (Витебскъ), или епископомъ и боярами (Полоцкъ, Смоленскъ), или наконецъ, епископомъ и главнымъ должностнымъ лицомъ области (Волынь, Кіевъ).

Сословія и областное единство—прямое слѣдствіе образованія Литовско-русскаго государства, [10]) объединялись еще двумя началами—единствомъ языка [11]) и религіи.

---

[8]) Obraz Litwy, I, 118—119; ср. II, 159—163.

[9]) «...въ это время нѣкто Муха, крестьянинъ по происхожденію (chłopskiego rodu), собравъ 10 тысячъ... грабилъ Русь и Подолію». Stryjkowski. Kronika, II, 291.

[10]) Какъ извѣстно, собиратели Литовскаго государства, Гедиминъ, Ольгердъ и Витовтъ, не всегда дѣйствовали оружіемъ, почему, присоединяя русскія земли *по областямъ*, оставляли въ нихъ всѣ старые порядки и сословія, кромѣ автономіи. Послѣ Ягайлы сословія уже подгонялись подъ польскія мѣрки и постепенно дѣлались кастами.

[11]) Единство языка—фактъ оспариваемый, говорятъ, что уже въ лѣтописяхъ ранняго періода встрѣчаются особенности говоровъ. Не отвергая

Понимая все это, дѣятели Ягайловской уніи фактически признали весь строй Руси законнымъ. Послѣдующія ограниченія некатоликовъ—1400 и 1413 г.г. мало проводились въ жизнь изъ боязни серьезныхъ возмущеній, такъ что вплоть до 1560-хъ годовъ мы не видимъ дѣйствительныхъ притѣсненій православныхъ съ точки зрѣнія ихъ политической и гражданской свободы.

Если бы дѣло ограничивалось только ею, понятно, положеніе русскихъ не заставляло бы желать особенно многаго. Но краски нѣсколько видоизмѣняются, когда зайдетъ рѣчь о религіозной полноправности,—краеугольномъ камнѣ всѣхъ уній Литвы и Польши.

Религіозное дѣленіе Литовскаго княжества было еще болѣе страннымъ, чѣмъ дѣленіе національное. Безусловное большинство населенія было православнымъ; [12]) кромѣ всѣхъ русскихъ, многіе жмудскіе и особенно литовскіе роды были православными (Сапѣги, Война, Довойны, Воловичи, Остики и др., не говоря о мелкомъ служиломъ сословіи). Литва и Жмудь, языческія до Ягайлы, таковыми же оставались долго послѣ него, принявъ католичество только номинально и, притомъ, цѣною потоковъ своей крови. Даже въ половинѣ XVI вѣка жмудины еще имѣли священные дубы, предъ которыми приносились жертвы, почитали различныхъ боговъ, носили амулеты [13]) и далеко не всѣ были крещены, при томъ не въ глуши, а почти въ центрѣ государственной жизни Литвы —въ мѣстечкѣ Скидлѣ, неподалеку отъ Гродны [14]).

того, что начало отдѣльныхъ нарѣчій, въ филологически-микроскопическихъ отличіяхъ, дѣйствительно относится къ сравнительно раннему времени, мы сильно сомнѣваемся, чтобы литературный, такъ сказать, языкъ Волыни и Бѣлоруссіи XV—XVI в. рѣзко различался другъ отъ друга. Вчитываясь въ грамоты Витовта, Свидригайлы, Казиміра и Сигизмунда I, въ частныя записи смолянина и волынца (Arch Sang., I и III т.т., Акты З. Р. I и II и Лит. Метрика), мы не находимъ даже сравнительнаго различія въ языкѣ: всѣ пишутъ одинаково. Первыя отличія мы встрѣчаемъ только со второй пол. XVI в., а между тѣмъ языкъ грамотъ не церковно-славянскій, а самостоятельный—западно-русскій.

[12]) Рѣчь Ласкаго на Латеранскомъ соборѣ 1514 года—Turgenevius, Hist. Russ. Mon., I, 124.

[13]) Jaroszewicz, Obraz Litwy, III, 215, прим. 86.

[14]) Открытая Нарбуттомъ надпись—Tygodnik Wileński, 1817, IV, 62 и Jaroszewicz, Obr. L., I, 29.

Понятно, что для католическаго исповѣданія оставалось очень не много. Дѣйствительно, такъ и было, но за то слабые численностью, католики сильны были покровительствомъ великихъ князей, мѣстами въ радѣ и поддержкою Польши [15]). Мѣховій даетъ такое описаніе религіознаго состава Литвы: «...въ Россіи (чит.—Литовской Руси) много сектъ: есть между ними религія христіанская, подчиненная Римскому первосвященнику; она правитъ и преимуществуетъ, хотя числомъ и не велика. Другая бóльшая секта Русскихъ, населяющая всю Россію держится Греческаго обряда». Упомянувъ объ овреяхъ, каменецкихъ и львовскихъ армянахъ, о послѣднихъ замѣчаетъ, что они «русскіе по обычаямъ, въ церковныхъ службахъ слѣдуютъ грекамъ, но имѣютъ собственныя письмена [16]).»

Борьба съ католичествомъ для православныхъ была сравнительно не трудна, когда великій князь не проявлялъ себя фанатикомъ. При Витовтѣ, который опирался преимущественно на русскій элементъ, мы не замѣчаемъ никакихъ притѣсненій православныхъ. Занятый обращеніемъ въ католичество Жмуди, онъ направлялъ туда всѣ силы латинскаго духовенства, которое, въ свою очередь, находясь въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь въ Жмуди, не имѣло охоты раздражать Русь пропагандой латинства. Сомнительно, чтобы корректный Витовтъ получалъ возбужденіе отъ Ягайлы, послѣдняя жена котораго Софія, происходила изъ православнаго рода кн. Друцкихъ [17]) и, сама измѣнивъ православію, едва-ли относилась къ нему враждебно,—Іеремія Вишневецкій могъ выработаться только спустя два столѣтія.

Положеніе православно-русскихъ рѣзко измѣняется при преемникѣ Витовта, Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ, яромъ католикѣ и послушномъ сынѣ латинскаго духовенства. Стремленіе Свидригайлы достигнуть, подобно

---

[15]) Какъ извѣстно, всѣ лучшія силы литовскаго католическаго духовенства сначала были поляками по происхожденію, а потомъ—поляками по духу, благодаря воспитанію въ Краковскомъ университетѣ, гдѣ было спеціальное отдѣленіе для литовцевъ. Не говоримъ о нравственной поддержкѣ литовскихъ католиковъ со стороны поляковъ (Янъ Ласскій).

[16]) Chronica regni Poloniae, Corpus Pol hist., pag 142:«Rutheni habitu, et Ecclesiasticis officiis Graecos insequuntur, habentque proprias litteras».

[17]) Она была дочерью Кіевскаго князя Андрея и приблизила къ Ягайлѣ многочисленную православную родню—Stryjk., Kronika, II, 159, 261.

Витовту, великокняжескаго престола при содѣйствіи русскаго населенія, окончилось неудачею: за время Витовта латинство значительно усилилось, да и небезупречный Свидригайло не могъ пользоваться беззавѣтными симпатіями русскихъ. Между тѣмъ, очевидно, польское католичество приходилось далеко не по душѣ самимъ литвинамъ-католикамъ: на сторонѣ Свидригайлы мы видимъ Яна Монивида, воеводу троцкаго, Рамбовда, маршалка великаго княжества и, позднѣе, воеводу же троцкаго Лелюша [18]). Эти лица не были, понятно, заинтересованы въ полученіи высшихъ должностей... Дѣло Свидригайлы замѣчательно характерно рисуетъ отношеніе русскихъ къ Сигизмунду: послѣ жестокихъ пораженій при Ошмянѣ и Вилкомірѣ, Свидригайло еще можетъ удерживать подъ собою Смоленскъ, Волынь, Кіевъ и набирать новыя силы для новой борьбы. Ѳеодоръ Острожскій, посаженный въ тюрьму Свидригайлою, освободясь изъ нея бѣгствомъ, вновь дѣлается ближайшимъ сотрудникомъ неблагодарнаго князя, наноситъ пораженія Полякамъ, очищаетъ отъ нихъ Подолье и Волынь, нисколько не смущаясь такою выходкой Свидригайлы, какъ сожженіе имъ митрополита Герасима.

Лихорадочная дѣятельность приверженцевъ Свидригайлы, ихъ готовность постоянно жертвовать за него всѣмъ и оканчивать свою жизнь, какъ Ѳеодоръ Острожскій, въ иночествѣ, показываетъ, что тогда шла рѣчь не о томъ, кто займетъ великокняжескій престолъ, а чье вліяніе будетъ господствующимъ, дѣло шло о будущности русскаго народа, русской вѣры, греко-русской культуры. Противники Сигизмунда Кейстутьевича сражались не за сомнительную личность Свидригайлы, а за его идею, идею православной Литвы и господства русскихъ началъ жизни. Они знали, что дѣло Свидригайлы—ихъ кровное дѣло и, наоборотъ, дѣло Сигизмунда—латино-польское, чуждое ихъ нравамъ, законамъ, традиціямъ; вотъ почему наряду съ русскими князьями мы видимъ, какъ это ни странно на первый взглядъ, высшихъ вельможъ изъ коренныхъ литовцевъ, говорившихъ и писавшихъ порусски, жившихъ по русскому обычаю, опредѣлявшихъ свою дѣятельность по русскому праву.

Мы останавливаемся на дѣлѣ Свидригайлы потому, что роль его

---

[18]) Первые два казнены въ 1432 г., послѣ несчастной для Свидригайлы битвы при Ошмянѣ. Третій, вѣроятно за участіе въ заговорѣ, въ 1440 г., лишенъ троцкаго воеводства.—Stryjkowski, II, 188 и 207.

въ Литвѣ была весьма значительна: смерть его поставила крестъ на всѣхъ надеждахъ литовскихъ русскихъ, ихъ религіозно-культурномъ поступательномъ движеніи и открыла широкій просторъ пропагандѣ латинства. Со смерти Свидригайлы начался вѣрный и быстрый прогрессъ латинства, который неудержимо велъ къ церковной уніи, благо при Свидригайлѣ уже была выработана эта формула межеумства и тѣ, которые приняли бы ее, по постановленію Владислава Варнскаго, уравнивались въ правахъ съ латинянами.

Дѣйствительно, едва Свидригайло потерялъ силу, какъ Сигизмундъ, ознаменовывавшій свои побѣды постройкою костеловъ [19]), прямо и рѣшительно началъ дѣйствовать противъ православныхъ западноруссовъ. Но послѣдніе оказались слишкомъ сильными для того, чтобы можно было игнорировать ихъ законные интересы,—и Сигизмундъ Кейстутьевичъ поплатился за свою ревность къ латинству жизнью, какъ жертва заговора кн. Чарторыйскихъ [20]).

Таковъ, въ краткихъ чертахъ, историческій ходъ жизни русской національности въ Литовскомъ княжествѣ до Казиміра. Мы видимъ, что латинствующая политика правительства еще не успѣла вполнѣ развиться и проявилась только дважды, при Ягайлѣ и Сигизмундѣ, показавъ, чего ждать отъ нея русскому населенію. Со времени Казиміра литовскій престолъ занимаютъ Ягеллоны, рожденные и воспитанные въ латинствѣ, притомъ или въ самой Польшѣ, или подъ сильнымъ польскимъ воздѣйствіемъ. Нашъ періодъ обнимаетъ троихъ Ягеллоновъ: Казиміра, Александра и Сигизмунда I.

---

[19]) Ошмянскій и Вилкомірскій—въ память побѣдъ подъ названными городами.—Stryjkowski, II, 188.

[20]) Это событіе, равно какъ и предшествующую борьбу противъ Сигизмунда, лѣтописцы объясняютъ жестокостью послѣдняго. Мы съ этимъ не согласны. Князь того времени даже и не могъ быть жестокимъ по отношенію къ знати изъ княжеской среды. Да и при чемъ здѣсь волынецъ, кн. Чарторыйскій? Сомнительно также, чтобы тысячи волынянъ, никогда и не видавшихъ Сигизмунда, шли противъ него только изъ-за жестокости заключившагося въ Трокахъ князя. Вспомнимъ Іоанна Грознаго, Ягайлу и Витовта... Думаемъ, что указаніе лѣтописцевъ на жестокость—обычный пріемъ рѣшать темные вопросы, тѣмъ болѣе, что фактовъ жестокости лѣтописцы не указываютъ, скорѣе—наоборотъ.

Первый изъ нихъ, Казиміръ, не смотря на польско-латинскій складъ своего характера и воззрѣній, не былъ, въ сущности, рьянымъ дѣятелемъ противъ православія и русскихъ, но въ его продолжительное царствованіе латинство широко разлилось по Литвѣ благодаря цѣлому ряду энергичныхъ латинопольскихъ дѣятелей, сильному ослабленію великокняжескаго вліянія на дѣла Литвы, постоянной борьбѣ Казиміра съ польскими магнатами, отвлекавшей его отъ литовскихъ дѣлъ, которыми заправляла католическая, по преимуществу, рада во главѣ съ латинскими бискупами.

Казиміръ вступилъ на литовскій престолъ непосредственно по убіеніи Сигизмунда и на первыхъ порахъ долженъ былъ обезопасить себя отъ приверженцевъ Свидригайлы; за ихъ агитацію Казиміръ не казнилъ, а только лишилъ должностей и имущества [21]). Такая, сравнительно милостивая, расправа, не говоря о печальномъ опытѣ предшественника, вытекала изъ самого характера новаго князя. Это былъ спокойный, миролюбивый и справедливый государь, который трезво смотрѣлъ на вещи, стремился къ усиленію своей власти, почему болѣе симпатизировалъ Литвѣ, чѣмъ Польшѣ, да и въ Литвѣ благосклонно относился къ русскимъ, уважалъ и не нарушалъ ихъ правъ и обычаевъ [22]). Весьма возможно, что такой характеръ Казиміра и его политика въ первые сорокъ лѣтъ царствованія выработались и много зависѣли отъ положенія дѣлъ въ Польшѣ и на югѣ Литвы.

Въ Польшѣ шла почти непрерывная борьба внутренняя—съ магнатами, во главѣ которыхъ стоялъ умный и энергичный Збигнѣвъ Олесницкій, и внѣшняя—двадцатилѣтняя борьба съ Орденомъ, съ Венграми и Чехами по фамильнымъ династическимъ счетамъ. Эти дѣла значительно отвлекали Казиміра отъ Литвы вообще и отъ запросовъ ея внутренней жизни—въ частности, тѣмъ болѣе, что политическое положеніе

---

[21]) Stryjk. II, 202.

[22]) Szujski, Historyi polskiej... ksiąg dwanaście, 147; сравни причину отъѣзда къ Москвѣ князей по письму кн. С. Воротынскаго. Сборн. Импер. Р. Ист. Общ. XXXV, 84—85 и грамоту Витебску—Акты З. Р. I, 351—353; Jaroszewicz, Obr. L., II, 33—34. Да и вообще Казиміръ не былъ враждебенъ православію, какъ его юродивый сынъ. Особеннымъ любимцемъ Казиміра былъ православный князь—Александръ Сангушко, сильно обогащенный королемъ во вторую половину царствованія—Arch Sang. III, 14—22.

княжества требовало отъ Казиміра много заботъ и хлопотъ объ увеличеніи войска и денежныхъ средствъ, [23]) такъ что вопросы внутренней жизни отходили на второй планъ. Главною причиною такого положенія дѣлъ были татары. Этотъ новый факторъ оказалъ такое вліяніе на православно-русскій вопросъ, что намъ необходимо остановиться на немъ подробнѣе.

Отдѣленіе и обособленіе крымской орды, образованіе самостоятельнаго ханства (1460—1470-ые г.г.) имѣло для всей Руси громадное значеніе. Кочевники, воины поголовно, дурные земледѣльцы и скотоводы, татары сдѣлались бичемъ для сосѣднихъ земель. Ихъ набѣги на Литву, Польшу и Венгрію происходили почти непрерывно. Татаръ привлекала и легкость добычи, и большая оплата рабовъ при продажѣ на восточные рынки и почти полная безнаказанность набѣговъ. Особенно сильно страдали Галиція, Подолье и Поднѣпровье—ближайшія къ Перекопу земли,—такъ что почти вся тяжесть татарскихъ набѣговъ ложилась на русское населеніе. По счету Зубрицкаго, [24]) въ царствованіе Казиміра татары сдѣлали 13 набѣговъ на Галицію—все безнаказанно, а за періодъ 133 лѣтъ—29. Но это число должно быть увеличино, такъ какъ въ лѣтописи вносились болѣе крупные набѣги, лишавшіе государство многихъ тысячъ народа. Набѣги эти, кромѣ грабежа и захвата въ плѣнъ. сопровождались избіеніемъ слабыхъ и старыхъ, и сожженіемъ всякаго жилья, опустошеніемъ полей, словомъ—полнымъ превращеніемъ въ пустыню тѣхъ мѣстъ, которыя лежали по пути татарскаго «загона». Бѣдствіе увеличивалось отъ самого способа набѣга: татары разбивались на небольшіе отряды и охватывали значительный районъ, нанося государству и жителямъ неисчислимый вредъ.

Казиміръ не имѣлъ достаточно силъ, чтобы препятствовать этимъ опустошеніямъ. Защита падала на пограничныхъ воеводъ и старостъ, но тѣ не имѣли регулярнаго войска и ограничивались, насколько поз-

---

[23]) Съ цѣлью добыть по больше денегъ Казиміръ отдалъ сборъ мыта евреямъ, даже въ Смоленскѣ и Вязьмѣ. Нечестность и недобросовѣстность этихъ сборщиковъ вызывала постоянныя недоразумѣяія съ Москвою,—особенно страдали московскіе купцы, торговавшіе съ Крымомъ, Вильною и Зап. Европой—Р. И. И. Общ., XXXV, 15—29—33 и др.

[24]) Галицкая Русь въ XVI ст.—Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс., 1862, III, 1—80.

воляла возможность, защитою городовъ и замковъ. Русское населеніе тысячами избивалось, десятками и сотнями тысячъ было уводимо въ плѣнъ; спасшіеся разорялись, выкупая, согласно священному обычаю того времени, своихъ родныхъ и друзей изъ рабства. Гибли русскіе—гибло и русское дѣло въ Литвѣ. Обстоятельства еще болѣе ухудшились, когда татарскими набѣгами сталъ управлять Іоаннъ III. По его уговорамъ ханъ Менгли-Гирей (1475—1515), осенью 1482 года, сдѣлалъ опустошительный набѣгъ на Поднѣпровье, взялъ Кіевъ, при чемъ попалъ въ плѣнъ и воевода, Иванъ Ходкевичъ. Печерскій монастырь былъ разрушенъ, монахи избиты, сокровища монастыря, снесенныя въ замокъ, разграблены; разграблены были всѣ кіевскіе храмы, населеніе города и окрестностей избито; восточный берегъ Днѣпра надолго обратился въ пустыню... «Кіевъ, забрызганный кровью и уничтоженный пожаромъ, дѣлается съ этихъ поръ убогимъ и безлюднымъ мѣстомъ» [25]). Получая въ подарокъ отъ Менгли-Гирея золотые сосуды Софійскаго собора, Іоаннъ не думалъ, какое зло, какую неизгладимую потерю и какое безконечное бѣдствіе причинялъ онъ всему русскому и православному дѣлу, наводя на Литву татаръ. А послѣдствія этого набѣга были весьма значительны: потеря исконнаго православнаго центра, перенесеніе митрополіи въ латинскій центръ, Вильну, повлекшее попытки къ уніи, а позже и унію съ Римомъ, полное обезлюдѣніе поднѣпровской Украины, гибель твердыхъ въ православіи кіевскихъ князей и земянъ... Недаромъ народъ долго сохранялъ память объ этомъ набѣгѣ, называя его «вынятьемъ».—Казиміръ прилагалъ всѣ усилія къ поправленію этого зла, сгонялъ десятки тысячъ русскихъ рабочихъ на возобновленіе Кіева [26]), обращался къ мысли о крестовомъ походѣ противъ турокъ, [27]) покровительствовалъ или, по крайней мѣрѣ, смотрѣлъ сквозь пальцы на образованіе вольницы—казаковъ, но не могъ загладить бѣдствій русскаго народа.

Понятно, что татарскіе набѣги имѣли весьма сильное вліяніе на религіозное положеніе православныхъ. Ослабленное ими русское населеніе

---

[25]) Baliński i Lipiński, Polska Starożytna, II, 538; Карамзинъ, VI, 171 и примѣчанія 267 и 268; Супрасльск. лѣт., 147, подъ 1482 г. Описаніе Кіева 1474—у Контарини, Библ. иностр. пис. о Россіи, I, 22—24. Запустѣніе Поднѣпровья продолжалось около 70 л., до 1550-хъ годовъ.

[26]) Baliński i Lip., ibid.

[27]) Teiner, Vet. Mon. Pol. et Lith, II, 219. 234—240.

дѣлается менѣе энергичнымъ въ защитѣ и поддержаніи своихъ правъ. Кіевляне, прежде встрѣчавшіе католика-воеводу, Мартина Гаштольда, съ оружіемъ въ рукахъ, какъ-то исчезаютъ съ исторической сцены. Богатѣйшіе княжескіе роды Волыни бѣднѣютъ, разоряются и самое число ихъ уменьшается чрезъ плѣнъ и смерть въ битвахъ. На первый планъ у нихъ выступаетъ забота о безопасности, защита домашняго очага, своей собственной жизни.

Къ этому обезсиливанію русскихъ присоединилась еще перемѣна въ Казимірѣ по отношенію къ религіознымъ вопросамъ. Лично король, происходившій отъ русскаго православнаго рода, не былъ, какъ мы уже говорили, фанатикомъ. Не смотря на всѣ преимущества церкви латинской, онъ давалъ, напр., такія привиллегіи: «Такъ же который будутъ Литвинъ, або Ляхъ, крещены были у Витебску въ русскую вѣру, а хто изъ того роду и тепере живетъ, того намъ не рушити, права ихъ хрестьянскаго ни въ чемъ не ломити [28])». На такое отношеніе къ православію вліяли, вѣроятно, и постоянныя столкновенія съ латинскимъ духовенствомъ, подвергавшимъ Казиміра энергическимъ отлученіямъ [29]).

Но доброе отношеніе короля къ православію прекращается послѣ столкновеній съ Москвою за Тверь и Новгородъ. Паденіе послѣднихъ дало Іоанну возможность обратить свои завоевательные планы на Литву и мечтать о присоединеніи Смоленска, Полоцка и Кіева. Казиміръ, попустивъ Іоанну завладѣть Новгородомъ, не могъ равнодушно смотрѣть на переходъ литовско-русскихъ князей къ Москвѣ и при томъ—съ пограничными волостями; не могъ спокойно смотрѣть на постоянныя пограничныя обиды и на союзъ Москвы съ Менгли-Гиреемъ. Въ 1478 году Казиміръ дѣятельно подготовлялся къ войнѣ съ Москвою [30]), но взаимная осторожность обоихъ государей не довела дѣла до явнаго разрыва, хотя вражда сказывалась въ томъ, что Іоаннъ переманивалъ къ себѣ пограничныхъ князей, а Казиміръ принималъ у себя враговъ Іоанна—кн. Ивана Андреевича Можайскаго, Михаила Андреевича Ве-

---

[28]) Изъ подтвердительнаго привиллея Витебску Александра—Акты Зап. Р., I, 353. Есть указанія на льготы духовнымъ (Лит. Метр., кн. Зап., V, 8) и преданіе о построеніи Казиміромъ 7 православныхъ Ильинскихъ церквей.

[29]) Въ 1478 г.—Daniłowicz, Skarbiec, II, № 1991—1992, стр. 216.

[30]) Донесеніе ливонскаго магистра великому магистру 11 марта 1478 г. —Daniłowicz, Skarbiec, II, № 1993—1994, стр. 216—217.

рейскаго, Михаила Борисовича Тверскаго и всѣми мѣрами привлекалъ Псковъ на свою сторону [31]). Вѣроятно, эти столкновенія и повлекли за собою происки католиковъ и постепенное усиленіе ихъ вліянія. Существуетъ мнѣніе, что перемѣна въ Казимірѣ произошла отъ того, что онъ разочаровался въ своей надеждѣ ввести въ Литвѣ унію [32]).

Какъ бы то ни было, но съ 1470-хъ годовъ замѣчается поворотъ Казиміра въ пользу латинства, а съ 1480-хъ—король дѣлается рьянымъ пропагандистомъ его и врагомъ православія. Казиміръ не только основываетъ костелы и монастыри, но и ходатайствуетъ передъ папою объ усиленіи пропаганды среди русскихъ, говоря, что число «еретиковъ и схизматиковъ» въ княжествѣ и пограничныхъ областяхъ весьма велико, изо дня въ день все возрастаетъ и угрожаетъ весьма крупными размѣрами, если не будетъ подъискано подходящаго «средства [33])». Средство было отыскано: въ 1468 году Казиміръ вызываетъ въ Ковну бернардиновъ, въ слѣдующемъ году—«осаживаетъ» ихъ въ Вильнѣ и Трокахъ, строитъ костелы въ коренныхъ православныхъ городахъ—Пинскѣ, Клецкѣ, Дубровнѣ, основываетъ еще 27 костеловъ въ литовскихъ областяхъ и наконецъ, какъ говорятъ, по просьбѣ своего юродиваго сына—фанатика, издаетъ запрещеніе строить вновь и починять старыя православныя церкви (ок. 1480 г.)...[34]) Подъ давленіемъ правительства задолго до этого времени, латинство проникло въ заповѣдныя мѣста русской народности,—даже въ Острогѣ мы видимъ доминиканскій монастырь, фундушъ котораго, ок. 1452 г., возобновляетъ кн. Василій Ѳеодоровичъ Острожскій [65]). Въ 1461 г. мы видимъ въ селѣ Липой, около Луцка, костелъ, ксендзы котораго занимаютъ почетное положеніе въ средѣ мѣстныхъ православныхъ князей [36]). Эти рѣдкія колоніи латинства едва влачили свое существо-

---

[31]) Сборн. И. Р. Ист. Общ. XXXV, 40; Daniłowicz, II, №№ 1998; 2024 и 2031, стр. 217, 222 и 224; Карамзинъ, VI 177—181 и прим. 282, Соловьевъ, Ист. Р., V, 123—125.

[32]) Батюшковъ, Литва и Бѣлоруссія, 135. Митрополитъ Макарій. (Ист. Рус. Ц., IX, 69—71) ничего подобнаго не говоритъ.

[33]) Turgenevius Hist. R Mon., I, 121.

[34]) Pelesz, Gesch. d. Un., I, 474; митр. Макарій, IX, 70; Батюшковъ, Литва и Бѣлоруссія 136—137.

[35]) Arch. Sanguszków, I, 39.

[36]) Ibid., 53.

ваніе, но перемѣна въ политическихъ взглядахъ Казиміра влила въ нихъ жизнь, дала энергію для преслѣдованія завѣтной цѣли—ополяченія русскаго народа. Католическое духовенство, de jure прочно утвердившись въ Жмуди и не боясь уже за свою жизнь, начинаетъ дѣятельно бороться не съ язычествомъ только, но и съ православіемъ, при чемъ уже въ это время былъ намѣченъ путь къ завѣтной цѣли: обращеніе въ латинство знатныхъ православныхъ родовъ, а для остальнаго народа—унія съ Римомъ. Сочувствіе короля и дѣятельная поддержка рады съ одной стороны, съ другой—татарскіе набѣги, значительно поддержали пропаганду латинства и ослабили протестъ Руси; изъ ея среды выходятъ отступники. Иванъ Семеновичъ Сапѣга полагаетъ начало измѣнѣ православію и переходу православныхъ родовъ въ латинство [37]).

Опасность подобнаго примѣра еще болѣе увеличится въ нашихъ глазахъ, если мы обратимся къ высшему православному духовенству литовской Руси. Подъ давленіемъ правительства и его прислужниковъ изъ своей же среды, оно подняло вопросъ объ уніи съ Римомъ и, конечно, встрѣтило полнѣйшее содѣйствіе короля и католическаго духовенства. Едва-ли въ этомъ дѣлѣ православная іерархія только «шла по теченію»,—думаемъ, что наоборотъ. Лишенная правъ и прерогативъ латинскаго духовенства, она хорошо помнила грамоту Владислава Варнскаго, **1443** г., обѣщавшую полное уравненіе правъ православнаго духовенства съ католическимъ подъ условіемъ вступленія въ единеніе съ Римомъ [38]).

---

[37]) Jaroszewicz, Obraz Litwy, I, прим. 29 на стр. 181.

Грамоты и акты не говорятъ, какой Иванъ Сапѣга принялъ католичество: дяди ли—Иванъ Семеновичъ, или племянникъ—Иванъ Богдановичъ. Тотъ и другой жили въ одно время, были писарями В. К. Л., воеводами подляшскими, имѣли православныхъ сыновей. Наши усилія выяснить этотъ вопросъ на основаніи лѣтописей, актовъ и генеалогіи (Boniеck'аго и Niesieck'аго) остались тщетными. Только косвенныя указанія даютъ намъ право думать, что отступникомъ былъ Иванъ Семеновичъ, получавшій всѣ грамоты на латинскомъ языкѣ и не оставившій ни одного наданья на церковь, между тѣмъ Иванъ Богдановичъ, въ бытность воеводою витебскимъ, въ 1523 г., подарилъ Св. Михайловской церкви прудъ и мельницу.—Лит. Метр., Кн. Зап., VIII, 247 и XII, 99.

Что же касается прочихъ «предполагаемыхъ» православныхъ родовъ, то вѣроятно, что Кишки, Зеновичи, Заберезинскіе и др. приняли латинство при Ягайлѣ или Витовтѣ, когда ихъ примѣръ не былъ особенно пагубнымъ.

[38]) Акты З. Р. I, 56.

Уже при первомъ самостоятельномъ Литовскомъ митрополитѣ Григоріи Болгаринѣ, дѣлается серьезная попытка въ дѣлѣ введенія уніи. Но почва слишкомъ была неподготовлена, да и самъ Григорій едва ли искренно сочувствовалъ уніи; по крайней мѣрѣ никакихъ результатовъ отъ сношеній съ Римомъ и писемъ папы «любезному Григорію» мы не видимъ,—наоборотъ, Григорій въ концѣ концовъ даже формально оправдалъ себя въ глазахъ православныхъ, вступивъ въ сношеніе съ Константинопольскимъ патріархомъ. Но если не было осязательныхъ результатовъ, то остались результаты, такъ сказать, духовные—была проложена дорога для послѣдующихъ искателей-честолюбцевъ.

Вторая попытка высшаго православнаго духовенства вступить въ унію съ Римомъ опять окончилась неудачею. Преемникъ Григорія, митрополитъ Мисаилъ Друцкій (по м. Макарію--Пеструцкій) взялся за дѣло уніи гораздо рѣшительнѣе и его попытка была тѣмъ серьезнѣе, что условія, при которыхъ она совершалась, были совсѣмъ иныя, чѣмъ при Григоріи. Послѣдній былъ чужестранецъ, присланъ изъ Рима и насильно, вопреки желанію православныхъ, водворенъ въ Литвѣ. Мисаилъ же былъ кореннымъ литовскимъ русскимъ, плотью отъ плоти народа, изъ большой княжеской фамиліи, проходилъ свое епископское служеніе въ Смоленскѣ, избранъ самими литовскими епископами и притомъ, какъ можно думать, безъ согласія и даже вопреки согласію константинопольскаго патріарха, [39]) такъ что избравшіе его епископы нравственно были обязаны и поддерживать своего избранника.

14 марта 1476 года, изъ Вильны, Мисаилъ, еп. Смоленскій и «електъ» на митрополію, пользуясь приближеніемъ юбилейнаго года, послалъ грамоту папѣ Сиксту IV. Не касаясь внутренняго содержанія этого посланія, мы замѣтимъ, что оно едва-ли имѣло только ту цѣль, какую указываетъ преосв. Макарій--жалобы на притѣсненія, просьбу умиротворить Литву и не смотрѣть на православныхъ глазами клеветниковъ [40]). Зачѣмъ же это уже *вторая* грамота [41]) (первая не извѣстна,

---

[39]) М. Макарій, IX, 63. Wolff (Kniaziowie... 669—675), отрицая существованіе кн. Пеструцкихъ, даетъ весьма сомнительную родословную таблицу боярь, отъ которыхъ происходилъ м. Мисаилъ.

[40]) Ibid. 54—55.

[41]) Dubowicz, Hierarchia... Lwów 1644, 182.

написана около 1474 г.)? Къ чему просьбы объ удѣленіи благъ юбилейнаго года и «ухваленіе» Флорентійскаго собора? Конечно, эта попытка, какъ справедливо замѣчаетъ преосв. Макарій, была дѣломъ небольшой, но сильной своимъ положеніемъ, партіи. Наше вниманіе останавливаетъ именно послѣднее обстоятельство, вопросъ о томъ, кто подписался на грамотѣ. Если принять только подписи списка конгрегаціи пропаганды [42]), а не списковъ Поцѣевскихъ, то увидимъ, что партія эта была очень не многочисленна, и дѣйствовала скорѣе по приказу короля, чѣмъ, по собственному почину, такъ какъ всѣ лица, подписавшіяся на грамотѣ, весьма много зависѣли отъ Казиміра или какъ родственники, или какъ должностныя лица; подписей же многочисленныхъ князей бѣлорусскихъ и волынскихъ нѣтъ.

Мы не имѣемъ папскаго отвѣта на эту грамоту м. Мисаила, но не можемъ согласиться съ преосв. Макаріемъ,—что его и не было. Смѣемъ утверждать даже большее, именно, что отвѣтъ былъ и даже благопріятный для партіи уніи съ Римомъ, гдѣ были увѣрены, что, послѣ отвѣтной грамоты, въ Литвѣ появились епископы—уніаты: въ благословенной папской грамотѣ на рукоположеніе Андрея Шелиги въ санъ виленскаго епископа, Сикстъ IV, въ виду малочисленности литовскихъ католическихъ епископовъ и трудности собрать ихъ въ Вильну, разрѣшаетъ допустить къ акту рукоположенія епископовъ уніатовъ [43]) Позднѣе, послѣ третьей попытки къ уніи, папа Александръ VI въ 1501 году повелѣвалъ не перекрещивать православныхъ въ Литвѣ при переходѣ ихъ въ католичество, или въ унію—«ad unitatem» [44]).

Хотя фактическое осуществленіе унитарныхъ попытокъ Мисаила не состоялось, но опасность ихъ сознали въ Константинополѣ и поспѣшили выслать въ Литву строго православнаго митрополита Спиридона. Наше предположеніе относительно Спиридона имѣетъ за собою то основаніе, что, во

---

[42]) М. Макарій, IX, 58. Списокъ—единственно правильный,—ср. списокъ Львовск. архива, особ. начало, безъ подписей—у Pelesz'a, I, 476.

[43]) Грамота дана Сикстомъ IV 27 августа 1481 года и содержитъ слѣдующее распоряженіе: совершить рукоположеніе, созвавъ троихъ или четверыхъ «obcych biskupów, ale w jedności z kościołem będących (choćby unitów)». Przyałgowski, Żywoty biskupów Wileńskich, S.-Petersburg, 1861, I, 64—со ссылкою на діоцезіальный архивъ.

[44]) Teiner, Vetera Monumenta, II, 296.

первыхъ самый фактъ присылки новаго митрополита при жизни Мисаила и безъ выбора со стороны литовскихъ православныхъ,—былъ необычаенъ, и потому Спиридонъ, какъ человѣкъ вредный всѣмъ планамъ правительства, былъ заключенъ подъ стражу тотчасъ по прибытіи, а послѣ—отосланъ въ Москву. Во вторыхъ, мы имѣемъ грамоту патріарха Нифонта, грамоту патріарха Печерскому монастырю и грамоту православныхъ князей патріарху объ митр. Іонѣ (объ этомъ ниже), которыя указываютъ на какую-то смуту, нестроеніе въ средѣ православной іерархіи Литвы.

Какъ бы то ни было, затѣя Мисаила окончилась неудачей. Слѣдующіе митрополиты—Симеонъ, о которомъ почти не сохранилось свѣдѣній, и Іона Глезна—были строго православными, въ ихъ правленіе объ уніи ничего не слышно. Съ послѣднимъ мы еще встрѣтимся ниже, а теперь посмотримъ, какъ и чѣмъ отвѣчала православная русская народность на религіозное притѣсненіе, прогрессъ латинства и попытки къ уніи съ Римомъ. На этомъ поприщѣ православные выдвинули три фактора: патронатство, заботы пановъ и свѣтскихъ объ іерархіи и церквахъ и попытки замѣстить литовскій престолъ лицомъ православнаго вѣроисповѣданія.

Въ дѣлѣ введенія уніи и католичества правительство прежде всего встрѣтилось съ такъ называемымъ «правомъ патронатства», одной изъ тѣхъ прерогативъ литовско-польскаго шляхетства, которая такъ часто связывала всѣ предначинанія правительства и ставила непреодолимыя преграды его религіознымъ предначертаніямъ.

Право патронатства, распадавшееся на нѣсколько отдѣльныхъ правъ, заключалось въ томъ, что извѣстный храмъ или монастырь, построенный какимъ-либо паномъ, считался, въ сущности, чистою собственностью его лично, а затѣмъ—его потомковъ. Панъ обезпечивалъ существованіе храма и клира, назначалъ туда священника, былъ полнымъ хозяиномъ церкви и прихода. Иногда право патронатства жаловали короли, но обычно только одну какую нибудь часть его [45]). Высшее православное духовенство смотрѣло на это право очень неблагосклонно, какъ

---

[45]) Чаще—«право держанія», т. е., пользованія доходами, рѣже—«право поданья», т. е., назначеній и полное патронатство—въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

на вмѣшательство пановъ въ дѣла церкви и уменьшеніе своего авторитета. Отчасти оно было право: патронатство присвоили себѣ прежде всего короли, притомъ относительно самаго важнаго въ Литовской Руси: назначенія митрополита, епископовъ, настоятелей въ Печерскій, Виленскій Троицкій, Лаврашевскій и другіе важнѣйшіе монастыри. Понятно, злоупотребленія королей были очень часты и очень вредно отзывались на дѣлахъ церкви. Унія, напримѣръ, весьма многимъ обязана именно патронатству королей: такъ, весь почти югъ Гродненской губерніи былъ обращенъ въ 1596 г. въ унію благодаря тому, что церкви Кобринскаго и Брестскаго уѣздовъ были въ распоряженіи короля.—Помимо этого, какъ извѣстно, короли часто раздавали монастыри и епископскія каѳедры въ кормленіе за военныя и гражданскія заслуги, а паны давали церкви «въ держанье» вмѣсто платы за службу [46]).

Но въ дѣлѣ поддержанія и охраненія православія патронатство частныхъ лицъ, въ которое не могло вмѣшиваться правительство, оказывало сильное благотворное вліяніе, тѣмъ болѣе, что князья и паны въ разсматриваемый періодъ отличались глубокою, искреннею религіозностью и были чужды склонности перемѣнить вѣру [47]). Особенно сильно было вліяніе патронатства въ областяхъ полусамостоятельныхъ вассальныхъ князей—Пинскихъ, Слуцкихъ, Кобринскихъ, Мстиславскихъ, Если въ Вильнѣ, благодаря запрещенію строить и починять церкви, Пречистенскій соборъ шесть лѣтъ оставался безъ крыши, то патроны спокойно строятъ даже монастыри: въ 1490 г. кн. Ѳеод. Мих. Чарторыйскій основалъ Клеванскій монастырь [48]), около этого же времени

---

[46]) Такъ, за издержки писаря Коптя, сдѣланныя во время посольства въ Крымъ, Сигизмундъ I далъ привилей отцу Коптя, Василію Евлашковичу, на Луцкую или Владимірскую каѳедру,—ту, которая раньше откроется—Акты Ю. З. Р. II, 129—130.—Въ 1465 г. княгиня Кобринская отдала своему слугѣ Іудѣ Кобринскую Петропавловскую церковь съ тѣмъ, чтобы онъ получалъ доходы съ нея—Ibid. I, 293—294. Съ теченіемъ времени такіе факты становятся болѣе частыми и выражаются въ болѣе грубой формѣ.

[47]) См. завѣщаніе кн. Гольшанской—Arch Sang. I, 89; дачу кн. Мстиславскимъ Рясненской церкви попу Тимоѳею—Вил. Арх. Сб. II, 7; завѣщанія Боговитиновича и Чоповскаго—Акты Ю. З. Р. I, 75—77 и Акты Вил. Арх. К. VI, 491; письмо митр. Іоны Глезны къ кн. Юрію Семеновичу Слуцкому—Daniłowicz, Skarbiec, II, № 2013, стр. 220 и др.

[48]) Вол. Еп. Вѣд. 1867 г., стр. 69,—по архиву почаевской лавры, 1490, № 2.

Александръ Солтанъ основалъ Жировицкую церковь и т. д. [49]).

Кромѣ патронатства, православію, въ борьбѣ съ латинствомъ, много помогалъ установившійся въ литовской Руси обычай «наданья» церквей и монастырей. Дѣйствительно, охраненіе православія и выражалось преимущественно въ фундушахъ церквамъ, которые съ этого времени постепенно возрастаютъ въ количествѣ и не потому только, что отъ этого періода сохранилось сравнительно больше памятниковъ «о наданьяхъ»,—противъ такого предположенія говоритъ самое содержаніе актовъ (—наданье церкви впервые, а не подтвержденіе стараго, прежняго, упоминаніе о бѣдности и т. д.),—но именно вслѣдствіе сознанія, что хорошее обезпеченіе клира—лучшее ручательство за его твердость [50]).

Третьимъ средствомъ защиты православія было замѣчательное единеніе русскихъ, выразившееся въ учрежденіи братствъ и попыткахъ къ перемѣнѣ династіи. Обычно принято относить учрежденіе братствъ ко второй половинѣ XVI в. но есть данныя, свидѣтельствующія, что братства получили свое начало гораздо раньше: такъ Луцкое братство основано около 1439-го, а Виленское—ок. 1458 года [51]). Братства, понятно, являлись объединяющимъ началомъ, строгими охранителями родной вѣры. Какъ сильно было единеніе православныхъ того времени, показываетъ грамота папы Иннокентія VIII королю Яну Альбрехту,—ради души и католической вѣры оказывать Сапѣгѣ—отступнику защиту отъ преслѣдованій православныхъ [52]). Тотъ же духъ единства

---

[49]) Насколько патронатство помогало дѣлу православія показываютъ дѣйствія пинской шляхты въ 1661—1701 г.г.—Собр. древн. гр. городовъ Минской губ., стр. 279—281 и 357—361.

[50]) Изъ многочисленныхъ наданій упомянемъ выдающіяся: кн. Слуцкихъ—Daniłowicz, II, стр. 220; Архивъ Ун. Митр., нов. опись, № 2, 3, 4; Кобринскихъ—Акты Ю. З. Р. I, 295; кн. Мстиславскаго-Григоровичъ, Бѣлор. Арх., 2—3; княгинь Зубревицкой и Трабской—Вил. Арх. Сб. VI, 1; Стретовича —Акты Ю. З. Р. I, 295 и т. д. См. также у Будиловича,—Изслѣдованіе о недвижимыхъ церковныхъ имуществахъ въ Зап. Россіи, Варшава, 1882 г. Добрянскаго, Описаніе рукописей Виленской Публ. Библ., Вильна, 1882, стр. 287. Акты Ю. З. Р., I, 23—24,—не говоря о мелкихъ наданьяхъ и подтвержденіяхъ.

[51]) Собр. др. гр. городовъ Вильны... II, № 4. Грамота Сигизмунда 1534 г. говоритъ, что Виленское братство существуетъ 80 лѣтъ. Ж. М. Н. Пр., 1838, IX, 560. Вол. Епарх. Вѣд., 1875, 155.

[52]) Jaroszewicz, Obr. L., II, пр. 29 на стр. 181—182: «... hortamur

выразился въ грамотѣ православныхъ пановъ и князей 1488—1489 г. къ константинопольскому патріарху съ просьбой, «ради тѣснящихъ насъ въ вѣрѣ», благословить на митрополію избраннаго или строго-православнаго полоцкаго епископа Іону [53]). Здѣсь весьма характерно, что Іону избрали не епископы, но князья и паны, выборъ былъ вполнѣ удаченъ [54]).

Тѣсное единеніе православныхъ выражалось иногда въ прямыхъ возмущеніяхъ противъ правительства, его цѣлей и дѣйствій. За недостаткомъ данныхъ мы не можемъ утверждать, что *прямою* причиною подобныхъ «мирныхъ» смутъ было религіозное притѣсненіе. Но косвенныя соображенія говорятъ именно въ пользу такого пониманія дѣла, а прямой смыслъ фактовъ показываетъ, что возмущенія были результатомъ борьбы за византійско-русскую культуру.

Первое темное свидѣтельство о смутахъ въ Литвѣ при Казимірѣ мы встрѣчаемъ около 1455—1459 г.г. Глухое недовольство королемъ обнаружилось, лишь только зашла рѣчь о томъ, кому владѣть Подольемъ. Казиміръ склонялся на сторону Польши. Тогда Янъ Гаштольдъ, воевода виленскій, составилъ планъ избранія въ великіе князья кіевскаго князя Семена Олельковича. Въ числѣ главарей заговора мы ви-

---

nobilitatem tuam et attente requirimus et pro catholico animo tuo et ad ortodoxam fidem zelo, vellis Ioannem ipsum et illias res et bona, ab injuria et violentia schismaticorum et quorumque, hac de causa illum prosequentes, protegere et defendere».

[53]) Вил. Арх. Сб. I, 2—3. Нужно обратить вниманіе на тотъ фактъ, что составленіе коллективнаго письма, далеко не легкое для нашего времени, въ XV в. было дѣломъ весьма труднымъ.

[54]) Какъ это ни странно, но нужно сознаться, что въ эпохи гоненій на православіе въ Литвѣ дѣйствуютъ преимущественно свѣтскія лица, высшая же духовная іерархія остается въ тѣни; къ ней враждебно относится низшее духовенство, употребляя всѣ усилія освободиться изъ подъ ея юрисдикціи (напр., въ 1481 г., по жалобѣ Печерской братіи на митрополита, патріархъ подтверждаетъ право своей ставропигіи, распространяя ее и на 4 другихъ монастыря—Архивъ Ю. З. Р. I, т. I, 1—2 и Опис. рукоп. Кіевск. дух. Акад., 195). И оно было право. Епископы нашего періода весьма ревностно охраняли преимущества своихъ каѳедръ, увеличивали свои богатства, всѣми силами желали получить права католическаго духовенства и уравнять свое положеніе съ положеніемъ православныхъ пановъ; отсюда то попытки къ уніи, стремленіе на митрополію, борьба противъ патронатства, угожденіе королямъ и т. д.

димъ Юрія Острожскаго, Олехно Судимонтовича; къ нимъ примкнула «бóльшая часть князей, пановъ и литовскаго дворянства». Казиміръ поспѣшилъ въ Литву, уговорами и обѣщаніями «на время» съумѣлъ удержать враждебную ему партію; но въ 1459 году вельможи опять принялись за этотъ же планъ и даже прямо просили короля, проживавшаго постоянно въ Польшѣ, согласиться на вокняженіе Семена Олельковича. Но и на этотъ разъ дѣло окончилось ничѣмъ [55]).

Гораздо серьезнѣе было возмущеніе 1481—1482 г. Неизвѣстно по какимъ причинамъ, среди Сѣверскихъ князей образовался заговоръ съ цѣлью передаться Москвѣ. Разсказываютъ, что поводомъ къ этому будто бы послужило небрежное отношеніе Казиміра къ одному изъ князей, котораго прислужникъ не только не пустилъ въ комнату короля, но даже, захлопывая передъ нимъ дверь, раздробилъ князю палецъ на ногѣ. Хотя слуга былъ казненъ, но поднялось движеніе, серьезность котораго Казиміръ понялъ и оцѣнилъ сразу же. Михаилъ Олельковичъ и Иванъ Юрьевичъ Гольшанскій, главари заговора, 30 августа 1481 г. поплатились жизнью. «Казиміръ повелѣ стяти князя Михаила Олельковича и князя Ивана Юрьевича, виня ихъ Богу единому свѣдущу». Другіе виновники смуты—князья Ѳеод. Ив. Бѣльскій и Иванъ Глинскій бѣжали въ Москву [56]).—Эта смута имѣла роковыя послѣдствія для Литвы: она открыла путь къ постояннымъ отпаденіямъ мелкихъ пограничныхъ князей и чрезъ то прямо указывала, что для русскихъ житье только подъ державою русскаго же государя. По стопамъ Бѣльскаго и Глинскаго пошелъ цѣлый рядъ князей: около 1489 года отъѣхалъ къ Москвѣ кн. Дим. Ѳеод. Воротынскій, за нимъ отъѣхалъ Ив. Вас. Бѣлевскій, Ив. Мих. Воротынскій и т. д.; это движеніе прекращается только чрезъ 75 лѣтъ, совершенно ослабивъ Литву: поддававшіеся Москвѣ князья удерживали за собою удѣлы и озлобленно мстили своей прежней

---

[55]) Stryjkowski, II, 250. 260; Szujski, Hist. Polsk. 148; Брянцевъ, Ист. Литовск. Госуд., 289—причиною выставляетъ смерть Гаштольда въ 1460 г., но Гаштольдъ умеръ въ 1484 г.—см. процитов. мѣсто у Шуйскаго,—что также не вѣрно,—ср. Супр. лѣт. 138. Интересно мирное разрѣшеніе вопроса о престолѣ...

[56]) Супр. лѣт., 138; Акты З. Р., I, 99; Сборн Имп. Р. Ист. Общ. XXXV, 13; Карамзинъ, VI, 170 и прим. 264.

родинѣ, производя на нее почти непрерывные набѣги [57]). Они же прояснили въ головѣ Іоанна идею единой Руси—и, въ іюлѣ 1489 г., Казиміру пришлось впервые услышать ясную рѣчь Московскаго князя: «наши городы, и волости, и земли и воды король за собою дръжитъ...[58])». Позже московскіе государи прямо называли всю Малую и Бѣлую Русь своею «дѣдиною и отчиною»; въ этомъ смыслѣ титулъ «всея Руси» Іоаннъ усвоилъ себѣ въ 1493 году [59]), не смотря на всѣ протесты Александра.

Третья смута, извѣстіе о которой сохранилось у польскихъ лѣтописцевъ, вышла изъ среды низшаго сословія. Двѣ предыдущія смуты возникли въ привиллегированномъ слоѣ и обнаруживали его недовольство современнымъ порядкомъ вещей. Смута же Мухи въ 1492 году показывала, что недовольство проникло въ народную массу. Собравъ десять тысячъ «голытьбы», простолюдинъ Муха началъ опустошать Галицію и Подолье, но вскорѣ былъ разбитъ Николаемъ Ходецкимъ, шайка его разсѣялась, а самъ Муха былъ пойманъ галицкою шляхтою, съ которой онъ мирно обходился въ дни своего могущества, и умеръ не на висѣлицѣ, какъ слѣдовало бы ожидать, но въ заключеніи [60]). Эта смута, особенно въ передачѣ лѣтописца, очевидно была не первою; обращаетъ вниманіе мирное обхожденіе Мухи съ земянами, тогда въ большинствѣ православными, и милостивое обхожденіе правительства съ разбойникомъ.

Вскорѣ послѣ этого умеръ Казиміръ, своею личною справедливостью вызвавшій о себѣ хорошій отзывъ русскаго лѣтописца [61]).

Продолжительное царствованіе этого короля принесло мало добра Литвѣ и литовскимъ русскимъ Если Польша, которой Казиміръ удѣлялъ много силъ и времени, пріобрѣла значительныя земли отъ Ордена, то Литва, наоборотъ, постепенно теряла свою территорію; югъ дѣлается пустынею и граница Литвы все больше и больше отодвигается на сѣ-

---

[57]) Сборникъ И. Р. Ист. Общ., XXXV, 35—36, 40, 47 и др.; Карамзинъ, VI, 237.

[58]) Сборникъ, 37.

[59]) Ibid.,80.

[60]) Stryjkowski, II, 291.

[61]) Супр. лѣт., 140.

веръ отъ Чернаго моря, а западная—все ближе придвигается къ Днѣпру. Внутренній разладъ дуалистическаго Литовско-русскаго государства постепенно увеличивается, православное населеніе приходитъ къ сознанію, что великіе князья для него недруги, что трудно ждать отъ нихъ добра; популярность князя падаетъ, слабѣетъ народная приверженность и патріотизмъ,—Литва ясно сознаетъ свой дуализмъ и не національный, какъ прежде, но дулизмъ религіозный, духовный, мало по малу превращающійся въ антагонизмъ двухъ культуръ... Борьба начинаетъ обостряться и разъѣдать государственный строй; появляются немыслимыя прежде попытки устранить Ягеллоновъ съ престола и правленіе передать рядовому православному князю; начинаются отъѣзды къ Москвѣ. Попытки къ уніи съ Римомъ еще болѣе усиливаютъ рознь, подрываютъ довѣріе къ правящему классу; противъ этого безсильны уравненіе правъ русской шляхты съ католическою, замалчиванье уставовъ Городельской уніи и тому подобныя палліативныя средства правительства. Въ результатѣ всего этого является полное ослабленіе Литвы: оставаясь тожественною по составу, изъ наступательнаго движенія на коренную Русь и Татаръ при Витовтѣ, она переходитъ въ положеніе оборонительное: съ ослабленіемъ политической энергіи русскаго населенія и возбужденіемъ религіозной борьбы падаетъ сила всего государства,— а на востокѣ все болѣе и болѣе усиливается Московская Русь, которая съ желѣзною послѣдовательностью успѣха нивеллировать мелкія княжества и теперь вспомнила о своей вѣковой «отчинѣ и дѣдинѣ». Желая пріобрѣсти и это наслѣдіе, Москва и ея характерный представитель, Іоаннъ III, не брезгаютъ никакими средствами для возможнаго ослабленія энергіи литовскаго сопротивленія въ недалекомъ будущемъ, употребляя для этой цѣли подстрекательство и наводя ужасныхъ Татаръ на свою дѣдину, поэтическій даже для московскихъ бояръ Кіевъ. Усиліе литовскаго правительства самособраться при посредствѣ общаго объединенія въ латинствѣ—еще больше ослабляетъ Литву, возбуждая русскій народъ и заставляя его смотрѣть на московскаго государя, какъ на своего избавителя,—а это подаетъ Іоанну еще большую увѣренность въ побѣдѣ.

Такую картину представляетъ Литовско-русское государство въ годъ смерти Казиміра и во время выступленія на поприще гражданской дѣятельности одного изъ лучшихъ носителей идеаловъ и интересовъ западно-русскаго народа-князя Константина Ивановича Острожскаго.

Глава II.

Родъ князей Острожскихъ. Жизнь Константина Ивановича до назначенія гетманомъ. Великій князь Александръ. Политическое и религіозное положеніе при немъ западно-русскихъ православныхъ. Война съ Москвою и женитьба Александра на Еленѣ Іоанновнѣ Назначеніе Острожскаго гетманомъ. Внутренняя жизнь церкви, попытки къ уніи и жалованная грамота 1499 года. Война съ Москвою 1500—1503 г., Ведрошская битва и плѣнъ кн. Острожскаго.

Родъ князей Острожскихъ принадлежалъ къ той безчисленной массѣ княжескихъ родовъ. которые, какъ остатокъ древняго удѣльнаго порядка, продолжали существовать и при литовскомъ владычествѣ. Въ большинствѣ эти роды были небогаты и легко примирялись со своею новою участью—быть подручною домашнею челядью великаго князя литовскаго или, въ лучшемъ случаѣ, состоять болѣе или менѣе важными его чиновниками. Князья Острожскіе вполнѣ подходили подъ это опредѣленіе, и только длинный рядъ умныхъ и энергичныхъ представителей этого рода доставилъ ему съ теченіемъ времени высшую степень богатства, могущества и вліянія на государственную политику и русскую народность Литвы.

Отъ какой отрасли древнихъ князей произошли Острожскіе—не извѣстно. Существуютъ различныя мнѣнія, но разбирать ихъ, въ виду отсутствія всякаго историческаго интереса къ самому вопросу, мы не будемъ, ограничиваясь сказаннымъ выше [62]).

---

[62]) Этотъ разборъ тѣмъ болѣе труденъ, что подчасъ приходится имѣть дѣло съ чистою фикціей (генеалогія Острожскихъ у Теодоровича—Ист.-стат. описаніе приходовъ Волынской еп., II, 633—639). Наиболѣ достовѣрнымъ мы признаемъ мнѣніе Стрыйковскаго, какъ автора спеціальнаго изслѣдованія по генеалогіи современныхъ ему родовъ. Онъ производитъ Острожскихъ отъ большой фамиліи кн. Друцкихъ (Kronika, II, 261 и др.), которая дала весьма много развѣтленій—Горскіе, Лукомскіе, Любецкіе, Соколинскіе, Головчинскіе, Озерецкіе, Толочки и т. д., при чемъ каждая вѣтвь получала

Первымъ, исторически извѣстнымъ, княземъ Острожскимъ былъ Даніилъ, жившій въ срединѣ XIV вѣка. Онъ выступаетъ на историческую сцену какъ противникъ Казиміра Великаго въ дѣлѣ завоеванія имъ Галиціи и Волыни. Даніилъ и перемышльскій староста Дашко, «боячися, абы Ляхи не чинили имъ якого насилія въ вѣрѣ, понеже многихъ уже прелстиша на свою вѣру», въ 1341 году подняли возстаніе противъ поляковъ, перебили оставленные въ Галиціи гарнизоны Казиміра и, призвавъ на помощь татаръ, внесли оружіе въ Польшу, но на Вислѣ были поражены Казиміромъ. Вѣроятно, Даніилъ участвовалъ и въ борьбѣ Любарта Гедиминовича съ Казиміромъ за Волынь въ 1349—1350 г.г., но въ 1366 г. мы его уже не видимъ, ибо по договору Любарта съ Ольгердомъ, первый остается леннымъ владѣтелемъ, между прочимъ, и Острога [63]).

Гораздо яснѣе историческіе памятники обрисовываютъ мощную личность сына Даніила, кн. Өеодора, положившаго прочное основаніе дальнѣйшему возвышенію своего рода. Еще до Ягайловской уніи Өеодоръ успѣлъ настолько выдвинуться, что былъ назначенъ старостою луцкимъ—на весьма важный тогда «урядъ», при чемъ Острожскій обязался никому не отдавать города, кромѣ одного только Ягайлы. Очевидно, что Өеодоръ Даниловичъ былъ королевскимъ любимцемъ, ничѣмъ не брезгавшимъ для достиженія его благоволенія, даже основавшимъ въ своемъ

названіе отъ главнаго своего *имѣнія*. Возможно даже, что Острожскіе—не исконные владѣтели Острога, такъ что собственно правдивая исторія этихъ князей должна начинаться съ Өеодора и именно съ 1386 года, о чемъ будетъ сказано. Максимовичъ (Собр. соч., т. I, Кіевъ 1873, стр. 166—168), кажется погрѣшилъ, принявъ приписку на помянникѣ «Туровскихъ» за указаніе на происхожденіе,—вѣдь и Радивилы писались князьями «На Несвижѣ»... Мнѣнія о происхожденіи Острожскихъ—Зубрицкій, Ист. Галицко-русск. княжества, Львовъ 1852, I, 63—64; Stebelski, Żywoty s.s. Paraskewii... II, разл.; Niesiecki, Herbarz, VII, 175 и слѣд.; Słownik geograficzny królewstwa Polskiego, Warsz. 1886, VII, стр. 684; Wolff, Kniaziowie... 342; Boniecki, Poczet rodów..., 232 и др.

Въ виду неполноты или сбивчивости генеалогическихъ таблицъ кн. Острожскихъ, мы помѣщаемъ въ приложеніи свою таблицу, составленную по первоисточникамъ.

[63]) П. С. Р. Л. II, 349—350; цитованный Słownik geograficzny, VII, 684; Кіевская Старина, 1885, I, 27—«Очеркъ исторіи Юго-Зап. Руси»; Батюшковъ, Волынь, 78—событія перепутаны; Arch. Sang. I, 1.

Острогѣ доминиканскій монастырь. Θеодоръ не забывалъ своихъ интересовъ: 4 ноября 1386 г., въ Луцкѣ, Ягайло далъ ему грамоту на владѣнье Острогомъ, Корцемъ, Заславлемъ, Хлапотиномъ, Иваниномъ, Хрестовичемъ, Краснымъ и Крупою,—при томъ, очевидно, отнявъ это у другихъ. По крайней мѣрѣ въ «Архивѣ Сангушковъ» есть такая характерная грамота: «Се азъ князь великий Федот, з братомъ своимъ Лазаром и Семеном и з маткою своею Ольгою...» даетъ запись Θеодору Даниловичу, что не будетъ вступаться ни въ его отчину, ни въ служебныхъ людей, ни въ наданья церкви или кому либо. Объясненій и комментарій эта грамота не требуетъ, особенно въ связи съ тѣмъ, что Острожскій выпрашиваетъ у Ягайлы и Ядвиги двѣ подтвердительныя грамоты, 18 декабря 1390 и 4 ноября 1393 года. Кромѣ этого, когда Волынь сдѣлалась достояніемъ Витовта, Θеодоръ и отъ него получилъ подтвердительную грамоту на наданья Ягайлы, а за услуги противъ послѣдняго получилъ тогда же, 3 іюля 1396 г., Бродовъ, Радоселки, Межирѣчье, Дьяковъ, Озеряны и др. Благодаря такой политикѣ Θеодоръ Даниловичъ дѣлается богатымъ землевладѣльцемъ и принимаетъ у себя, въ Острогѣ великихъ князей—Витовта въ 1427 г. и Свидригайлу въ 1438 [64]).

Двадцать лѣтъ Θеодоръ не выступаетъ въ роли гражднаскаго дѣятеля, и только въ 1420-хъ годахъ онъ вновь появляется на исторической сценѣ въ крайне симпатичной роли защитника родины и ея завѣтовъ противъ поляковъ и латинства. Въ 1420 г. Θеодоръ Острожскій вмѣстѣ съ княземъ Носомъ освобождаютъ изъ Кремянецкаго замка Свидригайлу, принуждаютъ Витовта дать ему удѣлъ, а послѣ смерти Витовта—напрягаютъ всѣ силы къ тому, чтобы доставить Свидригайлѣ великокняжескій престолъ. Въ это время Θеодоръ Даниловичъ, ярый противникъ Сигизмунда, съ удивительною для его лѣтъ энергіей, наноситъ одно за другимъ пораженія полякамъ, отнимаетъ у нихъ Подолье, въ 1432 г. выдерживаетъ упорную битву на берегахъ рѣки Мораквы [65]) и переноситъ свое оружіе на сѣверъ Волыни. Въ борьбѣ Свидригайлы съ Сигизмундомъ Θеодоръ оказалъ первому неоцѣненныя услуги онъ взалъ въ плѣнъ старосту каменецкаго, Θеодора Бучацкаго, отнялъ у

---

[64]) Акты Ю. З. Р. I, 10. 13.

[65]) Польскіе лѣтописцы приписываютъ побѣду полякамъ, русскіе—Θео-

Кирдѣя Волынь и Луцкъ и, не смотря на то, что, по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ поляками, онъ былъ заключенъ Свидригайлою въ тюрьму, освободясь изъ нея бѣгствомъ, Өеодоръ вновь дѣлается сторонникомъ такъ оскорбившаго его князя. Свою, бурную и полную приключеній, жизнь Өеодоръ Даниловичъ оканчиваетъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ и, послѣ смерти, канонизуется церковью [66]).

Двое первыхъ Острожскихъ заявили себя военными дарованіями и защитою православно-русскихъ интересовъ противъ покушеній латинствующаго полонизма. Представители же двухъ слѣдующихъ поколѣній заявили себя по преимуществу какъ хозяева—скопидомы, оставившіе Константину Ивановичу значительное, но разстроенное татарскими набѣгами, состояніе. Впрочемъ, даже и для такого сужденія о нихъ мы пользуемся только побочными данными—подсчетомъ имѣній, а не историческими источниками, бѣдность которыхъ для этого вопроса поразительна.

О Василіи Өеодоровичѣ «Красномъ» мы знаемъ только, что онъ участвовалъ въ политическихъ дѣлахъ какъ сторонникъ отдѣленія Литвы отъ Польши и въ 1446 году настаивалъ на отказѣ Казиміра отъ при-

---

роду, что́ вѣрнѣе, такъ какъ Подолье послѣ этого вполнѣ подчиняется Свидригайлѣ; странно также слишкомъ поспѣшное удаленіе въ Львовъ поляковъ —«побѣдителей».

[66]) О Өедорѣ Даниловичѣ—Arch. Sang. I, 5—21; Длугошъ, кн. II, 617—621; Stryjkowski, II, 186—189, Stadnicki, Synowie Gedymina, Lwów 1864, II, 163; Baliński i Lipiński, P. Star., II, 936; Максимовичъ, I, 169—171, гдѣ помѣщена выдержка изъ ненапечатанной лѣтописи; Пам. Кіевской Врем. К., IV, I, 118; Барсуковъ, Источники русской агіографіи, СПБ. 1882, стр. 588—589; Брянцевъ, Исторія Лит. госуд., 270; Батюшковъ, Волынь, 64—84,—годъ смерти не вѣренъ, нужно—«послѣ 1441».—A. Lewicki, Powstanie Swidrygełły, Kraków, 1892, а за нимъ и Вольфъ (Kniaziowie .. 275 276), почему то называютъ Өеодора, противника Поляковъ, княземъ Несвижскимъ, не приводя данныхъ за свою яко бы поправку общепринятаго мнѣнія. Въ родословіи князей Несвижскихъ (Stecki, Miasto Równe, Warsz. 1880, прил. 2 и у Вольфа) есть Өеодоръ, имѣвшій сына Василія, такъ что генеалогія Несвижскихъ и Острожскихъ въ данномъ періодѣ совпадаютъ, что и могло дать поводъ къ смѣшенію. Wolff даже указываетъ двухъ Өеодоровъ Даниловичей, одного, умершаго въ 1410 г., другаго—послѣ 1438 г. Заподазривая самостоятельность этого рода (—далъ роды Вишневецкихъ, Збаражскихъ, Порыцкихъ, Воронецкихъ, Ровенскихъ), мы остаемся при своемъ взглядѣ.

нятія польской короны, а когда корона была принята, онъ успѣшно настаивалъ на отчужденіи отъ Польши Волыни и Подолья. Хотя такая дѣятельность шла въ разрѣзъ съ желаніями Казиміра, Василій Ѳеодоровичъ пользуется милостями короля и получаетъ отъ него наданья [67]). Остальныя свѣдѣнія о Василіи Острожскомъ касаются его частныхъ дѣлъ: въ 1428 г. онъ получилъ отъ Витовта въ приданное за женою, кн. Анною, Новоставцы, Ильинъ и др. имѣнія; имъ же была возобновлена Богоявленская церковь въ Острогѣ, построенная Даніиломъ, и основанъ Дерманскій монастырь; одновременно Василій подтверждаетъ отцовскія наданья Острожскому доминиканскому монастырю. Главную же сторону дѣятельности Василія Ѳеодоровича занимаетъ хозяйство и обезопашеніе своихъ владѣній отъ татарскихъ набѣговъ; въ этихъ видахъ имъ были построены стѣны вокругъ Острога, Дубно и Заславля.—Вотъ тѣ немногочисленныя достовѣрныя свѣдѣнія, какія намъ удалось собрать о Василіи Ѳеодоровичѣ; умеръ онъ до 1461 года [68]).

Еще меньше сохранилось свѣдѣній объ Иванѣ Васильевѣ. Отрывочныя данныя свидѣтельствуютъ, что Иванъ сражался съ татарами и, въ 1454 г., вмѣстѣ съ Іоанномъ Лащемъ, наголову разбилъ ихъ при Теребовлѣ, при чемъ татары были перебиты и освобождено девять тысячъ плѣнныхъ. Съ этою побѣдой преданіе соединяетъ построеніе супругою Ивана, кн. Анастасіею Глинскою (?), монастыря въ Колодежно, впослѣдствіи разрушеннаго татарами; самому же Ивану приписывается основаніе Троицкаго монастыря въ Межирѣчьи. Сохранившіяся грамоты свидѣтельствуютъ, что Иванъ Васильевичъ стремился къ увеличенію своихъ имѣній покупкой, при чемъ видно, что сравнительно онъ былъ очень богатъ и обставлялъ себя по великокняжески—имѣлъ своего воеводу, маршалка и т. п. [69]). Какихъ либо другихъ свѣдѣній о немъ не

---

[67]) Дворъ Осташинъ и 30 чел. подданныхъ—Лит. Метр., Кн. Зап., III, л. 51.

[68]) Arch. Sanguszków, I, 29. 39; Памятн. Врем. Кіевской Комм., IV, I, 118; Słownik geograf. VII, 683; Максимовичъ, I, 172; Кіевск. Старина, 1883, VIII, 371; Wolff, 344—345. Послѣ смерти Василія Ѳеодоровича домъ Острожскихъ раздѣляется: Юрій Васильевичъ, раздѣливъ съ братомъ имѣнія, полагаетъ началу роду князей Заславльскихъ.

[69]) Arch. Sang. I, 44. 56—61; Акты Ю. З. Р. I, 293; Пам. Кіевск. Вр. К., IV, I, 118; Strykowski, II, 235; Максимовичъ, I, 172; Батюшковъ, Волынь, 94; Девятисотлѣтіе православія на Волыни, ч. I, стр. 66.

сохранилось, равно какъ и характеристики его, очень интересной въ виду вопроса о вліяніи на его сына, «приснопамятнаго», świętobliwej pamięci», Константина.

О времени рожденія послѣдняго, впослѣдствіи славнаго и виднаго церковно-государственнаго дѣятеля, не сохранилось ровно никакихъ данныхъ. Надгробная надпись въ Кіево-Печерской лаврѣ указываетъ, что Константинъ Ивановичъ умеръ 70-ти лѣтъ, но годъ смерти указанъ неправильно—1533. Если же ошибка въ годѣ произошла отъ смѣшенія времени кончины съ временемъ постановки памятника, то весьма вѣроятно, что самое время жизни опредѣлено вѣрно, при томъ же это опредѣленіе подтверждается и обстоятельствами жизни—полученіемъ «наданій» отъ Казиміра и возведеніемъ въ званіе гетмана. Въ виду этихъ соображеній мы полагаемъ, что Константинъ Ивановичъ родился въ 1460—1463 годахъ [70]).

Еще въ дѣтствѣ Константинъ Ивановичъ лишился родителей [71]), такъ что первое воспитаніе онъ получилъ подъ руководствомъ отцовскихъ бояръ и, отчасти, старшаго своего брата —Михаила. Сохранившіяся свидѣтельства о жизни Константина Ивановича въ этотъ періодъ говорятъ преимущественно объ экономическихъ сдѣлкахъ; судя по ихъ характеру, воспитатели молодыхъ князей выполняли только планы умершаго отца ихъ. Первая, грамота такого рода относится къ 1474 году: вдова какого то Федьки Денисовича «заставляетъ» братьямъ Острожскимъ имѣнье Велу въ пятидесяти копахъ «готовыхъ грошей личбы ческое» [72]). На тѣхъ же условіяхъ молодые князья въ 1481 году пріобрѣтаютъ имѣніе Пьянъ за 30 копъ грошей,—пріобрѣтаютъ, потому что такова обычная продажная форма того времени при сдѣлкахъ съ обѣднѣвшими родами [73]). Въ это время мы видимъ Константина Ивановича въ Острогѣ,

---

[70]) Романовскій, Труды 3-ьяго арх. съѣзда въ Кіевѣ, Кіевъ 1878, стр. 206,—почему то прямо говоритъ, что Конст. Ив. родился въ 1461 г., но, какъ часто бываетъ въ интересныхъ вопросахъ, утвержденіе не имѣетъ цитаты.

[71]) Отецъ и мать умерли послѣ 20 окт. 1466 г. и до 12 апр. 1474, когда братья Острожскіе дѣйствуютъ самостоятельно и отъ своего имени. См. цитов. въ пр. 69 мѣсто изъ Архива Сангушковъ.

[72]) Arch. Sang., I, 68.

[73]) Ibid., 77—78.

окруженнымъ многими мелкими панами—прислужниками. Но въ 1486 г. мы находимъ его уже въ Вильнѣ, очевидно, при дворѣ Казиміра. Характеръ свидѣтельствъ о его жизни и дѣятельности нѣсколько видоизмѣняется. Въ Вильнѣ мы видимъ Константина Ивановича въ обществѣ «бакаляра» троцкаго воеводы Мартина Гаштольда; возможно, что Острожскій, не смотря на слишкомъ двадцатилѣтній возрастъ, обучался вмѣстѣ съ единственнымъ сыномъ Мартина, Альбрехтомъ, впослѣдствіи воеводою виленскимъ и канцлеромъ. Въ это же время братья Острожскіе устраиваютъ не имущественныя только дѣла, но и свои отношенія съ подручными земянами и боярами. Въ 1486 г. они даютъ въ держанье семейству пана Охремовича половину Межирѣчья подъ условіемъ военной и земской службы [74]; въ слѣдующемъ году входятъ въ такой же договоръ съ семействомъ Чапличей, очень дорожившихъ своею связью съ Острогомъ. При этомъ мы видимъ что Острожскіе вращаются уже въ высшемъ кругу волынскихъ пановъ—Гойскаго, кн. Четвертинскаго, кн. Путятича, Хребтовича и др. [75]. Въ договорѣ Острожскихъ съ Чапличами характерно то обстоятельство, что обѣ стороны сохраняютъ обязательства отцовъ, не смотра на очевидную ихъ невыгоду для обѣихъ сторонъ [76].

Изъ Вильны братья Острожскіе переѣхали, чрезъ Луцкъ, въ Острогъ, гдѣ мы ихъ находимъ въ іюнѣ 1488 года, когда они покупаютъ «закладнымъ правомъ» у пана Ивашкевича село Тороканов за 80 к. гр. (ок. 600 руб. сер. [77]). Покупка эта интересна по гуманности ус-

---

[74]) Arch Sang., I, 84—85.

[75]) Ibid. 85—87.

[76]) Сравни договоръ Чаплича съ Ив. Вас. Острожскимъ (1466 г.) съ вышеупомянутымъ. Такъ, Чапличъ, промѣнивая дворъ свой Гольче на Межирѣчье, приплачиваетъ Ивану Васильевичу 30 копъ гр. и обязуется служить «до живота»—но одинъ; дѣти его ничего не приплачиваютъ но обязуются служить цѣлою семьей.—Arch. Sang. I, 60—61.—Въ 1494 г., по смерти Чаплича, его племянникъ затѣялъ судъ съ Острожскими, оспаривая у нихъ право на Гольче, но неудачно—Лит. Метрика, Кн. Зап., V, 6; Акты Лит. Метрики, I, 41.

[77]) Arch. Sang. I, 88. «Закладное право состояло въ томъ, что продавшій имѣнье пользовался правомъ выкупа его въ любое время, при чемъ возвращалъ покупную сумму и оплачивалъ всѣ затраты, какія произвелъ временный владѣлецъ. Замѣтимъ, что подобный выкупъ почти никогда не совершался—въ виду постепеннаго усиленія крупнаго землевладѣнія.

ловій—въ тотъ отдаленный періодъ времени, обычно считаемый періодомъ грубости и необразованности. Такъ, всѣмъ тяглымъ продаваемаго Тороканова предоставляется право ухода изъ имѣнія и, наоборотъ, всякому безъ различія—право осѣсть въ имѣніи подъ условіемъ внесенія владѣльцамъ одной копы грошей.

Въ то же время братья Острожскіе, какъ представители виднаго рода, начинаютъ пріучаться къ государственнымъ дѣламъ. Для этого они поступили въ обычную тогда школу—въ свиту великаго князя и сопровождали его въ переѣздахъ, какъ «дворяне», т. е., придворные. 2 іюня 1489 года мы видимъ ихъ въ Краковѣ, гдѣ они получаютъ, въ возмѣщеніе путевыхъ издержекъ, по 15 копъ и 3—слугѣ. Въ данномъ случаѣ братья Острожскіе занимаютъ по рангу среднее положеніе, вслѣдъ за дѣтьми вассальныхъ смоленскихъ князей. [78]).

На два года послѣ этого памятники умолкаютъ о Константинѣ Ивановичѣ и только въ 1491 году онъ случайно является предъ нами, но уже безъ брата Михаила, въ роли гражданскаго дѣятеля: подпись его мы находимъ на «правомъ листѣ», данномъ кн. Александру Сангушкѣ (по дѣлу съ Цецевинскими за им. Новосельце) старостою луцкимъ, кн. Сем. Юрьев. Гольшанскимъ, и волынскими панами. Константинъ Ивановичъ занимаетъ уже сравнительно высокое мѣсто—подпись его слѣдуетъ за подписями еп. Іоны (духовные подписывались первыми) и кн. Михаила Сангушки. [79]).

Весьма вѣроятно, что уже въ эту раннюю эпоху Константинъ Ивановичъ выдвинулся впередъ изъ среды многочисленныхъ волынскихъ князей и пановъ. Этому содѣйствовало самое положеніе Острога и владѣній его на рубежѣ Волыни, что, при почти непрерывныхъ набѣгахъ татаръ, необходимо заставляло Острожскихъ заботиться объ отраженіи набѣговъ; съ другой стороны быстрому возвышенію молодого князя способствовали богатство и широкія родовыя связи. Дѣйствительно, почти всѣ знаменитыя и могущественныя фамиліи были въ родствѣ съ домомъ князей Острожскихъ. Радивиловичи (впослѣдствіи Радзивиллы). Гаштольды, Сапѣги. кн. Гольшанскіе, Глинскіе, Сангушки, Гойскіе, Олизаровичи (Шиловичи), Боговитиновичи, кн. Дубровицкіе

---

[78]) Лит. Метр., Кн. Зап., IV, л. 77 на об.

[79]) Arch. Sang. I, 94—95.

и др. [80]), т. е. все, что стояло во главѣ тогдашняго правительства, за исключеніемъ Заберезинскихъ, Довойнъ и Кишекъ. И что весьма оригинально—литовскіе родичи были сильны въ радѣ, волынскіе—богатствомъ, особенно кн. Марія Ровенская, прямымъ наслѣдникомъ которой былъ Константинъ Ивановичъ.

Но однѣ родственныя связи не могли доставить ему того положенія, которое онъ занялъ впослѣдствіи: честолюбіе въ тѣ времена, пожалуй, было сильнѣе, чѣмъ даже въ концѣ XVIII в. въ Польшѣ. На возвышеніе Константина Ивановича большое вліяніе имѣли его личныя заслуги, его боевой талантъ и опытность [81]). Послѣднюю онъ пріобрѣталъ въ непрерывной борьбѣ съ татарами, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе тогдашняго гетмана литовскаго Петра Яновича Бѣлаго, рѣшившагося рекомендовать рядового князя, какимъ былъ Константинъ Острожскій, сразу въ гетманы. [82]).

Безъ сомнѣнія Константинъ Ивановичъ принималъ участіе въ отраженіи татарскаго набѣга 1491 года. Въ этотъ набѣгъ нахлынувшіе татары сожгли въ Кіевѣ Печерскую церковь, опустошили всю Волынь, взяли и сожгли городъ Владиміръ, при чемъ въ пожарѣ погибла лучшая городская церковь—каменный Пречистенскій соборъ, возобновленіе котораго въ 1494 году епископомъ Вассіаномъ лѣтопись считаетъ цѣлымъ событіемъ. Страшное опустошеніе распространилось и на Галицію. Наконецъ, соединенныя подъ начальствомъ Семена Юрьевича Гольшанскаго силы поляковъ и волынянъ погнались за уходившими грабителями

---

[80]) Мать Константина Ивановича была сестрою кн. М. Л. Глинскаго; сестры—за Боговитиновичемъ, Дубровицкимъ, Сангушкой и Вишневецкимъ; Гойскіе, Олизаровичи, Ильиничи—по женской линіи,—были женаты на теткахъ Конст. Ивановича; Радивилы—по женѣ Ник. Николаевича Стараго, ур. кн. Софіи Заславской, такъ что Острожскій судился за имѣнія послѣ ея смерти (Boniecki, Pocz. rodów, 233 и Акты Ю. З. Р., I, 33); Гольшанскіе—по 1-й женѣ Конст. Ивановича, Сапѣги и Пацы -по родству съ кн. Кобринскими и т. д. Акты Лит. Метр. I, 58.

[81]) Старшій его братъ, Михаилъ, занималъ староство луцкое и не выдвинулся, не смотря на полную тождественность положеній и обстоятельствъ.

[82]) Такъ передаютъ лѣтописцы—Stryjk. II, 305. Петръ Яновичъ хорошо зналъ Острожскаго, ибо, до воеводства троцкаго, онъ занималъ, между прочимъ, постъ маршалка Волынской земли—Arch. Sang. III, 20, подъ 1486 г.

и нанесли имъ подъ Заславлемъ рѣшительное пораженіе. Хотя побѣда была post factum, но она почти на четыре года обезпечила Волынь отъ большихъ набѣговъ; мелкіе, по обычаю, производились очень часто, даже во время мирныхъ переговоровъ короля съ ханомъ [83]).

Въ этихъ то походахъ и выдвинулся Константинъ Ивановичъ, дѣятельность его на этомъ поприщѣ была замѣчена и оцѣнена Казиміромъ, о чемъ, какъ увидимъ дальше, Александръ и Сигизмундъ I не разъ заявляли въ своихъ грамотахъ. Но въ чемъ именно заключалась эта оцѣнка мы судить не можемъ, ибо глухое выраженіе о полученіи «наданій» проливаетъ на этотъ вопросъ весьма мало свѣта.

Таже скудость свѣдѣній не даетъ намъ возможности опредѣлить участіе молодого князя въ дѣлахъ церковныхъ. Смуты при Казимірѣ, связь съ ними запрещенія строить церкви, какъ мы уже видѣли, хотя и причиняли непріятность православнымъ, но гоненія за вѣру, или какъ выражались русскіе князья въ посланіи къ патріарху «ради тѣснящихъ насъ въ вѣрѣ»,—не было вообще, а тѣмъ болѣе на Волыни, гдѣ сплошное православное населеніе еще не выдѣляло изъ своей среды отступниковъ, какъ впослѣдствіи. Даже Подолье со своими фанатиками —Бучацкими, оставалось спокойнымъ, безъ всякаго признака религіозной борьбы [84]). Къ самому концу своего царствованія и Казиміръ перемѣнилъ свое отношеніе къ православнымъ... Хорошею иллюстраціей положенія православныхъ въ это время служитъ поразительный фактъ появленія печатныхъ славянскихъ книгъ *въ Краковѣ*, 1491 г., трудами *нѣмца* Фѣоля, иждивеніемъ, очевидно, православныхъ пановъ и князей [85]). Вообще проявленія религіозной терпимости, не смотря на

---

[83]) Супр. лѣт., 139—140; Акты З. Р., I, 125.

[84]) Симашкевичъ («Римское католичество и его іерархія на Подолѣ», Каменецъ, 1872, глава I) по обычному шаблону нѣсколько сгустилъ краски.

[85]) Швайтполь Фѣоль, повидимому, имѣлъ большія средства, такъ какъ, по тому времени, издалъ слишкомъ много, именно: въ одинъ годъ (?) онъ издалъ 2 тріоди, слѣдованную псалтирь, часословъ и осмогласникъ, между тѣмъ какъ изданія Скорины шли такъ медленно, что для каждой книги Библіи требовалось по году работы. Что въ изданіи Фѣоля участвовали южно-русскіе паны и князья—доказательствомъ служитъ примѣсь народнаго языка и особенности южно-русскихъ списковъ, значитъ Фѣоль печаталъ по этимъ спискамъ.—При всемъ нашемъ желаніи мы не могли видѣть изданій Фѣоля, ни найти хорошаго и обстоятельнаго обслѣдованія ихъ съ исторической, а

формальныя стѣсненія, мы наблюдаемъ въ достаточномъ количествѣ въ періодъ 1490 годовъ [86])

Если къ концу царствованія Казиміра положеніе православныхъ ухудшилось формально, то при его преемникѣ, Александрѣ, оно ухудшилось и фактически.

7-го іюня 1492 г., по дорогѣ въ Польшу, въ Гроднѣ умеръ Казиміръ [87]) Немедленно состоялся въ Вильнѣ сеймъ по преимуществу изъ русскихъ князей—Глинскихъ, Слуцкихъ, Гольшанскихъ, Мстиславльскихъ, Гедройцевъ; очень быстро, безъ всякаго сношенія съ Польшей, великимъ литовскимъ княземъ былъ избранъ четвертый сынъ Казиміра Александръ, привезенъ изъ Трокъ въ Вильну и коронованъ епископомъ Войтѣхомъ Таборомъ. Такая поспѣшность избранія и сравнительное преимущество русскаго вліянія на самое избраніе Александра весьма характерно указывали на то, что литовцы всѣми силами желали освободится отъ благъ уніи съ Польшей, а русскіе думали найти въ новомъ князѣ покровителя литовской Руси, но—обѣ партіи жестоко ошиблись.

Личность новаго князя, въ извѣстномъ смыслѣ, была симпатична. Онъ во многомъ напоминалъ русскаго царя—добряка, Алексѣя Михайловича; подобно ему Александръ былъ крайне слабохарактеренъ, легко подчинялся вліянію болѣе сильной воли, былъ весьма щедръ, съ необычайной готовностью любилъ награждать выдающихся чѣмъ-либо людей, подобно «тишайшему» любилъ музыку и все изящное, былъ мягокъ, правдивъ и добродушенъ, вспыльчивъ и отходчивъ,—но далеко уступалъ русскому царю въ умственныхъ дарованіяхъ, въ умѣньи выбрать совѣтника, вовремя остановиться, удержать себя въ предѣлахъ политическа-

---

не лингвистической стороны, такъ что фактъ изданія славянскихъ книгъ остается для насъ темнымъ и трудно объяснимымъ.—Владиміровъ, Докторъ Франсискъ Скорина, СПБ., 1888, стр. 24—27 и др. сообщаетъ по этому вопросу очень мало.

[86]) Въ 1491 г., какъ вы видѣли, кн. Кобринская даетъ фундушъ мѣстному Спасскому монастырю; въ 1491 г. Ив. Сем. Кобринскій даетъ Печерскому м. Осово, въ 1494 г. еп. Вассіанъ возобновляетъ Пречистенскій Владимірскій соборъ и т. д. См. прим. 50 и—Акты Ю. З. Р. I, 130; Супр. лѣт., 140 и др.—Кажется, что формальныя стѣсненія примѣнялись только въ центрахъ литовской государственной жизни, напр., въ Вильнѣ, Новгородкѣ, Трокахъ..

[87]) Супр. лѣт., 140.

го благоразумія. Такой характеръ, въ связи съ политическими обстоятельствами времени, повелъ къ тому, что, тогда какъ царствованіе Алексѣя Михайловича можно назвать золотымъ вѣкомъ Москвы, княженіе Александра составляетъ одну изъ самыхъ печальныхъ и тяжелыхъ [88]) эпохъ въ литовской исторіи.

Печально началось правленіе новаго князя. Давно ожидаемое столкновеніе съ Москвою положило начало длинной и несчастной для Литвы войнѣ. Казиміръ всѣми силами отклонялъ этотъ ударъ, потому что ясно предвидѣлъ роковыя его послѣдствія, Іоаннъ, съ своей стороны, не желалъ столкновенія въ виду соединенія Литвы съ Польшей и боялся неудачи. Теперь же Литва была значительно ослаблена отдѣленіемъ Польши, гдѣ королемъ сдѣлался старшій братъ Александра, Янъ Альбрехтъ. Недовольство смольнянъ, всегда поддерживаемое Іоанномъ, значительно облегчало планы Москвы,—и война началась.

Еще Казиміръ, предвидя этотъ разрывъ, въ 1490 году посылалъ приказъ объ укрѣпленіи Полоцка [89]); укрѣплены были и другіе пограничные города. Александру, сразу же по коронованіи, пришлось обратиться къ защитѣ границъ. Осенью, по вѣсти изъ Смоленска о нападеніи московскихъ войскъ на Мценскъ, Любутскъ, Серпѣйскъ, Мезецкъ и другіе пограничные города, Александръ послалъ туда «засаду», писалъ епископу, воеводѣ и всѣмъ смольнянамъ, чтобы они стойко держались противъ Москвы, умолялъ быть вѣрными, обѣщалъ награды... [90]) Гарнизоны были посланы и въ другіе города, но напрасно: воеводы Іоанна, во главѣ съ кн. Дан. Вас. Щенятею побѣдоносно прошли по восточнымъ окраинамъ Литвы; Вязьма, Дорогобужъ, Мценскъ, Любутскъ, Мезецкъ, Хлепень, Серпѣйскъ были взяты; гарнизоны захвачены въ плѣнъ, начальники ихъ разосланы въ заточеніе. Іоаннъ съ особенною жестокосью обошелся съ плѣнными пограничными князьями и одного изъ нихъ, Михайла Вяземскаго, уморилъ въ ссылкѣ. Пораженіе Литвы, какъ того и ожидали Александръ и его приближенные, было полное [91]).

---

[88])—тяжелыхъ, но не мрачныхъ; послѣдній эпитетъ приложимъ только къ царствованію Сигизмунда III.

[89]) Daniłowicz, Skarbiec, II, № 2034, стр. 224—225. Неправильно названъ Александръ.

[90]) Ibid. № 2040 и 2052, стр. 225—226 и 230.

[91]) Gwagnin, Kronika, Kraków 1611, изд. 2, II, 63; Лѣт. Быховца,

Тяжесть пораженія увеличивалась еще тѣмъ, что съ одной стороны татары производили набѣги на югъ, съ другой—на западной границѣ шли нелады съ Польшей; даже орденъ, заключивъ десятилѣтнее перемиріе съ Новгородомъ, т. е., Іоанномъ, обнаруживалъ непріязненное расположеніе къ Литвѣ. Пограничные русскіе князья, спасая свои «животы», потянулись въ Москву: переѣхали два Бѣлевскихъ князя, Мезецкій, Вяземскій; Іоаннъ даже рѣшился послать приглашеніе бѣжавшему въ Литву кн. Василію Михайловичу Верейскому возвратиться на родину. Даже поляки начали угрожать дѣтямъ Казиміра: въ 1493 году въ Москву прибылъ варшавскій намѣстникъ Подося съ предложеніемъ отъ Конрада Мазовецкаго—выдать за него дочь Іоанна и заключить союзъ противъ дѣтей Казиміра [92]). Понятно, что въ Литвѣ всѣми силами желали возможно скорого заключенія мира, а чтобы миръ былъ купленъ возможно меньшею цѣною—возникло намѣреніе заключить брачный союзъ между Александромъ и дочерью великаго князя Московскаго.

Мы не станемъ разсматривать сношеній по этому вопросу. Замѣтимъ только, что начало имъ было положено еще до войны, въ іюлѣ 1492 г.; велись они, со всею тонкостью и со всѣми ухищреніями тогдашней комично-важной дипломатической науки, во все продолженіе войны воеводою полоцкимъ Я. Ю. Заберезинскимъ и воеводою виленскимъ Н. Н. Радивиломъ [93]); и только тогда, когда почва была достаточно обслѣдована и подготовлена, а ходъ войны слишкомъ дурно сложился для Литвы, сношенія пошли оживленнѣе и имъ былъ приданъ оффиціальный характеръ—въ Москву было отправлено великое посольство во главѣ съ воеводою троцкимъ Петромъ Яновичемъ Бѣлымъ и старостою жмудскимъ Станиславомъ Яновичемъ. Цѣлью посольства

63; Лѣтоп. Архангелогородскій 171—172; Stryjkowski, и лѣтописи русскія.

[92]) Daniłowicz, Skarbiec, II, № 2061, стр. 232; Акты З. Р., I, 123. 125. 130—133; Сборникъ... XXXV, 81—82. 90—102; 168. 211 и др. Карамзинъ, VI, 247.

[93]) Сборникъ Р. Имп. Ист. Общ. XXXV, разл. Характерно, что даже Янъ Альбрехтъ торопилъ Александра женитьбой на Еленѣ, указывая на тяжелое положеніе ихъ брата Владислава, короля Венгерскаго, которому угрожалъ Римскій Императоръ—Arch. Sanguszków, II, 247—249. Неизвѣстно, что это за «dux Ostrowiensis, qui nobis (Альбрехту) famulatur», упоминаемый въ этомъ письмѣ?

было заключенiе брачнаго договора и мира между государствами. Но московскiе дьяки весьма удачно для себя переставили вопросы и сначала повели рѣчь о мирѣ. Послѣ долгихъ переговоровъ, послѣднiй былъ заключенъ 5-го февраля **1494** года. Условiя его были очень тяжелы для Литвы; не смотря на уступку ей завоеванныхъ Мценска, Брянска, Серпѣйска и нѣкоторыхъ другихъ городовъ и волостей, площадь территорiи, отходившая къ Москвѣ, была очень велика: половина нынѣшней Смоленской губернiи, часть Калужской и Могилевской, сѣверная половина Орловской и Черниговской были навсегда потеряны для Литвы. Не смотря на кажущееся незнанiе географiи, московскiе дьяки провили границу такъ, что новыя владѣнiя Москвы острымъ клиномъ входили вглубь Бѣлоруссiи, что впослѣдствiи значительно облегчало Москвѣ военныя дѣйствiя [94]).

Послѣ заключенiя мира начались перегоры о женитьбѣ и о свободѣ вѣры для Елены. Александръ соглашался на всѣ предложенiя Iоанна, но послѣднiй наконецъ потребовалъ отъ литовскаго государя письменное обязательство, что онъ не только предоставитъ Еленѣ свободу вѣры, но построитъ для нея церковь въ замкѣ, на переходахъ, и даже будетъ препятствовать Еленѣ перейти въ латинство, буде она захочетъ сдѣлать это. Послы на словахъ выразили согласiе и 12 февраля **1494** года выѣхали изъ Москвы, а вслѣдъ за ними, 9 марта, выѣхали послы Iоанна для снятiя крестнаго цѣлованiя съ Александра.

Какъ не тяжелы были условiя мира и какъ не очевидна была политическая безрезультатность переговоровъ о женитьбѣ, все же въ Литвѣ очень радовались прекращенiю войны и наградили участниковъ. Въ числѣ награжденныхъ за военныя заслуги были и братья Острожскiе, Михаилъ и Константинъ. За что именно получили они награду, за службу ли противъ Москвы, или противъ татаръ,—неизвѣстно. Мы имѣемъ «увязную», а не жалованную, грамоту Александра отъ 16 апр. **1494** г., по которой вводъ князей во владѣнiе Полоннымъ возлагается на дворянина Сороку [95]). Быть можетъ это наданье весьма важнаго пункта южной

[94]) Daniłowicz, II, № 2067, стр. 234—235. Сборникъ..., XXXV, 125—129; отсюда же мы заимствуемъ матерьялъ для дальнѣйшаго разсказа о женитьбѣ на Еленѣ.

[95]) Arch. Sang., I, 143. Полонное—нынѣ мѣстечко Новоградъ—Волынскаго уѣзда.

полосы государства было результатомъ новаго усиленія православной русской партіи въ государственной жизни Литвы, которое являлось естественнымъ результатомъ подготовлявшагося брачнаго союза.

Для окончательныхъ переговоровъ о женитьбѣ и для передачи потребованной Іоанномъ грамоты, въ Москву былъ отправленъ, 2 апрѣля 1494 г., православный панъ-Янъ Литаворъ Хребтовичъ, маршалокъ и намѣстникъ слонимскій [96]). Хотя и его миссія не была вполнѣ удачна и не удовлетворила ни одной стороны [97]), но обѣ рѣшились поскорѣй окончить слишкомъ затянувшееся дѣло. 13 января 1495 года Елена выѣхала изъ Москвы въ сопровожденіи прибывшихъ за нею—кн. Александра Юрьевича Гольшанскаго, Яна Юрьев. Заберезинскаго—и многочисленной московской свиты, которая впослѣдствіи своимъ, подчасъ неразумнымъ и неумѣстнымъ, усердіемъ въ отстаиваньи религіозныхъ и національныхъ интересовъ Іоанна, создала цѣлый рядъ недоразумѣній между тестемъ и зятемъ.

Самъ Іоаннъ, въ своей «памяти» Еленѣ, также сильно стѣснилъ ее, опредѣлилъ каждый шагъ своей дочери сообразно московскимъ понятіямъ и тѣмъ поставилъ Елену въ фальшивое положеніе по отношенію къ мужу, его друзьямъ и религіи [98]).

---

[96]) Въ Сборникѣ Имп. Ист. Общ. и въ спискѣ сношеній Румянц. музея (Опис. рукоп..., 136) послѣ посольства Хребтовича по дѣлу о женитьбѣ непосредственно слѣдуетъ посольство Гольшанскаго и Заберезинскаго. У Daniłowicz'a Skarbiec, II, № 2085, стр. 239—241,—указывается, что въ 1494 г. пріѣзжали въ Москву съ просьбой объ отпускѣ Елены Петръ Яновичъ и Константинъ Ивановичъ (—конечно, Острожскій, такъ какъ никто изъ правящаго класса не носилъ тогда этого имени). Это посольство весьма вѣроятно,—Хребтовичъ объ отпускѣ не уговаривался. Но страненъ пропускъ въ посольской книгѣ, трудно объяснимый тѣмъ, что вопросъ о днѣ выѣзда былъ не важенъ.

Что касается грамоты о непринужденіи Елены къ латинству, то, въ виду ея роли впослѣдствіи, приведемъ изъ нея существенное мѣсто:... «что за мене далъ свою дочерь Елену, и намъ его дочери не нудити къ римскому закону, держати (разумѣется—ей) свой греческій законъ». Сборникъ, 159. Не удовлетворившись этой редакціей, Іоаннъ, въ февралѣ 1495 г., требовалъ новую грамоту, но напрасно.

[97]) Іоаннъ ничего не хотѣлъ уступать въ пограничныхъ дѣлахъ, Александръ отказывался дать грамоту въ желательной для Москвы редакціи.

[98]) «Память великой княжьнѣ Еленѣ. Къ латынской божницѣ не хо-

Торжественна была дорога Елены: вездѣ ее встрѣчали и чествовали высшіе литовскіе чины, епископы служили для нея литургіи и молебны, народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ ея проѣздъ. Въ числѣ пановъ, высланныхъ на встрѣчу Еленѣ, мы видимъ и Конст. Ив. Острожскаго. Въ Марковѣ встрѣтилъ и привѣтствовалъ Елену отъ лица Александра отрядъ изъ шестидесяти человѣкъ, во главѣ со Стан. Стромиловымъ (такъ называли москвичи Ст. Петр. Кишку), К. И. Острожскимъ и кн. Вас. Глинскимъ. Они привезли княжнѣ отъ Александра роскошный обитый бархатомъ возокъ, запряженный восьмеркой бѣлыхъ лошадей въ пышной золоченой сбруѣ. Но Елена въ возокъ не пошла, «а велѣла бояромъ то имъ отговорити.[99])». Послѣ неловкихъ переговоровъ и столкновеній по вопросу о церемоніалѣ, бракосочетаніе, наконецъ, совершилось въ каѳедральномъ костелѣ Станислава, при чемъ, одновременно съ Войтѣхомъ Таборомъ, брачные молитвы читалъ попъ Ѳома, московскій духовникъ Елены, такъ какъ присутствовавшій въ костелѣ архимандритъ Макарій отказался сдѣлать это [100]).

Мы останавливались такъ долго на вопросѣ о женитьбѣ Александра на Еленѣ какъ, потому, что теперь впервые мы встрѣчаемъ Константина Ивановича уже при особѣ великаго князя, такъ и потому, что этотъ бракъ имѣлъ весьма важныя послѣдствія для Литвы во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому мы посвятимъ ему еще нѣсколько замѣчаній.

Въ политическомъ отношеніи и Александръ и Іоаннъ возлагали

дити, а ходити ей къ своей церкви. А похочетъ посмотрити латынскія божницы, или монастыря латынского, ино ей посмотрити однова или дважды, а болѣе того ей къ латынской божницѣ не ходити. А будетъ королева въ Вильнѣ, мати великого князя Александра, свекры еѣ, и коли пойдетъ къ своей божницѣ, а велитъ ей съ собою ити и великой княгинѣ Оленѣ еѣ провожати до божницы, да отпрашиватися ей у ней вѣжливо къ пѣтью къ своей церкви, а въ божницу ей не ходити». Сборникъ, 163 —Все было предусмотрѣно— —куда заѣхать, гдѣ слушать церковную службу, когда выйти изъ кареты, съ кѣмъ говорить и т. д. (Ibid. 167). Іоаннъ даже предписалъ Еленѣ не принимать князей—Тверскаго и Шемячича, т. е., отнестись враждебно къ друзьямъ своего мужа. Вообще, сразу было видно, что Іоанну хотѣлось, чтобы въ Вильнѣ все совершали по московскому обычаю, чтобы Елена была орудіемъ московской политики.

[99]) Сборникъ, 185.

[100]) Московская свита Елены объясняла отказъ Макарія его страхомъ предъ Александромъ.

большія надежды на этотъ союзъ. Александръ и литовцы простодушно полагали, что Іоаннъ теперь сдѣлается другомъ и защитникомъ Литвы и что всѣ недоразумѣнія прекратятся. И эта увѣренность ихъ была такъ велика, что Александръ, въ своихъ отношеніяха къ Іоанну, былъ замѣчательно чистосердеченъ и правдивъ. Іоаннъ съ своей стороны, думалъ, что зять будетъ послушнымъ его орудіемъ, радикально измѣнитъ традиціонныя воззрѣнія литовскаго правительства на православіе, что Москвѣ легче будетъ прибирать къ своимъ рукамъ мелкихъ украинскихъ князей [101]). Понятно, что оба князя ошиблись въ своихъ надеждахъ. «Кажется, говоритъ Карамзинъ [102]), что Іоаннъ и Александръ въ семъ случаѣ не хотѣли обмануть другъ друга, но сами обманулись».. Въ чемъ выразилось это—увидимъ нѣсколько ниже, а теперь обратимъ вниманіе на то, въ какой моментъ прибыла Елена въ Литву и почему православные такъ радостно ее привѣтствовали.

Мы уже видѣли, что къ концу царствованія Казиміра юридическое положеніе православныхъ сильно ухудшилось; если же фактически оно колебалось, то благодаря такту и опытности Казиміра. Съ началомъ княженія Александра православные очутились въ тяжеломъ положеніи и виною этою былъ новый епископъ виленскій—Войтѣхъ Таборъ (1492—1507), правленіе котораго почти совпадаетъ съ княженіемъ Александра. Таборъ, безспорно, одинъ изъ лучшихъ латинскихъ епископовъ, когда-либо бывшихъ въ Литвѣ и Западной Руси. Это былъ человѣкъ дѣла, фанатичный защитникъ католицизма и, по своеобразному пониманію его, горячій сторонникъ уніи съ Польшей. «Мужъ недюжиннаго ума, дѣятельный, набожный, справедливый, горячо ратовавшій за благо края и церкви, [103])» онъ своею энергіей съумѣлъ сплотить вокругъ

---

[101]) Іоаннъ даже посылалъ грамоты въ Литву о дачѣ подводъ подъ его посла—Сборникъ..., 214, тамъ же и подорожная послу Долматову: «Іоаннъ, Божіею милостью государь всея Руси, вел. кн. Володимерскій, и Московскій .. въ Полтескъ, къ прыказщикомъ брата нашего и зятя, великаго князя Александровымъ; также и отъ Полотска по дорозѣ, по брата нашего землѣ, по городомъ и по волостемъ, намѣстникомъ и тиуномъ и всѣмъ заказникомъ. Послали есмя до своего брата и зятя, вел. кн. Александра своего сына боярскаго Василія Васильева сына Долматова гонцомъ: и вы бы давали ему проводники и подводы...» Очень характерная иллюстрація къ планамъ и политикѣ Іоанна въ отношеніи своего зятя.

[102]) Ист. Г. Росс., VI, 255.

[103]) Przyałgowski, Żywoty biskupów Wileńskich, 69.

себя католиковъ и, при помощи своего друга—Я. Ю. Заберезинскаго, вліять на Александра, пока ему не пришлось столкнуться на этомъ пути съ болѣе могучею духомъ личностью—кн. Михаиломъ Львовичемъ Глинскимъ.

Послушный Табору Александръ «уфундовалъ» бернардиновъ и доминиканъ въ Вильнѣ и Трокахъ и обезпечилъ дальнѣйшее безбѣдное существованіе кіевскихъ доминиканъ, предоставивъ имъ торговое мыто съ судовъ и два села православныхъ крестьянъ. Таборъ горячо ратуетъ за унію съ Польшей и выпрашиваетъ у папы право «духовнаго меча», чтобы защищать себя во время поѣздокъ по епархіи, такъ какъ на костельныхъ земляхъ живутъ де армяне и православные.... Іоаннъ прекрасно понималъ Табора и его значеніе, почему и потребовалъ отъ него лично расписки въ томъ, что онъ не будетъ принуждать Елену къ латинству [104]).

Сильное вліяніе на Александра двухъ фанатическихъ приверженцевъ латинства и полонизма, Табора и Заберезинскаго, вскорѣ сказалось на положеніи русскихъ дѣлъ. Мы видимъ, что, кромѣ кн. Гольшанскаго и Хребтовича, бывшихъ членами рады еще при Казимірѣ, въ литовской радѣ Александра нѣтъ православныхъ; даже православные князья, которымъ Александръ былъ обязанъ своимъ избраніемъ, какъ-то стушевываются, дѣлаются незамѣтными. Съ другой стороны, за время 1492—1495 г., почти совершенно нѣтъ болѣе или менѣе значительныхъ наданій православнымъ, кромѣ упомянутой отдачи Полоннаго «въ держанье» кн. Острожскимъ и льготъ жителямъ Владиміра [105]). Судя по тону частныхъ актовъ и по донесеніямъ Шестакова въ Москву, литовскіе православные чувствовали, что гроза надвигается и жили подъ гнетущимъ ожиданіемъ чего-то дурнаго.

Вмѣстѣ съ прибытіемъ Елены возникли надежды православныхъ на улучшеніе ихъ положенія. Эти надежды начали оправдываться уже въ силу необходимости—окружить православную русскую княжну православными же людьми; но дальнѣйшее улучшеніе произошло благодаря

---

[104]) Przyałgowski, 70—89; Daniłowicz, II, № 2090, стр. 243; Narbutt, Dzieje nar. Lit., VIII, 291—298.

[105]) Послѣдніе, въ виду татарскихъ набѣговъ и неурожая, освобождаются на годъ отъ платы «капщины» и «верховщины»—Лит. Метр., Кн. Зап., V, л. 23 на об.

особому стеченію политическихъ обстоятельствъ, о чемъ скажемъ ниже.

Родство съ Александромъ нисколько не мѣшало Іоанну продолжать свою систему ослабленія Литвы татарами. Дѣйствительно, набѣги ихъ продолжаются непрерывно, но Іоаннъ, вопреки договору съ Литвою, не только не помогаетъ ей, но даже въ Крыму двуличничаетъ съ ханомъ [106]). Въ 1495 году татары сдѣлали вторженіе въ Галицію и Волынь, прошли вплоть до Корца, но были поражены русскими силами подъ предводительствомъ кн. Семена Юрьевича Гольшанскаго. Набѣгъ слѣдующаго года былъ гораздо серьезнѣе: татары дошли до Луцка, сожгли Жидичинскій монастырь и осадили въ Ровенскомъ замкѣ русскихъ князей и пановъ: Сем. Ю. Гольшанскаго, Вас. Хребтовича, К. И. Острожскаго и другихъ. Вылазки не удались и русскіе должны были заплатить татарамъ окупъ; послѣдніе, предавъ городъ огню, удалились. Не смотря на неудачу русскихъ, этотъ татарскій набѣгъ послужилъ началомъ возвышенія Конст. Ив. Острожскаго. 10 іюня 1496 года Александръ даетъ ему второе наданье, но уже лично,—имѣнья Вздолбицу и Глинско—Луцкаго повѣта—со всѣмъ округомъ, «въ держанье» на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ раньше ими пользовался Олизаръ Шиловичъ, при чемъ эти имѣнья даются Константину Ивановичу пожизненно [107]).

Набѣги слѣдующаго, 1497-го, года опять были вынесены русскими только на однихъ своихъ плечахъ. Небольшой мартовскій набѣгъ былъ отраженъ М. И. Острожскимъ, который разбилъ татарскій загонъ у Полоннаго. Въ апрѣлѣ и маѣ набѣгъ былъ серьезнѣе: татары проникли вглубь Литвы, за Припять. Волынскіе князья и дворяне, во главѣ съ братьями Острожскими, разбили загоны въ двухъ мѣстахъ, на р. Сорокѣ и на р. Ушѣ. Но сѣверные загоны не встрѣтили сопротивленія и жертвою ихъ палъ митрополитъ Макарій, убитый 1-го мая на пути изъ Вильны въ Кіевъ [108]). Страшный набѣгъ слѣдующаго года, когда, по словамъ лѣтописца, «убитые лежали по дорогамъ, какъ снопы, вплоть до Перемышля и Канчуги», а жители хотѣли совершенно выселиться изъ страны, только отчасти захватилъ Волынь и литовскую Русь [109]).

---

[106]) Карамзинъ, VI, 257. 290 и прим. 408; Сборникъ, XXXV, 200.

[107]) Супр. лѣт., 141—142; Лит. Метр., Кн. Зап., VI, 131—132, сокращенно, полнѣе—Акты Зап. Р., I, 163; Опис. рук. Рум. музея, 122.

[108]) Супр. лѣт., 144—146.

[109]) Bielski, Kronika, л. 283 на обор.

Если эти бѣдствія выдвигали на видъ службу русскихъ, то гораздо рельефнѣе Александръ замѣтилъ это, равно какъ и ихъ преданность и готовность повиновенія себѣ и, при томъ, въ противувѣсъ неповиновенію римско-католиковъ, во время молдавскаго похода 1497 г., имѣвшаго гораздо большее значеніе для русскаго дѣла въ Литвѣ, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Во время этого похода Александръ лично испыталъ все значеніе русскихъ и того дуализма въ своемъ государствѣ, о которомъ мы выше говорили.

Безпокойства со стороны Стефана Волошскаго, сожженіе имъ Брацлава и набѣги на Польшу привели къ тому, что, послѣ напрасныхъ просьбъ о помощи Москвы [110]), въ ноябрѣ 1496 года состоялся сеймъ въ Парчовѣ, гдѣ собрались три брата,—Янъ-Альбрехтъ, Александръ и Сигизмундъ. Въ глубокой тайнѣ король польскій уговорился съ Александромъ предпринять совмѣстный походъ на Молдавію и наказать Стефана. Тайна эта соблюдалась весьма строго,—въ виду возможнаго и нежелательнаго вмѣшательства Іоанна III, родственника и пріятеля Стефана. Александръ старался обмануть бдительность Москвы извѣщеніемъ о необходимости двинуться съ войсками на югъ въ виду перехода турокъ чрезъ Дунай. Въ августѣ 1497 г., когда Александръ выступилъ въ походъ, въ Москвѣ уже узнали о его цѣли и «въ борзѣ» послали къ Александру гонца съ требованіемъ не ходить на Стефана. Московскій гонецъ нашелъ Александра уже далеко за Луцкомъ, послѣ того, какъ въ литовскомъ войскѣ произошелъ расколъ, вызванный требованіемъ рады указать цѣль похода. Наивный разсказъ лѣтописца о послѣднемъ событіи таковъ: «...и коли пришелъ князь велики Алексанро подъ Браславлемъ къ реце Бугу, и панове Литовскіи почали его пытати: Милостивы господару нашъ! куды твоя милость идеш съ нами. И князь Александро реклъ, коли-бы умыслъ мой, кошуля моя, которая на мнѣ естъ, вѣдала, я быхъ и тую зжохъ; и панове рекли, колижъ ты господаръ нашъ намъ рады а вмыслу своего не повѣдаешь, мы вой не хочемъ за реку Бугъ иты». Такое рѣшеніе рады и прибытіе гонца отъ грознаго тестя поставили Александра въ весьма затруднительное положеніе: приходилось или измѣнить слову и оставить брата на гибель, или же вызвать вражду рады и Московскаго князя. Изъ этого

110) Сборникъ... XXXV, 208.

затрудненія выручили Александра русскіе князья. Семенъ Ивановичъ Можайскій, Вас. Ив. Шемячичъ, Ст. Петр. Кишка, тогда еще только намѣстникъ лидскій, и многіе волынскіе князья и дворяне поспѣшили на помощь Яну Альбрехту, Александръ же занялся укрѣпленіемъ Брацлава. Но замѣшательство изъ-за оппозиціи рады сдѣлало помощь нѣсколько позднею—Стефанъ разбилъ Яна Альбрехта при Снятинѣ, и только помощь русскихъ князей и пораженіе ими Волоховъ на Днѣстрѣ спасли короля отъ совершенной гибели и обезпечили полякамъ безопасное отступленіе. Не смотря на то, что со стороны Александра пришли одни русскіе князья, --они представляли такую силу, что недавній побѣдитель не рѣшился лично напасть на нихъ и довершить гибель польской экспедиціи [111]).

Понятно, какъ долженъ былъ отнестись къ русскимъ Александръ.

Возвращаясь изъ-подъ Брацлава, повѣтствуютъ лѣтописи Быховца и Стрыйковскаго, Александръ заѣхалъ въ Троки къ умирающему Петру Яновичу Бѣлому, славному гетману, много послужившему Александру и отцу его,. Казиміру. Великій князь спрашивалъ, кого назначить гетманомъ? Петръ Яновичъ прямо указалъ на Конст. Ив. Острожскаго: «есть здѣсь одинъ князь, происходящій изъ князей Друцкихъ, живетъ онъ на Волыни, называется Константинъ Ивановичъ; ему поручи гетманство и помоги имѣньями, ибо онъ человѣкъ способный [112])».

Понятно, что этотъ разсказъ—одна изъ обычныхъ выдумокъ лѣтописца, желавшаго чѣмъ—нибудь объяснить внезапное возвышеніе сравнительно молодаго князя и необычайныя милости къ нему Александра [113]).

---

[111]) Супр. лѣт., 142—146; Лѣтоп. Быховца, 64—67; Соф. Врем., II, 256; Сборникъ, XXXV, 208. 233. 235—238. 242.

[112]) Лѣт. Быховца, 65; отсюда заимствовалъ Stryjkowski—II, 305.

[113]) Петръ Яновичъ говоритъ Александру объ Острожскомъ, какъ лицѣ неизвѣстномъ великому князю; но это очевидная неправда: указанное посольство въ Москву, наданье Полоннаго въ 1494 г., Вздолбицы въ 1496, встрѣча Елены,—доказываетъ, что Александръ зналъ Константина Ивановича очень хорошо и, при томъ, зналъ лично. Самое даже назначеніе Острожскаго гетманомъ послѣдовало раньше (см. грамоту на Вздолбицу).—Дѣйствительно, назначеніе Конст. Ивановича гетманомъ поразило современниковъ, но не потому, что Острожскій былъ русскимъ,—въ 1484 г. гетманомъ былъ Ив. Ходкевичъ,—но потому, что Конст. Ивановичъ не занималъ раньше никакой должности и, будучи сравнительно молодымъ, сразу занялъ столь важный урядъ.

вѣроятнѣе предположить, что подобный выборъ великаго князя обусловливался указанными выше политическими обстоятельствами, тѣмъ болѣе, что вообще со времени молдавскаго похода начинается постепенное усиленіе русской партіи. Борьба съ татарами, весьма цѣнная личная услуга Александру со стороны русскихъ князей, явное доказательство ихъ военнаго могущества,—вотъ причины избранія въ гетманы наиболѣе даровитаго изъ нихъ; при такихъ условіяхъ совѣтъ Петра Яновича конечно, могъ имѣть рѣшающее значеніе, такъ какъ Петръ Яновичъ, занимавшій раньше урядъ маршалка волынской земли и старосты луцкаго [114]), могъ хорошо знать Константина Ивановича, быть можетъ, своего соучастника въ борьбѣ съ татарами. Но совѣтъ стараго гетмана, если вѣрить сказанію лѣтописца, является post factum, такъ какъ Острожскій получилъ гетманство раньше возвращенія Александра въ Вильну.

Еще послѣ набѣга татаръ въ 1496 году, какъ мы видѣли, К. И. Острожскому были даны Александромъ въ «держань е»,т. е. для пользованія доходами, два села—Вздолбица и Глинско. Очевидно, что это было не только вознагражденіемъ за дѣятельное участіе въ борьбѣ съ татарами, но, такъ сказать, заявленіемъ, что великій князь замѣтилъ Константина Ивановича. Послѣ же молдавскаго похода, конечно, до возвращенія въ Вильну, Александръ щедро награждаетъ *новопожалованнаго* гетмана. Въ лагерѣ около Топорища, 30 сентября 1497 г., Александръ даетъ Острожскому жалованную грамоту, въ которой говоритъ, что «видя вѣрныя заслуги благороднаго Константина, князя Острожскаго, верховнаго гетмана (supremi campiductoris) великаго княжества нашего Литовскаго, которыми онъ передъ нами хорошо себя заявилъ и сдѣлался особенно достойнымъ хвалы (—apud nos benemeritus est et specialiter se reddidit comendatum, въ древнихъ грамотахъ—«добре ся оказалъ»), и желая его и на будущее время сдѣлать болѣе охочимъ къ тому же»,—жалуетъ въ полную его собственность слѣдующія села: Вздолбицу, Глинскъ съ окрестными деревьями, Дермань, Лебеды, Кунинъ, Богдашовъ, Долбуновъ—Луцкаго повѣта, замки—Красиловъ надъ Случью и Черленовъ со всѣми окружающими селами и угодьями, съ правомъ

---

[114]) Въ 1486 г.—Arch. Sang., III, 20.

распоряжаться всѣмъ этимъ по личному усмотрѣнію [115]). Эта грамота важна въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, она показываетъ, что Константинъ Ивановичъ получилъ гетманство въ срединѣ или концѣ сентября 1497 года [116]) и, слѣдовательно, по личнымъ своимп заслугамъ и по личному желанію великаго князя, съ другой—она сразу сдѣлала Острожскаго, и такъ достаточно богатаго, самымъ крупнымъ владѣтелемъ на Волыни.

Но благорасположеніе Александра къ Константину Ивановичу не ограничилось одною этою грамотою. 6-го іюня 1498 года великій князь даетъ двѣ новыя грамоты. Въ одной даетъ права города им. Дубно, разрѣшаетъ выстроить тамъ замокъ, приглашать жителей, надѣляя ихъ льготами, учредить ярмарку, торги и т. п. Все это, подъ благовиднымъ предлогомъ обезопашенія государства (—вслѣдствіе чрезвычайной удаленности другъ отъ друга замковъ), въ сущности имѣло цѣлью сдѣлать пріятное Острожскому, «sincere nobis dilecti atque suorum meritorum nobis semper placentium», какъ говорится въ грамотѣ. Второю грамотою Константину Ивановичу дается обширное и богатое угодьями имѣнье Здѣтелъ—Троцкаго повѣта, со всѣми угодьями, гонами, службами, «навѣки, непорушно [117])». Очевидно тогдаже дано было Острож-

[115]) Arch. Sang. I, 113—114. Въ Лит. Метр. (Кн. Зап. VI, л. 189) встрѣчается подпись Острожскаго, какъ гетмана, на жалованной грамотѣ кн. Капустѣ, датированной: Браславъ 11 сент. инд. I, т. е. 1497 г. Мы не рѣшаемся признать эту дату вполнѣ достовѣрной какъ потому, что великій князь былъ въ это время на югѣ, около «Брацлава» (Акты Лит. Метр. I, 138—139), такъ и потому, что Острожскій могъ подписаться гетманомъ раньше оффиціальнаго назначенія, какъ это было при возведеніи его въ «пана Виленскаго».—Если Топорище, гдѣ была дана грамота 30 сентября, —Топоры (Сквирскаго уѣзда Кіевской губ., неподалеку отъ тракта изъ Кіева въ Брацлавъ), то наши предположенія объ участіи Константина Ивановича въ молдавскомъ походѣ и о времени полученія имъ гетманства—вѣрны.

[116]) См. письмо туровскаго старосты Клишовскаго, отъ 4 сент. 1497 г., гдѣ Константинъ Ивановичъ еще не именуется гетманомъ—Вил. Арх. Сб. I, 4.

[117]) Arch. Sang., I, 114—116. Здѣтелы, Sdzieczeło—старинныхъ грамотъ, нынѣ м. Дятлово Слонимск. у. Гродн. губ., Въ 1580 г. имѣнье обнимало площадь въ 394 уволоки (ок. 8.000 десятинъ) и помимо помѣщичьяго хозяйства и сборовъ съ тяглыхъ (—60 бочекъ ржи, 331—овса, 211 возовъ сѣна, 28 яловицъ, 275 гусей и т. д.), давало чистаго дохода деньгами 562 копы гр. (1947 руб., т. е. на наши деньги ок. 15.000 руб.), такъ что весь

скому им. Окунинъ и Молчадь, по крайней мѣрѣ 10 марта 1514 г. онъ является владѣтелемъ послѣдняго имѣнья,—ему разрѣшено построить на р. Молчади мельницу [118]).—Въ этомъ же году Константинъ Ивановичъ покупаетъ у земянина Бернатовича им. Шепле, Заболотье (Луцк. уѣзда) и Черниково (Влад. у.) и получаетъ на это подтвердительную грамоту Александра [119]).

Благорасположеніе великаго князя къ Острожскому особенно выразилось въ пожалованьи ему, «въ доживотное держаніе», старостъ Браславскаго (собств. Брацлавскаго), Винницкаго и Звенигородскаго,—не такъ богатыхъ и малодоходныхъ, но важныхъ по своему положенію на южной границѣ Литовскаго государства [120]). Въ іюнѣ этого же года было рѣшено въ пользу Константина Ивановича дѣло о Богдашовѣ (Ровенск. уѣзда). Богдашево, собственность боярина Покотилова, было продано вдовою послѣдняго, безъ вѣдома великаго князя, Петру Олехновичу; послѣдній продалъ его кн. Маріи Ровенской также безъ вѣдома вел. князя; по закону же—купившій такимъ образомъ имѣніе утрачиваетъ его. Но, вѣроятно, въ виду родственныхъ связей Острожскаго съ кн. Ровенской, послѣдней предписывается уступить Константину Ивановичу Богдашово, получивъ отъ него затраченную на покупку сумму [121]).—Чрезъ нѣсколько дней послѣ этой грамоты Острожскій получаетъ новое наданье—им. Звяголь Кіевскаго повѣта, которое прежде

доходъ можетъ быть утроенъ. Акты Вил. Ком., XIV, 199—226,—подробный инвентарь имѣнія.

[118]) Лит. Метр., Кн. Зап., IX, 149.

[119]) Лит. Метр., Кн. Зап., VI, 103, 206, 209—210; Arch. Sang. III, 29; Акты Лит. Метр. I, 155. Кромѣ того 5 іюня подтверждено прежнее наданье—«двора и фольварка» въ Луцкѣ, пруда и мельницы,—данныхъ около сентября 1497 г. Лит. Метр. Кн. Зап. VI, 190 и 220; Акты Лит. Метр. I, 142. Окунинъ, по согласію и ходатайству Острожскаго, отдается Олизару Трескѣ, лишившемуся Здолбицы—Акты Лит. Метр. I, 152.

[120]) Грамоты или прямаго извѣстія объ этомъ не сохранилось, но мы говоримъ на основаніи—Лит. Метр., Кн. Зап., VI, 206; Arch. Sang. I, 113 и Актовъ Ю. и З. Р. II, 128—129. Считаемъ нужнымъ отмѣтить, что, послѣ полученія старостъ, Острожскій является членомъ великокняжеской рады и занимаетъ въ ней мѣсто вслѣдъ за стар. жмудскимъ—Лит. М., Кн. Зап. VI, 265.

[121]) Arch. Sang. I, 113; Опис. рукоп. Румянц. музея, 121—122.

держали князья Звягольскіе. Дается это имѣніе за то, что Константинъ Ивановичъ «службы гораздо служилъ есть», дается оно навсегда, но подъ условіемъ соблюденія всѣхъ границъ и наданій, сдѣланныхъ и существовавшихъ при князьяхъ Звягольскихъ [122]).

Эти. милости Александра въ отношеніи Острожскаго предполагаютъ, что и въ первые два года своего гетманства онъ несъ службу противъ татаръ, но памятники не сохранили объ этомъ свѣдѣній. Весьма возможно, что эти пожалованья были результатомъ вліянія какъ самаго Острожскаго, такъ и новыхъ друзей—совѣтниковъ Александра—князей Мих. Льв. Глинскаго и Сем. Ив. Можайскаго изъ которыхъ каждый былъ осыпанъ милостями великаго князя и пользовался значительнымъ на него вліяніемъ [123]).

Итакъ, усиленіе русской партіи въ политическомъ отношеніи выдвинуло на историческую сцену двухъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей разсматриваемой эпохи—Острожскаго и Глинскаго Естественно обратить вниманіе, чѣмъ оно ознаменовалось въ исторіи внутренней жизни самихъ русскихъ и, въ частности, жизни церковной.

При вступленіи Александра на велико-княжескій престолъ митрополитомъ былъ Іона Глезна, весьма мало извѣстный въ исторіи церкви. Послѣ его смерти, въ концѣ 1494 года, митрополитомъ былъ избранъ Виленскій Троицкій архимандритъ Макарій, «по рекломъ Чортъ», но не

---

[122]) Arch. Sang. I, 117—118.

[123]) О Глинскомъ, его значеніи и дѣятельности скажемъ ниже. Относительно кн. Можайскаго мы знаемъ, что въ 1496 г. за нимъ были утверждены владѣнія его отца—Стародубъ, Гомель, Черниговъ, Карачевъ и Хотимль; что въ молдавскомъ походѣ онъ былъ главнымъ вождемъ русскихъ, а на коронаціи Александра въ Краковѣ занималъ первое мѣсто среди литовскихъ вельможъ. Но этотъ, облагодѣтельствованный въ Литвѣ, князь вскорѣ отплатилъ Александру черною неблагодарностью: въ 1500 г. (?) онъ отъѣхалъ къ Москвѣ и оттуда, съ другимъ такимъ же княземъ—Шемячичемъ, дѣлалъ набѣги на Литву. Акты З Р. I, 163. 192; Daniłowicz, Skabriec, II, № 2107, стр. 250—251; Мухановъ, Сборникъ, 87—88; Софійскій Врем., II, 263—265; Сборникъ И. Р. И. Общ., XXXV, 353.—О вліяніи Острожскаго и Глинскаго на Александра, помѣшавшемъ присоединить къ Польшѣ Волынь —см. Вол. Еп. Вѣд., 1873, стр. 541, ч. неофф. Сообщаемые здѣсь факты (о Волыни и о препятствіи къ уніи съ Польшей) намъ кажутся очень сомнительными.

тотъ Макарій, который подписалъ грамоту Мисаила въ Римъ [124]) Избранный на митрополію не безъ вліянія Елены, Макарій былъ рукоположенъ въ митрополиты соборомъ мѣстныхъ епископовъ и, послѣ своего рукоположенія, онъ послалъ Іосифа Болгариновича къ константинопольскому патріарху за благославенною грамотой. Прибывшій съ грамотою келейникъ патріарха упрекалъ епископовъ за самовольное поставленіе и взялъ съ нихъ обѣщаніе впредь такъ не дѣлать.

Макарій пробылъ на митрополіи всего два года и свое правленіе ознаменовалъ попытками устроить клиръ и Виленскія церкви, но не успѣлъ этого сдѣлать: 1-го мая 1497 г., на пути въ Кіевъ, въ с. Стриголовѣ около Мозыря, онъ встрѣтился съ однимъ изъ татарскихъ отрядовъ и былъ убитъ; Макарій причисленъ церковью къ лику святыхъ и память его совершается въ день мученической кончины, т. е., 1 мая [125]).

Гораздо яснѣе и рѣзче передъ нами обрисовывается дѣятельность преемника св. Макарія—Іосифа Болгариновича.

Возведенный изъ архимандритовъ Слуцкаго монастыря въ епископы Смоленскіе, Іосифъ, хорошій дипломатъ, находился подъ сильнымъ вліяніемъ Войтѣха Табора и латинской партіи, которая обѣщала ему митрополію, если только онъ присоединится къ уніи. Самъ великій князь оказывалъ Іосифу столь милостивое вниманіе, какого отъ него не видѣлъ ни одинъ изъ православныхъ епископовъ. Въ Смоленскѣ Іосифу никто не могъ перечить, не смотря на почти непрерывныя ссоры епископа съ княжескими чиновниками и мѣстными землевладѣльцами: 24 апр. 1494 г. смоленскій намѣстникъ, Юрій Глѣбовичъ, получилъ выговоръ за вмѣшательство въ дѣла и юрисдикцію епископа; 17 марта 1497 г. тому же подверглись великокняжескіе чиновники, наблюдавшіе за заселеніемъ владычнихъ земель бѣглыми зарубежными людьми; въ апр. 1499 г.

---

[124]) Макарій, Ист. Р. Ц., IX, 81—83,—изложена довольно скудная фактическая сторона, неполно и безъ характеристики.

[125]) Подробнѣе о Св. Макаріи и его дѣятельности см.—Макарій, Ист. Р. Ц., IX, 84—88; Супр. лѣт., 141—145; П. С. Р. Л., II, 360; Сборникъ Имп. Р. Ист. Общ., XXXV, 185—187; Pelesz, Gesch. d. Union.. , I, 478; Kojałowicz, Miscellanea, 47; Евгеній, Опис. Кіево-Соф. Собора, 113; Акты З. Р. I, 174—175—жалоба Виленскихъ соборянъ и грамота Александра; Przyałgowski, Żywoty bisk. Wil., 81; Лит. Метр., Кн. Зап., VI, 135.

Іосифъ получилъ двѣ оправдательныя грамоты по поводу столкновеній съ кн. Одинцовичами и Горскими и т. н. На ряду съ этимъ Іосифъ получалъ пожалованья: въ 1494 г.—право заселять свои земли зарубежными людьми; въ 1497 г.—120 человѣкъ въ смоленскомъ пригородѣ Рачевкѣ, льготы для им. Чуриловки, подтвержденія на купленныя имъ имѣнья Ярковичи, Ханютино и др. [126]).

Въ 1497 г., по смерти митр. Макарія, Іосифъ Болгариновичъ былъ назначенъ митрополитомъ свѣтскою властью и тогда то затѣялъ продолжить любезныя Табору попытки къ уніи съ Римомъ. Не знаемъ, насколько чистосердеченъ былъ Іосифъ въ этомъ дѣлѣ, но и эти попытки опять окончились неудачею. Изъ темной и запутанной исторіи правленія Іосифа и его стремленія къ уніи несомнѣннымъ является только тотъ фактъ, что среди правящаго православнаго класса выдѣлилась небольшая партія, стремившаяся къ уніи, что Войтѣхъ Таборъ, видя ослабленіе своего вліянія на короля и усилиніе русскихъ, воспользовался этимъ движеніемъ и всѣми силами стремился къ совращенію православныхъ въ унію, а въ Римѣ, чрезъ посредство ренегата Сапѣги, старался формально устроить дѣло подчиненія папѣ западно-русской церкви. Но рѣзкая оппозиція твердыхъ православныхъ смутила даже папу и тотъ не отвѣчалъ на посланія Болгариновича, хотя и далъ соотвѣтственныя указанія Табору.—Тяжелая и продолжительная болѣзнь Іосифа Болгариновича не дозволила развиться дѣлу уніи, а съ его смертью оно окончательно падаетъ почти на столѣтіе [127]).

---

[126]) Лит. Метр., Кн. Зап, V, 8; VI, 177—178; 180; 192—193; 241—249; Акты З. Р. I, 166—168.

[127]) Объ Іосифѣ Болгариновичѣ (у авторовъ неправославныхъ—Іосифъ Солтанъ)—см. Макарій, IX, 89—119; очень подробно у Pelesz'a, I, 479—492; Miscellanea, 47; Кревза, Оборона уніи, Русск. Ист. Библ., IV, 237 и 265—266; Акты Ю. и З. Р. I, 73; Супр. лѣт., 146—147; Мухановъ, Сборникъ, 89—90; П. С. Р. Л, IV, 45; Teiner, Vet. Monumenta, II, 267—268, 280—282—284—290; Prawa i Przywileje..., 16—17; Сборникъ, XXXV и др.

Мы не останавливались подробно на вопросѣ объ уніи при Болгариновичѣ какъ по крайней запутанности вопроса, такъ и потому, что этотъ фактъ, въ существѣ дѣла, не такъ важенъ въ исторіи внутренней жизни литовской Руси. Принимая даже мнѣнія уніатскихъ писателей, придется все таки согласиться, что эта унія—дѣло или одного Іосифа, или же одного высшаго духовенства; паны, народъ и рядовое духовенство были прямо враждебны ей.

Попытки къ уніи, въ которыхъ были замѣшаны и рядовые епископы, частая смѣна митрополитовъ, первоначальная недоброжелательность Александра, дѣятельность Табора,—все это не могло не оказать вреднаго вліянія на ходъ церковной жизни. Прежде всего іерархи этого періода не могли привлечь народа къ жертвамъ на церковь, своею же уступчивостью предъ свѣтскою властью и своею нерѣшительностью еще больше усилили крайне нежелательное для нихъ и вредное для православія вмѣшательство короля въ дѣла церкви, возбудили противъ себя низшее духовенство и едвали принимали какія-нибудь мѣры противъ пропаганды латинства.

Количество наданій на церкви въ періодъ 1492—1500 г. поразительно мало. Кромѣ общаго упоминанія о фундушѣ кн. Чарторыйскихъ на Пересопницкій монастырь въ 1496 году [128]), двухъ наданій Мстиславльскому Пустынскому монастырю въ 1499 и 1500 г. г. [129]) и записи медовой дани Печерскому монастырю Анастасіей Чижевичъ [130]), мы имѣемъ только одно, такъ сказать, обстоятельное наданье. 4 сентября 1497 г. туровскій намѣстникъ Конст. Иван. Острожскаго, Клиповскій, по приказанію князя, даетъ Сторожевецкой церкви значительную,

---

Шестаковъ, московскій шпіонъ въ Литвѣ, писалъ: «Здѣсе, господине, у насъ сталося замятенье великое межи Латыны и межи нашего христіанства. Въ нашего владыку Смоленскаго діаволъ ся вселилъ, съ Сапѣгою, отметникомъ на православную вѣру... и все наше православное христіанство хотять окстити: ино наша Русь вельми ся съ Литвою не любять». Акты З. Р. I, 177.

Что же касается полууніатской грамоты патр. Нифонта митр. Іосифу (Prawa i Przywileje, 16—17), то она страдаетъ противорѣчіями а) хронологическаго свойства: она дана 5 апр. 1497 г. 11-го индикта на имя Іосифа,—индиктъ не вѣренъ, а митрополитомъ былъ еще Макарій; б) въ содержаніи: первую половину могъ написать только уніатъ, а вторую—только православный. Ср. Евгеній, Опис. Кіево-Соф. Соб. 114—115; Русская Истор. Библ. IV, 267—269 и взглядъ автора Палинодіи—Ibid. 1125.

[128]) Вол. Еп. Вѣд., 1867, стр. 60,—ссылка на Архивъ Почаевской лавры, 1789, № 935.

[129]) 14 сент. 1499 г. кн М. И. Мстиславльскій далъ монастырю право заселять свои земли, а 1 февр. 1500 г. кн. Богд. Ѳеод. Глинскій далъ монастырю село Гатное;—Акты З. Р, I, 201—202.

[130]) Петровъ. Опис. рукоп. Кіевск. Ак., 191. И эта запись дана, кажется, даже не монастырю, но архимандруту Филарету, почему оспаривалась и потребовалось рѣшеніе короля

судя по штрафамъ [131]), рыбную ловлю [132]).—Весьма возможно, что отсутствіе наданій зависѣло отъ страшныхъ опустошеній, нанесенныхъ татарами, особенно на Волыни, гдѣ жители Владиміра говорили о себѣ, что они «въ конецъ скажены суть отъ поганьства и тыми разы голодъ въ нихъ великій [133])».

Примѣръ не вполнѣ достойныхъ пастырей сказался въ томъ печальномъ явленіи, что, вмѣсто стремленія надѣлять церкви и монастыри, православные *начинаютъ* смотрѣть на нихъ, какъ на доходную статью. Характернымъ примѣромъ, кажется первымъ по времени, является просьба кн. Ивана Дашковича у Александра—дать его матери Овручскій монастырь Іоакима и Анны. Просьба была удовлетворена и названный монастырь былъ отнятъ у земянки Ленковой съ циничнымъ замѣчаніемъ, что ей «досыть» (—достаточно) будетъ и одного Пречистенскаго монастыря. Въ тоже время, въ іюлѣ 1496 г., Кіевскій Михайловскій Златоверхій монастырь отдается великимъ княземъ нѣкоему поповичу, подъ условіемъ, впрочемъ, постриженія [134]) и съ выговоромъ воеводѣ Димитрію Путятичу,—зачѣмъ онъ отдалъ этотъ монастырь безъ вѣдома вел. князя старцу Ивану Смолянину, который его и «надказилъ».—Съ другой стороны, великій князь начинаетъ вмѣшиваться въ хозяйственныя отправленія православныхъ епископовъ. 4 апрѣля 1499 г. Александръ, вопреки желанію нареченнаго епископа Черниговскаго Іоны, утверждаетъ за епископскимъ бояриномъ Григоріемъ Ивановичемъ, село, данное ему покойнымъ епископомъ Нектаріемъ,—ближайшіе слуги идутъ противъ владыкъ, находя помощь у вел. князя [135]).

Если дѣйствія іерархіи вовлекали Александра во внутреннія дѣла церкви, что вызывало нежелательныя явленія, то окружающая великаго князя и постепенно усиливающаяся православная партія заставляла его дѣйствовать въ пользу устроенія церкви и усиленія власти

---

[131]) —2 копы на церковь и 2—князю, въ случаѣ нарушенія правъ собственности.

[132]) Вил. Археогр. Сб., I, 4. Годъ возбуждаетъ сомнѣніе. Туровъ нѣсколько спустя (послѣ плѣненія Острожскаго?) былъ отданъ Глинскому, а въ 1508 г. возвращенъ Острожскому.

[133]) Акты З. Р., I, 148.

[134]) Акты З. Р. I, 164.

[135]) Ibid. 192—193.

митрополита и епископовъ, кажется, въ противувѣсъ незаконнымъ притязаніямъ смоленскихъ и сѣверскихъ князьковъ.

20 марта 1499 года обнаружилась особенная милость Александра къ православнымъ. По просьбѣ Іосифа Болгариновича, епископа смоленскаго и нареченнаго митрополита, великій князь подтверждаетъ права митрополита, епископовъ, предѣлы ихъ судебной власти и т. п., согласно представленному «Свитку Ярослава». Грамота эта, почти тождественная съ грамотою 1511 года и соборными постановленіями 1509 г., не была чѣмъ-либо новымъ,—она представляла, за малыми исключеніями, юридическое подтвержденіе давнихъ фактическихъ правъ митрополита. Такъ, она устанавливаетъ за нимъ право верховнаго суда въ дѣлахъ духовныхъ; епископы должны повиноваться митрополиту, епископамъ—пресвитеры и міряне. Міряне не должны вмѣшиваться въ юрисдикцію духовныхъ; церкви святительскаго поданья, даже въ имѣніи пана, остаются за епископами; ограничивается произволъ пана—безъ вѣдома епископа онъ не можетъ удалять и принимать къ своей церкви священника. Въ случаѣ нанесенія священнику обиды или побоевъ виновнаго судитъ судъ духовный, который также вѣдаетъ дѣла брачныя и преступленія противъ брачной жизни [136]).

Эта грамота, въ связи съ грамотою 5 февр. 1498 года, освобождающею виленскихъ соборянъ отъ нововведеній митр. Макарія, заставляетъ предполагать, что Александръ благосклонно относился къ желанію православныхъ упорядочить церковь, какое стремленіе проявилъ не одинъ только митрополитъ, но и всѣ литовско-русскіе паны, стремившіеся, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, устроить миръ и порядокъ въ церковной жизни, даже цѣною ограниченія личнаго ихъ участія въ дѣлахъ духовныхъ. Положимъ, грамота 1499 года, являющаяся личнымъ дѣломъ Александра и, своимъ стремленіемъ къ централизаціи, такъ сильно выдвигающая митрополита, по обстоятельствамъ времени могла быть сочтена за уступку будущему уніату,—но это толко на первый взглядъ, если забыть указанную раньше грамоту Вла-

[136]) Акты З. Р. I, 189—191. Оригиналенъ «Свитокъ Ярослава», совершенно не похожій по формѣ и содержанію на подлинный—см. Опис. Кіево-Соф. соб., прим. 3 и 4, стр. 10—13. Откуда эта чисто мѣстная редакція его, безъ «казни князю» и въ «рубляхъ грошей широкихъ»?

дислава III, которая обѣщала полное равенство съ католиками всѣмъ, признавшимъ флорентійскую унію. А что это такъ, свидѣтельствуютъ три грамоты: одна, уже упомянутая, клирошанамъ Виленскаго Пречистенскаго собора, прямо противорѣчащая духу грамоты 1499 г., понимаемой въ духѣ уніатскихъ писателей. Въ ней сильно ограничивается власть и вмѣшательство митрополита въ дѣла клира, точно и ясно опредѣляются поборы въ пользу митрополита, опредѣляется даже порядокъ выбора его намѣстника, что ужъ никакъ не могло быть пріятно митрополиту и прямо шло въ размѣръ съ его правовыми и финансовыми интересами. Изъ двухъ другихъ грамотъ, данныхъ 5 іюня и 14 іюля 1499 г., одна отчуждала полоцкаго епископа Луку отъ участія во владѣніи «Софійскими селами», которыя были даны полоцкимъ соборнымъ клирошанамъ Свидригайлою,—слѣдовательно прямо ограничивала найболѣе цѣнныя права финансоваго свойства; другою приказывалось полоцкимъ войту и бурмистрамъ возвратить епископу неправильно захваченныя земли и дворы [137]). Подъ грамотою 5 іюня есть подпись К. И. Острожскаго, который, вѣроятно, былъ и при дачѣ грамоты м. Іосифу.—Такъ что мы не погрѣшимъ, если скажемъ, что грамота 1499 года была прямымъ слѣдствіемъ общаго усиленія русской партіи при дворѣ, начинавшагося благоволенія великаго князя къ православнымъ и третьяго фактора—близости второй московской войны.

Изъ сказаннаго мы видимъ, что къ началу второй московской войны личныя отношенія Александра къ православному населенію Литвы, въ сущности не заставляли желать ничего лучшаго,—конечно имѣя въ виду съ одной стороны католическую партію и ея оружіе противъ православныхъ (уніи съ Польшей и постановленія Казиміра), съ другой—необходимость для Александра привлечь къ себѣ русскихъ, внушить имъ привязанность къ Литвѣ въ виду предстоящей войны.

Но если нѣкоторые факты приводятъ насъ къ этому выводу, то все же мы не можемъ утверждать, что положеніе православныхъ въ Литвѣ было вполнѣ хорошо и на дѣлѣ. Во всякомъ конституціонномъ

---

[137]) Акты З. Р. I, 174—175; 198; Лит. Метр., Кн. Зап., VI, 278. Грамота виленскимъ соборянамъ дана тогда, когда на митрополіи еще никого не было, но былъ предназначенъ Болгариновичъ, нареченный епископами 30 мая 1499 г.

государствѣ, особенно такомъ какъ Литва, личное отношеніе государя къ той или другой партіи нисколько не свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ положеніи этой партіи въ государствѣ. Времена Витовта, когда только одно правительство было католическимъ, давно прошли; самодержавіе литовскаго князя—также; государь могъ сочувствовать православнымъ, но рада и латинская знать могла заставить князя, даже только на почвѣ законовъ, дѣйствовать въ ея духѣ, тѣмъ болѣе, что и князь былъ католикъ. Личное доброе расположеніе Александра къ православнымъ, конечно, не могло удержать такого человѣка, какъ Войтѣхъ Таборъ, отъ пропаганды латинства и вытекающихъ изъ нея столкновеній между обоими вѣроисповѣданіями. Склонность Іосифа Болгариновича къ уніи, весьма возможно, повлекла къ попыткамъ пропагандировать идеи уніи, что было равно пріятно и радѣ и великому князю. Возможно, что эти попытки начались съ Елены, часто видѣвшей Табора и католиковъ изъ рады, и начали распространяться среди православныхъ князей и пановъ, хотя тамъ и встрѣтили рѣзкій отпоръ. Все это въ Москвѣ могло показаться прямымъ посягательствомъ на вѣру. Московскіе шпіоны писали про Литву: «Здѣсе, господине, у насъ сталося замятенье великое межи Латыны и межи нашего христіянства. Въ нашего владыку Смоленского діаволъ ся вселилъ, съ Сопѣгою, отметникомъ ихъ, на православную вѣру, князь великій неволилъ государыню нашу, великую княгиню Олену, въ латынскую проклятую вѣру... да и все наше православное христіанство хотятъ окстити: ино наша Русь велми ся съ Литвою не любятъ...» [138]. Въ Москвѣ пришли въ понятное волненіе; подобные слухи были очень на руку московской политикѣ, представляя поводъ къ нарушенію договоровъ и благовидный поводъ къ войнѣ. Но Іоаннъ, любившій дѣйствовать навѣрняка, сначала склонилъ пограничныхъ князей къ измѣнѣ.

12-го апрѣля 1500 г. пріѣхалъ въ Москву кн. Ив. Сем. Бѣльскій, понятно, сначала заручившись обѣщаніемъ сохранить за нимъ его удѣлъ. Ему нужно было оправдать свой, все таки ужъ очень не красивый, поступокъ—измѣну. И вотъ Бѣльскій пространно, въ духѣ и стилѣ

---

[138]) Сборникъ.. XXXV, 273—274; тоже, но въ худшей транскрипціи, Акты Зап. Р., I, 177. Это писалъ литовецъ Шостакъ (по московски Шестаковъ), бывшій въ плѣну въ Москвѣ и, по освобожденіи, сдѣлавшійся шпіономъ (Сборникъ, 154—155 и 276—277). Понятна поэтому окраска донесенія.

Іоанна III, объясняетъ свой отъѣздъ: «сказываетъ, что на нихъ пришла нужа великая о греческомъ законе: посылалъ де князь великій Александръ своеі великоі княгине о томъ отметника православные веры греческого закона, Иосиѳа владыку смоленского, да бискупа виленского, и черньцовъ бернадиновъ, чтобы приступила къ римскому закону, да и князем руским и къ виленским мѣстичамъ, и ко всея Русіи, которые держатъ Греческіи законъ, и нудя ихъ приступити къ римскому закону; а смоленскому владыце Иосиѳу обѣща про то киевскую митрополію [139])». И это не выдумка лѣтописца,—самъ кн. Бѣльскій писалъ объ этомъ Александру [140]). Вслѣдъ за Бѣльскимъ отъѣхали къ Москвѣ бывшіе враги Іоанна и «собинные» друзья Александра—Вас. Ив. Шемячичъ и Сем. Ив. Можайскій; отъѣхалъ также кн. Хотѣтовскій. Причина ихъ отъѣзда, по Карамзину и Соловьеву, принужденіе къ латинству [141]).

Какъ ни высоко мы ставимъ авторитетъ того и другого историка, но не можемъ согласиться съ ними. Мы знаемъ, что областные литовскіе князья пользовались въ своихъ волостяхъ значительною властью, особенно въ дѣлахъ церковныхъ [142]). Поэтому едвали они могли опасаться принужденія къ латинству, тѣмъ болѣе смоленскіе князья, которые пользовались особыми правами и рѣдко бывали при дворѣ, проживая большею частью у себя дома. Опасались они не этого, а—потери своей волости. своего удѣла, ибо ясно сознавали могущество Москвы, слабость Литвы и суровость Іоанна. Болѣе честные князья такъ и объясняли свой отъѣздъ и не облачались въ хитонъ страдальцевъ за православіе [143]). Почему же остались вѣрными Литвѣ братья

---

[139]) Никон. лѣт., СПБ. 1790 г., ч. VI, 160.

[140]) Мы не придаемъ этимъ показнымъ фразамъ характера исторической достовѣрности. Князья спасали не свою вѣру, а свои «животы», зная отъ шпіоновъ Іоанна о близкой войнѣ. См. Сборникъ..., XXXV, 294—295. Крашевскій, Hist. miasta Wilna, I, 386, прим. 22, говоритъ о посланіи папы Александра VI великому князю—не принуждать Елену къ латинству. Характерна фраза «Иосиѳу обѣща про то клевскую митрополію»—когда годъ назадъ Іосифъ былъ нареченъ митрополитомъ соборомъ епископовъ.

[141]) Соф. Врем., II, 263—265; Сборникъ . XXXV, 168. 224. 297. 353; Stryjk., II, 308; Карамзинъ, VI, 295—296; Соловьевъ, V, 151.

[142]) Акты Ю. и З. Р. I, 31.

[143]) Кн. Сем. Ѳеод. Воротынскій писалъ въ 1492 году Александру:

и родичи ушедшихъ, православіе которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія и выражалось не на словахъ, но въ крупныхъ пожертвованіяхъ на церкви? Audiatur et altera pars. Вотъ какъ отвѣчалъ Александръ Іоанну о кн. Бѣльскомъ [144]) по поводу приведенныхъ выше заявленій о принужденіи къ латинству, о которыхъ Іоаннъ счелъ долгомъ спросить своего зятя: «ино онъ тебѣ, брату нашему, не умѣлъ правды повѣдати, какъ то лихій человѣкъ а зрадца (—измѣнникъ) нашъ; мы же третій годъ его очима нашимы не видали», пановъ православныхъ въ Литвѣ много и они никогда не были принуждаемы къ латинству [145]). Отвѣчая послу Телешову (въ апрѣлѣ 1500 г.), рада Александра говорила: «А што ся дотычетъ (касается) о нужи Римскаго закону, ино господаръ нашъ къ нимъ (кн. Можайскому и Шемячичу) князя бискупа и нареченнаго митрополита и владыку не посылывалъ. Много на его милости дворѣ княжатъ и панятъ греческого закона, а нужы его милость въ законѣ не дѣлаетъ [146])».

Что касается Елены, то Александръ прямо указывалъ, что договора о постройкѣ ей православной церкви въ виленскомъ дворцѣ не было; что папа, по долгомъ совѣщаніи съ кардиналами, рѣшилъ, что Еленѣ не нужно перекрещиваться, а только «мѣла бы вчинить столцу апостольскому послушенство, подлѣ Флоринского збору...,» что Елену *и къ этому не принуждаютъ*, равно какъ не принуждаютъ никого изъ русскихъ и т. д. «Король его милость, говорилъ въ 1503 г. въ Москвѣ Сапѣга,—ничего не дбаетъ (—не обращаетъ вниманія), какъ Москов-

---

«господине, сведомо тебѣ, что отчина моя отстала и отецъ твой... за отчину мою не стоялъ и не боронилъ, а мнѣ, господине, противъ отчины моеѣ, городовъ и волостей не измыслилъ. И къ тобѣ есми, господине, посылалъ бити челомъ... города бы еси, господине, мнѣ обмыслилъ противъ моей отчины, чѣмъ быхъ мѣлъ тобѣ, осподарю своему, служити: и твоя милость, господине, мене не жаловалъ, города не далъ...», почему, согласно договору, «ино, господине, отца твоего... и твое... крестное цѣлованіе съ мене со князя Семена Өедоровича доловъ». Сборникъ, XXXV, 83—84; Акты З. Р., I, 124; Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. Р. 1860, IV, 12.

[144]) Вспомнимъ дальнѣйшую службу этого князя, смуты его въ малолѣтство Іоанна IV, измѣну Москвѣ, чтобы хотя нѣсколько охарактеризовать эту личность.

[145]) Сборникъ..., 297.

[146]) Акты З. Р., I, 207—208.

скій своихъ подданныхъ ховаетъ у вѣрѣ: такъ ся тежъ видить королеви его милости, ижъ бы и онъ такежъ не дбалъ, какъ король его милость своихъ подданыхъ ховаетъ... [147]».

Мы вѣримъ правдивости заявленій литовской стороны тѣмъ болѣе, что другіе факты, которые мы пропустили, чтобы не нарушать прямаго теченія мысли, свидѣтельствуютъ, что уже съ 1498 г., поставивъ Александра въ невозможныя условія, Іоаннъ вѣчно придирался къ нему изъ-за постройки церкви Еленѣ. Пограничныя обиды не были удовлетворяемы, взаимныя неудовольствія наростали и будущую войну хорошо предвидѣли въ обоихъ государствахъ.

Миръ 1494 года былъ очень тяжелъ для Литвы. Къ большимъ земельнымъ потерямъ присоединились непрерывныя пограничныя обиды, неизбѣжныя вслѣдствіе проведенія границы иногда такъ, что половина удѣла, напр. князей Мезецкихъ, отходила къ Москвѣ, половина оставалась за Литвою. Почти всѣ сношенія 1495—1500 г. г. имѣли предметомъ пограничныя обиды; съѣзды для разбора этихъ дѣлъ не приводили къ умиротворенію, такъ какъ московскіе бояре не всегда являлись въ назначенный срокъ для разбора порубежныхъ ссоръ и грабежей. Оба государства взаимно не довѣряли другъ другу, старались причинить непріятность и держали шпіоновъ [148]). Въ Литвѣ москвичи вели себя какъ господа. Посолъ Плещеевъ возвращался изъ Крыма въ сопровожденіи большой толпы татаръ, производившихъ по пути разбои, грабежи и безчинства, что Александръ и поставлялъ на видъ Іоанну, спрашивая, насколько благородно такое поведеніе его посла [149]). Кромѣ того московскій великій князь раздражалъ Литву своимъ новымъ титуломъ. Еще въ 1484 г. Іоаннъ ходатайствовалъ у папы о царскомъ титулѣ [150]), а теперь не только началъ называться «всея Руси», но и требовать отъ Александра употреблять этотъ титулъ въ сношеніяхъ

[147]) Акты З. Р., I, 348. Герберштейнъ, Зап. о Моск., 20, прямо говоритъ, что храмъ было предположено выстроить, но не указываетъ гдѣ именно—«на назначенномъ для сего мѣстѣ»,—значитъ, не въ замкѣ. Gwagnin, II, 63—64, говоритъ, что Александромъ былъ заключенъ договоръ не только о постройкѣ въ замкѣ церкви, но даже цѣлаго монастыря.

[148]) См. прим. 138. О кн. Лукомскомъ, литовскомъ шпіонѣ въ Москвѣ, кромѣ лѣтописей, Narbutt, VIII, 276, прим. и Карамзинъ, VI, 242.

[149]) Daniłowicz, II, № 2115, стр. 253; Акты З. Р., I, 176.

[150]) Изъ письма Сикста IV къ Казиміру: «dux Moskovie oratores ad

съ Москвою, что, по тогдашнимъ понятіямъ, было очень обидно для Литовско-русскаго государя. Послѣдній не только не употреблялъ требуемаго титула, но еще раздражалъ Іоанна запрещеніемъ вывозить изъ Литвы серебро, послабленіемъ своимъ купцамъ и т. д. [151]). Александръ не могъ забыть своихъ потерь и напоминалъ: «ино надеваемся, самъ тое гораздо вѣдаешъ, што еси много нашихъ городовъ и волостей за себе забралъ... [152])». Съ каждымъ посольствомъ Іоаннъ дѣлался настойчивѣе и требовательнѣе. Александръ зналъ, къ чему все клонится, и пробовалъ какъ-нибудь уладить съ тестемъ; просьба за Александра Стефана Волошскаго не принесла пользы и послѣдній отказался дать Литвѣ болѣе фактическую помощь [153]). Наконецъ, отъѣзды князей и рѣчи ихъ въ Москвѣ «переполнили чашу долготерпѣнія Іоаннова» и война была объявлена въ апрѣлѣ 1500 года [154]). Александръ заранѣе предвидѣлъ неудачу и не прерывалъ переговоровъ съ Іоанномъ; литовскіе послы оставались въ Москвѣ даже послѣ объявленія войны и вели переговоры о мирѣ [155]).

Дѣйствительно, слабость Литвы въ военномъ отношеніи была слишкомъ замѣтна и очевидна. Мы видѣли, какъ ослабляли ее татарскіе набѣги; теперь, въ виду предстоящей войны, Іоаннъ не удерживалъ Крымцевъ и они, подъ предводительствомъ Менгли-Гиреева сына, лѣтомъ 1499 года, прошли чрезъ всю Волынь, сожгли Владиміръ, опустошили все вплоть до Люблина и Вислы; сложивъ добычу въ Перекопѣ татары въ сентябрѣ вновь возвратились въ Литву и Польшу, распространили свои опустошенія за Вислу и до Бреста, Александръ не могъ остановить ихъ набѣга. Переговоры съ Заволжскими татарами о союзѣ затягивались. Просьба о помощи у Ордена также потерпѣла неудачу. И при такомъ положеніи литовскихъ дѣлъ папа Александръ VI приглашалъ

---

nos misit, petiturus a nobis imperialem sive regalem dignitatem in tota Ruthenica natione». Teiner, Vet. Mon., II, 230.

[151]) Сборникъ..., 216—262; Акты З. Р. I, 165—183; Daniłowicz, II, № 2119, стр. 254—255 и др.

[152]) Сборникъ..., 226.

[153]) Акты З. Р. I, 182—185.

[154]) Соф. Врем., II, 264.

[155]) Сборникъ..., 296 и далѣе. Сначала велъ переговоры Стан. Петр. Кишка, позже—Сапѣга.

великаго кн. Александра къ переговорамъ о всеобщемъ походѣ на Турокъ!—Наконецъ Александръ прибѣгнулъ къ найму войскъ заграницей —чеховъ, моравянъ, силезцевъ, но они такъ долго шли, что успѣли только къ срединѣ войны, хотя и оказались далеко не безполезными для Литвы [156]). Своего же войска, какъ увидимъ ниже, было слишковъ мало и только впослѣдствіи, въ умѣлыхъ рукахъ энергичнаго Сигизмунда, Литва выступила съ солидными силами.

К. И. Острожскій, главный предводитель литовскаго войска, по обычаю того времени, свое приготовленіе къ войнѣ ознаменовалъ наданьями въ церкви. Изъ нихъ намъ извѣстны только два: Виленскому Пречистенскому собору и Дерманскому монастырю. Послѣднему Константинъ Ивановичъ пожертвовалъ рукопись поученій патріарха Каллиста—даръ замѣчательный только въ археологически-бытовомъ отношеніи [157]). Другая запись—въ пользу Пречистенскаго собора—сдѣлана 5 іюня **1499** г. Въ ней Острожскій записываетъ «изъ выслуги своее», им. Здѣтелы, «на вѣчность» клиру собора ежегодно по двѣ копы грошей и по 15 бочекъ ржи. Эта дача обязательна для всѣхъ будущихъ владѣтелей Здѣтелъ и вносится протопопу собора. Грамота эта, вписанная въ евангеліе, скрѣплена подписями тогдашнихъ главныхъ представителей православія: кн. Ѳеодора Ив. Ярославича, Александра Ходкевича, Богуша Боговитиновича и др. Наданье по этой записи, очень значительное, долго и зорко было оберегаемо Виленскими соборянами [158]).

Даже самъ Александръ, чтобы показать свою благосклонность къ православнымъ и прекратить смуту (отъѣзды) среди князей, которая казалась сосѣдямъ Литвы опаснымъ бунтомъ, [159]) дѣлаетъ наданья православнымъ церквамъ, напр., Гродненскому Борисоглѣбскому мона-

---

[156]) Обо всемъ этомъ—Gwagnin, Kronika, II, 68; Акты З. Р. I, 165 и Bielski, Kronika, л. 284—переговоры съ Заволжскими татарами (начались въ 1496 г., окончились союзомъ въ 1501 г.); Daniłowicz, II, № 2124 —2125, стр. 256; Teiner, Vet. Mon. II, 266—267.

[157]) Пам. Врем. К. К., IV, I, 89—90; быть можетъ было дано еще нѣсколько книгъ.

[158]) Вил. Арх. Сб., VI, 2—3; подтверждено Конст. Конст. въ 1588 г. 2 февр. Соборъ получалъ эту дачу еще въ 1649 г.—Ibid. 206.

[159]) Такъ смотрѣлъ Орденъ, почему и воздержался отъ помощи—Daniłowicz, II, 2120, стр. 255.

стырю—садъ въ Коложеняхъ [160]), Кіевскому Пустынскому монастырю плацъ подъ мельницу [161]) и др.

При всѣхъ стараніяхъ Александру не удалось собрать болѣе или менѣе значительнаго войска, достаточнаго для успѣшнаго сопротивленія московскимъ силамъ, которыя двумя отрядами, еще до полученія въ Литвѣ «складной грамоты», «воровскимъ обычаемъ» вторгнулись въ литовскія области. Главный полкъ, подъ предводительствомъ Магметъ-Аминя (фиктивнымъ) и Якова Захарьина (дѣйствительнымъ), направился на Сѣверскую область. Съ ними шли крымскіе татары и измѣнившіе князья [162]). Послѣдовательно были заняты: Мценскъ, Серпѣйскъ, Брянскъ, Сѣвскъ, Путивль—послѣдній съ намѣстникомъ города, ненавистнымъ Москвѣ кн. Богд. Ѳеод. Глинскимъ; дальше были захвачены: Черниговъ, Стародубъ и Новгородъ-Сѣверскій. Сопротивленіе этотъ отрядъ встрѣтилъ только со стороны брянскихъ и путивльскихъ служилыхъ людей.—Второй отрядъ московскаго войска, подъ предводительствомъ Юрія Захарьина, направился къ Смоленску, занявъ по пути Дорогобужъ.

Между тѣмъ литовскія войска, снаряженныя послѣ полученія складной грамоты, быстро подвигались навстрѣчу непріятелю, оставивъ короля и раду въ Борисовѣ. К. И. Острожскій, по приходѣ въ Смоленскъ узналъ о взятіи Дорогобужа и о движеніи московскихъ войскъ на Смоленскъ. Подкрѣпивъ свое малочисленное войско мѣстнымъ горнизономъ, во главѣ съ энергичнымъ Станиславомъ Петровичемъ Кишкою, уже возвратившимся изъ Москвы, Константинъ Ивановичъ двинулся къ Дорогобужу. Около Ельни былъ пойманъ одинъ литовскій перебѣжчикъ, который сообщилъ, что первоначально у Юрія Захарьина было мало войска, но теперь великій князь прислалъ къ нему на помощь кн. Дан. Вас. Щенятю и кн. Ив. Мих. Премышльскаго, почему плѣнникъ не совѣтовалъ вступать въ бой. Свѣдѣнія эти подтвердились, когда литовцы подвинулись впередъ. Тѣмъ не менѣе Острожскій рѣшился на

---

[160]) Акты Вил. Арх. К., I, 125.

[161]) Акты Ю. и З. Р. I, 52.

[162]) Князья Можайскій и Шемячичъ присоединились къ московскому войску на р. Контовѣ, присягнули на вѣрность, получивъ обѣщаніе—передать имъ завоеванные въ Литвѣ замки—Stryjkowski, II, 308—309

битву: необходимо было во что бы то ни стало задержать наступленіе, или, въ передачѣ лѣтописи Быховца: «князь же Константинъ и панове и вси люде суще съ ними, раду, а вмыслѣ свой на томъ положили, малоль многоль Москвичъ будетъ, только вземши Бога на помочъ битися съ ними, а не бившися назадъ не вернутися, ино иты, и все прилучившееся видыты, ино што будетъ воля Божая».

14 іюля непріятели сошлись на р. Ведроши, которая и раздѣляла оба войска; отношеніе силъ было таково: литовцевъ нѣсколько больше четырехъ тысячъ, московскаго войска—до сорока. Первое нападеніе москвичей было отбито; но когда литовцы вышли изъ лѣсу, перешли рѣку и развернули свои силы, то ихъ малочисленность побудила воеводъ сдѣлать новое нанаденіе. «И ступишася,—разсказываетъ Архангелогородскій лѣтописецъ, обои полцы на бою, и бишась до шти часовъ обои полцы, имающеся за руки сѣчахуся, и по удоліямъ яко рѣка, въ трупу конь не скочитъ, и поможе Богъ... а Литва побѣже, и мало ихъ утече за рѣку... занежъ великого князя сила пѣшая зашли, да мостъ посѣкли на Тросинѣ (—Ведроши) и много въ рѣцѣ истопе». Дѣйствительно, пораженіе было полное. Спасся только Кишка съ нѣсколькими сотнями, остальные или пали, или были взяты въ плѣнъ, чему подвергся весь цвѣтъ литовскаго войска: самъ гетманъ Острожскій, раненный въ битвѣ, Григ. Стан. Остикъ, Лит. Хребтовичъ, Ник. Юрьев. Глѣбовичъ, Ник. Зеновичъ, татарскій князь Тюве и много другихъ [163]).

Къ судьбѣ плѣнниковъ мы обратимся въ слѣдующей главѣ, а теперь прослѣдимъ дальнѣйшій ходъ второй московско-литовской войны.

Получивъ вѣсть о Ведрошскомъ пораженіи, Александръ глубоко опечалился, но не потерялся. Тѣмъ временемъ къ нему собрались подкрѣпленія и онъ двинулся къ Смоленску, откуда разослалъ государямъ Западной Европы просьбу о помощи противъ Москвы и Татаръ; затѣмъ,

---

[163]) Лѣт. Быховца, 67—69; Лѣт. Архангелогородскій, 175; П. С. Р. Л., IV, 135; Соф. Врем., II, 265; Stryjk. II, 308—310; Gwagnin, II, 66—67; Герберштайнъ, Зап. о Московіи, 20; Акты З. Р., II, 143; Карамзинъ, VI, 297—301; Narbutt, VIII, 375—379; Соловьевъ, V, 151—152; Сборникъ..., XXXV, 312—характерно опредѣляли въ Литвѣ цѣль похода Константина Ивановича—«стеречи границы».

укрѣпивъ Полоцкъ и Витебскъ, возвратился въ Вильну [164]). Ведрошская побѣда слишкомъ дорого стоила московскимъ силамъ, такъ что, кромѣ занятія Бѣлаго и Торопца, онѣ занялись только опустошеніями, да Іоаннъ уговорилъ хана сдѣлать страшный набѣгъ на югъ Литвы.

Въ слѣдующихъ, 1501-омъ и 1502-омъ, годахъ дѣла нѣсколько измѣнились: союзъ Литвы съ Орденомъ и Заволжскими Татарами сильно сдержалъ успѣхи Москвы. Не смотря на взятіе кн. Можайскимъ Мстиславля и пораженіе при этомъ русско-литовскихъ князей, не смотря на набѣги крымцевъ и разгромъ ими опять таки русско-литовскихъ князей на р. Ушѣ, Москва не могла овладѣть Смоленскомъ и потеряла значительную часть своихъ завоеваній въ Сѣверской землѣ, отнятыхъ ханомъ Заволжской Орды, Шигъ-Ахматомъ. Наконецъ, избраніе Александра польскимъ королемъ, боязнь Іоанна неудачи въ борьбѣ съ силами двухъ государствъ и обоюдное утомленіе—принудили оба государства къ болѣе оживленнымъ переговорамъ о мирѣ, въ которыхъ приняла косвенное участіе Елена Іоанновна [165]). Переговоры закончились шестилѣтнимъ примиріемъ—съ 25 марта 1503 года по 25 марта 1509 года. Условія его были ужасны: Литва теряла Черниговъ, Новгородъ Сѣверскъ, Стародубъ, Рыльскъ, Брянскъ, Мценскъ, Серпѣйскъ, Дорогобужъ, Бѣлый, округъ Ельны, безъ города впрочемъ и т. д., т. е. перемиріе было заключено «uti possidetis».—«Итакъ, говоритъ Гваньини въ своей хроникѣ. за одинъ военный походъ и въ одинъ годъ Москвитинъ захватилъ все то, что много лѣтъ и съ большими трудностями добывалъ Великій князь Литовскій Витовтъ [166])».

---

[164]) Лѣт. Быховца, 69—70; Daniłowicz, II, 2123, стр. 256,—у него, да и вообще, въ разсказахъ объ излагаемыхъ событіяхъ даты очень перепутаны.

[165]) Письма ея къ отцу, матери и брату Василію—Акты Археогр. Экспед., I, 104—109.

[166]) Gwagnin, II, 67. О прочемъ—Bielski, Kronika, л. 284 на об.; Daniłowicz, II, № 2132, 2156, стр. 257 и 266—267; Лѣт. Быховца, 70—73; Сборникъ..., XXXV, 335, 339; цитованные выше—Соловьевъ, Карамзинъ, Набрутъ. О переговорахъ тройнаго посольства 1501 г., кромѣ «Сборника», у Карпова, Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, Москва 1867, ч. II, стр. 100—121.

Глава III.

(1501—1513).

М. Л. Глинскій. Вліяніе его на усиленіе православно-русскихъ. Смерть Александра и вокняженіе Сигизмунда I. Жизнь Конст. Ив. Острожскаго въ плѣну, бѣгство въ Литву и пріемъ у Сигизмунда. Возмущеніе партіи Глинскихъ и война съ Москвою. Митрополитъ Іосифъ Солтанъ, Виленскій соборъ 1509 года и жалованная правовая грамота 1511 г. Битва при Вишневцѣ. Возведеніе кн. Острожскаго въ званіе Пана Виленскаго; его вліяніе на церковную жизнь. Смерть Елены Іоанновны.

Крайне неудачная война съ Москвою и еще болѣе неудачный миръ положили начало новой эпохѣ въ государственной жизни Литвы. Съ этого времени, вплоть до Сигизмунда III, русское населеніе выдвигается впередъ, занимаетъ высшіе государственные уряды; о какомъ-либо преслѣдованіи православныхъ ничего не слышно, только изрѣдка можно наблюдать кратковременныя вспышки вражды двухъ началъ,—православія и латинства. Это равновѣсіе обѣихъ національностей и религій особенно рельефно выразилось во второй половинѣ царствованія Александра.

Если говорить о причинахъ такого явленія, то нужно указать на то, кѣмъ велась послѣдняя война съ Москвою и на кого падали ея тяжести. Даже бѣглый обзоръ событій покажетъ, что вся тяжесть, весь центръ событій—въ русскомъ населеніи: Ведрошская битва ведется Острожскимъ, Хребтовичемъ, Зеновичемъ, Глѣбовичемъ,—все русскіе; Остикъ-жмудинъ, но жмудинъ православный; одинъ Кишка католикъ. Во всей Сѣверщинѣ защищаются только Путивль и Брянскъ, воеводы у нихъ православные—Бартошевичъ и Глинскій. Въ битвахъ подъ Мстиславлемъ и на р. Ушѣ участвуютъ *одни* русскіе князья. Могущественной когда-то жмудской силы и ея вождя почему-то нѣтъ на войнѣ. Понятно, что Александръ, уже послѣ молдавскаго похода склонявшійся

къ русскимъ, теперь рѣшительно сталъ на ихъ сторону. Лѣтописецъ отмѣчаетъ этотъ поворотъ въ политикѣ, говоря о назначеніи Мих. Львов. Глинскаго «маршалкомъ дворнымъ», событіе само по себѣ не важное въ государственной жизни, такъ какъ это званіе равнялось современному каммергерству, но въ глазахъ современниковъ оно было знаменіемъ новаго теченія государственной политики [167]).

Факты подтверждаютъ наши слова. Благорасположеніе Александра къ православнымъ прежде всего выразилось въ пожалованіяхъ вел. кн. Еленѣ и льготахъ горожанамъ. До этого времени Еленѣ не давали ни имѣній, ни волостей; теперь же, отчасти, быть можетъ, въ виду замѣчаній Іоанна, но главное вслѣдствіе усиленія русскаго вліянія, великая княгиня 28 августа 1501 г. получаетъ Княжицы, Тетеринъ, Смольняны, Попову Гору, Градище и Лосичъ [168]); 10 января 1503 года Могилевъ на Днѣпрѣ—въ «доживотное» владѣнье [169]). 16 августа 1502 года Александръ освобождаетъ смоленскихъ мѣщанъ отъ всякихъ податей на 6 лѣтъ, но не въ виду разоренія отъ войны, а по причинѣ обидъ отъ замковыхъ «жолнеровъ» [170]); 13 марта 1503 года жители Волынь, по ходатайству луцкаго епископа Кирилла, вновь освобождаются на 12 лѣтъ отъ платы воловщины—по случаю татарскаго набѣга [171]).

Не смотря на запрещеніе строить церкви, Александръ Ив. Ходкевичъ основываетъ обширный и для того времени роскошный Супрасльскій монастырь (ок. 1500 г.), съ согласія Александра богато надѣляетъ его и, что всего замѣчательнѣе, самъ великій князь пишетъ грамоту константинопольскому патріарху, испрашивая благословеніе на новосозданную обитель и на ея строителя [172]). 3 марта 1506 г. Александръ, по просьбѣ Луки, игумена Кіевскаго Пустынскаго монастыря, подтверждаетъ покупки

---

[167]) Лѣтопись Быховца, подъ 1500 г. (слѣдовательно въ 1501 г.), стр. 70.—Какъ незначительно было придворное маршалковство показываетъ то, что въ 1509 г. это званіе носили 8 человѣкъ, старшій—назывался «дворнымъ».

[168]) Daniłowicz, Skarbiec, II, № 2136, стр. 258.

[169]) Ibid № 2153, стр. 265—266.

[170]) Акты З. Р. I, 347.

[171]) Акты З. Р. I, 350; Danił. Skarbiec, II, № 2169, стр. 272—относитъ это къ 1505 г.

[172]) Николай. Супрасльск. Благ. м. СПБ. 1892, стр. 7—8,—супрасльскій помянникъ, л. 3; Вил. Арх. Сб., IX, 3—5; Вѣст. З. Р. 1867, I, ч. I, 1—3.

послѣдняго [173]); 29 апрѣля подтверждаетъ завѣщаніе умершаго воеводы кіевскаго, кн. Дим. Путятича въ пользу церквей [174]), а за два мѣсяца до смерти, 27 іюня 1506 года, по жалобѣ туровскаго епископа Вассіана, даетъ льготы подданнымъ духовенства: освобожденіе отъ подводной повинности, отъ усиленнаго платежа торговыхъ и земскихъ налоговъ [175]).

Вообщо безспорно, что въ Александрѣ произошла перемѣна во взглядѣ на русскихъ; остается необъяснимымъ только отъѣздъ въ Москву «украинскаго богатыря», Евстафія Дашковича [176]).

Но если перемѣна Александра объясняется войною 1500—1503 г.г., то дальнѣйшее благоволеніе его къ православно-русской партіи весьма много зависѣло отъ новаго «собиннаго» друга великаго князя—умнаго и даровитаго кн. Мих. Львовича Глинскаго [177]).

М. Л. Глинскій происходилъ изъ небогатаго княжескаго рода [178]); молодость свою онъ провелъ заграницей въ научныхъ занятіяхъ, послѣ чего изучилъ военное дѣло теоретически и практически, прославился на этомъ поприщѣ какъ даровитый человѣкъ, побывалъ при дворахъ саксонскомъ, императорскомъ, былъ въ Италіи, Испаніи, участвовалъ въ итальянской и фрисландской компаніяхъ и пріобрѣлъ дружбу имп.

---

[173]) Акты З. Р. I, 369.

[174]) Лит. Метр., кн. Зап. VI, 15—16. Завѣщаніе было устно заявлено М. Л. Глинскимъ, такъ какъ Путятичъ не успѣлъ изложить его письменно.

[175]) Вил. Центр. Арх. № 13204, стр. 345--346. Привилей подтвержденъ 9 февраля 1522 года.

[176]) Сборникъ Имп. Р. Ист. Общ. XXXV, 470.

[177]) Мы останавливаемся на этихъ, повидимому постороннихъ, вопросахъ потому, что всегда роль и дѣятельность выдающихся личностей, какимъ былъ Константинъ Ивановичъ совершается на подготовленмой уже почвѣ —путемъ опыта положительнаго или отрицательнаго; личность только выражаетъ запросы внутренней жизни, зародившіеся въ той массѣ мелкихъ неизвѣстныхъ дѣятелей, которыми создается исторія, какъ послѣдовательный рядъ связныхъ, но не логически-причинныхъ явленій. Глинскій же привлекъ къ себѣ цѣлую массу такихъ дѣятелей, взбудоражилъ всю русскую національность въ Литвѣ, далъ ихъ инертнымъ помысламъ движеніе—съ точною и опредѣленною цѣлью.

[178]) Князья Глинскіе—татары, перешедшіе въ Литву при Витовтѣ, принявшіе православіе и надѣленные помѣстьями въ кіевскомъ воеводствѣ—Лит. Метр., Кн. Зап. VI, 110.

Максимилліана и венгерскаго короля Владислава. Возвратясь на родину пожилымъ и опытнымъ человѣкомъ, Михаилъ Львовичъ сразу понялъ положеніе дѣлъ, почему дѣятельно способствовалъ избранію Александра на литовскій престолъ—съ цѣлью предупредить сліяніе Литвы съ Польшей. Сдѣлавшись позже маршалкомъ дворнымъ, Глинскій, умный, образованный и бывалый человѣкъ, вполнѣ овладѣлъ слабохарактернымъ Александромъ и употребилъ все свое вліяніе на возможно большее усиленіе русскихъ. Получивъ отъ Александра лично себѣ Туровъ, Меречъ, Бѣльскъ и нѣсколько небольшихъ имѣній [179]), Глинскій отдалъ большинство королевскихъ имѣній и много урядовъ своимъ родственникамъ и вообще православнымъ. Вскорѣ почти половина литовскихъ урядовъ оказалось въ рукахъ Глинскихъ или ихъ пріятелей. Католическая партія поняла опасность и рѣшила отдѣлаться отъ Глинскаго. Троцкій воевода, Янъ Юрьевичъ Заберезинскій, сталъ во главѣ ея и началъ открыто враждовать съ Глинскимъ; когда это не помогло, Заберезинскій рѣшилъ убить Михаила Львовича и для этого хотѣлъ подкупить дворянина Коликрайтера. Но замыселъ открылся и Глинскій все сообщилъ королю; послѣдній въ присутствіи рады кое-какъ примирилъ враговъ, но, какъ оказалось, не на долго [180]). Борьба продолжалась и всегда въ пользу Глинскаго. Когда, въ 1505 году Глинскій убѣдилъ Александра лишить Ильинича лидскаго староства и передать его Дрозду, католическая партія, не смотря на то, что Ильиничъ былъ православнымъ, подняла протестъ противъ великаго князя, требуя сдѣлать наслѣдственными всѣ административныя должности. Глинскому ничего не стоило указать Александру на смыслъ этого требованія, которое прямо и въ корнѣ подрывало великокняжескую власть,—и только заступничество Яна Ласскаго, коронняго канцлера, спасло Войтѣха Табора и Яна Юрьев. Заберезинскаго отъ бѣды [181]). Далѣе, когда, по смерти кн. Дим. Пу-

---

[179]) Акты З. Р. I, 369 и др.

[180]) Л. Метр., Кн. Зап. VI, 460—461.

[181]) Bielski, Kronika, л. 285—286. Въ дѣлѣ Ильинича, весьма возможно была заинтересована и Елена Ивановна, которая еще въ 1501 г. жаловалась на обиды, причиняемыя Ильиничемъ ея имѣнью Контягинскому; при разборѣ этой жалобы (24 іюля) оказалось, что Ильиничъ насильно захватывалъ земли, прогонялъ подданныхъ Елены и нарушалъ границы. Лит. Метр., Кн. Зап. VI, 393—394. Ильиничъ былъ зятемъ Заберезинскаго, Droздъ —дядей Глинскаго (по женской линіи).

тятича въ 1506 г., воеводство кіевское было дано брату Мих. Львовича, Ивану, Заберезинскій прямо обвинилъ Глинскаго въ подготовкѣ обособленія русскихъ земель. Глинскій потребовалъ суда и Заберезинскій, не смогшій подтвердить своего обвиненія, былъ лишенъ троцкаго воеводства [182]).

Цѣлый рядъ привиллеевъ православнымъ знаменуетъ эпоху силы Глинскаго. 16 апрѣля 1502 года Александръ даетъ кн. Матвѣю Никитичу Головчинскому (въ грамотахъ «князь Микитиничъ»), «за вѣрную и справедливую службу» имѣнья Струну и Стоятишки. Грамота эта весьма характерна: изъ восьми подписей подъ нею только двѣ—католиковъ, а между тѣмъ дѣло происходило въ Краковѣ,—ясный признакъ, кого любилъ и кѣмъ окружалъ себя Александръ [183]). 26 декабря 1503 года былъ рѣшенъ давнишній споръ полоцкаго епископа съ крилошанами изъ за «Софійскихъ селъ», и, кажется, къ обоюдному удовольствію: владѣніе предоставлено епископу, но съ платою извѣстной суммы соборянамъ [184]). Нѣсколько раньше, 16 іюля 1503 г., были подтверждены всѣ права Витебска, съ удержаніемъ даже права перехода въ этомъ городѣ изъ католичества въ православіе [185]). Кромѣ данныхъ Смоленску привилеевъ,—8 августа 1500 г. объ освобожденіи отъ платы мыта по Литвѣ на 15 лѣтъ и упомянутаго отъ 16 августа 1502 года, освобождающаго мѣщанъ на 6 лѣтъ отъ всякихъ податей,—1-го марта 1505 года, въ Брестѣ, т. е. въ самый разгаръ борьбы Глинскаго съ Таборомъ и Заберезинскимъ, Александръ далъ новую жалованную грамоту Смоленску. Въ ней подтверждаются всѣ свободы города и на первомъ планѣ—непритѣсненіе въ православной вѣрѣ и невмѣшательство въ монастыри [186]). Привиллеи же другимъ

---

[182]) Антоновичъ, Кіевъ, его судьба и значеніе въ XIV—XVI в. Кіев. Старина, 1882, I, 21—23; добавленія изъ Стрыйковскаго, Быховца, Гваньини и др.

[183]) Акты Ю. и З. Р. I, 29; Danił. Sk. II, № 2168, стр. 272- подъ 1505 г.

[184]) Акты З. Р. I, 356—357.

[185]) Ibid. I, 351—353; Витебск. Старина I, 36.

[186]) Акты З. Р. I, 209 (первый привиллей), 347 (второй); Daniłowicz, Skarbiec, II, № 2164, стр. 270—272; Мухановъ, Сборникъ, 135—139 (третій).

городамъ, напр. Вильнѣ, строго преслѣдуютъ государственные интересы и за льготы требуютъ соотвѣтственный отплаты, [187]), значитъ, привиллеи русскимъ городамъ зависѣли отъ личный воли Александра, такъ какъ и для бѣдствій отъ войны они слишкомъ щедры.

Къ сожалѣнію Литвѣ не было покоя. Не смотря на заключеніе мира съ Москвою, послѣдняя, не удерживала татаръ и они дважды, въ 1505 и 1506 г. г., сдѣлали набѣгъ на Литву. Въ первый набѣгъ татары не встрѣтили сопротивленія и настолько чувствовали свою безнаказанность, что даже занялись осадою замковъ. Такъ ими былъ взятъ Логойскъ и дѣти владѣльца, кн. Сем. Алексадр. Чарторыйскаго, были уведены въ плѣнъ [188]). Опасность угрожала даже Вильнѣ. Несмотря на это, на полную военную слабость, тяжелыя перемирныя съ Москвой условія принудили Александра къ новой войнѣ, тѣмъ болѣе, что грозный Іоаннъ умеръ. Начатые въ этомъ смыслѣ переговоры съ Орденомъ [189]) не могли быть окончены при Александрѣ, дни котораго были сочтены.

Постоянныя волненія и неудачи, цѣлая сѣть постоянныхъ интригъ, собственная раздвоенность—свели Александра въ цвѣтѣ лѣтъ въ могилу. Польскіе лѣтописцы передаютъ, что болѣзнь его—параличъ—чудесно поразила короля послѣ горячей, враждебной русскимъ, рѣчи Табора въ 1505 году. Какъ бы то ни было, но уже больнымъ, Александръ подвергался опасности попасть въ плѣнъ татарамъ, которые въ 1506 году предприняли такой набѣгъ, какого еще не видѣла Литва. Отдѣльные загоны хищниковъ появились въ пяти миляхъ отъ Лиды, гдѣ больной король собиралъ войска для отраженія набѣга. Чувствуя себя дурно, Александръ 24 іюля составилъ завѣщаніе, въ которомъ исповѣдывалъ свою твердость въ латинствѣ, назначилъ душеприказчикамъ брата своего, Сигизмунда Глоговскаго и просилъ о сохраненіи въ почетѣ и уваженіи своей любимой жены Елены.—Опасность отъ

---

[187]) Собраніе древн. грам. гор. Вильны... I, 14—16; Вильна освобождается отъ военной службы за постройку каменныхъ стѣнъ вокругъ города.

[188]) Baliński i Lep. Star. Polska, IV, 681. Хорошее изображеніе положенія Литвы въ это время даетъ Крашевскій, Hist. m. Wilna, I, Wilno. 1840, str. 185.

[189]) Акты З. Р. I, 371—374.

татаръ заставила Елену и Табора перевезти больнаго сначала въ Троки а затѣмъ въ Вильну, гдѣ несчастный король и скончался—19 августа 1506 года, послѣ рѣдкой для него радостной вѣсти о полномъ разгромѣ Глинскимъ татаръ подъ Клецкомъ [190]).

Со смертью добродушнаго, вялаго и слабохарактернаго Александра окончился и тотъ періодъ исторіи Литовскаго княжества, который характеризуется нерѣшительностью политики, желаніемъ отдать первенство католикамъ и боязнью передъ русскою силою. Эта нерѣшительность, приведшая въ концѣ концовъ къ торжеству русской партіи, смѣнилась твердостью и опредѣленностью при слѣдующемъ великимъ князѣ. Но эта смѣна ознаменовалась такими потерями и бѣдствіями для Литвы, которыя никогда не могли быть возмѣщены и заглажены: это была послѣдняя попытка русской партіи отстоять свое верховенство, свое истинное положеніе въ средѣ Литовскаго государства. Неудача русскихъ, благодаря дурному руководителю, сдѣлала то, что русскіе теряютъ довѣріе къ Литвѣ и всѣ свои надежды и пожеланія возлагаютъ на Москву.

Послѣ смерти Александра на польско-литовскій престолъ, сравнительно скоро, 26 октября, былъ избранъ Сигизмундъ, князь Глоговскій и Силезскій, очень кстати поспѣшившій на свиданіе съ умирающимъ братомъ. Повидимому, среди литовскихъ вельможъ, не было никакихъ споровъ о великомъ князѣ и они, желая во что бы то ни стало предупредить польское избраніе, остановились на послѣднемъ Казиміровичѣ; Глинскій первый призналъ и привѣтствовалъ Сигизмунда въ его новомъ званіи. Попытки же Василія Ивановича получить литовскій престолъ, если онѣ и были сколько-нибудь серьезны, не встрѣтили никакого сочувствія [191]) Но быстрота и согласность избранія Сигизмунда заставляютъ предполагать, что оно было подготовлено раньше латино-польской партіей, причемъ Сигизмундъ далъ ей нѣкоторыя обязательства въ ущербъ великокняжеской власти,—обязательства, содер-

---

[190]) Stryjk. II, 330—331, характеристика на стр. 338; Bielski, Kronika, л. 286 на об. и л. 287; Danił. Sk. II. № 2174 стр. 272—273—завѣщаніе Александра; Соф. Врем. II, 277—278.

[191]) Карамзинъ, VII, 13—14; Decius, De Sigism. r. temp. LIX, Stryjk., II, 339; Bielski, л. 287 на об. Сигизмундъ находился только въ 8 верстахъ отъ Вильны, когда получилъ извѣстіе о смерти Александра.

жаніе которыхъ намъ неизвѣстно, но которыя сильно ощущались въ первую половину царствованія этого короля [192]).

Личность Сигизмунда была прямою противоположностью личности его предшественника. Воспитанный въ польской средѣ, долго не имѣвшій опредѣленнаго пристанища, Сигизмундъ много путешествовалъ, много видѣлъ, много переиспыталъ. Это выработало въ немъ твердость характера, опредѣленность воззрѣній, умѣнье обходиться съ людьми и крайнюю скупость въ денежныхъ дѣлахъ государства.

Наслѣдство, оставленное ему Александромъ, было очень не важно: государство съужено въ границахъ, народъ разоренъ войною, государственные доходы ничтожны, королевская казна пуста, великокняжескія имѣнія розданы; дуализмъ Литвы и Польши съ одной стороны, русскихъ и католиковъ въ Литвѣ—съ другой,—связывали силы государства. Все это «на своихъ плечахъ» вынесъ Сигизмундъ и слабую Литву сдѣлалъ грозною для сосѣдей. Москва перестаетъ завоевывать области Литвы, а татары, прежде грозные и неумолимые враги Литвы, при немъ, хотя и за «юргельтъ» (наемныя деньги), поступаютъ къ ней на службу противъ Москвы [193]). Справедливое и внимательное отношеніе ко всѣмъ дѣлаетъ то, что не только нѣтъ больше и рѣчи объ отъѣздахъ, но даже изъ Москвы бѣгутъ въ Литву [194]).

Первыя дѣйствія Сигизмунда отличались энергіей и рѣшитель-

---

[192]) Кромѣ необъяснимой иначе враждебности Сигизмунда къ Глинскому, благоволенія его, на первыхъ порахъ, къ католикамъ, столкновенія съ радою въ 1522 (собств. въ 1512 г.), на это указываетъ и характерная особенность въ титулѣ.

Александръ писалъ: «... намъ оставши господаромъ на отчинѣ нашой на великомъ княжествѣ Литовскомъ...» (Акты З. Р. I, 123); Янъ Альбрехтъ: Nos tanquam verum haeredem et legitimum successorem...» (Vol. Legum., I, 110); Сигизмундъ I: «... Omnium Praelatorum et Procerum Regni, immo verius totius senatus Nobilitatis et populi consensu diadema capiti nostro imponeretur...» (Ibid. 162),—не смотря на то, что избраніе всѣхъ троихъ совершилось одинаково и всѣ они имѣли равныя права на престолъ.

[193]) Хорошо у Gwagnin'a, I, 119.

[194]) Напр., въ 1534 г. Иванъ Ляцкій и кн. Бѣльскій—Ibid. II, 102. О возвращеніи обратно отъѣхавшихъ въ Москву скажемъ ниже, при повѣствованіи объ оршанской битвѣ. Черты характеристики Сигизмунда у Карамзина (VII, 48—49)—ошибочны.

ностью. Послѣ подтвержденія всѣхъ вольностей литовскихъ, [195]). Сигизмундъ потребовалъ отъ Москвы возрващенія всего захваченнаго въ продолженіи перемирныхъ лѣтъ, [196]), и, чтобы голосъ его былъ уваженъ, употребляетъ всѣ старанія для усиленія военной правоспособности Литвы. Такъ какъ для послѣдняго требовались деньги, то Сигизмундъ старается поднять финансовую производительность государства. Съ большимъ трудомъ король собираетъ великокняжеское серебро, чеканитъ изъ него монету, отдаетъ на откупъ всѣ мыта, корчмы, конторы соляныя, восковыя и т. д. [197]), выкупаетъ заложенныя Александромъ имѣнья и производитъ уплату жалованья наемнымъ войскамъ [198]). Въ февралѣ и мартѣ 1507 года предпринимается цѣлый рядъ мѣръ къ увеличенію числа служилыхъ людей: производится перепись имѣній, узаконяется смертная казнь за неявку на службу или отъѣздъ съ войны, производится усиленный сборъ серебщизны въ размѣрѣ 15 грошей съ воловьей и 12 съ конской сохи и т. п. [199]). Наконецъ Сигизмундъ заключаетъ союзъ съ татарами, который хотя и не прекратилъ ихъ набѣговъ, но сдѣлалъ ихъ менѣе губительными [200]) и, что всего важнѣе для западнаго-русскаго населенія, указалъ татарамъ дорогу на Москву и чрезъ то пріобрѣлъ Литвѣ довольно полезнаго союзника. Извѣщая объ этомъ ливонскаго магистра, Сигизмундъ и съ нимъ завязалъ переговоры, которые также окончились союзомъ [201]).

[195]) Гродно 7-го декабря 1506 года, Daniłowicz, II, № 2177, стр. 273—274.

[196]) Сборникъ... XXXV, 482—484—въ мартѣ 1507 года. Акты З. Р. II, 14—18.

[197]) Луцкое на 2 года за 1600 копъ гр., минское на 3—за 600, кіевское на 2—за 1400, брестское на 2—за 2000 и т д. Акты 10 и З. Р. II, 114—118; Л. Метр., Кн. Зап. VIII, 84—97.

[198]) Bielski, л. 288 на об. Всего было уплачено 322100 золотыхъ, т. е. болѣе 780 т. рублей—при тогдашней дороговизнѣ денегъ.

[199]) «Устава» Вил. сейма 2 февр. 1507 г. Акты З. Р. II, 8—10. Указъ о сборѣ серебщизны—1507 г. 18 марта.—Ibid. 18—19 и Daniłowicz, II, № 2180, стр. 275 (вѣрнѣе) у него же (№ 2189, стр. 276) грамота шляхтѣ Виленскаго повѣта о приготовленіи къ войнѣ противъ Москвы.

[200]) Въ первые годы царствованія Сигизмунда набѣги совершала одна «вольница», плохо вооруженная и сравнительно малочисленная. Крупныя вторженія произошли только четыре раза: въ 1508, 1512, 1519 и 1527 г.г.

[201]) Daniłowicz, II, № 2179, 2181, стр. 275; Акты З. Р., II, 13—14; 47—52; Сборникъ . . . XXXV, 521.

Отношенія новаго государя къ православнымъ, исключая правящій классъ, были вообще хороши. Прежде всего это обнаружилось на Еленѣ: 5 января 1507 году Сигизмундъ далъ ей Бѣльскъ въ пожизненное владѣніе; нѣсколько спустя, подтвердилъ наданья Александра и кромѣ того далъ ей Брянскъ и Суражъ. [202]). Благосклонное отношеніе къ церкви выразилось въ наданьяхъ Смоленскимъ—Спасскому и Іоанно-Богословскому монастырямъ и епископу Іосифу Солтану, [203]) въ наданьи кіевскому Никольскому Пустынскому монастырю; [204]) въ разрѣшеніи перенести Бѣльскую церковь изъ замка, [205]) въ подтвержденіи наданій православнымъ церквамъ, [206]) въ заботахъ о народонаселеніи Луцка, [207]) въ утвержденіи завѣщанія м. Іоны, при чемъ король самъ принимаетъ на себя выполненіе завѣщанія [208]). Понятно, что православные цѣнили это; князь Пинскій, Ѳеодоръ Ивановичъ Ярославичъ, въ порывѣ преданности, записалъ Сигизмунду, въ случаѣ безпотомственной своей кончины, не только земельныя владѣнія—Пинскъ, Клецкъ, Давидъ-городокъ, Рогачевъ и другія свои имѣнія, но и все свое движимое имущество [209]). Послѣ измѣны Глинскаго, во все продолженіе своего царствованія, Сигизмундъ благоволилъ къ русскимъ безъ ограниченія и только конецъ его жизни былъ нѣсколько тяжелымъ для русскихъ, да и то по винѣ Боны,—этого злаго генія Польши и Литвы [210]).

Мы оставили Константина Ивановича послѣ того, какъ, проигравъ битву на р. Ведрошѣ, онъ съ другими панами былъ взятъ въ плѣнъ.

---

[202]) Акты З. Р. II. 6; Daniłowicz, II, № 2239 стр. 287; быть можетъ наданье находится въ связи съ письмомъ Елены къ Василію III,—отвѣтъ, іюнь 1507 г.—Акты З. Р. II, 24—26.

[203]) Ibid. II, 26—27. Лит. Метр., Кн. Зап., VIII, 157—158.

[204]) Опис. рукоп. Кіевск. дух. Академіи, 205.

[205]) Въ замкѣ было тѣсно, ворота поздно открывались и рано запирались, такъ что службу совершать было очень неудобно.—Вил. Арх. Сб. I, 7. Здѣсь грубая ошибка въ заглавіи—при Александрѣ,—который умеръ почти годъ до этого —Церковь была перенесена только въ 1562 г. Ibid., 280.

[206]) Акты Виленск. А. К. II, 2—4.

[207]) Bal. i Lip., III, 513.

[208]) Лит. М. Кн. Зап. VIII, 158.

[209]) Daniłowicz, Skarbiec, II. № 2197, стр. 278.

[210]) См. Приложеніе, № 2-й.

Не смотря на пораженіе, въ Москвѣ сразу выдѣлили Острожскаго изъ среды другихъ знатныхъ плѣнниковъ: всѣхъ заковали въ цѣпи, гетмана же заключили въ кандалы, руки заковали сзади и затворы залили оловомъ. Въ такомъ видѣ онъ былъ привезенъ въ Москву, гдѣ оставался въ теченіи года. Литовскіе послы, цѣня важные для Литвы результаты геройской Ведрошской битвы, задержавшей дальнѣйшее наступленіе непріятеля, просили Іоанна дозволить имъ повидаться съ Острожскимъ. Получивъ разрѣшеніе, они, 1 марта 1501 г., посѣтили плѣнника въ Москвѣ, «на Ершовской [211])». Оффиціальныя московскія записи, по понятнымъ причинамъ, не говорятъ, какое впечатлѣніе вынесли литовскіе послы изъ этого свиданья. Но, очевидно, положеніе Константина Ивановича было очень тяжело, такъ какъ Я. Ю. Заберезинскій, вскорѣ послѣ возвращенія пословъ въ Литву, настойчиво просилъ въ своемъ письмѣ Якова Захарьина взять Острожскаго съ товарищами на поруки, на что бояринъ отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на задержку въ Литвѣ московскихъ людей [212]).

Вскорѣ послѣ этого плѣнные были разосланы по дальнимъ городамъ, при чемъ Константинъ Ивановичъ попалъ въ Вологду. Матерьяльно онъ былъ хорошо обезпеченъ: ему отпускались по 4 алтына въ день (тогда какъ прочимъ плѣнникамъ—по полуденьгѣ) и приказано держать его «не нужно [213])». Но едва ли было такъ: и Герберштейнъ и Курбскій согласно свидѣтельствуютъ о весьма жестокомъ обращеніи съ Острожскимъ [214]). Жестокость эта объясняется желаніемъ московскаго правительства заставить литовскаго гетмана поступить на его службу о чемъ всегда твердили Острожскому его приставы. Долго Константинъ Ивановичъ не сдавался и терпѣлъ страданія, пока наконецъ не рѣшился уйти изъ плѣна даже цѣною нарушенія клятвы.

При посредствѣ вологодскихъ духовныхъ лицъ, съ которыми Константинъ Ивановичъ близко сошелся, бывшій литовскій гетманъ далъ

---

[211]) Сборникъ Имп. Р. И. Общ., XXXV, 322—324.

[212]) Сборникъ . . . , 330.

[213]) Лѣтописецъ Архангелогородскій, 175—176, слова котораго почти буквально повторяетъ Брянцевъ (Исторія Лит. Госуд., 307), но запутывая ходъ событій.

[214]) Зап. о Московіи, 21; Каразинъ, VII, прим. 24.

свое согласіе на московское предложеніе [215]). Это произошло въ первой половинѣ 1506 года. Въ Москвѣ приняли такое рѣшеніе Константина Ивановича съ большою радостью: ему былъ данъ санъ боярина, «назначены помѣстья и владѣнія сообразно его сану» и отъ него взяли обычную заручную запись на вѣрность Москвѣ, которая и была дана 18 октября 1506 года [216]). Въ этой грамотѣ Острожскій упоминаетъ о полученномъ имъ, по ходатайству митр. Симеона, епископа сарскаго Трифона и многихъ архимандритовъ, прощеніи его вины великимъ княземъ, обязуется служить ему, не отъѣзжать отъ него ни къ кому, даже къ его братьямъ, во всемъ хотѣть ему добра, чистосердечно и безхитростно соблюдать его интересы; въ противнымъ случаѣ—«не буди на мнѣ милости Божіей и святительскаго благословенія», а за великимъ княземъ остается право казнить Константина Ивановича. На этомъ послѣдній цѣлуетъ крестъ и даетъ настоящую запись за поручительствомъ вышеназванныхъ духовныхъ [217]).

Давая заручную запись, Острожскій твердо рѣшилъ бѣжать въ Литву, тѣмъ болѣе, что событія того времени могли заставить его сражаться противъ родины, чѣмъ нѣкоторые и объясняютъ самое бѣгство. Обстоятельства сложились благопріятно. Успѣшная борьба Острожскаго съ татарами при защитѣ московской украины усыпила бдительность правительства, которое поручило новому боярину главное начальство надъ нѣкоторыми пограничными отрядами. Этимъ Острожскій и воспользовался. Подъ благовиднымъ предлогомъ осмотра ввѣренныхъ войскъ, онъ выѣхалъ изъ Москвы, приблизился къ литовскому рубежу и съ довѣреннымъ слугою, чрезъ густые лѣса, пробрался на родину. Передаютъ, что Константинъ Ивановичъ чудесно спасся отъ погони:

---

[215]) Въ передачѣ Курбскаго все приписывается Св. Димитрію: «Той святый (Димитрій Прилуцкій) Князя Константина отъ многолѣтнихъ его веригъ свободилъ, ими же былъ связанъ по рукамъ и ногамъ, и изсохшія уже ему руцѣ прикосновеніемъ ему исцѣлилъ», за что Острожскій до самой своей смерти прославлялъ и весьма уважалъ святаго. Карамз. VII, прим. 24.

[216]) Весьма возможно, что между освобожденіемъ Константина Ивановича и дачей записи, онъ сражался противъ татаръ, что и могло побудить московское правительство покрѣпче привязать къ себѣ даровитаго князя. Вообще въ этомъ періодѣ трудно возстановить даже хронологически-послѣдовательную нить событій.

[217]) Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, I, 403—404.

было воскресенье и Острожскій, переодѣтый крестьяниномъ, зашелъ въ церковь помолиться, слуга же его пошелъ впередъ. Погоня, поразспросивъ стоявшій на паперти народъ, бросилась за слугою; князь, выйдя изъ церкви и узнавъ въ чемъ дѣло, окольными путями достигъ своей цѣли. Бѣгство Острожскаго, различно опредѣляемое лѣтописцами, произошло около сентября 1507 года [218]).

Возвращеніе Острожскаго въ Литву совпало съ замѣшательствами, вызванными дѣломъ Глинскаго, который уже начиналъ обнаруживать свои планы, почему король не могъ сейчасъ заняться устройствомъ дѣлъ бѣжавшаго изъ плѣна князя. Но можно съ достовѣрностью утверждать, что Константину Ивановичу вскорѣ были возвращены его прежнія ста-

---

[218]) О жизни К. Ивановича въ плѣну и о его бѣгствѣ см. Niesiecki, Herbarz Polski (Lipsk., 1841) VII, 180; Wapowius, Scriptores rerum Pol., II, 82—«qui ex carceribus ipse stupendo miraculo non multo antea (т. е. 1508 г.) effugerat»; Герберштейнъ, Зап. о Московіи, 21; Cromerus, De origine et reb. gest. Pol., pag. 660—по Герберштейну; Stryjkowski, II, 345; Kojałowicz, Hist Lith., II, 322—323—очень хорошо и правильно; Карамз. VII, 15; Narbutt, Dzieje nar, Lit, VIII, 379. Wolff (Kniaziowie... 347) говоритъ, что Острожскій прибылъ въ Вильну 25 сентября 1507 г.

О времени бѣгства нужно замѣтить слѣдующее. Грамота въ Актахъ З. Р. (II, 7—8), датированная 20 января 1507 г., упоминаетъ объ Острожскомъ, какъ ожидаемомъ съ волынскою силою на помощь Минску,—очевидный анахронизмъ: заручная запись Острожскаго дана 18 октября 1506 г., полагаемъ мѣсяцъ на пребываніе въ Москвѣ, мѣсяцъ на поѣздку по войскамъ (ибо слишкомъ быстрый объѣздъ могъ возбудить подозрѣнія), мѣсяцъ на прибытіе въ Литву и ознакомленіе съ положеніемъ дѣлъ, мѣсяцъ на сборъ войскъ и увѣдомленіе рады,—итого 18 февраля. Значитъ, грамота не могла быть дана раньше 1508 года. Далѣе, 13 августа 1507 года гетманомъ состоитъ еще Стан. Петр. Кишка (Акты З. Р. II, 27—28), а 26 ноября того же года—Острожскій (Ibid. 30—31). Рада, во главѣ съ Н. Н. Радивиломъ, 5 января была въ Мельникѣ, грамота же дана 20 января въ Вильнѣ,—переѣздъ очень скорый, ибо король оставался въ Мельникѣ еще 6 января (Ibid. 6—7). Воеводой троцкимъ названъ Григ. Станиславовичъ (Остиковичъ), а эту должность въ 1507 г. занималъ Н. Н. Радивилъ (младшій), Остиковичъ же получилъ ее въ 1511 году (Ibid. 6. 36. 82). Остальныя подписи также не вѣрны, такъ что грамоту нужно отнести къ 1513 или 1514 году, къ послѣднему особенно, такъ какъ обстоятельства того времени вполнѣ соотвѣтствуютъ содержанію грамоты. Макарій (IX, 165), допустивъ дату издателей, запутался въ вопросѣ о времени посвященія Іосифа, къ которому адресована грамота, въ санъ митрополита.

роства—Брацлавъ, Винница и Звенигородъ и дана важная въ Литвѣ должность старосты луцкаго и маршалка волынской земли [219]); благодаря этому Острожскій сдѣлался главнымъ военнымъ и гражданскимъ начальникомъ всей Волыни. Въ данномъ случаѣ король желалъ не только почтить Константина Ивановича, но и отдать Волынь въ вѣрныя руки, такъ какъ это назначеніе послѣдовало не смотря на то, что 5 января 1507 года король далъ Ѳеодору Янушевичу привилей на пожизненное владѣніе старостволъ луцкимъ и маршалковствомъ волынской земли [220]). Но гетманское достоинство не могло быть возвращено Острожскому также скоро: нельзя было отнять его у Кишки въ то время, когда онъ находился во главѣ дѣйствующихъ войскъ. 13 августа гетманомъ состоитъ Кишка и только 26 ноября въ этомъ званіи является Константинъ Ивановичъ [221]). Весьма возможно, что сравнительно позднее возвращеніе Острожскому его прежняго достоинства зависѣло какъ отъ него лично—неустроенность хозяйственныхъ дѣлъ [222]), малое знакомство съ новымъ государемъ и новыми правительственными лицами,—такъ отъ возможнаго сопротивленія рады, ибо Кишка едва ли желалъ уступить такъ скоро званіе гетмана, выдвинутое обстоятельствами на самую высшую ступень полномочій [223]).

---

[219]) Такъ слѣдуетъ изъ передаточной грамоты на эти староства кн. Роману Андр. Сангушко отъ 26 января 1517 г., «... потомъ, какъ его милость, князь Костентинъ въ руки непріятеля нашого Московскаго попалъ на службѣ его милости земской, братъ нашъ далъ былъ тыи замки въ держанье нѣкоторымъ княжатомъ; а потомъ, какъ его милость зъ рукъ непріятельскихъ къ намъ выѣхалъ, и мы тыи замки вземши къ нашимъ рукамъ, за ся его милости дали держати до его живота...» Акты Южной и Зап. Р. II, 128—129. Во всѣхъ этихъ званіяхъ Острожскій впервыя упоминается 12 ноября 1507 г.,—въ королевскомъ извѣщеніи относительно дачи Берендѣю земель въ Кремянецкой волости,—значитъ эти званія ему были даны гораздо раньше. Лит. М., Кн. Зап. VIII, 185.

[220]) Акты Ю. З. Р. II, 113—114. Очевидно, король былъ радъ случаю перевести Янушевича на староство владимірское, второстепенное на Волыни, ибо Янушевичъ получилъ Луцкъ не позаслугамъ, но за деньги (Arch. Sang. III, 56—57) и не внушалъ довѣрія.

[221]) Акты З. Р. II, 27—28 и 30—31. Гетманство было возвращено Острожскому между 12 и 26 ноября—Л. М., Кн. Зап., VIII, 193.

[222]) Въ бытность Острожскаго въ плѣну, его имѣньями управлялъ зять, кн. Андрей Александр. Сангушко и управлялъ хорошо,—см. Arch. Sang. III, 38—39—раздѣлъ имѣній Острожскихъ и Заславскихъ 10 сентября 1506 г.

[223]) Прерогативы власти гетмана —Акты З. Р. II, 36—37.

Когда Сигизмундъ поближе узналъ Константина Ивановича и когда обстоятельства позволили заняться внутренними дѣлами, мы видимъ, что Острожскому были возвращены всѣ его званія и онъ былъ осыпанъ милостями Сигизмунда, скупого на подарки вообще, а въ началѣ своего царствованія въ особенности.

26 ноября 1507 году, въ Гроднѣ, послѣдовала дача первой жалованной грамоты Острожскому—на имѣнье Чудновъ, гдѣ прежде былъ городъ съ замкомъ, торгами и т. д. Все это, теперь пришедшее въ развалины и опустѣвшее, разрѣшено возстановить и надѣлить льготами. Но въ этой грамотѣ важны не матерьяльныя награды, а тонъ и мысли, показывающіе, какъ высоко цѣнилъ король Константина Ивановича [224]).—Въ Гроднѣ же, 4 декабря 1507 г., пожалованъ богатый Жидичинскій монастырь въ «доживотное держанье» и, вѣроятно, тогда же дано право воспользоваться частью брестскаго мыта, ибо 15 января 1508 году ему. «по квиту господарскому», было выплачено изъ соляной конторы 53 копы и 10 гр. [225])—Изъ Гродны король съ радою направился въ Польшу. Острожскій сопровождалъ короля, и въ Мельникѣ, гдѣ послѣдній прожилъ конецъ декабря 1507 и начало января 1508 года, Константинъ Ивановичъ получилъ новыя наданья. 26 декабря онъ получаетъ не только подтвержденіе на полное владѣнье Звяголемъ, даннымъ ему вел. кн. Александромъ, но «ктому за особливое ласки», Сигизмундъ разрѣшаетъ постройку въ Звяголѣ замка, право устроить городъ, учредить въ немъ торги, ярмарку и собирать мыто

---

[224]) «Во имя Божье, станься. Естли зъ низшого ряду посполитый человѣкъ приходить для своихъ цнотъ къ вышшой чти, а простые годностью шляхетства доступають: за правду достойно есть, освѣцоность княжатства, для мужества и высокихъ заслугъ, чтями и умноженьемъ заплаты уяснить. А прото... ижъ вбачивши глубокость вѣры, и непорухомую сталость, и мужства терпливость, и нелютованье горла напротивку непріятелей свѣтло-урожоного князя Константина Ивановича Острозского, гетмана великого князства Литовскаго, старосты Луцкаго, Браславского и Виницкого, Маршалка Волынскоѣ земли, и хотячи ему,. зъ ласки нашое панскоѣ, нѣкоторую потѣху, для таковыхъ его высокихъ послугъ, вчинити и тымъ его накладомъ нѣкоторую заплату вдѣлати,—пожаловали есмо ему имѣнье въ Кіевскомъ повѣтѣ, на имя Чудновъ...» Акты З. Р. II, 30—31; Archiwum Sanguszków, III, 49—50, отодвигаетъ дачу этой грамоты на два дня раньше—къ 24 ноября.—Чудновъ нынѣ мѣстечко Житомірскаго уѣзда, Волынской губерніи.

[225]) Акты З. Р. II, 31 и Акты Ю. и З. Р. II, 121.

на себя.—28 декабря король разрѣшаетъ Острожскому построить въ Дубнѣ замокъ, основать городъ и надѣлить послѣднiй магдебургскимъ правомъ. Грамота говоритъ, что король желаетъ этимъ доставить особое удовольствiе Константину Ивановичу, который долго служилъ отечеству, «infelici fato» былъ взятъ въ плѣнъ, томился тамъ «въ жесточайшихъ оковахъ и напастяхъ» восемь лѣтъ, скорѣе соглашался умереть, чѣмъ служить противъ своихъ и только недавно возвратился на родину.—Одновременно же послѣдовало королевское подтвержденiе Острожскому на имѣнья, данныя, раньше: Здолбицу, Глинскъ, Богдашовъ и Здѣтелъ, а черезъ день—новое наданье, особенно цѣнное при ограниченныхъ пока денежныхъ средствахъ Константина Ивановича: король даетъ ему право на полученiе 400 копъ гр. изъ луцкаго мыта, по 200 въ годъ [226]).

Между тѣмъ среди Литовской Руси происходило великое броженiе народной массы извѣстное подъ названiемъ измѣны Глинскаго. Это движенiе проф. Антоновичъ считаетъ «послѣдней реакцiей русскихъ князей противъ польско-литовскаго направленiя [227]). Дѣйствительно, это была реакцiя, но только не русскихъ князей [228]) и не противъ польско-литовскаго направленiя, а реакцiя массы русскаго народа противъ латино-польскаго направленiя, реакцiя, искусственно вздутая оскорбленнымъ честолюбiемъ Глинскихъ, поддержанная ихъ матерiальнымъ авторитетомъ, умѣлой группировкой недовольныхъ существующимъ порядкомъ, какихъ всегда бываетъ не мало, и завѣдомо ложнымъ преувеличенiемъ полонофильства новаго короля.

[226]) Обо всѣхъ этихъ наданьяхъ—Акты З. Р. II; 32—33; Bal. i Lip., Star. Polska III, 518—519 (лучшая редакцiя грамоты о Звягольскомъ замкѣ). О Дубнѣ—Arch. Sang. III, 50—53; грамота на построенiе замка была дана еще 6 iюня 1498 г., но, очевидно, не была выполнена.—Ibid. I, 114—116; подтвержденiя—Ibid. III, 53—54. О луцкомъ мытѣ—Акты З. Р. II, 33; оно было сдано въ аренду краковскому бургомистру Бонарю за 1600 к. гр.—Ibid. II, 142—143.

[227]) Кiевъ, его судьба и значенiе въ XIV—XVI в.в. Кiевск. Ст. 1882, I, 21.

[228]) Въ движенiи участвовало очень мало коренныхъ западно-русскихъ князей; Глинскаго же, родъ котораго культивировался въ Литвѣ только съ XV в., невозможно мыслить носителемъ древне-русскихъ княжескихъ традицiй, совершенно чуждыхъ его роду.

Въ виду важнаго значенія для Литвы этого событія, намъ необходимо остановиться на немъ нѣсколько внимательнѣе, изложить, хотя въ общихъ чертахъ, фактическую его сторону.

М. Л. Глинскій, какъ намъ извѣстно, во вторую половину царствованія Александра пользовался весьма сильнымъ на него вліяніемъ, которое, нужно сказать, онъ употреблялъ на усиленіе русскихъ въ административномъ и матерьяльномъ отношеніяхъ. Протесты и козни противъ Глинскаго лицъ католической партіи вредили самимъ протестовавшимъ; сила фаворита постепенно возрастала [229]). Но вотъ умираетъ Александръ и вмѣстѣ съ нимъ погибаетъ сила и значеніе Глинскаго; его враги успѣли предубѣдить противъ него будущаго князя,— Глинскій зналъ это очень хорошо. Тѣмъ не менѣе славный побѣдитель подъ Клецкомъ первый выѣзжаетъ на встрѣчу и привѣтствуетъ Сигизмунда, вручаетъ ему, въ качествѣ маршалка дворнаго, государственный мечъ во время коронаціи въ Вильнѣ, сопровождаетъ великаго князя въ Краковъ и присутствуетъ на коронаціи, 24 января, въ качествѣ представителя литовскихъ вельможъ.

Съ перемѣною государя вновь, и при томъ съ удвоенною энергіей, начинаются интриги противъ Глинскаго и, кажется, достигаютъ своей цѣли, т. е., убѣждаютъ Сигизмунда въ томъ, что Глинскій опасенъ, что онъ намѣревается образовать обособленное русское княжество. Еще въ январѣ 1507 г. Сигизмундъ лишаетъ Глинскаго города Бѣльска подъ благовиднымъ предлогомъ отдачи его Еленѣ. Маршалковство дворное тоже было отнято, какъ принадлежащее находящемуся въ плѣну Григорію Остиковичу. Напрасно Глинскій, понимая истинную причину такихъ поступковъ, требовалъ суда съ враждебными ему панами; въ отвѣтъ на это Сигизмундъ прямо показалъ, что вѣритъ слухамъ: въ томъ же январѣ 1507 г. родной братъ Михаила Львовича, Иванъ, былъ переведенъ съ кіевскаго воеводства на новгородское, причемъ въ грамотѣ очень ясно сквозитъ, что этотъ переводъ пониженіе

---

[229]) Разсказывая о краковской коронаціи Сигизмунда, Децій прибавляетъ: . . . «Кромѣ того было много князей литовскихъ. Jnsignior caeteris Michael Glinskeu fuit, cujus apud Alexandrum summa autoritas, etiam usque ad invidiam non sine reip. (ublicae) incommodo creverat». De Sigism. reg. temp., LXI.

и, при томъ, незаслуженное [230])... Михаилъ Львовичъ понялъ, что ждать ему нечего. Онъ рѣзко выговорилъ королю его несправедливость и заключилъ свою рѣчь угрозой, что его принудили рѣшиться на такое дѣло, о которомъ впослѣдствіи они оба пожалѣютъ.

Глинскій удалился въ Туровъ, данный ему Александромъ, оттуда съѣздилъ къ королю чешско-венгерскому Владиславу, думая въ немъ найти посредника для примиренія съ Сигизмундомъ—но безуспѣшно [231]). Тогда Глинскій рѣшился стать въ открытую оппозицію къ королю, объединить свое фамильное дѣло съ общерусскимъ и силою заставить короля признать его правоту. Къ нему начали собираться его родичи и многочисленные сторонники. Испуганный этимъ движеніемъ, король послалъ въ Туровъ Яна Костевича, клятвенно ручаясь за ихъ безопасность въ случаѣ возвращенія къ прежнимъ должностямъ. Но Костевичъ не внушалъ Глинскимъ довѣрія: они потребовали, чтобы Сигизмундъ велѣлъ присягнуть за себя Альбрехту Мартиновичу Гаштольду, но король, очевидно, на это не согласился [232]). Между тѣмъ нелады Москвы съ Литвою, вызванные требованіемъ Сигизмунда возвратить захваченные города, заставили Глинскаго обратить свои надежды на союзъ съ вел. кн. Василіемъ, который уже подсылалъ дьяка Губу Моклакова съ предложеніемъ вступить въ подданство кореннаго русскаго государя. Послѣ нѣкотораго колебанія Глинскій согласился и началъ дѣйствовать. Вотъ съ этого-то момента, по нашему мнѣнію, дѣло Глинскаго теряетъ народную почву и онъ, вмѣсто предстоятеля и носителя интересовъ западно-русскаго православнаго народа, дѣлается грандіознымъ авантюристомъ, принесшимъ слишкомъ много цѣннаго въ жертву своему честолюбію. Какъ человѣкъ опытный и умный, онъ хорошо понималъ невозможность, въ данный моментъ, присоединить къ Москвѣ всю русскую территорію Литвы. Объ этомъ даже въ Москвѣ не мечтали.

Переговоры Глинскаго съ Москвою закончились вступленіемъ рус-

---

[230]) Акты З. Р. II, 5—6. Обѣщаніе никогда не смѣнять съ новгор. воеводства, предоставленіе слишкомъ высокой чести, обѣщаніе не внимать больше доносамъ—слишкомъ прозрачны и не дипломатичны.

[231]) Decius (LXII) говоритъ, что свиданіе было 27 марта; Stryjkowski, II, 343.

[232]) Карамз. VII пр. 27 изъ Архивнаго Лѣтописца и Русскаго Временника.

скихъ войскъ въ Литву; война началась. Хотя въ Вильнѣ и ожидали разрыва, но, по обычаю, не успѣли къ нему подготовиться: только 13-го августа 1507 г., на минскомъ сеймѣ, были даны гетману Кишкѣ нужныя полномочія [233]).

Необходимость заручиться содѣйствіемъ Польши повела за собою поѣздку короля въ Краковъ тѣмъ болѣе, что Сигизмундъ не ожидалъ прямой измѣны Глинскаго. Но лишь только король выѣхалъ изъ Литвы, какъ Михаилъ Львовичъ открыто выступилъ его врагомъ. Сначала Глинскій бросился къ Гроднѣ, захватилъ своего смертельнаго врага—Я. Ю. Заберезинскаго и приказалъ отрубить ему голову. Этимъ поступкомъ Глинскій порвалъ всѣ связи съ Литвой и сильно охладилъ своихъ доброжелателей и сторонниковъ. Затѣмъ, по ссылкѣ съ Москвой, онъ бросился на Слуцкъ, Минскъ и Новгородокъ,—но вездѣ потерпѣлъ неудачу—изъ за медлительности и крайней осторожности московскихъ воеводъ, вовремя не поддержавшихъ Глинскаго. Только на югѣ Глинскіе успѣли занять Мозырь и Кіевъ; послѣдній, впрочемъ, самъ открылъ ворота предъ Василіемъ Глинскимъ и присланнымъ изъ Москвы «славнымъ казакомъ» Евстафіемъ Дашковичемъ [234]).

Между тѣмъ Сигизмундъ, видя, что дѣло становится слишкомъ серьезнымъ, поспѣшилъ возвратиться въ Литву и заняться сборомъ войска. Послѣднее дѣло пошло успѣшно, такъ какъ движеніе Глинскаго въ началѣ грозное и могучее, теперь свелось къ небольшой смутѣ. Жестокости въ слуцкомъ и копыльскомъ округахъ, гдѣ Глинскіе хотѣли побѣдить терроромъ, не только отшатнули отъ нихъ главную силу Литвы—«земянъ», но принудили послѣднихъ еще крѣпче примкнуть къ партіи порядка, т. е. къ королю. Только Друцкіе и Мстиславльскій князья стали на сторону смуты, и то поневолѣ: владѣнія ихъ составляли базисъ московскихъ операцій противъ Борисова и Минска.

---

[233]) Акты З. Р. II, 27—28. Московскіе полки открыли войну переходомъ границы 29 апр.—Соловьевъ, И. Р. V, 308.

[234]) О смутѣ Глинскаго: Decius, De Sigism. reg. temp., LXI—LXV; Bielski, Kronika, л. 288 на об.; Stryjk. II. 342—347; Акты З. Р. II, 22—23; Сборникъ Имп. Р. И. Общ. . . . XXXV, 487; Соловьевъ, V, 308—315; Карамз. VII, 15—22; Szujski, 166. 168; Антоновичъ, Кіевъ . . . , Кіевск. Ст. 1882, I, 24—25; лѣтописи этого времени коротко говорятъ о смутѣ. Объ участникахъ смуты—Wolff, Kniaziowie . . . 81—82; 370.

Сигизмундъ воспользовался такимъ настроеніемъ русскихъ и, чтобы еще больше закрѣпить ихъ вѣрность, щедрою рукою раздалъ конфискованныя имѣнья Глинскихъ князьямъ: Пинскому, Корецкимъ, Чарторыйскимъ, Четвертинскимъ и т. д. [235]), а кн. Глинскимъ, не участвовавшимъ въ смутѣ, были не только подтверждены права на прежнія имѣнія, но и даны новыя [236]). Чтобы угодить кіевлянамъ, король назначилъ къ нимъ воеводою православнаго князя—Юрія Александровича Гольшанскаго [237]); кромѣ того Сигизмундъ постарался закрѣпить вѣрность волынскихъ должностныхъ лицъ [238]).

Обезопасивъ себя съ этой стороны, король одновременно ведетъ переговоры съ Василіемъ III съ цѣлью устранить военное столкновеніе и посылаетъ письмо къ Менгли-Гирею, гдѣ убѣждаетъ послѣдняго, что Глинскій врагъ татаръ, что онъ лукавый и злой человѣкъ, въ чемъ ханъ и самъ можетъ убѣдиться изъ прилагаемой переписки измѣнившаго князя [239]).

Въ виду того, что для войны съ Москвою Сигизмундъ привелъ на помощь Литвѣ и польскія войска, на минско-новгородскомъ сеймѣ были выработаны правила о пріемѣ въ Литвѣ польской монеты, установлена такса за жизненные припасы, опредѣлена власть гетмана въ походѣ—почти равная королевской—и все это было обнародовано въ окружной грамотѣ, К. И. Острожскій былъ вызванъ изъ Острога, гдѣ онъ приводилъ въ порядокъ имущественныя дѣла, милостиво принятъ въ Новгородкѣ королемъ, получилъ въ даръ домъ М. Л. Глинскаго въ Вильнѣ и сталъ во главѣ войска [240]

---

[235]) Daniłowicz, II, №№ 2196 и 2198—2205, стр. 277—278; Акты З. Р. II, 41—42; 47; Любавскій, Областное дѣленіе . . . 162; Зельверовичъ, Лит. Метр., 12—13; Акты Ю и З. Р. I, 43—44, 47; Петровъ, Опис. рукоп. Кіевск. Ак., 201.

[236]) Акты Вил. Арх. Комм. XIII, 9—17; Любавскій . . . , 163.

[237]) Акты З. Р. II, 56—57; Юрій Монтовтовичъ, (силою?) смѣнившій Ивана Глинскаго, очевидно умеръ.

[238]) Сохранились извѣстія о пожалованіяхъ Острожскому (см. выше) и кременецкому намѣстнику Якову Монтовтовичу Bal. i Lip., Star. Polska, III, 516—517 (Млыново).

[239]) Акты Зап Р. II, 39—40; Сборникъ . . . 480 и далѣе

[240]) Акты Зап. Р. II, 36—37, о власти гетмана сравни Ibid. 27—28 и Daniłowicz'a, II, № 2233, 285—286; Archiwum. Sang. III, 55—60. Констан-

Острожскій, въ сопровожденіи короля и рады, изъ Новогородка двинулся черезъ Минскъ, еще въ январѣ приведенный въ оборонительное положеніе, къ Борисову и Оршѣ, которую неудачно осаждали московскіе полки. Послѣдніе, оставивъ осаду, старались задержать переправу литовско-польскаго войска чрезъ Днѣпръ, но всѣ стычки окончились для нихъ полною неудачей. Воеводы Василія Ивановича сразу потеряли энергію и начали систематическое отступленіе. Литовскія войска по пятамъ слѣдовали за уходившимъ непріятелемъ и наконецъ остановились въ Смоленскѣ [241]), откуда было рѣшено послать Острожскаго и и Кишку, съ отдѣльными отрядами, на московскія области Но выполненіе этого плана, въ виду какого то замѣшательство, произведеннаго въ литовскомъ войскѣ двумя неизвѣстными панами, было на время отсрочено и благопріятный моментъ потерянъ. Нѣсколько спустя, Острожскій двинулся на г. Бѣлый, взялъ его, кажется, занялъ Торопецъ и Дорогобужъ, сожженный самими московскими воеводами, и сильно опустошилъ всю эту область. Кишка направился къ Вязьмѣ, но не могъ взять города, хотя и нанесъ пораженіе московскимъ войскамъ.— Такой оборотъ войны склонилъ обѣ стороны къ переговорамъ о мирѣ, котораго горячо желалъ Сигизмундъ [242]).

Въ награду за оршанскую переправу и походъ противъ Бѣлаго, король, въ Смоленскѣ 6 сентября 1508 г., пожаловалъ Острожскому замокъ Поворско на Волыни и весь его округъ [243]). Грамота на это пожалованіе важна въ томъ отношеніи, что, помимо свидѣтельства о заслугахъ Острожскаго и о милости къ нему короля, она снимаетъ съ него упрекъ въ выпрашиваніи себѣ волостей. Староста луцкій кн. Коширскій впослѣдствіи писалъ: «Самъ-же князь Константинъ, будучи

тинъ Ивановичъ былъ въ Острогѣ 2 апрѣля 1508 г. Домъ данъ 9 іюня; раньше онъ былъ данъ Глинскому Александромъ, находился противъ Яновскаго костела,—впослѣдствіи—«константиновская каменица», а нынѣ—домъ чиновниковъ Виленскаго генералъ-губернатора, № 106.

[241]) Чтобы задобрить смольнянъ, Сигизмундъ, во время своего пребыванія въ городѣ, между прочимъ, произвелъ три наданья Спасскому монастырю—Л. Метр., Кн. Зап., VIII, 237—239.

[242]) Объ этихъ походахъ хорошо у Соловьева—V, 310—314; Decius, LXVI; Wapowius (дѣйствія Острожскаго у г. Бѣлаго)—Scriptores rerum Pol. II, 81; Stryjk. II, 348—350; Bielski, л. 289 и др.

[243]) Malinowski i Przezdziecki, Żródła do dziejów Polskich, II, 387—388.

державцею волости Козминецкой, выпросилъ для себя село Поворско [244])...»

8 октября 1508 г. былъ заключенъ «вѣчный» миръ Москвы съ Литвою. Несмотря на сравнительную удачу литовцевъ, смута Глинскаго заставила Сигизмунда уступить Москвѣ все, что ею было удержано по перемирію 25 марта 1503 г. и согласиться на свободный отъѣздъ изъ Литвы Глинскихъ вмѣстѣ съ ихъ сторонниками [245]). По тому же договору въ Литву могли возвратиться соучастники смуты. За нихъ ходатайствовалъ передъ королемъ Константинъ Ивановичъ; лично къ нему возвратились до 200 челов., между которыми особенно выдѣлялся Евстафій Дашковичъ, уже пять лѣтъ служившій Москвѣ. Ходатайство Острожскаго за Дашковича—одно изъ самыхъ важныхъ его дѣлъ въ пользу русской народности: не даромъ даже польскіе историки называютъ Дашковича «украинскимъ богатыремъ»,—онъ заслужилъ это имя долголѣтнимъ и многотруднымъ подвигомъ защиты Руси отъ татаръ. Большая часть возвратившихся и пріютилась около Острожскаго, часть же возвратилась къ своимъ прежнимъ панамъ-патронамъ [246]) Одновременно съ ходатайствомъ за право возвращенія Константинъ Ивановичъ старался устроить и разнородныя дѣла возвратившихся [247]).

Такъ какъ сравнительно удачная война была весьма многимъ обязана лично Острожскому, то король, на возвратномъ пути изъ Смоленска въ Вильну, въ Смольнянахъ, очевидно послѣ того, какъ заключеніе мира стало совершившимся и извѣстнымъ фактомъ, сдѣлалъ крупнѣйшее наданье Острожскому—города Турова съ округомъ, Сторожевца и Данильцовичъ,—прежнихъ владѣній кн. Глинскихъ [248]); эти владѣнія

---

[244]) Памятники Врем. Кіев. К. IV, отд. II, стр. 179—181.

[245]) Акты З. Р. II, 53—57.

[246]) Decius, LXVII; Stryjk., II, 351.

[247]) По ходатайству Острожскаго, Дашковичу было возвращено его прежнее староство—Каневъ и Черкасы,—Кулишъ, Исторія возсоед. Руси, I, 45. Такъ какъ Дашковичу были возвращены его прежнія имѣнья, между прочимъ Вонячинъ, то Острожскій выпросилъ у короля его временнымъ владѣльцамъ, Берендѣямъ, другое имѣнье—Кузьминъ, Кременецкой волости.—Княгинѣ Іуліаніи Гольцовой онъ выхлопоталъ у короля грамоту, освобождавшую ее отъ подозрѣній въ участіи въ измѣнѣ Глинскихъ.—Зельверовичъ, Лит. Метр., 17—18. Акты З. Р. II, 63—64. Дашковичъ перешелъ въ Литву до окончательнаго заключенія мира, такъ какъ грамота о Вонячинѣ помѣчена 29 сент. 1508 г. (въ Смоленскѣ).

[248]) Arch. Sang., III, 64—65.

пожалованы Константину Ивановичу и его потомкамъ въ полную собственность. Тогда-же король освободилъ волынскихъ подданныхъ Острожскаго отъ платы воловщины [249]). Въ слѣдующемъ году ему было дано село Полчае, какъ только оно «спало на короля» по смерти Немиры Резановича, с. Птичье, Дорогобужъ (Волынскій)—сначала въ держаніе, а потомъ въ полную собственность и подтверждено освобожденіе отъ воловщины [250]).

Острожскому не удалось отдохнуть послѣ заключенія мира съ Москвою. Дѣло въ томъ, что татары не обращали вниманія на договоръ короля съ ханомъ и, предполагая, что война съ Москвою затянется на долго, вторгнулись въ Литву, прошли Подолье, Волынь и распространили свои загоны вплоть до Слуцка. Сигизмундъ, начавшій уже распускать войско, отправилъ противъ татаръ Острожскаго съ восьмитысячнымъ отрядомъ, состоявшимъ почти исключительно изъ русскихъ. Гетманъ быстро прошелъ въ область татарскихъ опустошеній, раздѣлилъ свое войско на нѣсколько отрядовъ и началъ систематически истреблять отдѣльные татарскіе загоны. Лѣтописи отмѣчаютъ три значительныя побѣды, которыя одержалъ Острожскій, его ближайшій сотрудникъ—«казакъ» Павлюкъ [251]) и Лука Моровецъ. Слуцкъ былъ освобожденъ отъ осады и литовская земля въ теченіе мѣсяца была совершенно очищена отъ хищниковъ [252]). Послѣднее пораженіе татаръ подъ Острогомъ доставило Константину Ивановичу много плѣнныхъ, которые, будучи поселены у Острога, составили впослѣдствіи прекрасную военно-служебную силу сыну побѣдителя—«великолѣпному» воеводѣ кіевскому Константину Конст. Острожскому [253]).

Волненіе, произведенное Глинскими, война съ Москвою и набѣгъ татаръ изнурили Литву и, особенно, русское ея населеніе. Настало время отдыха, исправленія вреда и потерь; населеніе обратилось къ

---

[249]) Л. М., Кн. Зап. VIII, 248.

[250]) Ibid, VIII, 319—320, Arch. Sang. III, 66—70. Дата: Львовъ, 1509 г., 16 ноября.

[251]) Въ лѣтописяхъ—Пауліосъ, Палюсъ, Polusius Roxanus.

[252]) Decius LXVII; Wapowius, Script. r. Pol., II, 82—83; Bielski, л. 289 на об., Stryjk. II, 351; характерно у Стебельскаго, Żywoty... III, 54.

[253]) Słownik. geograficzny Król. Polskiego, Warsz. 1886, т. VII, стр. 684.

домашнимъ заботамъ, къ дѣламъ по имуществу, Острожскій также занялся устройствомъ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ и расчета со своими долгами. Будучи въ Вильнѣ, 17 ноября 1508 г., онъ письменно просилъ короля уплатить тѣ долги его, которые онъ сдѣлалъ, снаряжая войска для прошлой войны. Просьба, впрочемъ, имѣла въ виду случай смерти и то обстоятельство, что имѣнія гетмана были совершенно разстроены. [254]). Не знаемъ, уплатилъ-ли король долги или нѣтъ, по крайней мѣрѣ, при личномъ свиданьи послѣдній принялъ Острожскаго самымъ лучшимъ образомъ и рѣшилъ всѣ его дѣла по имѣньямъ.

Пользуясь случаемъ, князь ходатайствовалъ за печерскаго игумена Вассіана, посаженнаго, по приказу короля, воеводой кіевскимъ, Юріемъ Монтовичемъ, въ тюрьму. Вина Вассіана не извѣстна. Ходатайство Константина Ивановича было успѣшно, Вассіанъ былъ освобожденъ изъ заключенія и поѣхалъ къ королю съ подарками. Но такъ какъ король былъ въ Краковѣ, то Вассіану пришлось ѣхать чрезъ Вильну, здѣсь онъ былъ вновь заключенъ въ оковы. Чѣмъ на этотъ разъ кончилось заключеніе—неизвѣстно [255]).

Устроивъ свои хозяйственныя дѣла, Острожскій, по возвращеніи отъ короля, рѣшилъ наконецъ вступить въ бракъ. Выборъ его, славнаго гетмана и богатаго князя-землевладѣльца, палъ на кн. Татьяну Семеновну Гольшанскую, дочь грознаго для татаръ старосты луцкаго. Столь поздняя женитьба трудно объяснима, а между тѣмъ ее нельзя отнести къ болѣе раннему времени, такъ какъ на это нѣтъ никакихъ данныхъ, а вѣновая запись, обыкновенно писавшаяся до или непосред-

---

[254]) Акты Зап. Р. II, 57. Всего Константинъ Ивановичъ задолжалъ разнымъ лицамъ до 7000 руб., сумму, на тогдашній счетъ, очень значительную. Между тѣмъ его староства были разорены (Ibid., II, 28), имѣнья опустошены татарами.

[255]) Акты Зап. Р. II, 57—58. Даты нѣтъ; мы руководствуемся указаніемъ на то, что кіевскимъ воеводой былъ Юрій Монтовтовичъ, упоминаемый въ этомъ званіи съ 1 сентября 1507 г. (собственно съ января, такъ какъ онъ замѣнилъ И. Л. Глинскаго) по 13 авг. 1508 г.; 20 іюля 1509 г. воеводой былъ кн. Юрій Александровичъ Гольшанскій. Сверхъ того—на постановленіяхъ виленскаго собора (подписаны 18 янв. 1510 г.) Печерскимъ архимандритомъ подписался Іона.

Интересенъ подсчетъ «имѣнья» Вассіана, показывающій насколько состоятельны были Печерскіе настоятели. У Вассіана было отнято: деньгами

ственно послѣ брака, дана Острожскимъ княгинѣ Татьянѣ 8 апрѣля 1509 года [256]). Изъ этой записи видно, что благодаря послѣднимъ татарскимъ набѣгамъ, положеніе дѣлъ Константина Ивановича было не особенно блестяще и Туровъ записывается только въ 1000 копъ гр.! Кажется, что и Татьяна Семеновна принесла не особенно много приданаго; по крайней мѣрѣ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ имѣній, правъ на Степень (королевское имѣнье) и на часть литовскихъ имѣній кн. Гольшанскихъ, мы ничего другаго не знаемъ [257]). Только девять лѣтъ спустя, по смерти кн. Маріи Ровенской, бабушки Татьяны, Острожскому достались громадныя имѣнья, сдѣлавшія его чуть-ли не самымъ богатымъ человѣкомъ въ Литвѣ.

Послѣ женитьбы Острожскій продолжалъ устройство своихъ разоренныхъ имѣній. Прежде всего онъ сильно укрѣпилъ Острогъ, при чемъ перестроилъ Богоявленскую церковь [258]); вслѣдъ затѣмъ онъ купилъ у кн. Анны Юрьевны Заславской ея половину Острожскаго мыта [259]) и занялся административными дѣлами по своимъ опустошеннымъ староствамъ.

Со времени возвращенія изъ плѣна, военной дѣятельности 1508 г. противъ Москвы и татаръ, достойно оцѣненной Сигизмундомъ, К. И.

—137 копъ 30 гр. и 85 золотыхъ; вещами—5 лошадей стоимостью въ 52 копы, три жемчужины, каждая величиною въ лѣсной орѣхъ, двѣ куньихъ шубы съ 48 серебр. пуговицами, 15 шкурокъ бобровыхъ, 12 лисьихъ, 10 куньихъ, 5 дорогихъ ковровъ, 3 фунта шелку и т. д., кромѣ пряностей и сухихъ фруктовъ, предназначенныхъ въ подарокъ королю.

[256]) Malinowski i Przezdiecki, Żródła do dziejów Polskich, II, 424—425. Помѣченный здѣсь 1514 г. неправиленъ, такъ какъ не соотвѣтствуетъ ни индикту (12), ни титулу Острожскаго, ни семейному положенію—у Константина Ивановича еще ожидаются дѣти, тогда какъ въ 1513 г., у него былъ уже сынъ Илія—Вил. Археогр. Сб. IV, 2. Сравни Stecki, Miasto Równe, Warsz. 1880, стр. 5.

[257]) См. прим. 280.

[258]) Теодоровичъ. Ист.-статист. опис. церквей и прих. Волынск. еп. II, 639,—если вѣрить не вполнѣ точному разсказу автора.—Сильно укрѣпленный Острожскій замокъ былъ расположенъ на «Судовой горѣ», откуда открывался восхитительный видъ на долину р. Горыни, р. Вилію и м. Межирѣчъ. Описаніе замка, построеннаго еще Василіемъ Краснымъ,—О. Левицкій. Анна-Алоиза, кн. Острожская, Кіевск. Стар 1883, VII, 247—248.

[259]) Arch. Sang., III, 67. На 5 лѣтъ, за 200 копъ гр.

Острожскій все выше и выше поднимается по ступенямъ государственной литовской іерархіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе его сильнѣе и сильнѣе оказывается въ постепенномъ улучшеніи положенія западно-русскихъ православныхъ, устроеніи церкви, умноженіи храмовъ и увеличеніи юридическихъ прерогативъ православнаго духовенства. Ближайшими помощниками Константина Ивановича въ этомъ дѣлѣ были постепенно выдвигающіеся русскіе дѣятели, начиная съ Елены Ивановны, митр. Іосифа Солтана, Александра Ивановича Ходкевича и Богуша Боговитиновича, кончая мелкими служилыми дворянами и земянами.

Мы уже видѣли, что, во вторую половину своего царствованія, Александръ значительно содѣйствовалъ интересамъ русскаго населенія Литвы, покровительствовалъ православной церкви, ея духовенству и т. д. Эта перемѣна въ Александрѣ совпадаетъ со смертью митр. Іосифа Болгариновича. Послѣ него на митрополіи мы видимъ Іону II, бывшаго архимандрита минскаго Вознесенскаго монастыря, духовника Елены и, кажется, москвича родомъ. Іона оказался настолько твердымъ въ православіи, что его считаютъ «схизматикомъ» и «введшимъ схизму» въ Литвѣ даже пристрастные уніатскіе писатели. О дѣятельности этого митрополита свѣдѣній почти не сохранилось. Насъ интересуетъ только его отношеніе къ патронатству въ связи съ вышеуказанными заявленіями о его православіи. Въ этомъ вопросѣ Іона шелъ въ разрѣзъ со взглядами своихъ предшественника и преемника; кромѣ патронатства надъ минскимъ Вознесенскимъ монастыремъ, предоставленнаго Еленѣ Іоанновнѣ, и надъ Супрасльскимъ—Ходкевичу, Іона, грамотою 20 іюля 1506 г. предоставилъ патронатство надъ Гродненскимъ Коложскимъ монастыремъ Богушу Боговитиновичу за возстановленіе имъ церкви и дачу монастырю имѣнья Чащицъ [260]. Благодаря совокупнымъ дѣйствіямъ пановъ и митрополита, въ его правленіе, почти всецѣло падающее на время плѣна Острожскаго, исчезли всѣ слѣды уніи, затѣянной Болгариновичемъ.

Ко времени митр. Іоны относится завѣщаніе кн. Дим. Путятича, воеводы кіевскаго, представляющее нѣсколько данныхъ для сужденія о состояніи православной церкви въ Литвѣ. Завѣщаніе это было подтверждено Александромъ 29 апрѣля 1506 г. и приведено въ исполне-

---

[260]) Виленск. Археогр. Сб. IX, 418—421.

ніе душеприказчикомъ Путятича М. Л. Глинскимъ [261]). Изъ него видно, что восемь литовскихъ епархій располагались въ такомъ порядкѣ: митрополичья, Смоленская, Полоцкая, Владимірская, Луцкая, Туровская, Перемышльская и Холмская; кромѣ соборовъ при каѳедрахъ, упоминаются еще соборы: Новгородскій Борисоглѣбскій, Витебскій Михайловскій и Брестскій Николаевскій. Въ Вильнѣ было: 1 монастырь, 1 соборъ и 12 приходскихъ церквей.—Наибольшее наданье получаютъ: Кіевско-Печерскій монастырь и Виленскій Пречистенскій соборъ (по половинѣ имѣнья Еремичъ), далѣе слѣдуютъ каѳедральные соборы. монастыри, Гродненская Пречистенская, Слуцкая Іоанно-Богословская, Люблинская Спасская церкви и семь церквей въ имѣньяхъ Путятича (отъ 10 до 1 копы гр. [262]).—Іона II скончался во второй половинѣ 1507 г. [263]).

Послѣ его смерти митрополичій престолъ занялъ Іосифъ II Солтанъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ іерарховъ западнорусской церкви вообще и самый видный въ ея доуніатскій періодъ. Фамилія Солтановъ и по родственнымъ связямъ, и по богатству, и по знатности занимала почетное мѣсто въ средѣ литовской знати [264]). Уже это должно было поставить новаго митрополита въ особое положеніе относительно короля и правительства, но Іосифъ еще при Александрѣ обратилъ на себя вниманіе своею патріотическою дѣятельностью въ санѣ

---

[261]) Лит. Метр , Кн. Зап. VI, 15—16.

[262]) Интересно также, что Путятичъ завѣщаетъ отпустить на волю перешедшихъ къ нему «въ трудностяхъ» и выкупить на 60 копъ гр. татарскихъ плѣнниковъ. Весь денежный расходъ по завѣщанію Путятича равнялся 294 коп. гр.

[263]) Митр. Макарій (Ист. Р. Ц. IX, 151—159—объ Іонѣ) относитъ смерть его къ концу 1507 г. Послѣднюю грамоту м. Іоны мы имѣемъ отъ 20 іюля 1506 г.—Сборникъ И. Р. Ист. Общ. XXXV, 479, а королевское подтвержденіе его завѣщанія дано 9 іюля 1507 г. (Л. М. Кн. З., VIII, 158). Іосифъ Солтанъ *нареченъ* митрополитомъ въ присутствіи крестоваго священника патріарха Іоакима 10 мая 1507 г. вѣроятно въ виду слабости и болѣзни м. Іоны,—см. Вѣст. Зап. Россіи, 1866, VII, ч. I, стр. 3, прим.; Kojałowicz, Miscellanea, 48; Кревза; Оборона Уніи, Русск. Ист. Библ. IV, 237, Pelesz, Geschichte d. Un. I, 494—495; Евгеній, Опис. Соф. соб., 117. Замѣчательно, что всѣ эти авторы, кромѣ Макарія, относятъ правленіе Іоны къ 1519—1523 г.г., т. е. послѣ смерти Іосифа Солтана.

[264]) Солтаны были въ родствѣ съ Тышкевичами, Горностаями, кн. Чар-

епископа смоленскаго [265]) и поддержалъ свою славу въ 1513-хъ г. г., такъ что на него сильно разсчитывала рада какъ въ дѣлѣ укрѣпленія Минска, такъ и въ дѣлѣ утвержденія вѣрности жителей [266]). По отношенію къ церкви Іосифъ заявилъ себя наданьями монастырямъ: Выдубецкому и новопостроенному Супрасльскому [267]).

торыйскими, кн. Буйницкими, позже—съ Четвертинскими. Имѣнья ихъ были весьма многочисленны и обширны; главнѣйшія: Папорти, Волчинъ, Кленики, Жировицы, Почепово, Затурейскъ, даже Евье и часть Несвижа.—См. Вил. Центр. Арх. № 12806, л. 149—150; Акты З. Р. I, 102; II, 211; Акты Вил. Арх. К. II; 20; III, 275; Bal i Lip. Star. Polska, IV, 552 и мн. др.—Братъ (?) м. Іосифа былъ подскарбіемъ дворнымъ, а племянникъ—виднымъ военнымъ.

Бѣлецкій (Родопроисхожденіе м. Іосифа Солтана, Лит. Еп. Вѣд. 1895 г. № 40—45 и отд. оттискъ) производитъ митр. Іосифа изъ незначительной и бѣдной боярской семьи (Логойской вѣтви). Основываясь почти на одномъ актѣ и, при томъ, не вполнѣ ясномъ, авторъ упустилъ изъ виду весьма важный актъ, напечатанный Лебединцевымъ (Кіевск. Епарх. Вѣд. 1873 г., отд. II, стр. 315—изъ архива Св. Синода); изъ этого акта видно, что матерью м. Іосифа была Василисса Тышкевичъ, оставившая сыну два имѣнья—Всяжь и Колодезье, что двѣ его сестры вышли: Марина—за Василія Горностая, Анна—за Александра Чарторыйскаго. Сословіе же «бояръ» тогда (кон. XV в.) еще замѣняло «шляхту»—боярами назывались такіе роды, какъ Пацы, Корсаки, Глѣбовичи . . .

[265]) Отъ Александра Іосифъ получилъ Топилецъ, Батюты, Пыцево и и др. По Виленск. Археогр. Сб. (IX, 8—9) грамота помѣчена 15 сентября 7014 г., инд. 7. Годъ не вѣренъ ибо Александръ умеръ 19 августа 1506 г.; преосв. Макарій (IX, 154) полагаетъ 1504 г., что также не вѣрно, потому что (1504+4) : 15=8 инд., значитъ грамота дана въ 1503 г. Архим. Николай (Супрасльскій Благовѣщ. мон., стр. 488) говоритъ, что въ подлинникѣ стоитъ 7012 г., но и это не вѣрно, ибо седьмой индиктъ окончился 31 авг. 1504 г.—Дача Сигизмундомъ Іосифу сельца Капустинскаго, 18 іюля 1507 г.,—Акты Зап. Р. II, 27; сельцо было дано «до воли господарское» воеводою смоленскимъ, Юріемъ Глѣбовичемъ, а король только подтвердилъ наданье.

Мнѣніе, что Іосифъ до принятія монашества назывался Александромъ, служилъ въ военной службѣ, оказался очень хорошимъ полководцемъ и обратилъ на себя вниманіе,—ошибочно. Кажется, военнымъ былъ племянникъ Іосифа, сынъ подскарбія дворнаго, владѣлецъ Жировицъ, умершій въ 1549 г.—См. Жировицкій помянникъ (Опис. рукописей Вил. Публ. Библіотеки, 187 и 287); Вѣст. Зап. Р. 1866, VII, I, прим. на стр. 3.

[266]) Акты З. Р. II, 7—8.

[267]) Вѣстн. З. Р., 1865, т. I, ч. II, 159; Вил. Арх. Сб. IX, 6—7. Су-

Первымъ дѣломъ Іосифа Солтана, послѣ возведенія его въ санъ митрополита [268]), было созваніе собора въ Вильнѣ для упорядоченія церковной жизни. Дѣйствительно, помимо неудовлетворительности самого распорядка церковной жизни [269]), и міряне не отличались нравственностью: еще въ 1474 г. Контарини свидѣтельствовалъ, что русскіе простолюдины страшно пьянствуютъ; при проѣздѣ его черезъ Луцкъ весь городъ оказался пьянымъ благодаря какой-то свадьбѣ [270]). Понятно, что и ко времени собора пьянство не исчезло. Были другіе нравственные недостатки. 10 февраля 1509 года Сигизмундъ принужденъ былъ послать «дворянина» Ивана Черкаса забирать и представлять на «духовный судъ» тѣхъ, на кого укажетъ митр. Іосифъ, который жаловался королю «штожь дей многіи люди Русь, въ тыхъ мѣстѣхъ незаконнѣ мѣшкають, жоны поймуючи не вѣнчаются, и дѣтей крестити не хотятъ и не ходятъ» [271])»... А въ 1512 г. король писалъ обывателямъ Слонимскаго повѣта: «Писалъ до насъ Митрополитъ Кіевскій и всея Русіи Іосифъ, о томъ, штожъ дей вы его въ дѣлѣхъ духовныхъ не... слушны, и зъ жонами дей своими незаконно живете [272])»... Очевидно, что подобныя уклоненія были и до собора 1509 г. Къ сожалѣнію

прасльскому монастырю Іосифъ отдалъ данныя ему Александромъ села—Топилецъ, Батюты, Пыщево.

[268]) По Макарію (IX, 166), Іосифъ былъ *рукоположенъ* между февралемъ и сентябремъ 1509 г. До созванія собора Іосифъ устроилъ нѣсколько церковныхъ дѣлъ: по его содѣйствію оршанскіе священники получили отъ короля дозволеніе ходить за московскій рубежъ для сбора на церковныя нужды; виленскимъ торговцамъ былъ выданъ подвижной антиминсъ на случай поѣздокъ за границу и нѣкот. др. Акты З. Р. II, 159—160 и 66—67.

[269]) Кромѣ обычныхъ неурядицъ между епископами и соборянами, въ области патронатства возможны были такіе факты: 15 апр. 1509 г. король, грамотою на имя старостъ Подолья и Галиціи предоставилъ *латинскому* львовскому архіепископу право избирать намѣстника *православной* митрополіи—Turgenevius. Suppl. ad. Hist. R. Mon. 137. Это право латинскій епископъ удерживалъ до 1539 г. Ibid. 138. 140.

[270]) Библ. иностр. пис. о Россіи, I, 20. Достовѣрность этого свидѣтельства довольно подозрительна: Контарини былъ въ Луцкѣ 24 марта, а этотъ день въ 1474 г. падалъ на четвергъ пятой недѣли великаго поста, значитъ, никакой свадьбы быть не могло.

[271]) Акты З. Р. II, 62—63.

[272]) Ibid., 100—101.

соборъ занялся другими вопросами, хотя, судя по окружной грамотѣ, имѣлъ цѣлью именно устраненіе нравственныхъ недостатковъ.

Виленскій соборъ былъ собранъ 25-го декабря 1509 года и продолжался, хотя и не въ полномъ составѣ членовъ, до 5 февраля 1510 года.

Дѣяній его, хорошо и обстоятельно обслѣдованныхъ у митр. Макарія [273]), мы коснемся постольку, поскольку они характеризуютъ жизнь западно-русской церкви, являются для нея прекрасной иллюстраціей.

Изданы были они, въ видѣ окружной грамоты митрополита, 18 января 1510 г. за подписями: митрополита, семи епископовъ, тридцати архимандритовъ и игуменовъ и семи протопоповъ. Въ началѣ грамоты мѣтко очерчено положеніе западно-русскаго православнаго народа: «Плѣненіемъ поганыхъ разведени суть сынове и дщери наши въ многыя страны поморскыя. Не взяты ли быщя грады наша? Не падоша ли сидніи князи наши остріемъ меча. Не запустѣша ли святыя Божіа церкви? Не томимы ли есмо отъ безъбожныхъ поганыхъ Агарянъ?...» Дальше слѣдуютъ соборныя постановленія, касающіяся церковной дисциплины; нельзя подъ живыми епископами и священниками искать ихъ мѣста, нельзя ставить дьяковъ чужой епархіи во священники, равно и недостойныхъ, хотя бы того желалъ король. Священнику разрѣшается служить въ чужой епархіи только съ отпускной грамотой своего епископа; лишившійся жены пусть не священнодѣйствуетъ,—какъ и въ константинопольской церкви [274]).

Но главною цѣлью собора было—урегулировать распоряженіе церквами «панскаго поданья». Для этого выработаны правила, ограничивающія пана-патрона въ пользу митрополита: безъ благословенія послѣдняго священникъ не могъ служить въ церкви пана, въ противномъ случаѣ—онъ былъ «чюждъ своего сана», панъ могъ удалить попа только по суду митрополита; къ церкви, которую панъ продержитъ три мѣсяца безъ попа, таковаго назначаетъ митрополитъ; къ нему же переходятъ судебныя дѣла церкви изъ-за имущества и т. д.

---

[273]) Ист. Р. Ц. IX, 168—174.

[274]) Это нелѣпое правило, противъ котораго такъ горячо ратовалъ приснопамятный Скрипица, было принято въ Москвѣ въ 1503 г., подтверждено на Стоглавомъ соборѣ и отмѣнено Св. Синодомъ въ 1723 г.

Послѣднія правила запрещаютъ инокамъ самовольно отлучаться изъ монастыря, мірянамъ—держать у себя книгу правилъ, обязуютъ епископовъ повиноваться митрополиту, безъ отговорокъ являться на соборъ и, наконецъ, обязуютъ всѣхъ духовныхъ, послушаніемъ кототорыхъ соборъ, очевидно, думалъ достичь своей главной цѣли, подъ угрозою лишенія сана, твердо и нерушимо содержать эти правила [275]).

Какъ видно изъ постановленій, соборъ имѣлъ цѣлью упорядочить церковную дисциплину чрезъ возвышеніе власти митрополита и епископовъ въ ущербъ бѣлому духовенству съ одной стороны и чрезъ возможно большее ограниченіе мірскаго участія въ дѣлахъ церкви—съ другой. Этотъ ошибочный въ данномъ случаѣ путь, выдвинутый Іосифомъ Болгариновичемъ въ испрошенной у Александра грамотѣ 1499 г., не могъ быть пріятенъ панамъ-патронамъ, благодаря которымъ, по всей вѣроятности, и состоялся самый соборъ, а потому и постановленія его не могли существенно измѣнить положенія дѣлъ; для самой же церкви постановленія этого собора не принесли пользы, скорѣе, наоборотъ,—успѣхъ введенія уніи 1596 года весьма много зависѣлъ именно отъ сравнительно большаго усиленія высшей іерархіи на счетъ низшей и отъ ослабленія патронатства мелкихъ земянъ (на вельможъ, раньше другихъ измѣнившихъ православію, епископы не могли оказывать давленія). Польза собора ограничилась упорядоченіемъ поставленія въ санѣ священника да мѣрами противъ бродяжничества монаховъ. Вотъ почему, какъ намъ кажется, такое необычайное явленіе въ западно-русской церковной жизни, какъ соборъ 1509—1510 г. г., прошелъ для нея почти незамѣтно.

Послѣ обнародованія дѣяній, члены собора частью уѣхали, частью остались для совѣщанія о нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ. 5 февраля отцами собора была дана грамота Супрасльскому монастырю о его неподсудности митрополиту, объ освобожденіи отъ архіерейскихъ пошлинъ и объ оставленіи митрополиту только права назначать и судить игумена [276]).

---

[275]) Евгеній Опис. Кіево-Соф. собора, прим. 10 стр. 40—48; Р. Ист. Библ. IV, 5—18; подлинникъ хранился въ Печерской Лаврѣ еще въ 1632 г. Синопсисъ, albo krotkie spisanie praw, przywilejów, swobody . . . 1632 (въ Вил. Публ. Библ.).

[276]) Николай, Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь, стр. 24—26. Грамота подписана митрополитомъ, тремя епископами, двумя архимандри-

Послѣ собора м. Іосифъ, продолжая заниматься церковнымъ устроеніемъ, занялся съ Ходкевичемъ постройкою церкви въ Супрасльскомъ монастырѣ, выработкою для него подробнаго устава общежитія [277]) и, соединившись съ Острожскимъ, стремился придать правительственную санкцію постановленіямъ Виленскаго собора. Такъ какъ дальнѣйшія церковныя дѣла тѣсно связаны съ личностью Константина Ивановича и его административнымъ усиленіемъ, то считаемъ нужнымъ сдѣлать небольшое отступленіе и сказать нѣсколько словъ объ Острожскомъ.

Въ началѣ 1510 года умеръ его дядя по женѣ, кн. Александръ Юрьевичъ Гольшанскій [278]) и мѣсто «Пана Виленскаго» освободилось. Впредь до общаго сейма оффиціально нельзя было замѣстить этого почетнаго, втораго по высотѣ, уряда,—и король, на свою отвѣтственность, частнымъ образомъ отдалъ его Острожскому [279]). Занятіе уряда пана виленскаго сразу ввело гетмана въ среду высшей правительственной литовской знати, какъ сильнаго и могучаго ея члена; онъ дѣлался не волынскимъ, а литовскимъ вельможею.—Но милости короля этимъ не ограничились. «Бачечи высокіе послуги въ знаменитыхъ валкахъ гетмана найвысшаго» и т. д. К. И. Острожскаго, который, служа при Казимірѣ, Александрѣ и при немъ, Сигизмундѣ,—«горла своего напротивку непріятелей нашихъ для насъ утратити не литовалъ и накладовъ великихъ наложити не жаловалъ, штожъ звыкъ чинити и до нинешнего дне, и хотячи ему онымъ его працомъ некоторую часть заплаты учинити», король жалуетъ ему Степань,—со всѣми боярами и людьми путными, Золотыевъ, Подоляны, Горбаковъ, Городецъ, Тутовичи и Лухчи, которые держалъ отъ короля Казимира кн. Юрій Семеновичъ

тами, однимъ протопопомъ и нѣсколькими попами. Интересна подпись: «Филиппосъ, священноинокъ, Намѣстникъ Константинопольскаго патріарха»,—значитъ патріархъ хорошо зналъ о соборѣ, но его посолъ прибылъ post factum.

277) Вил. Арх. Сб. IX, 16—19; Николай, Супр. Благов. м., 20.

278) Boniecki, Poczet rodów . . . , 79.

279) Arch. Sang. III, 80 и 83. Этотъ урядъ данъ Острожскому въ 1511 г. между 5 марта и 18 іюня, когда мы видимъ его подпись безъ этого титула и съ послѣднимъ. Званіе «пана», впослѣдствіи—каштеляна, въ этомъ періодѣ начало сводится къ простому титулу; раньше «панъ» былъ вождемъ вооруженныхъ силъ соотвѣтствующаго воеводства и комендантомъ города.

(Семенъ Юрьевичъ?) Гольшанскій [280]). Въ тоже время Константинъ Ивановичъ получаетъ королевское подтвержденіе на дворища Мокрое и Костенецъ въ Кременецкомъ повѣтѣ, на всѣ фамильныя и вновь пріобрѣтенныя имѣнья, получаетъ въ даръ три села въ Мозырскомъ повѣтѣ—Болжевичи, Коптевичи и Шестовичи, право перевести петровскую ярмарку изъ Чуднова въ Полонное; тогда же король откладываетъ разборъ жалобы кн. Андрея Сангушки на захватъ Острожскимъ родоваго имѣнья его жены [281]) и т. д.—Но эти «наданья», совершенныя въ присутствіи Константина Ивановича, не такъ свидѣтельствуютъ о любви къ нему короля, какъ слѣдующій фактъ. При отъѣздѣ на войну 1508 г., какъ мы знаемъ, Острожскій былъ въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, почему много задолжалъ. Онъ просилъ короля, въ случаѣ его смерти, заплатить эти долги, при чемъ представилъ реестръ долговъ, но ни словомъ не упомянулъ о томъ, что онъ израсходовалъ гораздо больше, одолживъ крупную сумму у еп. владимірскаго Варсанофія подъ залогъ родоваго серебра. Король, въ іюлѣ 1511 г., выкупилъ у преемниковъ Варсанофія это серебро и, ничего не говоря Острожскому, приказалъ писарю Ив. Богд. Сапѣгѣ сообщить объ этомъ князю, когда тотъ уже уѣхалъ изъ Бреста домой, въ Острогъ [282]). Понятна радость Конст. Ивановича и восторженный отвѣтъ его Сапѣгѣ, очевидно, виновнику этого поступка короля [283]).

Пользуясь такимъ расположеніемъ короля, Константинъ Ивановичъ

---

[280]) Степань хотя и перешла къ Острожскому по раздѣлу съ кн. Ал. Ю. Гольшанскимъ, но она была королевскимъ имѣньемъ.—Лит. М., Кн. XI, 56—57; Arch. Sang. III, 83—85; Bal. i Lip., Star. Polska, III, 519—520; Любавскій, Областное дѣленіе . . . 117. Кулишъ (Ист. Возс. Р. I, 29—30) отмѣчаетъ, что право распоряжаться боярами было необычайнымъ, даннымъ въ первый разъ.

[281]) Daniłowicz, Skarbiec, II, № 2231, стр. 284; Arch. Sang., III, 80—81; 86—88; сравни стр. 95.

[282]) Неизвѣстно, зачѣмъ уѣхалъ Острожскій изъ Бреста, гдѣ онъ былъ еще 2 іюля (Daniłowicz, II, стр. 283—284). Грамота короля отъ 22 іюня 1511 г. (Arch. Sang. III, 86) показываетъ, что онъ уѣхалъ «на службу». Въ чемъ она состояла—не знаемъ, но едва ли это были татары, ибо въ декабрѣ мы видимъ Конст. Ивановича въ Луцкѣ закончившимъ выкупъ у кн. Януша Сангушки родовыхъ имѣній кн. Острожскихъ—Студенки, Ступна и Мощаницъ —Ibid. 92—93.

[283]) Акты З. Р. II, 93. Дата: Острогъ, 1511 г., 28 августа.

съ митрополитомъ и панами греческаго закона просили у него подтвержденія правъ и привиллегій духовенства и церкви православной. Можно думать, что м. Іосифъ желалъ получить подтвержденіе постановленій Виленскаго собора, но король ограничился лишь подтвержденіемъ тѣхъ правъ, какія даны православной церкви и митрополиту его предшественниками; по крайней мѣрѣ привилей 2 іюля 1511 г. почти ничѣмъ не разнится отъ грамоты 1499 г.: въ главной и существенной части обѣ грамоты изложены буквально и разнятся въ остальномъ только потому, что Александръ имѣлъ въ виду «Свитокъ Ярослава», а Сигизмундъ толковалъ о Номоканонѣ [284]).

Не смотря на такую постановку, грамота 1511 года имѣла то важное значеніе, что вновь и, при томъ, серьезною властью общаго сейма подтверждались права митрополичьяго суда и всѣ права православной церкви. Это значеніе грамоты 1511 года доказывается тѣмъ, что въ 1609 г. м. Поцѣй, по дѣлу со своимъ намѣстникомъ Тимоѳеемъ Жашковскимъ, ссылался въ подтвержденіе своихъ правъ именно на эту грамоту [285]).

На томъ же брестскомъ сеймѣ были рѣшены нѣкоторыя дѣла православныхъ, не такъ важныя, но показывающія внимательность короля къ православнымъ. 5-го іюля были даны два рѣшенія по дѣлу полоцкаго владыки Евфимія: первое, о титулѣ архіепископа, въ которомъ отказывалъ Евфимію митрополитъ, а второе—о первенствѣ полоцкаго владыки съ владимірскимъ. По справкѣ у князей Друцкихъ и полоцкихъ бояръ—какъ водилось встарину, оба дѣла были рѣшены въ пользу полоцкаго архіепископа, тѣмъ болѣе, что въ вопросѣ о первенствѣ владимірскій епископъ Вассіанъ, «тыми разы правоватися о томъ передъ нами не хотѣлъ», какъ говоритъ грамота [286]).

---

[284]) Акты З. Р. II, 81—82; сравни I, 189—191; Акты Витеб. Арх. К. I, 356—359.

[285]) Вил. Арх. Сб. VI, 149. Эта ссылка Поцѣя тѣмъ болѣе замѣчательна, что грамота 1511 г была подтверждена Стефаномъ Баторіемъ (25 февр. 1581 г.) и Сигизмундомъ III (22 февр. 1605 г.). Полный текстъ грамоты—Skarga, Prawa i Przywileje . . . 20—23.

[286]) Акты З. Р. II, 84—85. Грамота дана 5 іюля,—за 23 дня до смерти Вассіана (✝ 1511 г. 28 іюля). Не удивительно, что онъ «правоватися не хотѣлъ»!

Эти споры о правахъ, внушенные соборомъ 1509 г. и грамотою 1511 г., перешли въ среду низшаго духовенства и въ среду мірянъ. Устроеніе церкви митр. Іосифомъ сказалось вездѣ; всякій поэтому желалъ точнѣе опредѣлить свои права и обезпечить свои привиллегіи.—Вслѣдъ за епископами пошли виленскіе соборяне. Кажется, при содѣйствіи К. И. Острожскаго, они подали просьбу митрополиту,—чтобы соборное духовенство было ограждено отъ вмѣшательства черцецовъ, чтобы были возвращены приписныя къ собору церкви—Пятницкая и Козьмо-Даміанская, чтобы имѣнья собора и этихъ церквей митрополитъ отнялъ у монаховъ, отъ другихъ сыскалъ по суду и возвратилъ собору, чтобы воскъ шелъ не на однихъ монаховъ, чтобы юрисдикція соборянъ была возстановлена въ прежнемъ объемѣ, чтобы чернецы были удержены въ должныхъ границахъ и т. п. [287]). Отвѣтъ митрополита неизвѣстенъ; вѣроятно, онъ былъ въ пользу соборянъ, какъ видно изъ слѣдующаго дѣла. Въ декабрѣ того же года, вслѣдъ за соборянами, и мѣщане виленскіе позаботились объ огражденіи своихъ древнихъ правъ. Просьба мѣщанъ содержала три пункта: а) о разрѣшеніи «пописи» церкви въ случаѣ болѣзни или смерти священника, какъ это велось издавна, но было отмѣнено митр. Макаріемъ; Іосифъ, вмѣстѣ съ соборнымъ крылосомъ, отвѣчаетъ согласіемъ. б) Прежде мѣщане сами избирали священника и дьяка; если митрополитъ удалялъ священника отъ церкви, мѣщане избирали новаго; Іосифъ отвѣчалъ согласно постановленіямъ собора 1509 г. в) Мѣщане просили утвердить ихъ давнее право—давать церковные ключи новому попу и «увязывать» его къ новому мѣсту служенія; митр. Іосифъ, произведя историческое дознаніе (а въ сущности въ виду собственнаго интереса), постановилъ, что, хотя церкви мѣщанскія, давать ключи и «увязывать» будетъ митрополичій намѣстникъ въ присутствіи присланныхъ отъ бургомистра мѣщанъ [288]). Послѣдній пунктъ, напоминающій право инвеституры и потому рѣшенный митрополитомъ въ свою пользу, очень не понравился мѣщанамъ, почему они не обращали вниманія на рѣшеніе митрополита [289]).

Вил. Арх. Сб.
[287]) ~~Ibid.~~ VI, 4—5.
[288]) Ibid. VI, 5—12.
[289]) Ibid. VI, 33 и 45.

Эти два дѣла ясно показываютъ, что дружный союзъ митрополита съ князьями и панами, волей-неволей, вводилъ въ жизнь постановленія собора 1509 г. и очень чувствительно регулировалъ неопредѣленныя доселѣ отношенія между паствой и митрополитомъ.

Содѣйствуя общему устроенію церкви, Острожскій, на томъ же сеймѣ 1511 г., выпросилъ у короля привилей Жидичинскому монастырю, который былъ данъ въ его «доживотное держанье». Этимъ привилеемъ разрѣшено учредить въ монастырѣ общинное житіе, устроить все по требованію «закона греческаго»; выбирать игумена «мають князи и панове и земяне волынское земли посполу съ старци того монастыря». Порядокъ, устроенный Острожскимъ, долженъ сохраняться навсегда, не смотря на то, что по смерти гетмана, монастырь переходитъ опять къ королю. [290]).

Наряду съ нормировкой юридической жизни православной церкви м. Іосифъ и К. И. Острожскій заботились по постройкѣ храмовъ. Въ 1506 г., когда происходила постройка стѣнъ вокругъ Вильны, внезапно обрушился главный куполъ Пречистенскаго собора. По закону нельзя было возобновлять церквей и соборъ пять лѣтъ оставался безъ починки, прикрытый только досками. Наконецъ Константинъ Ивановичъ, пользуясь расположеніемъ къ себѣ короля, 19 іюня 1511 года, выхлопоталъ у него грамоту на полную перестройку собора. Хотя было разрѣщено произвести постройку только на старомъ фундаментѣ, но Острожскій своимъ иждивеніемъ воздвигъ великолѣпный, по тому времени, храмъ въ византійско-готическомъ стилѣ, съ большимъ среднимъ и четырьмя боковыми куполами, вѣнчавшими угловыя башни собора. Новый храмъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ Вильнѣ, какъ величественное знаменіе вѣротерпимости короля, заслугъ Острожскаго, истиннаго положенія православія въ Литвѣ и какъ прецедентъ къ отмѣнѣ закона 1480 года [291]).—Но Константину Ивановичу не удалось лично присутствовать при перестройкѣ собора; его призывали военныя дѣла—

---

[290]) Л. М., Кн. Зап., IX, 45. Грамота помѣщена въ приложеніи № 3.

[291]) Васильевскій (Исторія г. Вильны, въ Пам. Старины въ Зап. губ. Батюшкова, т. V, 30 и 90) не называетъ источника, откуда онъ заимствовалъ эти свѣдѣнія.—Рисунокъ построеннаго Острожскимъ собора—Батюшковъ, Литва и Бѣлоруссія.

именно ожидаемый татарскій набѣгъ. Еще на сеймѣ 1511 г. Острожскому была дана обычная грамота о диктаторской власти гетмана въ походѣ [292]). 28 августа мы видимъ его въ Острогѣ, а въ декабрѣ—въ Луцкѣ, занятаго приготовленіями къ встрѣчѣ татаръ [293]).

Послѣдніе нагрянули на Волынь и Галицію въ началѣ 1512 г. Король находился въ Краковѣ и приготовлялся къ бракосочетанію съ Варварою, дочерью Стефана, воеводы Семиградскаго. Получивъ извѣстіе о вторженіи, Сигизмундъ тотчасъ отправилъ своихъ дворянъ и приказалъ собирать войска, такъ какъ размѣръ силъ хищниковъ далеко превосходилъ ихъ обычное количество: теперь въ набѣгѣ участвовало до сорока тысячъ человѣкъ. Польскія войска, подъ начальствомъ Ник. Каменецкаго, воеводы краковскаго, и Ляндскоронскаго, вступили въ Галицію и у Бѣлки разбили одинъ загонъ. Съ другой стороны выступилъ противъ татаръ Острожскій съ литовскими силами. Встрѣченный имъ трехтысячный загонъ былъ истребленъ совершенно; все же Константинъ Ивановичъ не могъ предпринять рѣшительнаго наступленія: въ его распоряженіи было всего двѣ тысячи, по преимуществу, волынскихъ земянъ. Наконецъ оба войска соединились подъ Вишневцемъ, въ виду татарскаго лагеря, охраняемаго 24 тысячами всадниковъ. Острожскій принялъ главное начальство и употребилъ цѣлый день на совѣщанія,—что предпринять при 6 тысячахъ соединеннаго войска. По обычаю, поляки горячились, спорили и Острожскому съ трудомъ можно было устроить порядокъ только тогда, когда татары выступили изъ своего лагеря и боевой задоръ поляковъ нѣсколько понизился.

Гетманъ съ литовцами сдѣлалъ первое нападеніе, но слабость отряда принудила его взять поляковъ и ударить во флангъ татарамъ, тогда какъ литовцы продолжали нападеніе на фронтъ. Аттака во флангъ смѣшала татаръ и заставила ихъ отступить въ болотистую р. Горынь, гдѣ многіе изъ нихъ потонули. Пользуясь замѣшательствомъ, Острожскій направилъ вторую половину польскаго войска на лагерь; поляки ворвались туда, освободили плѣнныхъ (ихъ было до 16 тыс.), дали

---

[292]) Л. М., Кн. Зап. VIII, 281—282,—дата: сеймъ, 1511 г., 13 іюня; Daniłowicz. Skarbiec., II, 2233, стр. 285—286. Дата (Брестскій сеймъ, 1512 г., 13 іюля, инд. 10) ошибочна, ибо годъ не соотвѣтствуетъ индикту, да и послѣдній не вѣренъ.

[293]) Упомянутое письмо къ Сапѣгѣ.—Акты З. Р. II, 93.

имъ оружіе и направили въ тылъ татаръ, которые уже оправились и окружили небольшой литовскій отрядъ. Утрата обоза, изъ-за котораго и сражались татары, и нападеніе плѣнныхъ рѣшили битву: хищники обратились въ бѣгство. Но, благодаря болотамъ Горыни, спаслась только небольшая часть. Результатами побѣды были: освобожденіе 16 тысячъ плѣнныхъ, 1000 коней, множество палатокъ и все награбленое добро [294]).

Побѣда при Вишневцѣ, 28 апрѣля, была тѣмъ радостнѣе, что наглость татаръ понесла достойное наказаніе: только годъ тому назадъ былъ заключенъ съ ними договоръ, по которому они поставляли на помощь королю отрядъ въ 30 тыс., за что послѣдній выплачивалъ ежегодный «юргельтъ»—15 тыс. червонцевъ, [295]). Кромѣ того, страшный уронъ въ битвѣ на цѣлыхъ семь лѣтъ сдержалъ татаръ отъ подобныхъ набѣговъ.

Намъ неизвѣстно, чѣмъ король наградилъ Острожскаго, но кажется, что его особенно почтили въ Краковѣ—мильтіадовской наградой: по свидѣтельству Сарницкаго, въ перестилѣ францисканскаго монастыря нарисовали картину пораженія Острожскимъ татаръ при Вишневцѣ [296]). Но если мы не можемъ указать непосредственной награды [297]), то посредственная была еще значительнѣе, важнѣе всякихъ льготъ и земель: мы уже говорили, что король еще въ 1511 г. далъ Константину Ивановичу виленскую каштелянію, но далъ отъ себя лично, безъ рады, такъ что Острожскій не пользовался правами «Пана Виленскаго» [298]).

---

[294]) Rocznik Swiętokrzyski (Bielowski, Mon. Pol.Hist., III, 96—97) битву полагаетъ 18 янв.; Decius, LXXXI—LXXXIII; Bielski, Kronika, л. 291 на об.—292; Wapowius, Script. rer. Pol., II, 107—108; Gwagnin, 119—120; Stryjk. II, 365—371; Sarnicius, Annales Pol., у Длугоша, 1202—1204; П. С. Р. Л., II, 366 и др.

Насколько упорна была эта битва указываетъ Стрыйковскій, который еще въ 1574 году видѣлъ на мѣстѣ ея обломки оружія, выпахиваемые крестьянами.

[295]) Bielski, Kronika, л. 291; Кулишъ, Ист. возс. Р. I, 52.

[296]) См. прим. 294.

[297]) Кромѣ указаннаго раньше, имѣющаго иную цѣль, подтвержденія на нѣкоторыя, данныя раньше, имѣнья—Мокрое, Костенецъ, Болжвичи и др.— Arch. Sang. III, 95. Едва ли эти подтвержденья можно поставить въ связь съ побѣдой,—послѣдняя была 28 апр., а подтвержднья даны 29,—слишкомъ короткій срокъ даже для гонцовъ.

[298]) По крайней мѣрѣ оффиціально онъ не носилъ этого титула.—Arch. Sang. III, 105—106.

Только черезъ два года, когда побѣда при Вишневцѣ давала сильное тому основаніе, король издалъ универсалъ (Вильна, 21 сент. 1513 года) о назначеніи гетмана, за великія заслуги въ борьбѣ противъ Москвы и татаръ, паномъ виленскимъ «pleno et perpetuo jure», причемъ подъ универсаломъ подписалась вся рада [299]). О значеніи подобнаго назначенія мы уже говорили выше.

Быстрое постепенное возвышеніе Острожскаго сопровождалось постепеннымъ усиленіемъ православнаго элемента и православной церкви въ Литвѣ. Связь эта такъ тѣсна, что поневолѣ приходится хронологически слѣдить за ходомъ событій. Цѣлый рядъ фактовъ заставляетъ насъ утверждать, что взаимоотношеніе между служебнымъ возвышеніемъ Константина Ивановича и общимъ улучшеніемъ русскаго дѣла было очень тѣсное и сказалось какъ въ наданьяхъ православнымъ со стороны короля, такъ и въ обезпеченіи церквей самими православными.— Участіе Острожскаго въ полученіи грамоты 1511 г., въ рѣшеніи споровъ полоцкаго владыки, постройку имъ виленскаго Пречистенскаго собора,—мы уже видѣли. Теперь сдѣлаемъ краткій обзоръ тѣхъ фактовъ, которые такъ или иначе касаются отношенія Константина Ивановича къ русско-православному дѣлу.

Еще до московскаго плѣна, съ самаго начала своей служебной дѣятельности, Острожскій очень часто «правилъ» передъ вел. княземъ различныя наданья русскимъ людямъ, занявъ же урядъ старосты луцкаго и маршалка Волынской земли, Острожскій сильно поддерживалъ православныхъ. По ревизіи Владимірскаго и Луцкаго замковъ въ 1545 г. оказалось слѣдующее: села Ситно и Садовъ Константинъ Ивановичъ выпросилъ у короля для кн. Ивана Заславскаго, с. Песочно—«для одного земянина старозаконника», с. Кречевичи—для кн. Андрея Коширскаго; Нерожинъ—кн. Козѣкѣ; Огавчичи и др. села Тихону Козинскому, Торговицу кн. Корецкимъ, Перемиль съ округомъ—кн. Вишневицкимъ... [300]). Еще больше для русскаго населенія сдѣлалъ Острожскій своимъ хода-

---

[299]) Arch. Sang. III. 105—106. Весьма возможно, что сопротивленіе рады королю, о которомъ говоритъ Kojałowicz подъ 1522 г., имѣло мѣсто именно теперь, при дачѣ Острожскому виленской каштеляніи.

[300]) Пам. Кіевск. Врем. Комм., IV, отд. II, стр. 179—181; о болѣе раннихъ ходатайствахъ—Акты Лит. Метр. I, 152, 155, 158.

тайствомъ предъ королемъ и радою о надѣлѣ имѣньями тѣхъ русскихъ князей и пановъ, которые потеряли свои города и области по договору съ Москвою въ 1508 г. Такъ какъ свободныя королевскія земли находились въ различныхъ мѣстахъ Литвы, то разселеніе по нимъ русскихъ людей, проникшихъ такимъ образомъ въ самыя глухія захолустья, значительно усилило русское дѣло, потому что новопоселенцы, преимущественно изъ Смоленской и Сѣверской областей, были и по плоти и по духу вполнѣ русскими [301]).

Не безъ вліянія Острожскаго было подтверждено наданье его родственника, Ѳед. Янушевича, ст. владимірскаго, Колодези и Жабче на Луцкую каѳедру, на имя друга гетмана, епископа Кирилла [302]) Константинъ Ивановичъ прямо выпросилъ у короля земянину Кіевскому—Фурсовичу село Разничи—[303]), а Чапличу —им. Игуменки, [304]) принималъ дѣятельное участіе въ наданьяхъ кн. С. А. Чарторыйскому, Ѳ. Ѳ. Четвертинскому, Корецкимъ, въ подтвержденіи кн. Вишневецкимъ Перемиля, Степановичу Винницкихъ его имѣній и т. д. [305]). Только отдача Еленѣ виленскаго Троицкаго монастыря (собственно-права поданія), по просьбѣ самой королевы, стоитъ внѣ связи съ именемъ Острожскаго [306]).

---

[301]) Хотя прямыхъ указаній на непосредственное участіе Острожскаго въ этомъ дѣлѣ не сохранилось, но мы съ положительною достовѣрностью говоримъ на основаніи: Сбор. Имп. Р. И. Общ. XXXV, 83—84, Актовъ З. Р. I, 124 и II, 28. 67; Stryjkowsk'аго, II, 351 и др. О размѣщеніи по Литвѣ князей и пановъ—у Любавскаго въ различныхъ мѣстахъ, Опис. рукоп. Румянц. музея, 118; Акты Ю. и З. Р. I, 39; Вил. Арх. Сб III, 4—5; Bal. i Lip., Star. P., разл. и мн. др.

[302]) Акты З. Р. II, 38. Основываемъ свое предположеніе на времени даты—Новгородокъ 7 іюня 1508 г.

[303]) Л. М. Кн. Зап. IX, 35. Акты Ю. З. Р. II, 126. Дата 1511 г. 10 марта.

[304]) Л. М. Кн. Зап. VIII, 375.

[305]) Акты Ю. и З. Р. I, 43—44; 47; II, 126; Arch. Sang. III, 96—97; Bal. i Lip., Star. Polska, III, 526; Антоновичъ, Грамоты Вел. Кн. Лит. 44—46. Эти наданья мы связываемъ съ именемъ Острожскаго какъ потому, что на это есть прямыя и косвенныя указанія, такъ и потому, что по званію старосты луцкаго и маршалка вол. з., онъ могъ и не дать королевскихъ наданій,—что въ Литвѣ было вполнѣ возможно,—см. Любавскій, Обл. дѣл. 86, 92. 167 и др.

[306]) Акты З. Р. II, 71.

Благодаря такимъ своимъ дѣйствіямъ, Острожскій постепенно пріобрѣталъ популярность и вліяніе; послѣднее усиливалъ самъ король, поручая Константину Ивановичу разборъ дѣлъ по спорнымъ имѣньямъ русскихъ князей и земянъ [307]) и даже, какъ увидимъ ниже, —возстановленіе юридическихъ обычаевъ русскаго народа.

На ряду съ имущественнымъ усиленіемъ русскихъ идетъ соотвѣтственный рядъ болѣе или менѣе крупныхъ наданій церквамъ и дарованіе имъ разнаго рода привиллегій. И на этомъ поприщѣ видное мѣсто занимаетъ Острожскій со своими друзьями.—Въ 1509 г. король даетъ грамоту новопостроенному Супрасльскому монастырю на право возведенія въ немъ каменныхъ зданій—трудами игумена Пафнутія, иждивеніемъ А. И. Ходкевича; [308]) въ 1510 г. подтверждаетъ записи разныхъ лицъ въ пользу смоленскаго Троицкаго монастыря. [309]) 5 октября 1512 г. король, согласно ходатайству игумена Андрея Критскаго, подтвердилъ всѣ записи Кобринскихъ князей Спасскому монастырю [310]), 24-го декабря того-же года кн. Я. М. Сангушко подтвердилъ запись покойнаго тестя своего, Семена Олизаровича и этимъ отдалъ въ полное владѣніе Дерманскому монастырю спорное имѣнье Бѣлашовъ [311]). Въ 1508-1512 г.г. въ роли фундатора Гродненскаго Борисоглѣбскаго монастыря выступаетъ зять Острожскаго, симпатичный православный дѣятель этой эпохи, Богушъ Боговитиновичъ [312]); не говорилъ о другихъ многочисленныхъ наданьяхъ, часто даже по волѣ короля. [313]).

Что же касается самаго Острожскаго, такъ много способствовавшаго этому подъему русскаго благочестія, то кромѣ темнаго намека на возобновленіе имъ Острожской Богоявленской церкви [314]), до насъ до-

---

[307]) Arch. Sang. III, 97—99.

[308]) Акты Вил. Арх. К. VII, 1.

[309]) Вѣстн. Зап. Р., 1870, IX, стр. 47—49.

[310]) Акты З. Р. II, 103.

[311]) Ibid, 109—110 и Пам. Кіевск. Врем. К., IV, I, 31—33.

[312]) Акты Вил. Арх. К. I, 125 и 63—64.

[313]) Собр. др. городовъ Вильны . . . II, 146—147; Собр. др. гр. городовъ Минской губ., 6—7; Акты Ю. и З. Р. I, 39. 45—46; II, 126; Акты З. Р. II, 45; особенно Архивъ Ю. З. Р. ч. I, т. VI, 10—20; Вил. Арх. Сб. II, 6; Петровъ, Опис. рук. Кіевск. Дух. Академіи, 205—206 и особ. 191,— и мн. др.

[314]) Славянскую надпись на стѣнахъ церкви («1513») видѣлъ Перлштейнъ и понялъ какъ годъ возобновленія—Кіевск. Стар. 1883, VII, 371.

шли двѣ грамоты, въ которыхъ онъ, вмѣстѣ съ женою Татьяною, и сыномъ Ильею, даетъ туровской Преображенской церкви садъ съ пасѣкою, четыре поля, нѣсколько озеръ, луга и т. п. [315]).

Это оживленіе русскаго дѣла,—улучшеніе быта земянъ и духовенства, обезпеченіе церквей и послѣдовательное расширеніе правъ,—было слѣдствіемъ совмѣстной энергичной дѣятельности четырехъ выдающихся представителей русскаго народа: королевы и вел. кн. Елены Ивановны, кн. Острожскаго, митр. Іосифа Солтана и Александра Ходкевича. Къ глубокому прискорбію, въ началѣ 1513 г., православная церковь и русская народность Литвы преждевременно лишилась лучшаго своего члена: 24 января скончалась Елена Ивановна [316]).

Смерть ея, во время войны съ Москвою, довольно загадочна, что и дало возможность въ Москвѣ утверждать, что она умерла отъ яда. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія, ибо никому не было расчета отравить Елену,—напротивъ, въ Литвѣ ею дорожили, какъ связующимъ звеномъ съ Москвою; ее уважали за доброту и мягкость, ее берегли, она имѣла свой дворъ и пользовалась значительною властью въ своихъ богатыхъ имѣньяхъ [317])... Но не смотря на добрыя отношенія къ ней новаго короля, цѣлый рядъ наданій, Елена была *вдовствующей* королевой и должна была отойти на задній планъ, а иногда даже переносить оскорбленія. Такъ, когда [318]) однажды Елена захотѣла уѣхать въ Браславль, воевода виленскій Николай Радивилъ и троцкій—Григорій Остиковичъ воспротивились этому и почти силою направили Елену въ Бриштаны. Причиною такого поступка литовская рада выставляла правдоподобное объясненіе,—«небезопасность границъ» [319]); въ

---

[315]) Вил. Арх. Сб. IV, 1—2. Вторая грамота датирована правильно, первая—нѣтъ. По списку Добрянскаго (Опис. рукоп. Вил. Публ., 4—5) въ титулѣ есть «панъ виленскій». Но въ 1508 г. Константинъ Ивановичъ не только не носилъ этого титула, но и не имѣлъ сына Ильи, такъ какъ еще не былъ женатъ. Поэтому, въ виду отсутствія индикта и буквальнаго сходства обѣихъ грамотъ, мы относимъ первую къ тому же 1513 г., Arch. Sang. IV, 1—дата 1511 г.

[316]) Decius, LXXXV, говоритъ, что Елена умерла 29 января.

[317]) Акты З. Р. II, 108—109; Вил. Арх. Сб. III, 10.

[318]) Вѣроятно во второй половинѣ 1512 г.

[319]) Литовцы боялись, какъ бы Елена не уѣхала въ Москву; Браславль же былъ не далеко отъ Псковской области и, позднѣе, часто подвергался нападеніямъ со стороны псковскихъ отрядовъ.

Москвѣ же этотъ фактъ страшно раздула партія войны (Глинскаго) и воспользовались имъ какъ предлогомъ для враждебныхъ дѣйствій. Изъ Бирштанъ Елена переѣхала въ Браславъ, гдѣ и скончалась. На ея погребеніе рада выписала митрополита и, очевидно, вполнѣ искренно заботилась о торжественности похоронъ, совершенныхъ въ виленскомъ Пречистенскомъ соборѣ [320])

Если мы сдѣлаемъ краткій обзоръ той роли, какую играла Елена въ Литвѣ, то должны будемъ признать, что она едва ли обманула возлагавшіяся на нее надежды православныхъ литовцевъ. Она внесла православно-русскій элементъ на католическій литовскій престолъ въ самое нужное для того время и, оставаясь православною, не смотря на всѣ косвенныя старанія обратить ее въ католичество [321]), мало по малу содѣйствовала той политикѣ мужа, которую онъ усвоилъ по отношенію къ русскимъ во вторую половину своего царствованія. Незамѣтно войдя въ среду церковныхъ дѣлъ, какъ строительница минскаго Вознесенскаго и фундаторша виленскаго Троицкаго монастырей, Елена съумѣла такъ поставить дѣло, что послѣ смутнаго правленія Іосифа Болгариновича съ его попытками къ уніи, на митрополичьемъ престолѣ является коренной православный москвичъ, архим. Іона, быстро и надолго изгладившій всѣ слѣды уніи.—Не выдѣляясь на первый планъ, Елена все же принимала участіе въ политической жизни своего государства и содѣйствовала его пользѣ [322]). Послѣ надѣла ея имѣньями, Елена, кромѣ

---

[320]) Акты З. Р. II, 110—111. Сборникъ Имп. Р. Ист. Общ., XXXV, 497. 523—525; Stryjk., II, 373; Bielski, л. 292 на об.,—сообщая о смерти Елены, прибавляетъ: »która wyelekroć uciekała do Moskwye, ale ya zawżdy wracano do Wilna».

[321]) Папа Александръ VI упрекалъ вел. кн. Александра за его обѣщаніе Іоанну о неприкосновенности религіозной свободы Елены и требовалъ, чтобы онъ всѣми силами привлекалъ ее къ латинству. Отъ еп. Табора папа требовалъ, «ut eandem Helenam inducat quibus poterit suasionibus». Юлій II, только въ виду военныхъ неудачъ Александра, позволилъ на нѣкоторое время прекратить попытки къ обращенію Елены въ латинство, но къ коронованію Александра королемъ, онѣ опять усилились. Teiner. Vet. Mon. II, 288—290; 319—320. Bielski (л. 285) отмѣчаетъ, что Елена не была коронована и добавляетъ: «Wssakże na zamku myała swoye kaplice obyczayem Ruskim, ale przed organy ucyekała z koścyoła, zowąc ye dudami».

[322]) Ея ходатайства за мужа предъ отцомъ мы уже видѣли. Въ 1507 г. она просила брата, Василія III, о примиреніи съ Сигизмундомъ.—Акты З.

церковной благотворительности, содѣйствовала усиленію западноруссовъ, надѣляя ихъ имѣньями [323]).

Для характеристики личности Елены приведемъ отзывъ литовскаго историка: «Эта достойная и умная королева, мягкаго характера и добрая сердцемъ, умерла вѣрною своей религіи и родинѣ, всю жизнь будучи преслѣдуема и несчастна. Настойчиво высказываютъ оскорбительное для Литвы подозрѣніе, что она была отравлена. Но и безъ этого есть слишкомъ достаточно обстоятельствъ, которыя могли бы сократить ея жизнь и ускорить кончину. Отдаленіе отъ родины, жизнь среди людей рядовыхъ, неблагожелательныхъ, чуждой религіи и обычаевъ, уединеніе, почти монастырское заключеніе въ Литвѣ, обиды отъ пановъ, невозможность возврата въ Москву, съ которой простилась навсегда,— все это могло и должно было ускорить ея кончину» [324]).

Р. II, 24—26. Въ 1496 г. Іоаннъ посылалъ къ ней чтобы она противилась предполагаемой отдачѣ Кіева Сигизмунду.—Сборникъ . . . 224.

[323]) Елена особенно облагодѣтельствовала кн. Матѳея Никитича Головчинскаго, человѣка очень скромнаго и весьма религіознаго; онъ получилъ: Княжинъ, Ездно, Струну, Стоятишки, Швинтинники (Свѣнцяны?), Ганусово и Шклякгерово—Daniłowicz, Skarbiec., II, №№ 2214—2215, стр. 281 и Акты Ю. и З. Р. I, 29. 34—35. Крупное наданье получилъ Иванъ Сапѣга—Mal. i Przezdz. Żródła, II, 389; Унковскій—пригородное помѣстье Маркуци—Живописная Россія, III, 162; о другихъ см. у Любавскаго, Обл. дѣленіе . . . 83, 90 и др.

[324]) Kraszewski, Wilno od początków jego . . . I, 205.

Глава IV.

Война съ Москвою. Оршанская побѣда и ея значенiе. Постройка Острожскимъ Никольской и Троицкой церквей въ Вильнѣ. Походъ 1518 года. Битва подъ Сокаломъ. Слабость Литвы и конечные результаты борьбы ея съ Москвой съ 1492 года по 1520 годъ. Имущественныя прiобрѣтенiя Константина Ивановича въ перiодъ 1513—1530 г. г. по «Архиву Кн. Сангушковъ».

Заключенный Сигизмундомъ въ 1511 году договоръ съ крымскимъ ханомъ, хотя и не уберегъ Литвы отъ татарскихъ набѣговъ, все же имѣлъ своимъ результатомъ то, что татары перестали обрушиваться на одну только Литву [325]). Послѣ заключенiя этого договора и послѣ погрома вѣроломныхъ татаръ подъ Вишневцемъ, набѣги ихъ направились на московскую украину, которая въ три прiема была опустошена до Рязани, Бѣлева, Воротынска и доставила хищникамъ столь богатую добычу, какой отъ Литвы они давно не имѣли. Такое поведенiе прежнихъ своихъ друзей Москва объяснила исключительно происками Литвы, которая и должна была расплатиться за набѣги татаръ. Понятно, логика Москвы была бы нѣсколько иною, если бы положенiе Польско-Литовскаго государства не было такъ печально: по династическимъ и другимъ счетамъ Сигизмунду приходилось стать во враждебныя отношенiя къ императору, ордену и другимъ европейскимъ государствамъ. Глинскiй, внимательно слѣдившiй за дѣлами своей родины, убѣдилъ Василiя III начать войну. Великiй князь, подъ предлогомъ мщенiя за упомянутое оскорбленiе Елены, въ декабрѣ 1512 года двинулся къ Смоленску [326]).

---

[325]) Въ Польшѣ и Литвѣ были настолько увѣрены въ безопасности отъ татаръ, что король, 1 мая 1513 г., счелъ возможнымъ сложить чрезвычайную подать, установленную для защиты русскихъ земель отъ татарскихъ набѣговъ. Арх. Мин. Ин. Д., Отд. Лит., № 73.

[326]) Сол. V, 332—334. Еще въ октябрѣ 1512 г. изъ Москвы, по поводу обидъ Еленѣ, былъ присланъ въ Литву гонецъ, задорный тонъ кото-

Хотя въ Литвѣ, по обыкновенію, не были приготовлены къ войнѣ но и Василій Ивановичъ, потерявъ очень много войска на штурмѣ Смоленска, принужденъ былъ безъ всякаго успѣха возвратиться въ Москву (въ мартѣ 1513 года). Но неудача перваго похода не заставила его отказаться отъ своихъ плановъ. Василій Ивановичъ настойчиво и энергично стремился къ завѣтной московской цѣли,—подчиненію Смоленска. Безъ сомнѣнія, что его энергію поддерживалъ главнымъ образомъ Глинскій, которому, какъ передаютъ, Василій обѣщалъ Смоленскъ на правахъ удѣльнаго князя,—да и сами литовцы, которые, желая выиграть время для сбора войска, то и дѣло посылали въ Москву пословъ съ примирительными рѣчами и тѣмъ обнаруживали свою слабость.

Въ іюнѣ 1513 года изъ Москвы направилось къ Смоленску новое войско съ княземъ Репнею-Оболенскимъ во главѣ. Начальникъ Смоленскаго гарнизона, Юрій Сологубъ, вздумалъ-было помѣшать обложенію, выступилъ противъ Оболенскаго, но былъ разбитъ и бѣжалъ въ городъ. Вѣсть о пораженіи Сологуба побудила Василія лично прибыть къ Смоленску. Но осада затянулась до зимы: грамоты и увѣщанія Василія на смольнянъ не дѣйствовали,—великій князь принужденъ былъ вторично снять осаду и со стыдомъ возвратиться въ Москву [327]).

Эти два похода убѣдили Сигизмунда, что рѣшеніе Москвы относительно Смоленска безповоротно и король съ удвоенной энергіей продолжалъ свои приготовленія къ войнѣ. Кромѣ попытокъ къ примиренію съ Москвой, король дѣятельно ведетъ переговоры съ враждебнымъ къ нему великимъ магистромъ, поступается при этомъ своимъ достоинствомъ сюзерена и, въ концѣ концовъ, добивается если не помощи, то обѣщанія ея, что освобождало Литву отъ врага съ тыла. Въ Литвѣ же 24 мая король разослалъ повсюду окружную грамоту о сборѣ шляхты къ 24 іюня въ Минскѣ, такъ какъ Смоленскъ былъ обложенъ въ третій разъ съ 16 мая и на выручку его думалъ идти самъ король [328]).

раго ясно показывалъ, что въ Москвѣ война съ Литвою была уже рѣшена и поэтому не стѣснялись требованіями. Акты З. Р. II, 104—108.

[327]) Соловьевъ, V, 334—335; Stryjk. II, 374.

[328]) Общее письмо рады въ Москву, къ боярской думѣ, 1513 г. 4 декабря.—Акты З. Р. II, 111; переговоры съ Орденомъ—Daniłowicz, II, № 2250—2256, стр. 288—289; срав. № 2235, стр. 286, гдѣ ливонскій магистръ совѣтуетъ великому магистру снабдить города и замки живностью и т. д.

На этотъ разъ осада Смоленска была удачна для Москвы и 1 августа, на четвертый день послѣ сдачи, Василій торжественно вступилъ въ городъ, гдѣ епископъ Варсонофій здравствовалъ государя «на отчинѣ его». Московскіе лѣтописцы, а за ними и русскіе историки, говорятъ, что осада продолжалась одинъ день и паденіе Смоленска приписываютъ артиллеріи, которая тремя залпами произвела ужасающее опустошеніе въ городѣ. Наоборотъ, извѣстія литовской редакціи приписываютъ все подкупу, измѣнѣ.—Тѣ и другія извѣстія одинаково односторонни: нельзя допустить, чтобы пушки, обстрѣливавшія городъ въ два предыдущіе похода по цѣлымъ мѣсяцамъ, теперь могли рѣшить дѣло тремя залпами; странно также и то, что удаляющіеся въ Литву защитники Смоленска осыпаны милостями Василія, а главный защитникъ, Сологубъ, преданъ въ Литвѣ казни.—На самомъ дѣлѣ, отрѣшившись отъ патріотической окраски лѣтописей, нужно сказать, что осада продолжалась два съ половиною мѣсяца; такъ какъ въ русскомъ городѣ, каковымъ былъ Смоленскъ среди литовскихъ городовъ, была, конечно, и русская партія, то возможно, что она много содѣйствовала сдачѣ города, подобно тому, какъ немного позднѣе, литовская партія хотѣла опять сдать городъ Острожскому [329]).

Послѣ взятія Смоленска московское войско двинулось вглубь Литвы, захватывая по пути города: Мстиславль, Кричевъ, Пропойскъ и т. д. Между тѣмъ Сигизмундъ съ войсками уже стоялъ въ Борисовѣ. Узнавъ о взятіи Смоленска и движеніи московскихъ войскъ, онъ оста-

---

Окружная грамота Сигизмунда—Акты З. Р. II, 114—115 и Лит. М., Кн. Зап., VII, 268. Соловьевъ (V, 335) говоритъ, что Василій Ивановичъ выѣхалъ изъ Москвы 8 іюня и осада описывается такъ, что начало ея (29 іюля) произошло при князѣ и продолжалась она одинъ день. Указанная же грамота написана 24 мая и говоритъ, что Москва обложила Смоленскъ «по святомъ Николѣ о тыждень», т. е. 16 мая. Склоняемся на сторону чиселъ грамоты.

[329]) Сол. V, 335—338; Stryjk. II, 375—очень подробно объ измѣнѣ гарнизона; Bielski, л. 292 на об., Герберштейнъ, 23 и 108.—Въ виду гибели смоленскихъ архивовъ въ 1812 г, относительно нашего періода мѣстные историки представляютъ изъ себя только повтореніе лѣтописей, Карамзина и Соловьева, съ небольшими дополненіями изъ мѣстной топографіи (Мурзакевичъ, Исторія г. Смоленска, Никитинъ, тоже, Писаревъ, Смоленскъ и его исторія).

вилъ для личной охраны 4000-ый отрядъ, остальныя войска, въ количествѣ около 30-ти тысячъ, послалъ съ Константиномъ Ивановичемъ навстрѣчу непріятелю. Вскорѣ послѣ переправы черезъ Березину Константину Ивановичу пришлось столкнуться съ московскими воеводами. 27 августа произошла первая, довольно упорная, битва; пораженіе непріятеля принудило его къ отступленію. Попытка удержать движеніе Константина Ивановича при переправѣ черезъ рѣку Бобръ опять окончилась неудачею, послѣ чего московскіе воеводы продолжали отступать вплоть до Орши, уже не пытаясь задерживать литовско-польское войско, которое 6 сентября приблизилось къ Днѣпру. Переправа чрезъ эту рѣку была бы весьма затруднительною при большей бдительности московскихъ воеводъ; но они ограничились занятіемъ только одного брода. Благодаря такой оплошности непріятеля, Константинъ Ивановичъ приказалъ навести пловучіе мосты для пѣхоты, а конницу переправилъ въ бродъ подъ самою Оршанскою крѣпостью. Непріятель не мѣшалъ переправѣ, разсуждая, какъ разсказываютъ лѣтописцы, что лучше однимъ ударомъ сразу обезсилить Литву, чѣмъ оставлять свѣжія непріятельскія силы за Днѣпромъ.

Къ ночи 7—8 сентября все литовское войско было уже на лѣвомъ берегу Днѣпра, и, подвинувшись версты на двѣ, стало въ виду главныхъ московскихъ полковъ, которыми начальствовали Голица и Челяднинъ, по Соловьеву,—соперничавшіе другъ съ другомъ. Въ виду московскихъ полковъ Константинъ Ивановичъ устроилъ свое разноплеменное войско, почти втрое слабѣйшее непріятельскаго.

На разсвѣтѣ 8-го сентября началась славная для Константина Ивановича битва подъ Оршей. Московскіе полки произвели легкое нападеніе на литовцевъ, но были отбиты. Тогда Москвичи попытались обойти небольшое литовское войско и ударить съ тыла. Это замѣтили стоявшіе на флангахъ поляки и стойко выдержали напоръ непріятеля. Нападенія же на центръ, гдѣ стояла Литва, были нерѣшительны и весьма губительны для Москвы въ виду того, что въ центрѣ литовскаго войска гетманъ расположилъ самыхъ искусныхъ стрѣлковъ. Вплоть до полудня битва шла вяло и нерѣшительно, войска сражались безъ перевѣса. Наконецъ московскіе воеводы рѣшили сдѣлать общее нападеніе всѣми силами, причемъ главнымъ мѣстомъ, куда направились сильнѣйшіе московскіе полки, былъ литовскій центръ. Завязалась ужасная сѣча.

Вдругъ литовцы колеблются, отступаютъ назадъ и бѣгутъ въ стороны. Москвичи погнались за ними цѣлымъ полкомъ. Благодаря этому заранѣе задуманному Константиномъ Ивановичемъ маневру, главный московскій полкъ очутился лицомъ къ лицу съ литовскими пушками. Залпы озадачиваютъ и смѣшиваютъ преслѣдующій полкъ: онъ обращается въ бѣгство, преслѣдуемый сначала пушками, а потомъ конницею Константина Ивановича, которая прорывается въ центръ «большаго полка» и вноситъ страшное опустошеніе въ ряды непріятеля. Общая паника московскаго войска слѣдуетъ за разстройствомъ главнаго полка и вся 80000-ая московская армія обращается въ поголовное бѣгство. Преслѣдованіе бѣгущихъ обращается въ бойню; въ небольшой, но быстрой рѣкѣ Кропивницѣ трупы утонувшихъ и убитыхъ задерживаютъ теченіе, вода рѣки дѣлается красною отъ крови. Только ночь да густые лѣса прекращаютъ это ужасное звѣрство. Пораженіе Москвы было ужасное, неслыханное, давно небывалое: около 30000 убитыхъ и утонувшихъ, 37 плѣнныхъ воеводъ, князей, бояръ и окольничихъ, полторы тысячи боярскихъ дѣтей и до 8000 плѣнныхъ ратниковъ!.. «Бысть, говоритъ лѣтописецъ, побоище великое Москвичемъ съ Литвою подъ городомъ подъ Оршею и вскричаша и возопиша жены Оршанки на трубы Московскія и слышати было стуку и грому великому между Москвичъ и Литвою; и удариша Москвичи на Литву, Русскія князи и бояре съ дивными удалцы Русскими сыновами на силную рать Литовскую, и треснули копья Московскія и гремятъ мечи булатные о шеломы Литовскія на поли Оршанскомъ. И бысть непособіе Божіе Москвичамъ.... [330])» и т. д. Этотъ тонъ, возвышающійся до слога «Слова о Полку Игоревѣ»,—обычно чуждый лѣтописямъ, лучшее доказательство ужаснаго разгрома на Оршанскихъ поляхъ. Не даромъ въ Москвѣ такъ пренебрегли участью воеводъ Челяднина, Голицы и другихъ, взятыхъ въ плѣнъ при Оршѣ,—они пребывали въ Литвѣ еще въ 1538 году [331]).

На слѣдующій день Константинъ Ивановичъ, счастливый побѣдитель, устроилъ блестящій пріемъ плѣнникамъ, послѣ чего знатнѣйшіе изъ нихъ были отправлены къ королю, въ Борисовъ, менѣе знатные отправлены

---

[330]) 1-я Псковская лѣтопись—П. С. Р. Л. IV, 290.

[331]) См. Акты З. Р. II, 163—166. О положеніи плѣнныхъ въ Литвѣ см. Записки о Московіи Герберштейна, 25.

въ замки, а простые ратники разобраны участниками битвы [332]).

Острожскій спѣшилъ воспользоваться свѣжимъ впечатлѣніемъ побѣды. Онъ отрядилъ часть войска для взятія занятыхъ непріятелемъ городовъ, а самъ двинулся къ Смоленску, откуда, послѣ вѣсти объ оршанской битвѣ, Василій III уѣхалъ въ Москву, а епископъ Варсонофій прислалъ къ королю письмо о готовности жителей сдать городъ. Но ранняя осень на столько испортила дороги, что литовское войско шло къ Смоленску цѣлыхъ четыре недѣли, при чемъ, для быстроты движенія, были оставлены даже пушки, хотя за войскомъ всетаки слѣдовалъ неизбѣжный шляхетскій обозъ, достигавшій 16000 возовъ, и страшно мѣшавшій быстротѣ похода. Подъ Смоленскъ литовское войско пришло разстроеннымъ, въ числѣ только 6000 человѣкъ. Попытки взять городъ силою и уговорами, благодаря быстрымъ и энергичнымъ дѣйствіямъ воеводы, князя Василія Шуйскаго, заключившаго Варсонофія подъ стражу и повѣсившаго главныхъ заговорщиковъ на стѣнахъ крѣпости,—оказались неудачными и Константинъ Ивановичъ потерялъ нѣсколько сотъ войска напрасно. Опустошивъ окресности Смоленска вплоть до сожженнаго самими-же москвичами Дорогобужа, взявъ Кричевъ, Дубровну и Мстиславль, Константинъ Ивановичъ возвратился въ Литву и въ Вильнѣ, по словамъ польскихъ историковъ, былъ награжденъ Сигизмундомъ небывалою до того наградою. 3 декабря Константинъ Ивановичъ, по образцу древне-римскихъ героевъ, былъ почтенъ тріумфомъ и вступилъ въ городъ во главѣ своихъ войскъ, въ сопровожденіи оршанскихъ и другихъ плѣнниковъ [333]).

---

[332]) Вотъ почему оршанскихъ плѣнниковъ было такъ мало въ литовскихъ королевскихъ замкахъ, что подало Соловьеву поводъ сомнѣваться въ правдивости чиселъ письма Сигизмунда I къ великому магистру—Supplem. ad H. R. Mon. 363—364; Сол. V, 339, ср. Stryjk. II, 384. Ср. Акты З. Р. II, 163—167; 171. Въ 1519 г. по литовскимъ замкамъ сохранялось еще свыше 300 оршанскихъ плѣнниковъ. Л. М., Кн. Зап. XI, 43—50.

[333]) Объ оршанской битвѣ и смоленскомъ походѣ мы приведемъ только главнѣйшіе источники и пособія: Supplem. ad. H. R. M. 363—364; Daniłowicz, Skarbiec, II, № 2265, стр. 291; Супр. лѣт. 149—154—похвальное слово Острожскому, очевидно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія; Decius, LXXXVI—XCII,—говоритъ, что Смоленскъ взятъ измѣною; П. С. Р. Л. IV, 137 и 290; Wapowius, Script. rer. Pol. II, 119—120; Герберштейнъ, Зап. о Московіи, 23—26; Bielski, л. 293; Gwagnin, 120—121; лѣтописецъ

Торжество и радость литовцевъ были понятны. Если на первый взглядъ оршанская побѣда имѣла слѣдствіемъ только значительное сокращеніе численности московскаго войска, какъ думаетъ Соловьевъ [334]), то, послѣ болѣе внимательнаго взгляда на результаты этой битвы, мы увидимъ, что слѣдствія ея для Литовско-Польскаго государства были весьма и весьма значительны,—не даромъ лѣтописцы такъ восторженно описываютъ это сраженіе и называютъ Константина Ивановича Острожскаго «swiętobliwéj pamięci», «славный а великій», а московскіе— «божій врагъ и государевъ измѣнникъ», не даромъ Васлій III забываетъ о плѣнныхъ... Не даромъ Сигизмундъ такъ торжествовалъ побѣду и такъ честовалъ павшихъ въ битвѣ... [335]). Не говоря о томъ, что было бы въ случаѣ возможнаго инаго исхода битвы, посмотримъ, какъ она отразилась на внѣшнихъ и внутреннихъ отношеніяхъ Литовско-Польскаго государства.

Первыми заявили себя татары, очевидно выжидавшіе, кто выйдетъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Такъ какъ побѣдителемъ оказалась Литва,—то они, чрезъ воеводу кіевскаго Андрея Немировича, предложили Сигизмунду свою помощь противъ Москвы; сами же сдѣлали двойной набѣгъ на московскую украину и на цѣлыхъ два года оставили Подолье и Волынь въ покоѣ [336]).

Но самую рѣзкую перемѣну оршанская битва произвела въ отношеніяхъ короля Сигизмунда къ его западнымъ сосѣдямъ. Мы уже говорили объ ихъ враждебной настроенности къ нему; 17 августа 1514 года императоръ Максимилліанъ заявилъ посламъ великаго магистра о тайномъ союзѣ противъ польскаго короля, въ который вошли: самъ императоръ, великій магистръ, лифляндскій магистръ, король датскій, марк-

---

Архангелогородскій, 185—187; Cromerus, De origine . . . 684; Stryjk. II, 378—385; Sarnicius, Annalles Pol. et Lith.—II т. Длугоша, 1205—1207; Никон. лѣт. VI, 202; Кіевск. лѣт., въ Сборникѣ лѣтописей относ. къ ист. Ю. и З. Р. (Кіевъ, 1888)—стр. 74; Bal. i Lip. Staroż. P. IV, 680; Соловьевъ, V, 339—341; Kraszewski, Wilno . . . , I, 206—207. Карамзинъ, Нарбуттъ, Иловайскій и прочіе историки ничего не даютъ новаго объ этомъ походѣ.

[334]) Ист. Р. V, 341.

[335]) Baliński i Lipiński, P. Star., IV, 680, прим.

[336]) Акты З. Р. II, 117—118; Stryjk. II, 385—388; Arch. Sang. III 235—236.

графъ бранденбургскій, король саксонскій, господарь волошскій и великій князь московскій [337]). Понятно, почему съ одной стороны Сигизмундъ I унижался предъ великимъ магистромъ, своимъ вассаломъ, и почему съ другой, онъ посылалъ папѣ, въ доказательство своей побѣды, оршанскихъ плѣнниковъ: королю необходимо было по возможности рекламировать свою побѣду, чего онъ достигъ самымъ неожиданнымъ способомъ: посланные имъ папѣ московскіе плѣнники были отняты Максимилліаномъ, союзникомъ Василія III, и черезъ земли антипольской коалиціи были возвращены въ Москву—но императоръ оказалъ этимъ своему союзнику медвѣжью услугу: остальные союзники, которые хотѣли загребать жаръ московскими руками, сильно охладѣли, когда своими глазами увидѣли позоръ Москвы и поняли, что ея сила не такъ-то надежна. 19 іюля 1515 года, по иниціативѣ императора Максимилліана, происходитъ рѣдкій по торжеству съѣздъ около Вѣны самого императора, короля Сигизмунда, брата его Владислава, короля венгерскаго и Людовика, сына короля чешскаго. На этомъ съѣздѣ, такъ восторженно описаннномъ польскими лѣтописцами, (они вполнѣ справедливо видѣли въ немъ тріумфъ Сигизмунда I) не только была утверждена взаимная дружба, но императоръ даже принялъ на себя роль посредника для заключенія мира между Литвою и Москвою [338]).

Вслѣдъ за этимъ и великій магистръ [339]), не смотря на всю вражду къ королю, принужденъ былъ, хотя видимо, примириться съ Сигизмундомъ, такъ какъ по условіямъ Вѣнскаго съѣзда императоръ обѣщалъ стараться принудить магистра выполнить присягу Польшѣ [340]).

Папа, услыхавъ про оршанскую побѣду, съ своей стороны убѣждалъ Сигизмунда начать войну съ Турціей и сдѣлать нападеніе на Бѣлградъ, такъ какъ, по мнѣнію папы, настало найболѣе удобное для этого время [341]).

---

[337]) Daniłowicz, II, № 2264, стр. 291; Arch. Sang. III, 245.

[338]) Особенно восторженное и подробное описаніе Вѣнскаго съѣзда у тяжеловатаго Бѣльскаго, Kronika, об. 294 л.—об. 296 л.

[339]) 25 Сентября 1514 г. Сигизмундъ ядовито спрашивалъ его, дѣйствительно ли онъ участникъ союза противъ Польши—Daniłowicz, II, № 2266, стр 292.

[340]) Stryjk., II, 386.

[341]) Teiner., Vet. Mon. Pol. II, 354—356 и 365—366.

Если оршанская побѣда обезпечила южныя, западныя и сѣверныя границы Литовско-Польскаго государства, то приблизительпо такое-же значенiе она имѣла и по отношенiю къ восточной границѣ, московской. Она значительно подняла въ литовцахъ сознанiе своей военной правоспособности, ослабленное постоянными неудачами въ борьбѣ съ Москвой и, уничтоживъ значительную армiю, сильно понизила матерiяльную и нравственную военную энергiю московскаго государства. Вплоть до 1518 г. идетъ еще борьба между Литвою и Москвою, но ведется она вяло и урывками, неудачно для наступающихъ и наоборотъ. Причиною такого порядка дѣла было то, что Москва довольствовалась Смоленскомъ, который былъ разоренъ, приходилъ въ упадокъ и славенъ былъ только прошедшимъ: Литва же помирилась съ потерей его, смутно сознавая, что исчезъ главный побудительный стимулъ къ войнамъ.

Если въ дѣлахъ внѣшнихъ оршанская битва имѣла такое громадное значенiе, то влiянiе ея не менѣе серьезно сказалось и на дѣлахъ внутреннихъ. На первый планъ выдвигается побѣдитель, русскiй князь Острожскiй, и вмѣстѣ съ нимъ выдвигаются интересы всей массы русскаго народа. Лично Константинъ Ивановичъ получилъ отъ короля въ полную собственность, 20 декабря 1514 года, имѣнiе Дорогобужъ съ монастыремъ, церквами и окрестными селами, съ правомъ построить тамъ замокъ, городъ, дать ему магдебурское или хелмское право, учредить ярмарку, торги и т. д. 14 января 1516 г. за услуги тремъ королямъ Острожскому были даны: значительное имѣнiе Охоново, солидно округлившее здѣтельскую экономiю; дворецъ Гуры, люди въ Мемижской волости и воспѣтое Мицкевичемъ озеро Свитезь [342]).

Острожскiй пользуется своею славою въ интересахъ православныхъ и достигаетъ много такого, что было прямо запрещено закономъ.

---

[342]) Л. М., Кн. Зап. IX, 157; Arch.Sang. III, 120—123; 129—131; 144—146; 151—152. Дорогобужъ—надъ р. Горынью—Острожскаго уѣзда, Волынской губ.; Онохово—въ Слоним. у. Гродненской губ.; Гуры, подъ Вильною, около Рудомина. Острожскiй получилъ не все имѣнье Гуры, но только часть его (Вил. Центр. Арх. № 5345, л. 21); Свитезь—Минской губ., Новогр. у. ок. Цырина.—Вѣроятно, что въ это же время Острожскiй получилъ им. Смольняны (Оршанскаго у., Могилевской губ.)—Акты З. Р. II, 146—147—подтверд. грамота 1522 г., содержанiе ея даетъ довольно твердыя основанiя для такого предположенiя.

Еще до оршанской битвы Константинъ Ивановичъ воспользовался своимъ положеніемъ, чтобы выпросить у короля подтвержденія всѣхъ наданій великаго князя Александра—кіевскому Пустынскому монастырю,—очевидно, обычная въ то время услуга церкви предъ походомъ [343]). А вскорѣ послѣ своего въѣзда въ Вильну, онъ ходатайствовалъ предъ королемъ о непоставленіи въ укоризну князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому сдачи имъ своего замка Москвѣ и службы ей, къ чему онъ былъ принужденъ обстоятельствами. Это ходатайство тѣмъ болѣе цѣнно, что князь Мстиславскій былъ весьма щедрымъ фундаторомъ православныхъ церквей и монастырей [344]).

Но самый главный для русскихъ результатъ оршанской побѣды—королевское разрѣшеніе Константину Ивановичу построить каменныя церкви въ Вильнѣ—Троицкую и Никольскую, важный особенно потому, что цѣлый рядъ перестроекъ столичныхъ виленскихъ церквей какъ бы косвенно отмѣнялъ прежнее Казимірово запрещеніе вновь строить церкви. Выраженіе жалованой грамоты не строить вновь, но реставрировать «ab ipsis fundamentis»—въ приложеніи къ деревяннымъ церквамъ, каковыми были Троицкая и Никольская, обозначало не починку, а постройку вновь, да и смыслъ этихъ словъ могъ быть растолкованъ двояко. [345]). Судя по содержанію жалованной грамоты Сигизмунда Константину Ивановичу Острожскому на построеніе названныхъ церквей [346]), послѣдній, еще до битвы, торжественно, предъ лицемъ всѣхъ военачальниковъ, далъ обѣщаніе, въ случаѣ побѣды,—построить названныя церкви изъ камня или кирпича, при чемъ, очевидно, Константинъ Ивановичъ заручился согласіемъ самого короля.. Послѣ побѣды при Оршѣ, похода на Смоленскъ и предъ самымъ возвращеніемъ Острожскаго въ Вильну

---

[343]) Акты Зап. Р. II, 116. Дата 29 іюля 1514 года. О подтвержденіи земельныхъ пріобрѣтеній князя Януша Михайловича Сангушки и наданій короря князю Ивану Юрьевичу Заславскому.—Arch Sang. Ш, 109—110 и 119—120.

[344]) Акты З. Р., II, 170—171; Дата 29 декабря 1514 года. Изо всѣхъ своихъ современниковъ кн. М. И. Мстиславскій былъ самымъ крупнымъ церковнымъ благотворителемъ. Изъ краткаго подсчета видно, что онъ въ разное время обезпечилъ до 12 церквей и монастырей.—См. Акты З. Р. I, 201, 359, 364—365; II, 24, 29, 80, 119, 127—128, 158, 169, 206; Вил. Арх. Сб. II, 5, 7, 8, 9; Акты Ю. и З. Р. I, 26, 45; 60, 80 и т. д.

[345]) Вил. Арх. Сб. X, 3—4; 26.

[346]) Дана 30 ноября 1514 г.—«ipso die sancti Andreè Apli.».

(3 декабря), король, по просьбѣ рады, даетъ эту грамоту, какъ-бы приготовляя сюрпризъ Константину Ивановичу. А что это дѣйствительно было сюрпризомъ, видно изъ самой грамоты, гдѣ почти все направлено къ косвенному оправданію короля въ нарушеніи конституцій государства. Кромѣ неоднократнаго указанія на просьбы рады, ссылки на евангельское повелѣніе исполнять обѣты, король прямо говоритъ: «повелѣваемъ считать... nostre admissionis et consensus non obstatibus constitucionibus consuetudinibusque in contrarium disponen»; затѣмъ король заручается возможно полнымъ числомъ подписей [347]). Эта грамота—самое яркое свидѣтельство о роли Константина Ивановича въ Литвѣ, самая главная его услуга православію, самая важная побѣда надъ происками католической партіи. [348]) Заручившись грамотою короля, Константинъ Ивановичъ перестроилъ Троицкую церковь и церковь перенесенія мощей св. Николая, «что на Великой улицѣ [349])». Но возведеніе двухъ церквей стоило Константину Ивановичу такъ много, что онъ не только не обезпечилъ Троицкаго монастыря, на что прямо указываютъ памятники [350]), но вынужденъ былъ продать два громаднѣй-

---

[347]) Эта весьма важная грамота напечатана съ большими пропусками въ «Собр. др. гр. г. Вильны»... II, 13—15. Годъ (1590) обозначенъ ошибочно. Полный текстъ напечатанъ въ польскомъ переводѣ у Skargi, Prawa i Przywileje Cerkwi greciej uniekiej... Wilno 1632, 24—26. Спеціальный историкъ Троицкаго монастыря, Щербицкій (Виленскій Свято-Троицкій монастырь. Вильна, 1886 года, стр. 5—7) почему-то совершенно забылъ объ этой грамотѣ. Въ виду ея рѣдкости мы помѣщаемъ въ приложеніи полный ея переводъ, сдѣланный по латинскому дефектному и полному польскому тексту, такъ какъ латинскій подлинникъ грамоты, хранящійся въ виленскомъ Троицкомъ монастырѣ, настолько испорченъ, что возстановить всецѣло его текстъ не возможно.

[348]) Скарга, перепечатывая эту грамоту, объяснилъ фактъ по своему, —она, молъ, дана «za czasu Iozepha Mitropolita goręcego Unita».—Prawa i Przyw. 24. Сравни Dubowicz, Hierarchia, 182—183.

[349]) Въ Вильнѣ была еще и другая церковь св. Николая—во имя успенія его. Находилась она на углу нынѣшней Пятницкой улицы; впослѣдствіи носила названіе—«деревеная».—Вилен. Арх. Сб. VI, 33 и 153; Вѣстникъ З. Р. 1867, V, III, 18. Живоп. Россія, СПБ. 1882 г. III, 143. Никольская церковь, раставрированная въ шестидесятыхъ годахъ, нынѣ составляетъ лучшее украшеніе города Вильны.

[350]) Вил. Арх. Сб. X, 3—5.

шія имѣнія свои въ Литвѣ,—Богушевичи и Игуменъ, лишь бы довести до конца дѣло постройки [351]).

Если актъ о продажѣ этого громаднаго пространства земли не подложенъ, то нужно думать, что вырученная за него сумма была не только достаточна для окончанія постройки, но дала Острожскому возможность сдѣлать новый даръ любимому виленскому Пречистенскому собору.

Константинъ Ивановичъ по возвращеніи изъ похода, не только просилъ разрѣшенія произвести вышеуказанныя постройки, но также сдѣ-

---

[351]) Акты Вил. Арх. К. XIV, 1—5. Игуменъ—нынѣ уѣздный городъ Минской губ., Богушевичи мѣстечко того же Игуменскаго уѣзда. Грамота эта весьма интересна сбивчивостью данныхъ для опредѣленія ея подлинности, времени написанія и происхожденія.

Датирована она такъ: Богушевичи 1501 г. 27 іюня. Но Константинъ Ивановичъ въ это время былъ не въ Богушевичахъ, а въ плѣну. Онъ названъ «паномъ виленскимъ», значитъ, дѣло было между 18 іюня 1511 года и 25 марта 1522 года. Есть подпись: князь Александръ Овлочимскій, староста пинскій. Но князь Пинскій, Ѳедоръ Ивановичъ Ярославичъ, умеръ между 7 ноября 1520 года и 5 іюня 1523 года, значитъ Овлочимскій, о которомъ неизвѣстно, былъ ли онъ старостою пинскимъ, могъ занимать, этотъ урядъ только въ 1521 году, ибо Константинъ Ивановичъ 11 марта 1522 года былъ уже воеводой троцкимъ. Но въ іюнѣ 1521 г. Константинъ Ивановичъ былъ въ Торуни, съ королемъ. Также невѣрны подписи: князь Якубъ Массальскій, воевода новгородскій (этотъ урядъ со 2 іюля 1511 года по 5 октября 1530 года занималъ Я. Я. Заберезинскій) и Ник. Сем. Вишневецкій, ст. лидскій, которому Константинъ Ивановичъ продаетъ имѣнья. Послѣдній кажется миѳическою личностью, ибо такого нѣтъ ни въ родословіяхъ (Narbutta, Niesieckiego, Bonieckiego, Wolffa и нашихъ личныхъ), ни въ спискахъ должностныхъ лицъ (Boniecki и наши).—По тѣмъ же основаніямъ нельзя приписать эту грамоту и Константину Константиновичу Острожскому.—Кромѣ того, Игуменъ и Богушевичи только въ одномъ этомъ случаѣ упоминаются, какъ имѣнья Острожскихъ.

Съ другой стороны—обстоятельность изложенія, соотвѣтствіе содержанія съ духомъ и обстоятельствами того времени, слогъ и способъ письма—заставляютъ не отрицать подлинности грамоты, а отнести эти противорѣчія на счетъ переписчиковъ и издателей. Лично мы относимъ написаніе грамоты къ 1515—1516 г.г. Въ Вилен. Центр. Арх. (№ 11809, 317—320) намъ пришлось видѣть оригиналъ, съ котораго перепечатана эта грамота. Оказалось, что это не подлинникъ, но копія, при томъ довольно поздняя —Отъ продажи Игумена и Богушевичъ Константинъ Ивановичъ выручилъ 10,000 копъ грошей.

лать и другія, вѣроятно многочисленныя, наданья церквамъ. До насъ дошла только одна грамота такого рода. Въ ней Сигизмундъ, 29 декабря 1514 г., разрѣшаетъ Константину Ивановичу Острожскому построить на рѣкѣ Вильнѣ (Вилейкѣ) мельницу для Пречистенскаго собора [352]). Мельница эта освобождается отъ всякаго вмѣшательства великокняжескихъ чиновниковъ и пользуется правомъ молоть чей угодно хлѣбъ. Доходы съ нея будутъ поступать собственно митрополиту, въ обезпеченіе безбѣднаго существованія митрополичьей каѳедры, очевидно, подъ условіемъ нѣкотораго облегченія сборовъ съ соборнаго клира. Вѣроятно, что постройка этой мельницы, равно какъ и занятія по постройкѣ церквей, наполнили заботами весь 1515 годъ. По крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о Константинѣ Ивановичѣ за это время.

Въ началѣ слѣдующаго года мы находимъ его въ Острогѣ и опять таки занятаго дѣлами церкви. 6 марта 1516 г. Константинъ Ивановичъ съ женою своею выполняютъ завѣщаніе скончавшейся матери и тещи ихъ, княгини Анастасіи Гольшанской. Согласно ея предсмертной волѣ, Острожскіе передаютъ Печерскому монастырю на поминовеніе княгини Анастасіи, мужа ея, князя Семена Юрьевича Гольшанскаго и родителей ихъ, дворы: Городокъ, Обаровъ, Лобковщину и село Вольницу,—въ полную собственность монастыря [353]).

Въ тоже время король удовлетворилъ просьбу Константина Ивановича о передачѣ пограничныхъ замковъ—старостзъ: Брацлава, Винницы и Звенигорода племяннику [354]) гетмана, князю Роману Андреевичу Сан-

---

[352]) Вил. Арх. Сб. VI, 17—18. Дата 7023 г., 29 декабря, инд. 3—въ переводѣ на современное счисленіе даетъ 1514, а не 1515, какъ въ Сборникѣ; равно и «Вилна»=Вилейка, а не Вилія, которая именуется «Велія» (Vuelia—Герберштейнъ, Зап. о Моск., 206. Сбор. Имп. Р. И. О. XXXV, 35, 42, 44.—«А на рѣкѣ на Велье, близь Вилны . . . »). Замѣчательно, что память о построеніи этой мельницы Константиномъ Ивановичемъ чрезъ 100 лѣтъ совершенно исчезла.—См. судъ Преч. собора съ Гедройцемъ въ 1640 г.—Акты Вил. Арх. Ком. XX, 327.

[353]) Акты З. Р. II, 119—120.

[354]) Одна изъ сестеръ Константина Ивановича была замужемъ за Сенькой Олизаровичемъ. По смерти мужа она переѣхала съ дочерью въ Острогъ, а имѣнья ея поступили подъ опеку Константина Ивановича. Выдавъ племянницу за кн. Андрея Сангушку, а послѣ его смерти за Вишневецкаго, Острожскій удержалъ имѣнья ея за собой, очевидно, выплативъ Сангушкѣ

гушкѣ, подъ условіемъ, въ случаѣ его смерти, возвратить эти староства опять Константину Ивановичу. Причина такой передачи—возня съ судопроизводствомъ и дѣлами, столь многочисленными на всякой окраинѣ и желаніе выдвинуть своего храбраго родича, для котораго еще въ 1515 году выпросилъ у короля села Боблы, Солецъ и Соловичи и, вѣроятно, содѣйствовалъ дачѣ Турійска [355]). Грамота о передачѣ старостъ послѣдовала 23 января 1516 года [356]). Это пожалованіе было роковымъ для даровитаго молодого князя.

Лѣтомъ 1516 года послѣдовалъ набѣгъ татаръ. Главный путь ихъ лежалъ на сѣверо-западъ, къ Карпатскимъ горамъ, гдѣ они произвели ужасающія опустошенія. Поляки, разбивая мелкія отряды, не рѣшились вступить въ генеральную битву. Единственно крупная побѣда у Теребовля слишкомъ дорого стала полякамъ: татары, видя дурной оборотъ дѣла, предали смерти всѣхъ плѣнниковъ, чтобъ легче было уходить. Понятно, что, при сравнительной безнаказанности, татары разбрелись широко и часть ихъ забралась въ Подолье. Но слухи о сборѣ войска Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ заставила ихъ на этотъ разъ уйти обратно домой.

Богатая добыча, вывезенная татарами изъ Галиціи, побудила ихъ сдѣлать новый набѣгъ осенью. Теперь они направились на Волынь; но здѣсь встрѣчены были достойнымъ образомъ: разбитые въ трехъ послѣдовательныхъ битвахъ, татары принуждены были очистить Русь. Къ

и Вишневецкому деньгами. Эти имѣнія впослѣдствіи причинили много безпокойства Ильѣ Константиновичу и его вдовѣ, такъ какъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, женившись на Вишневецкой, требовалъ имѣній по суду. (Arch. Sang. IV, 270 и Boniecki, Pozet rodów . . . 231).

[355]) Л. М. Кн. Зап. IX, 224; Arch. Sang., III, 126—127 и 134—135. Замѣчательно, что король, давъ 15 сентября эти имѣнія Сангушкѣ, 16 сентября писалъ къ Константину Ивановичу о томъ, что просьба его относительно племянника исполнена.—Ibid. 127.

[356]) Arch. Sang. III, 133—134. Акты Ю. и З. Р. II, 128—129—годъ 1517—здѣсь выставленъ неправильно, такъ какъ не соотвѣтствуетъ ни индикту, не событіямъ,—въ концѣ 1516 года Романъ былъ уже убитъ, да и въ концѣ января 1517 года король былъ въ Вильнѣ (Ibid., I, 52). Характерно, что въ Архивѣ Сангушковъ грамоты датируются 2—3 днями раньше, чѣмъ по метрикѣ. Очевидно, что туда грамоты заносились позже выдачи ихъ и ставилось число вписки, а не выдачи.

сожалѣнію, жертвою ихъ палъ князь Романъ Сангушко, «książe świętej pamięci i wiecznej sławy godne». По званію старосты украинскихъ городовъ, Сангушко первымъ встрѣтилъ врага; побѣда уже была выигрына, когда князь, въ запальчивости, слишкомъ далеко выѣхалъ впередъ, былъ окруженъ татарами, конь его былъ раненъ и упавшій князь былъ разсѣченъ на части [357]).

После смерти племянника староства опять перешли къ Константину Ивановичу, ибо 17 іюля 1518 года онъ подтверждаетъ правильность разграниченія имѣній брацлавскихъ земянъ Копыстеринскаго и Булгаковича, произведеннаго княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Чарторыйскимъ [358]). Начало 1517 года Константинъ Ивановичъ провелъ на Волыни, устраивая тамошнія дѣла по своимъ имѣньямъ и производя судъ по имѣньямъ земянъ [359]). Но покоя ему не было.

Пока происходили вышеизложенныя событія, на восточной границѣ Литвы шла легкая война съ Москвою. Попытки императора устроить примиреніе кончились крайне комично [360]) и обѣ стороны старались сдѣлать другъ другу по возможности больше непріятностей. Не чуждъ былъ этому и Константинъ Ивановичъ; московскіе бояре жаловались посламъ Сигизмунда: «А изъ Святыя Горы пошли старцы къ нашему государю чрезъ его (короля) землю съ великими вещми духовными, по государя нашего приказу и Костянтинъ Острожскій, Божій измѣн-

---

[357]) Wapwski, Scriptores rer. Pol II, 144. 147; Stryjk. II, 391; Bielski, л. 297. Послѣдній привноситъ въ разсказъ объ этомъ набѣгѣ интересную подробность: небольшой татарскій загонъ, всего изъ 200 человѣкъ, былъ разбитъ около Вишневца, но эти 200 были вооружены, «какъ будто нѣмцы»,—значитъ борьба становится труднѣе и разсказы Михалона Литвина о вооруженіи татаръ только нагайками и ремнями носятъ довольно густую поэтическую окраску.

Доблестью кн. Романа, даже послѣ его смерти, пользовался отецъ. Такъ, данный Роману городъ Турійскъ переходитъ къ отцу и даже, во вниманіе къ заслугамъ умершаго Романа, городъ освобождается отъ стацій и подводъ, (Arch. Sang. III, 185). Но фактъ извѣщенія объ этомъ Константина Ивановича можетъ свидѣтельствовать, что въ сущности Турійску были даны льготы по просьбѣ Острожскаго.

[358]) Акты Ю. и З. Р. II, 145—146; Boniecki, Pocz. r., 233.

[359]) Arch. Sang. III, 152—153.

[360]) До Вѣнскаго съѣзда 1515 г. императоръ послалъ въ Москву посла который имѣлъ наказъ вредить Литовско-Польскому государству. Когда же

никъ и государя нашего измѣнникъ, а его слуга, у тѣхъ старцовъ вещи государя нашего душевныя поотнималъ, а ихъ къ государю нашему не пропустилъ и воротилъ ихъ назадъ»[361]). Съ своей стороны Москва не оставалась въ долгу и дѣлала частые набѣги на сѣверныя полоцкія волости, на Браславъ и Рославль[362]). Такое неопредѣленное положеніе дѣлъ вынудило Сигизмунда рѣшиться окончить все миромъ. Въ іюлѣ 1517 года было снаряжено въ Москву литовское посольство, а при немъ, въ качествѣ посредника со стороны императора, поѣхалъ баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ, устраивавшій до этого бракъ Сигизмунда I съ Боною Сфорца[363]). Но чтобы посольство было внушительнѣе, король рѣшилъ подкрѣпить его какимъ либо военнымъ пріобрѣтеніемъ. Онъ нанялъ заграницей чеховъ, моравань и т. д., собралъ войска Литвы и Польши и направилъ ихъ на Россію. Главное литовское войско велъ К. И. Острожскій, онъ начальствовалъ и надъ остальными отрядами, но только номинально; прежней военной «уставы», какія даны были гетману въ 1507 и 1512 годахъ, теперь ему почему-то не дали. Слѣдствіемъ этого было полное ослабленіе дисциплины; всякій отрядъ дѣйствовалъ самъ по себѣ, хотя и держался вблизи главнаго отряда, выступившаго изъ Вильны 30 іюля 1517 года. Понятно, что такія войска нанесли страшное опустошеніе мирной московской украинѣ, куда первоначально направился Константинъ Ивановичъ, но оказались негодными для серьезной войны. Дѣйствительно, когда литовскія войска пришли къ городу Опочкѣ[364]), то Острожскій, разбивъ московскія войска, очевидно, хотѣлъ осадою принудить городъ къ сдачѣ и потому занялся опустошеніемъ окрестностей. Разосланные имъ отряды заняли городки:

состоялось примиреніе Максимилліана съ Сигизмундомъ, въ Москву былъ отправленъ изъ Вѣны новый посолъ, Валтасаръ Одеръ, которому были даны совершенно противоположныя инструкціи. Рѣчи Одера показались боярамъ подозрительными, его сочли литовскимъ шпіономъ и посадили подъ стражу. Императоръ принужденъ былъ послать третьяго посла для выясненія дѣла и освобожденія Одера. Bielski, л. 297.

[361]) Сборникъ Р. Имп. Ист. Общ. XXXV, 525.

[362]) П. С. Р. Л. IV, 290; Арханг. лѣт., 182. Въ 1515 г. набѣгъ изъ Пскова подъ начальствомъ Сабурова, сожженіе Браславскаго посада, Друи, опустошенія около Иказани; затѣмъ набѣгъ на Рославль—того же Сабурова.

[363]) Герберштейнъ. Записки о Московіи, II—III стр. предисловія.

[364]) Уѣздный городъ Псковской губерніи.

Вороначъ, Велье и Красной. Между тѣмъ пришлыя войска (чехи, мораване и др.) не хотѣли ждать и, послѣ полумѣсячной осады, вопреки волѣ гетмана, 6 октября пошли на приступъ, но были отбиты съ большимъ урономъ. Эта неудача, пораженіе московскимъ воеводой, Иваномъ Ляцкимъ, шедшаго изъ Браславля Черкаса Хребтовича и осада княземъ Шуйскимъ и Кислицей Полоцка,— заставили Константина Ивановича прекратить осаду Опочки и двинуться на помощь Полоцку, гдѣ осаждавшіе уже терпѣли недостатокъ въ продовольствіи и принуждены были на лѣвомъ берегу Двины добывать пищу себѣ и кормъ лошадямъ. Константинъ Ивановичъ [365]), возвратившись съ богатою добычею изъ подъ Опочки, самъ-ли, или пославъ кого-нибудь, нанесъ пораженіе бродившему за Двиною отряду «дѣтей боярскихъ», что принудило Шуйскаго снять осаду съ Полоцка и удалиться въ предѣлы Россіи [366]).

По возвращеніи Константина Ивановича въ Вильну, онъ былъ благосклонно принятъ королемъ и получилъ новыя наданья: еще за опустошеніе Сѣверской области король 9 сентября далъ ему Кузьминскую волость, заключавшую въ себѣ 42 деревни, и разрѣшилъ построить въ Красиловѣ замокъ въ защиту отъ татаръ. 1 мая 1518 года Константинъ Ивановичъ получилъ Котовъ и Розничи [367]).

---

[365]) Въ лѣтописи освободителемъ Полоцка названъ «Волынецъ». Narbutt (IX, 134) говоритъ, что этотъ Волынецъ—Петръ Стан. Гаштольдъ, воевода полоцкій, писавшійся въ 1498 г. воеводичемъ подляшскимъ—Palatinidis, откуда и вышло Волынецъ (?!). Герберштейнъ (Зап. о Моск., 25) прямо говоритъ, что это былъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ; но онъ былъ въ это время въ Крыму и оттуда послалъ татаръ на московскую украйну. (Памятники дипл. снош. др. Россіи, I, 323). Мы же думаемъ, что это былъ Константинъ Ивановичъ, волынецъ родомъ и предводитель волынскаго войска.

[366]) Bielski, л. 298; П. С. Р. Л., IV, 291—292 говоритъ, что въ войскѣ Константина Ивановича были: «Чахи, Ляхи и Угрове, Литва и Нѣмцы, отъ цысаря короля Максимьяна Римскаго быша мудрые люди, ромистры, архитыхтаны, аристотели, да иных земель много, Мураве, Мозошане, Волохи и Сербове и Татарове . . . »Bielowski, Mon. Pol. Hist. III, 222; Wapowski, Script. rer. Pol. II, 151; Ник. лѣт., VI, 209—211: Stryjk. II, 391; Сборникъ, т. 35, стр. 502—503. Памятники дипл. снош. др. Россіи, I, 323.

[367]) Кузьминскую волость Константинъ Ивановичъ «выпросилъ», если судить по Arch. Sang. III, 156—158 и 161—162, но оказывается, что Кузьминъ былъ данъ Острожскому еще Александромъ, хотя и въ держанье (Arch. S. IV, 3). Слѣдовательно, Острожскій только просилъ превратить пожизненное имѣніе въ вѣчное.

Въ благодарность за свой личный успѣхъ въ походѣ Острожскій явился ходатаемъ предъ королемъ за православныя церкви. 26 ноября 1517 г., вѣроятно, чрезъ нѣсколько дней по прибытіи изъ похода, по просьбѣ Константина Ивановича, король жалуетъ новогородскому Борисоглѣбскому собору 5 службъ людей и три пустоши въ цѣринской волости [368]). Но или это наданье было отсрочено, или оно было очень незначительно, только въ томъ-же году слѣдуетъ новое наданье этому собору. Константинъ Ивановичъ покупаетъ у Ивана Золотаря имѣніе Быковичи, испрашиваетъ у короля согласія и записываетъ его на клиръ новогородскаго собора [369]). Очевидно были наданы и другія церкви; по крайней мѣрѣ на это есть указанія [370]).

Между тѣмъ, въ концѣ 1517 или въ началѣ 1518 г., скончалась княгиня Марія Ровенская, вдова князя Семена Васильевича Несвижскаго, бабушка Татьяны Семеновны, жены Константина Ивановича. Такъ какъ прямыхъ наслѣдниковъ у нея не было, то всѣ громадныя и богатыя имѣнья ея перешли къ Острожскому. 3 февраля 1518 года въ луцкія городскія книги былъ явленъ подтвердительный привилей Сигизмунда I Константину Ивановичу на вѣчное владѣніе имѣніями: Ровно, Козлиномъ, Квасиловымъ Корниномъ, Колодномъ, Березанью, Котинымъ, Кустынемъ, Богонами, Маневомъ, Ставкомъ и т. д., всего до 60-ти имѣній, причемъ король давалъ Ровно всякаго рода льготы [371]).

---

[368]) Акты З. Р. II, 123—124. Нынѣ Цырынъ, Новогр. у., Минск. губ.

[369]) Николай. Ист.—стат. опис. Минской еп., Спб. 1864, стр. 127; Вил. Арх. Сб. X, 215. Кажется, что королевскій фундушъ и фундушъ Константина Ивановича послѣдовали одновременно. Arch. Sang. III, 160.

[370]) Теодоровичъ (Ист.-стат. опис. приходовъ Волынск. еп. II, 877) упоминаетъ о колоколѣ дубенской Преобр. церкви, вылитомъ въ 1517 г., вѣроятно была фундована и самая церковь.

[371]) Волынск. Еп. Вѣд., 1873 г., ч. неофф., стр. 535; Stecki, Miasto Równe, Warsz. 1880, стр. 6 и 9; см. также судное дѣло Константина Константиновича Острожскаго съ Беатой Костелецкой—Акты Ю. З. Р, I, 120—123. Arch. Sang. III, 166—169—грамота, утверждающая за Конст. Ив. Острожскимъ владѣнія Маріи, помѣчена 4 мая 1518 г. Весьма, возможно, что это была вторая, болѣе подробная грамота, такъ какъ 1 мая король, подтверждая свой привилей на ярмарки въ имѣніяхъ Константина Ивановича, упоминаетъ въ числѣ ихъ Ровно и Колодно,—имѣнія умершей княгини Ровенской, а 7 мая подтверждаетъ за Константиномъ Ивановичемъ право владѣть всѣми имѣніями, какимъ бы способомъ они ни были пріобрѣтены.—Ibid. 163—172.

Пріемъ богатѣйшихъ имѣній скончавшейся княгини былъ задержанъ набѣгомъ татаръ. Константину Ивановичу пришлось заняться сборомъ войска, и походъ противъ хищниковъ окончился побѣдою [372]).—Послѣ этого перерыва,—смерти Маріи Ровенской и набѣга татаръ, Константинъ Ивановичъ обращается къ прежнему—заботѣ относительно обезпеченія новогородскаго Борисоглѣбскаго собора. 1-го сентября 1518 года онъ совершаетъ вторую покупку у Ивана Золотаря,—имѣнія Хоневичъ и четырехъ пустовщинъ, находящихся на границѣ съ имѣніемъ Быковичи, раньше подареннымъ новогородскому собору. Новое пріобрѣтеніе обошлось Константину Ивановичу въ 100 копъ грошей съ придачею «двухъ добрыхъ волоховъ [373])». Испросивъ согласіе короля, Острожскій, въ началѣ слѣдующаго года, записываетъ всѣ эти земли клиру новогородскаго собора на вѣки, безъ права вмѣшательства наслѣдниковъ. Запись эта дана «для вѣчное памяти и богомолья... за душу» господина и отца нашего митрополита кіевскаго и всеа руси Іосифа и за мою душу...» По взаимному соглашенію съ митрополитомъ, послѣдній, до совершеннолѣтія Ильи Константиновича, будетъ охранять названныя имѣнія отъ всякой кривды, о чемъ, послѣ своего совершеннолѣтія, будетъ заботиться князь Илья [374]).

Грамота датирована,—Острогъ 1519 года, индикта 7, т. е. въ первой половинѣ года. Во второй уже разразился надъ Польско-Литовскимъ государствомъ цѣлый рядъ бѣдъ, потребовавшихъ крайняго напряженія всѣхъ силъ государства.

Мы уже говорили, что въ іюлѣ 1517 г. литовскіе послы отправились въ Москву, чтобы, при содѣйствіи императорскаго посла, Сигизмунда Герберштейна, заключить миръ и что одновременно съ послами былъ отправленъ на московскую украину Константинъ Ивановичъ. Въ Москвѣ рѣшили не принимать пословъ, пока «великаго князя воеводы не перевѣдаются съ Острожскимъ». Этого пришлось ждать до второй половины октября и тогда только, 24 числа, начаты переговоры. Сначала московскіе дьяки потребовали Кіева, Полоцка, Витебска; литовцы отвѣчали требованіемъ Пскова, половины Новгорода, Твери и т. д.

---

[372]) Wapowski. Script. rer. Pol. II, 157.

[373]) Архивъ Уніатскихъ митр., № 14.

[374]) Ibid. № 16, старинный, очевидно, подлинный списокъ.

Мало-по-малу обѣ стороны уступали и, наконецъ, все дѣло сосредоточили на одномъ Смоленскѣ и каждая твердо стояла на своемъ. Взаимные перекоры окончились 12 ноября, но еще до 22 ноября переговоры велъ одинъ Герберштейнъ и также безуспѣшно [375]).

Результатомъ перерыва мирныхъ переговоровъ была новая война. Василій III отправилъ богатые упоминки хану, побуждая его напасть на Литву одновременно съ московскимъ войскомъ. Но послѣднее замѣшкалось, а татары въ количествѣ 40000, подъ предводительствомъ калги Багатыря, вторгнулись въ Галицію. Войскъ у короля не было, равно какъ и денегъ на ихъ наемъ [376]). Татары опустошили Львовскую, Белзскую и Люблинскую области и съ громадной добычей медленно подвигались назадъ. Польскія войска настигли ихъ подъ Сокаломъ, но не рѣшались вступить въ битву, пока къ нимъ не присоединился Константинъ Ивановичъ Острожскій съ 2000 волынянъ, такъ что соединенное войско достигло 5—6 тысячъ человѣкъ. Татары стояли на противоположномъ, возвышенномъ, берегу Буга, почему, по мнѣнію Константина Ивановича, не могло быть и рѣчи о нападеніи. Но не такъ думала хвастливая польская молодежь съ Фридрихомъ Гербуртомъ во главѣ. Совѣтъ Константина Ивановича,—отложить битву до другого раза или выждать болѣе удобнаго мѣста, они приняли какъ нежеланіе русскаго православнаго вождя доставить славу полякамъ; молодежь, которую соблазняли лавры Вишневца, упрекала гетмана и не согласилась на его просьбу—выждать переправы самихъ татаръ черезъ Бугъ, или же подождать одинъ день спѣшившихъ вспомогательныхъ литовскихъ и подольскихъ отрядовъ. Тщетно Фирлей и другіе польскіе вожди, которые были согласны съ Константиномъ Ивановичемъ,

---

[375]) Сборникъ, XXXV, 500—546. Интересно, что Герберштейнъ просилъ отпустить М. Л. Глинскаго къ императору (Глинскій измѣнилъ Москвѣ предъ оршанской битвой и поэтому сидѣлъ въ заключеніи). Въ просьбѣ было отказано на томъ основаніи, что Глинскій, учась въ Италіи, отсталъ отъ греческой вѣры, а теперь хочетъ опять возвратиться къ ней, о чемъ заявилъ митрополиту Варлааму и теперь идетъ разслѣдованіе этого дѣла.

[376]) Въ началѣ 1519 года Сигизмундъ издалъ окружную грамоту Троцкому повѣту и, вѣроятно, всей Литвѣ, о сборѣ «поголовщины» какъ крайняго средства пополнить истощенные финансы. Daniłowicz, II, № 2279, стр. 294.

чемъ, убѣждали молодежь—послѣдняя увлекла ихъ за собою и вожди должны были 2 августа вступить въ битву противъ своей воли. Горячая польская молодежь сразу же испортила все дѣло: не найдя брода и съ большимъ трудомъ переплывъ рѣку, она долго не могла подняться къ татарамъ, которые стояли на крутомъ берегу и съ высоты его били поляковъ на выборъ. Только нападеніе Константина Ивановича на тылъ татаръ заставило послѣднихъ обратить всѣ силы противъ него и допустить поляковъ подняться на берегъ и принять активное участіе въ битвѣ. 40-тысячное войско татаръ со всѣхъ сторонъ окружило отрядъ союзниковъ и началась кровавая сѣча. Убыль татаръ, не смотря на ея величину, не производила особеннаго измѣненія въ отношеніи силъ сражающихся, между тѣмъ, какъ союзное войско все таяло и таяло. Тогда Острожскій, Фирлей, Мар. Каменецкій и др., съ частью личной охраны и оставшихся войскъ, пробились черезъ толпы непріятелей и спаслись въ Сокальскомъ замкѣ. Гербутъ же, виновникъ этого пораженія, не пожелалъ подвергаться упрекамъ и, бросившись въ толпу татаръ, погибъ «славною смертью». Общій уронъ польско-литовскаго войска простирался до 1200 человѣкъ, при чемъ были убиты: князь Вас. Четвертинскій, князь Александръ Буремскій, князья: Василій, Александръ и Левъ Корецкіе, Фирлей, молодой сынъ польскаго гетмана, и многіе другіе [377]).

Всѣ польскіе лѣтописцы, излагающіе обстоятельно эту битву, единогласно приписываютъ неудачу ея исключительно безразсудной храбрости польской молодежи. Одинъ Кромеръ бросаетъ тѣнь на Константина Ивановича и русскихъ. Но лучшимъ доказательствомъ невинности Константина Ивановича въ Сокальскомъ пораженіи служитъ отношеніе къ нему короля. Понятно, что неудачный полководецъ не просилъ бы за другого, между тѣмъ мы видимъ, что Константинъ Ива-

---

[377]) Сборникъ, XXXV, 548 (на 691 стр. подъ 1524 г. кажется о томъ же, ибо другого пораженія татарами Острожскаго мы не знаемъ); Bielowski, Mon. Pol. Hist. III, 96—97; Stebelski, Żywoty . . . III, 55; Cromerus, De origine . . . 685, приписываетъ пораженіе «temeritate Russicae (а не Ruthenicae) nobilitatis accepta . . .»; Никон. Лѣт. VI, 222; Stryjk., II, 392; Wapowski, Script. r. P. II, 159—162; Gwagnin, Kronika, II, 90—91; Bielski, Kronika, л. 298 на обор. Всѣ польскіе лѣтописцы приписываютъ пораженіе горячности молодежи и хвалятъ Острожскаго.

новичъ ходатайствуетъ предъ королемъ за зятя своего, Богуша Боговитиновича,—именно о подтвержденіи ему волостей, которыя держалъ умершій Немира Толпыженскій, а до него самъ Богушъ; король и оттѣняетъ въ своей грамотѣ значеніе просьбы Константина Ивановича Острожскаго [378]). Кромѣ того ему самому король, почти вслѣдъ за пораженіемъ при Сокалѣ, 15 сентября, подтверждаетъ Звяголь, разрѣшаетъ построить въ немъ замокъ, основать городъ, учредить ярмарку и т. д. [379]).

Пока Острожскій боролся съ татарами, на Литву сдѣлали нападеніе московскія войска и прусскій магистръ. Первыя прошли вплоть до Молодечна, а второй вторгнулся въ Жмудь. Для Литвы было счастьемъ, что размѣры нападающихъ силъ были не велики, почему и не причинили ей значительнаго вреда и весьма удачный планъ Василія III—разгромить Литву—кончился легкимъ опустошеніемъ [380]).

Неудача сокальской битвы, матеріальная безрезультатность оршанской побѣды, неудачная война съ Москвой и невозможность успѣшно противодѣйствовать постояннымъ набѣгамъ татаръ, требуетъ нѣкотораго отступленія, уклоненія въ область устройства военнаго дѣла въ Литвѣ и Польшѣ, главнымъ образомъ для того, чтобы видѣть, почему даже при энергіи Сигизмунда и талантахъ Константина Ивановича, возможны были сокальскія пораженія и уступка Смоленска.

Что касается набѣговъ татаръ, то средства защиты противъ нихъ состояли изъ замковъ и обыкновеннаго войска—земянъ. Замки, особенно королевскіе, отличались крайней бѣдностью. За исключеніемъ Луцка и Кременца, всѣ королевскіе южно-русскіе замки были деревянные, артиллерія крайне плоха и малокалиберна (ядра были величиною съ гусиное яйцо). Въ 1542 г., въ Луцкѣ и Владимірѣ было по одной пушкѣ и только въ Кременцѣ двадцать двѣ. Постояннаго войска въ замкахъ не было, за исключеніемъ сотни «черкасъ» и то только въ нѣкоторыхъ; замки охранялись 2—3 сторожами, которые всегда ухит-

---

[378]) Bal. i Lip. Polska Star. III, 514.

[379]) Arch. Sang. III, 191—192.

[380]) П. С. Р. Л. IV, 293; Никон. лѣт. VI, 222; Gwagnin, 90; Bielski, л. 299.

рялись прозѣвывать татаръ. Только частные замки: Ровно, Дубно, Острогъ, Збаражъ, Заславъ, Вишневецъ были хорошо укрѣплены [381]).

Не лучше были и войска. На защиту замка сходилась милиція—мѣщане, ремесленники и крестьяне; боевое достоинство ихъ говоритъ само за себя. Что-же касается полевой, такъ сказать, военной силы, то она набиралась изъ каждой земли отдѣльно. Если татары шли на Галицію, волыняне спокойно сидѣли дома, пока не приходилъ королевскій указъ, или, какъ было въ нашъ періодъ, не собиралъ земянъ Константинъ Ивановичъ по своей иниціативѣ. Равно галичане не спѣшили на помощь волынянамъ и только король посылалъ личную свою дружину,—дворянъ. Тоже было и на московскомъ рубежѣ. Кромѣ того, такая обширная и богатая земля, какъ Волынь, поставляла въ 1528 году всего 784 конныхъ ратника [382]), а Константинъ Ивановичъ Острожскій со всѣхъ своихъ громадныхъ имѣній ставилъ только 426 всадниковъ [383]). Да и эти правила и нормы были узаконены только въ 1528—1529 г. г. когда оказалось, что Литва крайне слаба въ военномъ отношеніи. Только тогда было рѣшено, что каждый долженъ ставить на войну одного коннаго человѣка съ 8 службъ людей, считая за одну службу одну уволоку (почти 20 десятинъ земли); владѣвшіе же меньшимъ количествомъ ставили ратника въ складчину [384]).

Такое же неустройство было и въ финансовой сферѣ. Для найма и содержанія войскъ король долженъ былъ сплошь и рядомъ закладывать свои замки, свое имущество, котораго все равно не хватало на войско [385]).

---

[381]) Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI ст. Кіевъ, 1890; Библ. Иностр. пис. о Р. I, 20—22 (отзывъ Контарини). По описи Кременецкаго замка въ 1480 г. значатся: 4 больш. пушки, 6 малыхъ и 1 пищаль (Акты Ю. З. Р. II, 110). Изъ частныхъ замковъ выдавались Дубенскій и Острожскій. См. Вол. Еп. Вѣд. 1880, часть неоффиціальная, стр. 1266.

[382]) Акты Вил. Арх. Ком. XIII, 18—21.

[383]) Boniecki. Pocz. rod., 322.

[384]) Акты З. Р. II, 187—188 и Daniłowicz, Skarbiec., II, № 2309, стр. 301—303.

[385]) Въ 1515 г. король занялъ у подскарбія дворнаго (соотвѣтствовалъ министру финансовъ), Аврама Езофовича 4000 копъ гр. подъ залогъ Брестской соляной и восковой таможни; въ 1518 г. у Ю. Н. Радивила 600 к. гр. и 300 червонцевъ подъ залогъ Мейшаголы; въ 1522 г. у него же 3000 копъ

Только съ 1528-30 г. г. цѣлымъ рядомъ узаконеній былъ установленъ сборъ на военныя надобности: съ городовъ на войска 3086 копъ грошей, ордынщины 961 копа, съ жидовъ 1000 копъ, съ землевладѣльцевъ по 11 грошей и $2^1/_2$ пѣнязя со службы (уволоки), равно съ духовныхъ, королевскихъ и церковныхъ земель, или же, при отбываніи натурою, по одному вооруженному всаднику съ 8 службъ [386]).

Но слабость Литвы не ограничивалась этимъ. Въ 1515 г. умерла королева Варвара, святая женщина на престолѣ. По политическимъ расчетамъ Сигизмундъ въ 1518 году женился на Бонѣ Сфорца, слишкомъ извѣстной своими похожденіями, чтобы о ней говорить подробно. Лѣтописцы сплошь и рядомъ жалуются на ухудшеніе съ этого времени нравовъ, хотя привязываютъ это къ какому-нибудь случайному событію, напр., къ смерти Варвары. Теперь, по ихъ словамъ, пришли на Польшу неудачи; мелкія военныя и фискальныя должности, составляющія силу войска, занимаютъ армяне и жиды. Жиды повсюду, но на войну они не идутъ. Одно утѣшеніе въ усиленіи казачества на Украинѣ.. [387]).

При такомъ тяжеломъ и затруднительномъ положеніи Литвы, у Сигизмунда, кромѣ Москвы и татаръ, оказался третій врагъ, великій магистръ, сдѣлавшій, при денежномъ пособіи отъ Василія III, вторженіе въ Жмудь (въ 1519 г.) и тѣмъ положившій начало четырехлѣтней войнѣ

подъ залогъ Гродны и 2000 подъ гродненскія имѣнія и т. д. Все это дѣлается съ согласія и даже совѣта рады—Зельверовичъ, Лит. Метр., стр. 19—24 и Daniłowicz, II, № 2283 и 2289, стр. 295.

[386]) Акты З. Р. II, 203—206; 216—217. Выходило, что города и жиды вмѣстѣ едва выставляли 5000-ый отрядъ. Интересно сравнить финансы Литвы этого времени съ финансами 1542 г., когда подскарбій земскій представилъ отчетъ за 6 лѣтъ и 4 мѣсяца:

Приходъ:			
Обычный	171043 к.	36 гр.	4 пѣн.
Серебщизны	80289 к.	40 гр.	8 пѣн.
	251333 к	17 гр.	2 пѣн.
Расходъ:			
Изъ обычныхъ доходовъ	141543 к.	58 гр.	3 пѣн.
» серебщизны	51902 к.	42 гр.	5 пѣн.
	193446 к.	30 гр.	8 пѣн.

Остатокъ—36866 копъ, 36 гр., 4 пѣн. Акты З. Р. II, 386.

[387]) Bielski, 297 на об.—298 и др.

Польши съ орденомъ. Не удивительно, что Сигизмундъ былъ въ крайнемъ затрудненіи и просилъ чрезъ кардинала Медичи какой-либо помощи у папы противъ татаръ, ордена и Москвы,—«въ виду крайне тяжелыхъ обстоятельствъ [388])». Не смотря на пораженіе магистра въ Жмуди Ю. Н. Радивиломъ и на распаденіе ордена, такъ какъ Платтенбергъ, ливонскій магистръ, остался вѣренъ Литвѣ, Сигизмундъ охотно принялъ предложенія Василія III (шедшія чрезъ боярина Григорія Ѳеодоровича и Н. Н. Радивила) и послалъ въ Москву пословъ, которые опять не сошлись на Смоленскѣ, но заключили перемиріе съ 1 сентября 1520 г. до великаго заговѣнья 1521 года, то есть срокомъ почти на шесть мѣсяцевъ [389]).—

Печальныя внутреннія и внѣшнія обстоятельства принудили Сигизмунда стараться заключить миръ съ Москвою. Но уже въ слѣдующемъ, 1521 году, обстоятельства перемѣнились: великій магистръ былъ побѣжденъ, а Москва разорена татарами. Сыновья Менгли-Гирея заняли столы казанскій и крымскій. Союзъ между братьями повлекъ за собою крайне опустошительный набѣгъ на Москву, въ 1521 году, крымскаго хана Магметъ-Гирея, котораго сопровождалъ Евстафій Дашковичъ съ днѣпровскими казаками. Москва, давно уже не видавшая непріятеля подъ своими стѣнами, въ страхѣ уплатила окупъ; великій князь бѣжалъ въ Волокъ; Россія была страшно разорена; число выведенныхъ плѣнниковъ молва доводила до 800.000. Понятно, что Москва уже не думала о наступательной войнѣ противъ Литвы и сильно желала мира, опасаясь еще новаго набѣга, такъ какъ Сигизмундъ велъ переговоры съ ханомъ о возстановленіи на престолѣ бывшаго рязанскаго князя Ивана Ивановича. Начались новые переговоры. Опять Литва не могла согласиться на уступку Смоленска, безмездный отпускъ плѣнныхъ и опять, послѣ долгихъ споровъ, 14 сентября 1522 года, было заключено пятилѣтнее перемиріе и Смоленскъ оставленъ за Москвою. Но и послѣ этого обезсиленныя стороны продолжили перемиріе еще на 6-ть лѣтъ—до 1533 года, а затѣмъ еще на одинъ годъ [390]).

[388]) Teiner. Vet. Mon. II, 408.

[389]) Bielski, 299 л.; Szujski, Hist. Pol. . . . 171; Соловьевъ V, 363—364. Акты З. Р. II, 131—134. Скучнѣйшія пересылки и перебранки посольства 1520 года.—Сборн., 547—596.

[390]) Соловьевъ, V, 364—370; Сборникъ XXXV, 637—641 и 727—731; Карамзинъ, VII, 108—119. Акты З. Р. II, 131—146 и др.

Такъ закончилась полустолѣтняя кровавая и безкровная борьба Литвы съ Москвою, представляющая собою первый періодъ расширенія Москвы за счетъ Литовско-русскаго государства. Начало ея относится ко временамъ Казиміра, когда мелкіе удѣльные князья—Воротынскіе, Одоевскіе, Мезецкіе и др. начинаютъ поддаваться Москвѣ, а Литва, слабая вслѣдствіе отсутствія вѣрной правительственной программы, слишкомъ яснымъ сознаніемъ своей слабости, навлекаетъ на себя три войны съ Москвою. Первыя двѣ (1492—94 г. и 1499—1503 г.) окончились полнымъ пораженіемъ Литвы, третья (1507—1521 г.) велась съ перемѣннымъ счастіемъ. Энергія Сигизмунда и талантливость Острожскаго сильно затруднили успѣхи Москвы. Взятіе Смоленска не приступомъ, а обложеніемъ и содѣйствіемъ русской партіи и полное пораженіе московскихъ войскъ подъ Оршей, показываетъ, что Москва была сильна только условною слабостью Литвы, своей энергіей, цѣльностью государственной идеи и твердостію государственнаго строя. Взаимная борьба ослабила враговъ и война, въ началѣ столь удачная для московской Руси, оканчивается сама собой, оставляя для Москвы Смоленскъ, часть губерній: Курской, Черниговской, Орловской, Калужской, Тульской, Могилевской, Витебской и Псковской.

Война утихла. Острожскій, въ талантахъ котораго уже не было надобности, посвятилъ себя почти исключительно хозяйственной дѣятельности, которая вообще играла видную роль въ его жизни. Время и люди въ ту пору были таковы, что скопидомничество являлось ихъ характеристичной чертой. Громаднѣйшія богатства литовско-польскихъ родовъ обязаны своимъ началомъ именно этой эпохѣ. Не говоря о государственномъ скопидомничествѣ Іоанна III и Василія III, вспомнимъ, откуда началось богатство кн. Острожскихъ, Сангушковъ, Радзивилловъ, Потоцкихъ, Конецпольскихъ, Хребтовичей, Огинскихъ и др.

Константинъ Ивановичъ былъ сыномъ своего вѣка и, какъ мы видѣли, съ самыхъ первыхъ шаговъ государственной дѣятельности литовскаго гетмана идетъ и хозяйственное усиленіе его. Всѣ свободныя деньги онъ употребляетъ на расширеніе своихъ владѣній, прекрасно сознавая, что значитъ богатство вообще и особено въ Литвѣ его времени, когда король постоянно нуждался и, задолжая, платилъ вмѣсто

процентовъ чинами и доходными должностями [391]). За періодъ 1513—1530 г. г., т. е. за то время, когда Константинъ Ивановичъ получилъ наслѣдство послѣ княгини Маріи Ровенской и когда, вслѣдствіе этого, имущественное положеніе его было сравнительно блестящимъ, онъ непрерывно прикупаетъ себѣ имѣнья: 21-го іюля 1513 года Константинъ Ивановичъ пріобрѣтаетъ себѣ, впрочемъ съ правомъ выкупа, имѣнія Чартолѣсцы и Сельцо за 100 копъ грошей; 6-го мая 1514 года на тѣхъ же основаніяхъ Березовщину и Жизниковцы за 50; 4-го апрѣля 1515 года прикупаетъ землю къ имѣнію Свираны; 4-го октября того-же года покупаетъ имѣніе Тарасово за 600 копъ полугрошиковъ. Около этого-же времени Острожскій выкупаетъ заложенныя родовыя имѣнія—Новоставцы и Ильинъ, данныя дѣдомъ при выдачѣ за Паца дочери—Екатерины Васильевны. 22-го сентября 1520 г. покупаетъ дворъ въ Минскѣ за 400 («20 копъ по 200 пѣнязей въ грошъ») копъ и домъ Иванцевичей въ Вильнѣ за 100 копъ; 4-го января 1521 г. имѣніе Теплены (Игум. у.) за 150 к.; 24-го декабря—третій домъ въ Вильнѣ у Ѳеод. Богдан. Хребтовича за 150 к., въ то же время покупаетъ прилегающую къ Тарасову землю; въ началѣ 1522 г.—им. Волкошевъ и Вознесеніе и т. д.

Послѣ подтвержденія королемъ всѣхъ послѣднихъ покупокъ (15-го апрѣля 1522 г.), Константинъ Ивановичъ покупаетъ у Иванцевича четвертый домъ въ Вильнѣ за 100 копъ, а у митрополита Іосифа имѣніе Прилѣпы. Около этого-же времени Острожскій купилъ за 300 к. гр. Сатыевъ съ приселками [392]); 23-го октября 1523 г.—им. Росоловцы за 50 копъ и землю около Пашкишекъ за 8; 16-го мая 1524 года с. Осоку за 200 копъ; 26-го марта 1525 г, и 29-го августа 1526 г. Острожскій пріобрѣтаетъ отъ воеводича полоцкаго, Яна Стан. Глѣбовича, Деревно, Островно (Могил. губ. Сѣнн. у.) и Низголовъ (нынѣ Лепельск. у.) изъ которыхъ одинъ Низголовъ стоилъ 600 копъ полугрошиковъ. Послѣднее пріобрѣтеніе Константина

---

[391]) Еврей Абрамъ Езофовичъ, напр., былъ сдѣланъ подскарбіемъ земскимъ; Юр. Ник. Радивилъ—старостой гродненскимъ; большая часть мелкихъ староствъ и «державъ» отдавалась за деньги.

[392]) 18-го декабря 1528 г. Янъ Ян. Довойновичъ жаловался на Острожскаго, что тотъ захватилъ Сатыевъ силою, но Конст. Ив. предъявилъ купчую и Довойновичу отказано въ искѣ въ далеко не вѣжливыхъ выраженіяхъ—Л. М., Кн. Судн. дѣлъ, IV, 219—220.

Ивановича было самымъ крупнымъ: 16-го февраля 1529 года онъ купилъ имѣніе Романовъ за 1000 копъ, причемъ деньги были выплачены сразу; 25-го октября того-же года Острожскій пріобрѣлъ отъ Гринковичей-Воловичей им. Храпинъ около Турова. Храпинъ, по сознанію самихъ продавцовъ, былъ данъ Константину Ивановичу вмѣстѣ съ Туровомъ, почему они были очень благодарны, что Острожскій не только не отнялъ у нихъ это имѣніе, но «великодушно» далъ за него 70 копъ и «одамашку на шаты [393])».

Понятно, что такія пріобрѣтенія, помимо многочисленныхъ королевскихъ наданій, требовали большого труда и хлопотъ по управленію; съ другой стороны, громадныя богатства рѣдко бываютъ чисты отъ упрековъ и тѣни, когда обращается вниманіе на самые способы ихъ пріобрѣтенія. Не чуждъ этихъ упрековъ и безупречный въ остальномъ Константинъ Ивановичъ Острожскій. Помимо довольно частыхъ выпрашиваній у короля, онъ пользовался стѣсненнымъ положеніемъ владѣльцевъ. Такъ пріобрѣталъ Острожскій Чернолѣсье, Сельцо и Вознесеніе. Владѣлица послѣдняго должна была продать свое, очевидно, послѣднее имѣніе для выкупа изъ татарскаго плѣна своей матери. Такимъ же образомъ было пріобрѣтено имѣніе Жизневцы [394]), хотя Константинъ Ивановичъ выкупилъ его владѣльца, Прусскаго, по своей инціативѣ. Конечно, это не вина Константина Ивановича, но все-же какъ-то непріятно откровенное обозначеніе этой причины въ продажныхъ актахъ. Источники свидѣтельствуютъ и о другихъ, не вполнѣ нравственныхъ средствахъ, какія употреблялъ Константинъ Ивановичъ для увеличенія своего богатства. Относительно удержанія имъ за собою имѣній сестры, вышедшей за Вишневецкаго, мы говорили выше (прим. 354). Иногда Константинъ Ивановичъ не по праву захватывалъ силою чужихъ людей [395]), допускалъ захваты земли, обиды и т. д. [396]). Но слѣдующій фактъ является

---

[393]) Объ имущественныхъ пріобрѣтеніяхъ см. Arch Sang. I, 95—96—97; III, 102—103. 112—113. 114. 125. 127—128. 131—133. 136—137. 200. 204—206. 212—218. 226—230. 232—233. 238. 245. 253—254. 257. 265—266. 268—270. 289—291. 345—346. 352—353. Въ Низголовѣ Острожскому было разрѣшено построить замокъ и брать мыто на р. Улѣ.—Л. М., Кн. Зап. XII, 336.

[394]) Arch. Sang. I, 217—218. 369.

[395]) Arch. Sang. IV. 577.

[396]) Объ обидахъ имѣнью Ходкевичей—Кнегининскому см. Акты Ю. З. Р. I. 137—138.

самымъ некрасивымъ, возбуждавшимъ противъ Константина Ивановича много нареканій.

У Ивана Юрьевича Заславскаго, двоюроднаго брата гетмана, былъ слабоумный братъ Андрей. Иванъ, которому Константинъ Ивановичъ выпросилъ нѣсколько королевскихъ наданій, умирая, поручилъ свою семью гетману, который принялъ къ себѣ и Андрея. Пользуясь слабоуміемъ послѣдняго, Острожскій, «яко панъ моцный [397])», выдѣлилъ князю Андрею его треть въ заславскихъ имѣніяхъ и убѣдилъ его дать запись, по которой эта треть, по смерти Андрея, переходила къ Ильѣ Константиновичу Острожскому.—Фактъ некрасивый. Но тѣнь, наброшенная имъ на свѣтлую личность князя Константина Ивановича, нѣсколько ослабляется слѣдующими соображеніями.

Обратимъ вниманіе на обстоятельства, при которыхъ князь Андрей Заславскій далъ запись, и на самое содержанія ея. Въ ноябрѣ 1520 года Константинъ Ивановичъ принималъ у себя въ Дятловѣ самыхъ блестящихъ гостей: митрополита Іосифа, воеводу троцкаго Альбрехта Март. Гаштольда, марш. земскаго Яна Николаевича Радивила, воеводу полоцкаго Петра Станиславовича Кишку, князя Полубенскаго, нѣсколькихъ князей Заславскихъ и мн. др. И вотъ князь Андрей Юрьевичъ Заславскій, 28 ноября, съ вѣдома всѣхъ гостей, усыновляетъ сына Константина Ивановича, Илью, и записываетъ ему треть своей части въ Заславѣ и во всѣхъ отчинныхъ имѣніяхъ, мыто въ Острогѣ, Заславлѣ, Луцкѣ и всѣ благопріобрѣтенныя имѣнія [398]). Самъ бездѣтный, князь Андрей, по обычаямъ того времени, иначе и не могъ передать Константину Ивановичу своихъ имѣній, чтобы не возбудить безконечной тяжбы со стороны своихъ прямыхъ наслѣдниковъ [399]).

Мы сомнѣваемся, чтобы такая свѣтлая личность, какъ митрополитъ Іосифъ, могъ дѣятельно участвовать въ этомъ грязномъ дѣлѣ, равно

---

[397]) такъ передаютъ факты враги фамиліи Острожскихъ. Arch. Sang. III, 449—451 и 463.

[398]) Arch. Sang. III. 201—202.

[399]) Аналогичный случай былъ раньше, въ 1517 г. Земянинъ Зубовичъ, желая передать права на свои имѣнья даровитому князю Роману Андреевичу Сангушкѣ, усыновилъ его. Послѣ смерти князя Романа, престарѣлый отецъ его, Андрей Александровичъ, убѣдилъ Зубовича усыновить и его. Arch. Sang. III. 156.

какъ и прочіе гости—свидѣтели. Сомнѣніе возбуждается и тѣмъ, когда и кѣмъ заявлено это свидѣтельство. Оно заявлено въ 1546 г., чрезъ 16 лѣтъ послѣ смерти Константина Ивановича, Богданомъ Θеодоровичемъ Корецкимъ, Андреемъ Михайловичемъ Коширскимъ и др. кажется, весьма враждебными Константину Ивановичу и особенно Беатѣ, вдовѣ Ильи Константиновича, по дѣлу которой и дано ими это показаніе. Изъ лицъ, близкихъ къ Константину Ивановичу, не было ни одного. Не видно также, чтобы и Кузьма Ивановичъ Заславскій воспользовался этимъ показаніемъ,—по крайней мѣрѣ оно не было принято во вниманіе при разборѣ дѣла королемъ....

Если пріобрѣтеніе имѣній наводитъ нѣкоторую тѣнь на личность Константина Ивановича Острожскаго, то въ дѣлахъ по управленію имѣньями онъ является въ замѣчательно хорошемъ свѣтѣ. Такъ, Константинъ Ивановичъ получилъ Ростоки и Порѣчье по наслѣдству отъ С. Ю. Гольшанскаго; между тѣмъ эти имѣнья оказались спорными. По суду съ Болбасовичемъ, Острожскій былъ признанъ законнымъ владѣтелемъ, но видя, что Болбасовичъ отъ этого дѣлается почти нищимъ, Константинъ Ивановичъ уступилъ ему имѣнье подъ условіемъ военной службы къ Острогу [400]).

Въ 1514 году сосѣдка Здѣтела, Бартошевичъ, наслала на нѣманскій паромъ Острожскаго своихъ людей, которые ограбили здѣтельскихъ рыбаковъ, порубили паромъ и побили много людей. Острожскій, имѣвшій королевскую грамоту на право держать паромъ, не отвѣтилъ обычнымъ тогда, а для него особенно сподручнымъ, насиліемъ, но только пожаловался королю [401]). Въ 1520 г. Константинъ Ивановичъ просилъ свою сестру княгиню Заславскую, удержать ея подданныхъ отъ нанесенія «кривдъ» Кузьминскимъ имѣніямъ его и только тогда, когда замѣчательно вѣжливое письмо его не было принято во вниманіе, приказалъ своимъ людямъ отвѣчать тѣмъ-же [402]). Не смотря на это, когда та-же Заславская пожаловалась Константину Ивановичу, что его подданные рубятъ ея лѣсъ и пасутъ скотъ на ея землѣ, Острожскій въ предупредительныхъ выраженіяхъ отвѣчалъ княгинѣ, что всѣ ея убытки будутъ немедленно

---

[400]) Arch. Sang. III. 137—138.

[401]) Ibid. 117—118.

[402]) Ibid. 195—197.

удовлетворены [403]). Такъ-же отнесся Константинъ Ивановичъ къ жалобѣ «плебана» новгородскаго, когда княжескіе подданные надѣлали много порубокъ въ спорной Стволовичской пущѣ [404]).

Отношенія его къ своимъ подданнымъ были весьма хороши: онъ освобождалъ ихъ отъ королевскихъ платежей, строилъ имъ церкви и не давалъ ихъ въ обиду. Понятно, почему жители Полоннаго указывали на правленіе Острожскаго, какъ на образцовое [405]); понятно также, почему подданные другихъ богатыхъ вельможъ бѣжали во владѣнія Константина Ивановича и добровольно не соглашались уходить отъ него къ прежнимъ владѣльцамъ, что даже возбуждало жалобы [406]).

Понятно, что такая мягкость и миролюбіе снискали Константину Ивановичу общее расположеніе и еще болѣе увеличивали его матеріальное благосостояніе. Такъ, братъ жены Константина Ивановича, латинскій луцкій бискупъ Павелъ, первый ренегатъ изъ рода князей Гольшанскихъ и послѣдній мужской представитель рода, уступилъ Константину Ивановичу свою часть въ Гольшанахъ, Шешолахъ, Глускѣ и Романовѣ, а потомъ еще отвелъ ему плацъ въ Гольшанахъ для постройки дома [407]).—

---

[403]) Arch. Sang. III, 203.

[404]) Стволовичи получены Константиномъ Ивановичемъ послѣ смерти княгини Ровенской; это имѣніе доставило много хлопотъ его сыну, Ильѣ, вслѣдствіе суда за него съ князьями Чарторыйскими.—Вил. Центр. Арх. № 12806, л. 171—178. Въ 1595 году Стволовичи отъ Чарторыйскихъ и Боговитиновъ-Шумборскихъ перешли къ Николаю Христофору Радивилу, за 20000 копъ грошей.

[405]) Arch. Sang., I, 146.

[406]) Лит. Метр. кн. Зап., XIV, 44.

[407]) Arch. Sang. III, 158—187 и 204. Королевское подтвержденіе послѣдовало 16 сент. 1521 г.—Л. М., кн. Зап., XI, 56—57; Arch. Sang. III, 193—194.

Глава V.

Назначеніе Острожскаго воеводой троцкимъ. Разборъ сказанія объ этомъ А. Кояловича. Положеніе православной церкви во вторую половину жизни Острожскаго. Отношеніе къ православію короля. Роль Константина Ивановича въ дѣлахъ церкви. Забота его объ юридическомъ положеніи православія и обезпеченіе церквей. Религіозно-нравственное состояніе западно-русскаго общества. Послѣднія свѣдѣнія о Константинѣ Ивановичѣ. Битва на Гольшаницѣ. Вопросъ о времени смерти Константина Ивановича. Характеристики и послѣсловіе.

Пока происходили вышеизложенныя событія, въ составѣ высшаго литовскаго правительства произошли весьма важныя перемѣны. Умеръ воевода троцкій Григорій Станиславовичъ Остиковичъ и его мѣсто заняль Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ; въ концѣ 1521 года умеръ и Н. Н. Радивиловичъ, воевода виленскій и канцлеръ В. К. Л., слишкомъ столѣтнимъ старцемъ, послѣ шестидесяти-лѣтняго служенія воеводою смоленскимъ, троцкимъ и виленскимъ, 25-го февраля 1518 года лично возведенный въ достоинство князя Римской имперіи. Освобождался высшій урядъ въ Литвѣ и являлся вопросъ, кто его займетъ. Высшее мѣсто въ ряду свѣтскихъ сановниковъ, послѣ смерти Радивила, занималъ Константинъ Ивановичъ Острожскій, панъ виленскій, гетманъ наивысшій В. К. Л. [408]). Повидимому Константинъ Ивановичъ былъ первымъ кандидатомъ, какъ по чину, такъ и по заслугамъ; но онъ былъ православный, которымъ по уніи 1401 и 1413 г. г. нельзя было давать высшихъ должностей, и главное,—гетманомъ, т. е. часто принужденъ бывать въ походахъ, отлучкахъ, тогда какъ урядъ воеводы виленскаго требовалъ постояннаго

[408]) Помимо подписей на грамотахъ, каштелянство виленское по чести всегда считалось выше воеводства троцкаго.—См. уставъ объ этомъ Люблинской уніи 1569 г., гдѣ литовскіе уряды расположены въ такомъ порядкѣ: епископы, воевода виленскій, кашт. виленск., воевода троцкій, кашт. троцкій, стар. жмудскій, воеводы: кіевскій, волынскій, полоцкій, новгородскій и т. д. Cromerus, Polonia, sive de situ, populis . . . Coloniae 1578, pag. 208—210.

пребыванія или при особѣ короля, или во главѣ рады, почему соединялся съ званіемъ канцлера.

Этотъ вопросъ и долженъ былъ рѣшиться на гродненскомъ «вальномъ» сеймѣ 1522 года. Дѣйствительно: мы видимъ, что Константинъ Ивановичъ Острожскій, 8 марта подписавшійся паномъ виленскимъ, 11 и 15 марта подписывается уже воеводою троцкимъ [409]). Такая перемѣна очевидно была вызвана тѣмъ, что Сигизмунду было трудно дать Константину Ивановичу воеводство виленское, какъ по возможному сопротивленію рады, завидовавшей быстрому возвышенію православнаго и русскаго князя, такъ и несовмѣстимостью, въ тѣ времена, гетманства съ этимъ урядомъ [410]). Съ другой стороны, каштелянія виленская была уже пустымъ звукомъ, не имѣла смысла существованія; каштелянъ виленскій, именовавшійся тогда «паномъ виленскимъ», пользовался почетомъ, но не имѣлъ ни силы, ни власти. Понятно, что возведеніе въ санъ воеводы троцкаго, управлявшаго громадною областію, имѣвшаго дѣйствительную власть, большіе доходы,—было настоящимъ повышеніемъ, тѣмъ болѣе, что Константинъ Ивановичъ, въ виду его особыхъ заслугъ, сохранилъ первенство въ литовской радѣ до конца своей жизни. Такимъ образомъ, возведеніе Константина Ивановича въ званіе воеводы троцкаго, а не виленскаго, объясняется довольно просто. Нѣкоторое затрудненіе представляетъ подпись Константина Ивановича на подтвердительной грамотѣ Полозовичу на им. Теребенское: панъ виленскій, воевода троцкій, гетманъ наивысшій и т. д. Но и эта подпись ничего не говоритъ противъ нашего объясненія, такъ какъ мы ее считаемъ просто опиской: во первыхъ, никогда подобные уряды не соединялись въ одинъ; во вторыхъ, паномъ виленскимъ послѣ Константина Ивановича сдѣлался Станиславъ Яновичъ Гаштольдъ, староста жмудскій, въ третьихъ, грамота эта не имѣетъ точной хронологической даты [411]). Равнымъ образомъ и упомяну-

---

[409]) Акты З. Р. II, 136; Зельверовичъ, Лит. Метрика 24; Вил. Центр Арх. № 12803, л. 47.

[410]) Пока значеніе гетмана было не титуломъ только и обстоятельства требовали отъ государства постоянной готовности къ войнѣ, это званіе не соединялось со званіемъ воеводы виленскаго, какъ свѣтскаго предсѣдателя рады, необходимаго всегда при королѣ. Впервые званіе гетмана соединяется со званіемъ канцлера и воев. виленскаго послѣ Люблинской уніи (Ник Юрьев. Радивилъ и его сынъ Христофоръ).

[411]) Стоитъ: Гродна, 1524 г. 30-го марта, инд. 10. Годъ переправленъ;

тая подпись воеводой троцкимъ 11-го марта была нѣсколько поспѣшною: по крайней мѣрѣ оффиціально 15-го марта 1522 г. Константинъ Ивановичъ былъ еще «паномъ виленскимъ [412])».

Формальное назначеніе Константина Ивановича на урядъ воеводы троцкаго и перваго свѣтскаго вельможи послѣдовало 25-го марта. При этомъ выставлены всѣ заслуги Константина Ивановича тремъ королямъ и назначеніе на данный урядъ, съ полными правами и юрисдикціей, выставляется только, какъ нѣкоторая награда; характерно добавленіе: «Et insuper, quia post egregiam de Basilio, duce Moscoviae, victoriam, quae illius ductu et auspicio, nobis feliciter obligaret, ipsum de consilio et consensu nostrorum consiliariorum in primo et insigniori loco inter saeculares consiliarios nostros constituimus... [413])». За этимъ слѣдуютъ подписи всей рады.

Мы потому останавливались на вопросѣ о возведеніи Константина Ивановича въ званіе воеводы троцкаго, что въ польской и нашей исторической литературѣ господствуетъ слѣдующее мнѣніе: когда король захотѣлъ дать Острожскому этотъ урядъ, паны сильно протестовали, ссылаясь на постановленія Городельской уніи, запрещавшей некатоликамъ занимать мѣста въ радѣ. Король долго убѣждалъ пановъ—раду согласиться на принятіе Константина Ивановича въ число своихъ членовъ, самъ Острожскій будто бы отказывался отъ этой чести, чтобы не ставить короля въ неловкое положеніе; наконецъ рада согласилась принять Константина Ивановича въ свою среду, но только въ видѣ исключенія, заручившись грамотою Сигизмунда, что онъ и его преемники не будутъ больше вводить въ раду православныхъ пановъ, чтó заставила подтвердить и въ 1529 г. Такой взглядъ, повторяемъ, почти общій, исключенія рѣдки [414]).

индикту не соотвѣтствуетъ. См. Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ . . . Вильна 1867 г., стр. 109.

[412]) Вмѣстѣ съ Гаштольдомъ, воеводою троцкимъ, ходатайствуетъ предъ королемъ за княгиню Корецкую, по дѣлу ея съ Гостскимъ о подводахъ для гонцовъ. Arch. Sang. III, 219—220.

[413]) Arch. Sang. III, 220—222. Русскій переводъ: «И сверхъ того, такъ какъ послѣ блестящей побѣды надъ Василіемъ, княземъ Московскимъ, которую онъ, благодаря своему предводительству и распоряженіямъ, намъ счастливо доставилъ, мы, по совѣту и согласію нашей рады, поставили его на первомъ и высшемъ мѣстѣ среди свѣтскихъ чиновъ».

[414]) Kojałowicz, Miscellanea . . . 48; Historia Lituaniae II, 380; Nar-

Указанный взглядъ на возведеніе Острожскаго въ званіе троцкаго воеводы имѣетъ важное значеніе: онъ даетъ неправильную окраску всей эпохѣ и нѣкоторые изъ цитованныхъ авторовъ на основаніи этого факта говорятъ о преслѣдованіи православныхъ—(М. О. Кояловичъ) въ то время, а другіе—о стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ ихъ правъ за религіозныя убѣжденія. Въ видахъ возможнаго выясненія исторической истины, попытаемся сдѣлать подробную оцѣнку вышеизложеннаго мнѣнія.

Насколько мы могли прослѣдить исторію этого, крайне неправильно характеризующаго эпоху, мнѣнія, оно имѣетъ первоисточникомъ сказаніе іезуита Альберта Вуика Кояловича и впервые появилось въ пол. XVII столѣтія сначала въ формѣ легкаго поясненія къ грамотѣ, изъ подъ пера іезуита Скарги, а потомъ, уже въ формѣ достовѣрнаго и обстоятельнаго разсказа, у іезуита-же Кояловича.

Прежде разсмотримъ на чемъ основывалось мнѣніе Скарги. До насъ дошли двѣ разнородныя грамоты о назначеніи Константина Ивановича Острожскаго на урядъ воеводы троцкаго: первая, приведенная нами въ приложеніи, подъ № 5, а другая—въ Архивѣ Сангушковъ [415]). Нельзя сомнѣваться въ подлинности той и другой грамоты: первая—универсалъ, вторая,—частная, съ новымъ элементомъ—предоставленія первенства чести,—только дополняетъ и разъясняетъ первую.

Но, признавая подлинность грамоты, изданной Скаргою, мы не можемъ допустить тѣхъ выводовъ, которые дѣлаетъ издатель. Все содержаніе грамоты можетъ быть изложено въ слѣдующихъ пунктахъ: а) привилеи Ягайлы и Витовта воспрещаютъ предоставленіе высшихъ

butt. Dzieje nar. Lit. IX, 158—160; Niesiecki, Herbarz Polski, VII, 181—182; Harasiewicz, Annales Ecclesiae Ruthenicae, Leopoli 1862, pag. 28, nota 2; Собр. др. гр. гор. Вильны . . . предисловіе, стр. XLVI; Максимовичъ, Собр. соч. I, 196—197; М. О. Кояловичъ, Чтенія по исторіи Зап. Р., изд. IV, СПБ. 1884, стр. 152; Кіевск. Ст. 85, I, 45 (въ статьѣ «Очеркъ исторіи Юго-Зап. Россіи); Батюшковъ, Волынь, 102 (мнѣніе проф. Петрова). Всѣ эти писатели твердо держатся разсказа Вуика Кояловича. Максимовичъ нѣсколько сомнѣвается (I, 174); Митр. Макарій вѣритъ наполовину (IX, 211—212). Одинъ Зубрицкій рѣшительно отрицаетъ фактъ въ поіезуитской передачѣ его. Галицкая Русь въ XVI столѣтіи, въ Чтеніяхъ Общ. И. и Др. Р. 1862, III, стр. 20, прим. 35.

[415]) См. прим. 413.

должностей православнымъ; б) заслуги Острожскаго, просьбы рады литовской и польской, *освобожденіе короля литовскими вельможами на этотъ разъ отъ обязательствъ слѣдовать привилею и занятіе Острожскимъ уряда пана виленскаго*; в) заставляютъ Сигизмунда предоставить воеводство троцкое Острожскому; г) но это не должно служить прецедентомъ на будущее время и д) король обязуется на будущее время не давать подобныхъ урядовъ православнымъ *«безъ совѣта со старшими панами»*.

Сопоставляя содержаніе этой грамоты съ вышеуказаннымъ фактомъ подписи Константина Ивановича воеводою троцкимъ 11 марта, т. е., за 14 дней до официіальнаго назначенія, и съ королевскимъ назначеніемъ его паномъ виленскимъ почти за годъ до оффиціальной грамоты, мы можемъ сдѣлать то естественное предположеніе, что нодобныя дѣйствія короля вызвали оппозицію, но не противъ назначенія Константина Ивановича, а именно противъ самоуправства короля, нетерпимаго въ столь конституціонныхъ государствахъ, каковы Польша и Литва. Подтвержденіемъ нашему мнѣнію, кромѣ самой грамоты, служитъ тотъ фактъ, что, тогда какъ эта ограничительная грамота 1522 года дошла до насъ въ двухъ спискахъ (Скарги и отрывкахъ у Гарасевича на латинскомъ языкѣ),—тождественной ограничительной грамоты 1529 г., о которой говорятъ польскіе писатели, мы совершенно не имѣемъ и съ основательностію можемъ заподозрить даже ея существованіе когда бы то ни было. Ибо, если бы грамота была, то Скарга непремѣнно бы воспользовался ею, какъ очень цѣнннымъ вкладомъ въ свое изданіе.

Относительно Скарги ограничиваемся сказаннымъ и переходимъ къ детальному разбору сказанія Кояловича въ виду его обстоятельности и роли въ исторической литературѣ.

Недовѣріе къ означенному сказанію вызывается уже тѣмъ, что Кояловичъ не пользовался какими-либо особенными документами при написаніи исторіи нашего періода. Онъ считаетъ Острожскаго уніатомъ, обратившимся въ православіе только при митрополитѣ Іонѣ, и *доказываетъ* уніатство Константина Ивановичъ фактомъ построенія имъ Никольской и Пятницкой (??) церквей—въ память оршанской побѣды...

«Почему, разсказываетъ историкъ-іезуитъ, когда король Сигизмундъ I предложилъ ему, за счастливое управленіе военнымъ дѣломъ,

троцкое воеводство, то сильно возбудилъ противъ себя чины В. К. Литовскаго; они жаловались, что, вопреки установленіямъ своихъ предковъ, которыя онъ самъ подтвердилъ присягою предъ своимъ вокняженіемъ, онъ даетъ схизматикамъ магистратское и сенаторское достоинство. И жалобы чиновъ прекратились не прежде, чѣмъ они не исторгли отъ короля, при торжественномъ собраніи литовскихъ чиновъ въ Гроднѣ 1522 г. 25 марта, обѣщаніе, что никогда больше ни онъ самъ, ни кто-либо изъ его преемниковъ этого не сдѣлаетъ. Тоже обѣщаніе было затѣмъ повторено на Виленскомъ сеймѣ 1529 года [416])».

Помимо сказаннаго раньше, что вполнѣ приложимо и къ приведенному разсказу, въ послѣднемъ прежде всего поражаетъ 1) лживая принципіальная окраска: «почему», т. е. вслѣдствіе обращенія Острожскаго изъ уніи въ православіе,—когда даже папскій легатъ, Пизонъ, свидѣтельствуетъ, что Константинъ Ивановичъ всегда былъ строго православнымъ [417]); 2) затѣмъ, кто-же протестовалъ противъ личности гетмана? Не А. М. Гаштольдъ, самъ повышенный не по заслугамъ и только благодаря смерти Н. Н. Радивила Младшаго попавшій на мѣсто воеводы виленскаго, всегда стоявшій ниже Острожскаго и, кажется, его личный другъ [418]); не Радивиловичи, съ которыми Константинъ Ивановичъ заключалъ договоры о женитьбѣ своего сына Ильи [419]); не бискупъ Янъ, неспособный на какой-либо протестъ; не Боговитиновичъ и Ильиничъ, сами православные. Едва ли протестовали Я. Я. Заберезинскій и Стан. Ян. Гаштольдъ: первый былъ сдѣланъ маршалкомъ

---

[416]) Прилагаемъ подлинный текстъ: «Quare (т. е. вслѣдствіе перехода Константина Ивановича въ православіе) cum illi ob bellicam rem feliciter administratam Sigismundus I Rex Palatinatum Trocensem contulisset, non mediocriter contra se Ordines M. Ducatus Lituaniae concitavit, querebantur enim palam, quod contra majorum suorum sancita, quae ipse quoque jurejurando ante suam inaugurationem (? это при маршалковствѣ Глинскаго!) confirmaverat, schismaticis Magistratus atque senatoriam dignitatem conferret. Neque prius querelae ordinum publicae quiverentur, quam ab rege extorsissent solenne in generalibus ordinum Lituaniae Grodensibus anno 1522 Mart. 25 comitiis, promissum, neque se unquam deinceps, neque illum suorum successorum, id facturum. Idem deinde promissum repetiit anno 1529 in comitiis Vilnensibus». Miscellanea, 47—48.

[417]) См прим. 569.

[418]) Arch. Sang. III, 202 и 219—220.

[419]) Акты З. Р. II, 338—339 и прим. 120 на стр. 13

земскимъ, а второй, повышенный на мѣсто Константина Ивановича, сохранилъ свое званіе старосты жмудскаго, а это староство было доходнѣе троцкаго воеводства [420]). Кромѣ того необходимо замѣтить, что рѣшительнаго протеста и не могло быть въ виду крайне обостренной вражды между А. М. Гаштольдомъ и фамиліей Радивиловъ. Вражда доходила до того, что Гаштольдъ не хотѣлъ ѣхать на сеймъ и король едва могъ убѣдить враговъ соблюдать хотя внѣшній миръ [421]); 3) Быть можетъ Сигизмундъ и присягалъ Городельской уніи, не смотря на всю поспѣшность его вокняженія, быть можетъ православный М. Л. Глинскій, въ качествѣ маршалка, взялъ съ него клятву не допускать православныхъ въ раду и магистратъ,—допустимъ это, не смотря на всю неправдоподобность такихъ соображеній историка-іезуита, но не можемъ не назвать невозможною нелѣпостью подобныя рѣчи членовъ рады послѣ того, какъ Константинъ Ивановичъ по званію: а) гетмана, б) старосты луцкаго, в) маршалка волынской земли уже 20 лѣтъ былъ членомъ рады и, г) по званію пана виленскаго, *девять* лѣтъ занималъ въ ней второе свѣтское мѣсто [422]). А магистраты сплошь и рядомъ *всецѣло* занимали русскіе люди... У Зубрицкаго и преосв. Макарія (прим. 414) перечислены многочисленные православные члены рады съ 1440 года. Правда, православныхъ троцкихъ воеводъ не было, что объясняется обособленіемъ воеводства, какъ центра собственно литовской территоріи, но, по словамъ Кояловича, рада ставила общій вопросъ, а не частный. Кромѣ того историкъ іезуитъ забылъ, а быть можетъ, и не зналъ, что рада во многомъ отличалась отъ сената, котораго въ Литвѣ *не было* до 1562 года. Въ сенатъ не входили, напр., старосты, подчашіе, королевскіе секретари и т. п, очень часто составлявшіе раду короля въ нашъ періодъ [423]).

---

[420]) Станиславъ Яновичъ получилъ отъ короля привиллей на управленіе Жмудью до самой смерти или до перевода на другую должность.—Арх. Мин. Ин. Д., Отд. Лит., № 59; дата: Вильна, 22 іюля 1522 г.

[421]) Л. М., Кн. Судн. д., IV, 107.

[422]) Впервые Острожскій упоминается полноправнымъ членомъ рады 21-го мая 1499 года—Лит. Метр., Кн. Зап., VI, 265.

[423]) Иногда рада составлялась *только* изъ такихъ лицъ, которыя не могли входить въ составъ сената, и, не смотря на это, компетенція рады сохраняла полную силу,—Акты З. Р. II, 141, подъ 1522 . . . «староста

4) Кояловичъ разсказываетъ, что король обѣщалъ за себя и за своихъ преемниковъ впредь не давать такихъ урядовъ православнымъ и это обѣщаніе было повторено въ 1529 г. на виленскомъ сеймѣ. Здѣсь историкомъ-іезуитомъ опущена небольшая, но очень цѣнная, подробность: въ грамотѣ, изданной Скаргою, говорится: «мы и потомки наши, великіе князья Литовскіе, не должны будемъ и не должны будутъ такія высшія званія и уряды никому изъ русскихъ давать или уступать *безъ совѣта со старшими панами нашими...*». А эта подробность совершенно измѣняетъ дѣло и намъ понятно, почему, въ періодъ 1522—1529 г г., трое православныхъ получили высшія должности: Богушъ Боговитиновичъ былъ сдѣланъ подскарбіемъ земскимъ (=министръ финансовъ) и старостою слонимскимъ, Александръ Ив. Ходкевичъ—старостою брестскимъ и, притомъ, на сеймѣ 1529 года, Ив. Богд. Сапѣга—воеводою витебскимъ, послѣ сейма 1529 г. переведенный въ наиболѣе окатоличенное подляшское воеводство. Такое-же теченіе дѣлъ было задержано только протестанствомъ и Люблинскою уніей.

На основаніи всего этого мы признаемъ сказаніе Кояловича лишеннымъ всякой исторической достовѣрности, хотя и не отрицаемъ факта возможнаго столкновенія рады съ королемъ. Это столкновеніе, *если оно было*, мы объясняемъ, основываясь на грамотѣ 1522 г. 25-го марта, лишь желаніемъ рады удержать свой рѣшающій голосъ въ вопросѣ о замѣщеніи высшихъ должностей и происшедшей отсюда оппозиціи противъ монархическихъ попытокъ Сигизмунда. За такое пониманіе говоритъ: 1) вышеуказанное возведеніе Острожскаго въ званіе пана виленскаго за годъ до назначенія его на это мѣсто сеймомъ, 2), подпись Острожскаго воеводой троцкимъ 11-го марта и 3), предоставленное ему первенство чести, тогда какъ по должности онъ долженъ было занимать третье мѣсто въ ряду свѣтскихъ вельможъ.

Но мы идемъ нѣсколько дальше и осмѣливаемся утверждать, что никакого столкновенія короля съ радою никогда не было. Дѣствительно, содержаніе грамоты невольно заставляетъ подозрѣвать какое-то недоразумѣніе, недовольство, король почему-то очень подробно говоритъ о привилеяхъ, о томъ, что впредь будетъ совѣтоваться съ радою, что и

гродненскій панъ Юрей Миколаевичъ . . . и иншіе панове рада». 103 стр., подъ 1512 г.: «Станиславъ Бартошевичъ, кухмистръ короля, намѣстникъ утенскій Петръ Олехновичъ . . . » или Ibid., 102 и т. д.

теперь онъ возводитъ Острожскаго въ званіе троцкаго воеводы только по просьбѣ чиновъ обоихъ государствъ, особенно Литвы, что тѣ освободили его на этотъ разъ отъ присяги... Но королю иначе и не приходилось дѣлать: троцкое воеводство прежде занимали все коренные литвины-католики; съ нимъ соединены были большіе доходы и еще большее административное вліяніе,—при этомъ все-таки король нарушалъ унитарныя «уставы» Литвы. По этимъ причинамъ Сигизмундъ и заручился согласіемъ рады, почему *эта грамота почти тождественна по содержанію съ аналогичной грамотой* на построеніе Троицкой и Никольской церквей въ Вильнѣ (1514 г.).

Такимъ образомъ мы принимаемъ только мнѣніе Зубрицкаго, въ нашей редакціи, и должны отвергнуть мнѣніе преосв. Макарія, Нарбутта, Несецкаго, М. О. Кояловича и другихъ [424]).

Съ возведеніемъ въ санъ воеводы троцкаго Константинъ Ивановичъ уже не могъ оставаться старостой луцкимъ и маршалкомъ волынскимъ, такъ такъ эти уряды до Люблинской уніи равнялись званію воеводы волынскаго. Первый урядъ перешелъ къ кн. Өеодору Михайловичу Чарторыйскому, а второй— къ зятю Константина Ивановича, князю Андрею Алекс. Сангушко [425]).

Такая перемѣна въ положеніи Константина Ивановича, невозможность возвести его въ санъ воеводы виленскаго,—сопровождались новыми милостями къ нему Сигизмунда. Еще въ концѣ 1521 г., когда выяснилось положеніе дѣлъ относительно должностей, король освободилъ подданныхъ Константина Ивановича отъ уплаты соляного мыта за галицкую соль [426]), а чрезъ три дня послѣ оффиціальнаго назначенія воеводой троцкимъ, 28-го марта, Сигизмундъ I, желая «направить Илью Константиновича по стопамъ отца, даетъ ему привилей на занятіе брацлавскаго,

[424]) Нарбуттъ возводитъ Константина Ивановича въ званіе пана виленскаго и маршалка земскаго В. К. Л (которымъ былъ сдѣланъ Я. Я. Заберезинскій); Несецкій говоритъ тоже; М. О. Кояловичъ приписывалъ сопротивленіе рады возведенію Константина Ивановича въ званіе великаго гетмана Литовскаго. (Эпитетъ «великій» началъ прилагаться только съ XVII ст., теперь замѣнялся «наивысшій», какимъ былъ Константинъ Ивановичъ еще въ 1507 г.—Malin. i Przezdziecki, Żródła do dziejów P. II, 387—388).

[425]) Акты Ю. и З. Р. I, 68 и II, 135; Boniecki, Pocz. rod., 300.

[426] Arch. Sang. III, 215.

винницкаго и звенигородскаго старостъ непосредственно послѣ смерти Константина Ивановича [427]). 17-го августа 1522 г. король даетъ Острожскому право печатать свои листы краснымъ воскомъ, какъ это дѣлаютъ и прочіе княжескіе роды, съ тѣмъ только различіемъ, что Острожскому разрѣшается употреблять красный воскъ даже на листахъ къ королю, какое право въ то время имѣли, кажется, только владѣтельные князья [428]). Грамота эта не особенно важна въ ряду другихъ грамотъ Константину Ивановичу, но она свидѣтельствуетъ, что Острожскіе не происходили отъ галицкихъ князей, такъ какъ сохранили бы это право печати краснаго воска, а также показываетъ, что король особенно любилъ и цѣнилъ Константина Ивановича и какъ-бы демонстративно свидѣтельствовалъ объ его заслугахъ: рѣчь идетъ о побѣдахъ, о военной службѣ за трехъ королей, о расходованіи Константиномъ Ивановичемъ собственнаго имущества на военное дѣло, объ его всегдашней храбрости, ранахъ, плѣнѣ и т. д. и, главное, она косвенно свидѣтельствуетъ, что Острожскаго какъ-бы обошли, чѣмъ-то обидѣли и, слѣдовательно, еще сильнѣе отвергаетъ разобранное сказаніе Кояловича.

Кромѣ этой милости, король пожаловалъ Константина Ивановича и болѣе существенно. Мы знаемъ, что, въ концѣ 1522 года, Острожскій купилъ у Довойновичей Сатыевъ и просилъ короля подтвердить эту покупку. Король не только сдѣлалъ просимое, но и разрѣшилъ построить въ Сатыевѣ замокъ, учредить торги, основать городъ и т. д; одновременно съ этимъ Константину Ивановичу дается право учредить торги въ Острогѣ, Дубнѣ, Ровнѣ, Дорогобужѣ и собирать съ купцовъ мыто при ихъ проѣздѣ чрезъ его владѣнія [429]). Уже на пути въ Польшу, въ Ломазахъ, король даетъ Острожскому, по его просьбѣ, шесть службъ людей, пограничныхъ съ Полоннымъ, очевидно, для округленія владѣній, и подтверждаетъ ему свое наданье Смольняны (Оршанскаго повѣта) съ распространеніемъ права держанья—до смерти Константина Ивановича и на всю жизнь его сына Ильи. Въ Смольнянахъ

[427]) Arch. Sang., III, 222—223.

[428]) Л. М., Кн. Зап., XII, 16—17; Акты З. Р. II, 143. Сравни взглядъ на это Daniłowicza—Skarbiec II, № 2290, стр. 295; Arch. Sang. III, 235—236.

[429]) Лит. Метр. Кн. Зап., XII, 22. Boniecki, Pocz. rod., 232—233; Arch. Sang. III, 245.

разрѣшается построить замокъ, городъ и т. д., сдѣлать для процвѣтанія ихъ все, «какъ самъ найлѣпѣй разумѣетъ [430])».

Отмѣчая эти послѣднія наданья Сигизмунда, равно какъ и раньше указанныя грамоты на заложеніе замковъ, городовъ и т. д., мы выполняемъ не сухую и скрупулезную работу простаго подсчета проявленій королевскаго благоволенія къ Константину Ивановичу, но отмѣчаемъ эти факты съ особеннымъ вниманіемъ потому, что они свидѣтельствуютъ о колонизаторской дѣятельности нашего героя. Если мы проведемъ линію отъ Дубна до современнаго Бердичева, то увидимъ, что она состояла изъ ряда замковъ Константина Ивановича Острожскаго: Ровна, Дубна, Дорогобужа, Острога, Межирѣчья, Крупой, Сатыева, Полоннаго, Романова, Звяголя, Чуднова и, такимъ образомъ, уже съ первой четверти XVI вѣка, составляла сильную защиту противъ татарскихъ опустошеній. Съ другой стороны, городъ съ замкомъ, да еще надѣленный льготами и торгами, естественно привлекалъ народонаселеніе какъ сравнительною безопасностію отъ татаръ, такъ и прибыльностью торговли и малой стѣсненностью всякаго рода ремесла и земледѣлія. Вотъ почему мы видимъ что изъ имѣній Константина Ивановича выдѣлились пять уѣздныхъ городовъ Волынской губерніи (Острогъ, Дубно, Ровно, Староконстантиновъ и Новгородъ-Волынскій—(Звяголь), можно, пожалуй, прибавить шестой Заславль), тогда какъ ни Чарторыйскіе, ни Любомирскіе, владѣвшіе впослѣдствіи половиной Волыни, не дали ни одного такого города.

Быть можетъ, что всѣ наданья короля Острожскому въ 1522 году имѣли другой поводъ,—семейное торжество стараго гетмана. Въ началѣ іюля 1522 года умерла первая жена Константина Ивановича Острожскаго, Татьяна Семеновна Гольшанская, оставивъ Константину Ивановичу малолѣтняго сына Илью [431]). По этой-ли причинѣ, или по обычаю того времени [432]), Константинъ Ивановичъ, тотчасъ послѣ

[430]) Л. М., Кн. Зап., XII, 62—63; Акты З. Р. II, 146—147. Arch. Sang. III, 242—245.

[431]) Въ послѣдній разъ она упоминается въ наданьи Виленскому Пречистенскому собору 22 іюня 1522 года—см. списокъ грамоты въ Вѣстн. З. Р. 1869, III, 45—51. Ср. Собр. др. гр. Вильны II, 89—93. Кальнофойскій (Teraturgima, 35) говоритъ, что она умерла 12 іюля.

[432]) Даже третьи браки, и при томъ въ солидныхъ лѣтахъ, были въ то

смерти первой жены, рѣшилъ вступить во второй бракъ. Выборъ его палъ на члена славнѣйшаго и богатѣйшаго западно-русскаго княжескаго рода—Олельковичей-Слуцкихъ,—кн. Александру Семеновну, съ матерью и братомъ которой былъ заключенъ брачный договоръ въ Вильнѣ 26-го іюля 1522 года [433]). Договоръ этотъ приводимъ въ изложеніи, какъ образецъ брачныхъ сдѣлокъ русскихъ того времени. Въ немъ Константинъ Ивановичъ заявляетъ, что онъ заключаетъ договоръ съ кн. Слуцкими по приказу короля, своей доброй волѣ и уговору нѣкоторыхъ пріятелей, чрезъ посредство нареч. митрополита Іосифа III и добраго пріятеля, Богуша Боговитиновича. Вступая въ домъ кн. Слуцкихъ, Константинъ Ивановичъ обѣщаетъ быть кровнымъ, искреннимъ пріятелемъ ихъ, свою будущую супругу содержать сообразно христіанскому закону и обычаямъ греческой вѣры. Хотя онъ желалъ-бы сейчасъ устроить вѣнчанье и «веселье», но этому препятствуетъ отправленіе его королемъ въ Минскъ «на службу господарскую»; по окончаніи ея, по извѣщенію родителей невѣсты, Константинъ Ивановичъ обязуется немедленно вступить въ бракъ; равнымъ образомъ кн. Слуцкіе не должны препятствовать, если Константинъ Ивановичъ вздумаетъ жениться раньше. Дальше идетъ рѣчь о приданномъ. Кн. Слуцкіе обязуются дать Константину Ивановичу 1000 золотыхъ венгерскихъ наличными деньгами и невѣстѣ приданнаго не менѣе какъ на 3000 копъ грошей. Въ свою очередь Константинъ Ивановичъ обязуется записать соотвѣтственное вѣно на третьей части нетолько родовыхъ имѣній, но и выслуженныхъ лично при Казимірѣ, Александрѣ и Сигизмундѣ. Къ будущимъ дѣтямъ Константинъ Ивановичъ обязуется относиться также, какъ и къ Ильѣ, и всѣмъ дать равныя права по наслѣдованію имѣній.

Свое соглашеніе обѣ стороны обязуются держать «вѣчно и непорушно» подъ страхомъ уплаты 4000 копъ королю и 4000 обиженной сторонѣ. Затѣмъ слѣдуютъ подписи: Іосифа, наречен. митр. кіевскаго,

---

время слишкомъ обычны. Для примѣра укажемъ на Н. Н. Радивила, на Стан. Войт. Гаштольда, вторая жена котораго, Варвара, по смерти мужа, впослѣдствіи сдѣлалась супругой Сигизмунда Августа; на вдову послѣдняго Корбинскаго, кн. Ѳеодору Рогатинскую, на Ѳеодору Роман. Сагнушко, бывшую за Станиславомъ Радивиломъ, кн. Александромъ Пронскимъ и пережившую третьяго мужа, Андрея Лещинскаго.

[433]) Malinowski, i Przezdziecki, Źródła . . . II, 425—428.

трехъ зятьевъ Константина Ивановича: кн. Дубровицкаго, Боговитиновича и Вишневецкаго, «брата»—кн. Мих. Ив. Заславскаго и Ив. Михайловича, писаря королевы.

Неизвѣстно въ точности, когда состоялась свадьба и какъ долго продолжалась «господарская служба» Константина Ивановича въ Минскѣ. Несомнѣнно, что въ 1526 году Константинъ Ивановичъ былъ уже женатъ, такъ какъ въ 1528 году у него уже было двое дѣтей отъ Александры Семеновны, Василій—Константинъ и Софія [434]).

Послѣ заключенія брачнаго договора, Константинъ Ивановичъ въ Острогѣ записалъ сыну Ильѣ всѣ тѣ имѣнья, которыя достались ему по первой женѣ: Ровно, Колодно, Гольшаны и т. д. Вполнѣ справедливое отношеніе Константина Ивановича къ этимъ имѣніямъ подало впослѣдствіи поводъ къ цѣлому ряду столкновеній Константина Константиновича съ Беатою Костелецкою и ея партіей [435]).

От личныхъ дѣлъ Константина Ивановича обратился къ общественнымъ. Съ 1522 года онъ посвящаетъ свою дѣятельность больше всего въ пользу церкви и очень рѣдко выступаетъ въ качествѣ военачальника и гражданскаго дѣятеля. Потому и мы обратимся къ западно-русской церковной жизни, которую оставили въ 1514 году.

Въ періодъ, простиравшійся отъ оршанской побѣды Константина Ивановича до и нѣсколько послѣ его смерти, положеніе православной церкви въ Литвѣ можно назвать самымъ благопріятнымъ и спокойнымъ за все время существованія Литовско-Польскаго государства. Внѣшнее положеніе православія, отношеніе къ нему короля, свѣтскихъ вельможъ, равно и внутренняя жизнь церкви, на сколько о ней можно судить по

---

[434]) Въ подтвердительной грамотѣ короля, 23-го декабря 1528 г., на вѣновую запись Константина Ивановича Александрѣ Семеновнѣ (6000 копъ на Туровѣ, Сатыевѣ, Крупой и Тарасовѣ) есть указаніе, что Константинъ Ивановичъ «за спѣхомъ» не успѣлъ сдѣлать вѣновой записи во время женитьбы. Лит. М., Кн. Зап., XII. 404—406. Акты З. Р. II, 190—192.

[435]) Запись сдѣлана Константиномъ Ивановичемъ 21 или 28-го августа 1522 г. Труды 3-го арх. съѣзда, Кіевъ 1878, т. II, стр. 208; Arch. Sang. III, 236—238. Корол. подтвержденіе послѣдовало 1-го августа 1531 г. Труды . . . Ibid.; Arch. Sang. III, 377—388. Столкновенія Ильи съ мачихой въ 1531 г. быть можетъ зависѣли отъ того, что самая запись Константина Ивановича въ пользу своего перваго сына послѣдовала подъ вліяніемъ партіи, враждебной кн. Слуцкой.—См. подписи.

актамъ того времени, если и заставляли многаго желать съ точки зрѣнія идеала, то въ практически-жизненномъ отношеніи этотъ періодъ смѣло можно назвать золотымъ вѣкомъ западно-русскаго православія.

Вѣротерпимый Сигизмундъ скоро забылъ въ Литвѣ свое польское воспитаніе и полюбилъ полурусскую Литву, какъ любили и предпочитали ее Польшѣ всѣ ягеллоны. Борьба противъ главныхъ враговъ Литвы,— татаръ и Москвы, была ведена преимущественно православными князьями. Во главѣ ихъ стоялъ Константинъ Ивановичъ Острожскій, привлекавшій къ себѣ симпатіи не только короля, но даже латинско-польской части общества, выразившіяся въ тонѣ лѣтописей, когда послѣднія ведутъ о немъ рѣчь. Вѣрный и преданный сынъ своей церкви, Константинъ Ивановичъ всегда стоялъ на стражѣ православія и благочестія; близость его къ королю и постоянное участіе, какое князь оказывалъ всему церковному, сильно вліяли на общій ходъ и положеніе русскаго православнаго дѣла.

Много содѣйствовала блестящему положенію западно-русской церкви въ тотъ періодъ и ея высшая іерархія. Мы уже видѣли, какъ высоко стоялъ Іосифъ Солтанъ по своей вѣрности православію, заботамъ о нравственомъ улучшеніи своей паствы, по своему патріотизму, дѣловитости и умѣнью руководить церковью [436]), Преемникъ его, Іосифъ III (1522-1534), если и не выдавался личною иниціативою и особенными дарованіями, то былъ безусловно твердъ въ православіи, умѣлъ защищать интересы своей церкви и не поступаться своимъ достоинствомъ, своими правами. Даже уніатскіе писатели, согласно говорящіе объ уніатствѣ Іосифа Солтана, противорѣчатъ другъ другу, когда приходится говорить объ Іосифѣ III. Преемникъ его, Макарій II (1535—1555), объ избраніи котораго такъ неодобрительно отзывается м. Макарій [437]), заканчиваетъ рядъ митрополитовъ золотаго вѣка литовской православной церкви. Дѣятель-

---

[436]) М. Макарій (И. Р. Ц. IX, 176) полагаетъ, что, кромѣ собора 1509 г., Солтанъ собиралъ второй соборъ въ 1514 г., между прочимъ, по поводу вопроса объ установленіи праздника преп. Елисею Лаврашевскому. Но соборъ этотъ довольно гадателенъ, если же онъ и былъ,—неизвѣстно, о чемъ онъ разсуждалъ, что постановилъ и какое вліяніе оказалъ на жизнь народа. По этому мы проходимъ его молчаніемъ. Время смерти митр. І. Солтана можно приблизительно опредѣлить концемъ 1521 г. См. Arch. Sang. III, 215 и 238.

[437]) И. Р. Ц. IX, 234—236.

ность его, падающая не на разсматриваемый нами періодъ, была продолженіемъ дѣятельности двухъ его предшественниковъ, такъ что, по словамъ уніатскихъ писателей, «при немъ схизма разлилась повсюду [438])». Благодаря панамъ и митрополитамъ, мы больше уже не видимъ попытокъ къ уніи. О ней забываютъ и православные и католики. Даже въ Римѣ о ней больше не упоминаютъ. Равнымъ образомъ мы не слышимъ заявленій о преслѣдованіи православныхъ и объ отъѣздахъ въ Москву, напротивъ, изъ Москвы бѣгутъ въ Литву и находятъ въ ней самый радушный пріемъ. Говоримъ о Плещеевѣ, Ляцкомъ и др. [439]). Правда, столкновенія были, но безъ нихъ и жизнь невозможна, при томъ эти столкновенія рѣшались въ пользу *правой* стороны, а не стороны сильной. Даже въ Москвѣ, которая смотрѣла на лучшаго сына православной церкви, Константина Ивановича Острожскаго, какъ на «божьяго врага и государева измѣнника», со времени смерти Елены, нѣтъ уже толковъ о преслѣдованіи православныхъ.

Дѣйствительно, отношенія къ православнымъ Сигизмунда рѣзко отличаются отъ его предшественниковъ и преемниковъ. Цѣлый рядъ натаній, привилеевъ, подтвержденій характеризуютъ отношеніе короля къ русскому народу и русской церкви. Помимо цѣлаго ряда подтвержденій православнымъ родамъ на имущественныя владѣнія въ 1522—1523 г. г. [440]), Сигизмундъ не забывалъ и церквей. Такъ, королъ не только подтвердилъ чужія записи наиболѣе любимому русскими кіевскому Пустынскому монастырю, но и самъ давалъ ему натанья и охранялъ его отъ обидъ [441]).

---

[438]) Объ этихъ митрополитахъ м. Макарій, IX, 209—310, особенно 284—310; Pelesz, I, 495—496; Кревза—Р. Ист. Библ. IV, 237, Евгеній, Опис. К.—С. Соб. 117—118 и т. д. Интересенъ распорядокъ митрополитовъ у уніатск. писателей и тожество его съ Супрасльскимъ спискомъ—у Добрянскаго, Опис. рукоп. Бил. публ. Вибл., 181.

[439]) Любавскій, IV, 143.

[440]) Для примѣра укажемъ на грамоты, помѣщенныя въ «Ревизіи пущъ и переходовъ звѣриныхъ . . . » стр. 64—65; 76—77. 86. 107—109. 116. 161. 229. 238. 264. 317. 345. 355 и т. д.,—и это только относительно очень небольшой полосы Пинскаго, Слонимскаго и Кобринскаго повѣтовъ.

[441]) Л. М., Кн. Зап. IX, 189 195; XI, 14; Акты Ю. и З. Р. I, 60—61; Акты З. Р. II, 116; 120—122; 135—136; Опис. рукоп. Кіевск. дух. Ак. 167.

Особенно благоволилъ Сигизмундъ къ кіевскому Михайловскому Златоверхому монастырю. Отданный Александромъ 27-го іюля 1496 года Григ. Григ. Поповичу [442]), этотъ монастырь, опустошенный еще въ 1482 г., окончательно запустѣлъ и развалился. 14-го марта 1523 года Сигизмундъ, по докладу Константина Ивановича, даетъ разрѣшеніе игумену Макарію возобновить этотъ монастырь, учредить въ немъ общину, съ освобожденіемъ ея отъ управы митрополичьей и воеводской [343]). Въ 1526 году, чрезъ три года по возобновленіи монастыря, тотъ же игуменъ Макарій записалъ въ евангеліи всѣимущества монастыря. Въ этой записи говорится, что лично отъ короля даны монастырю: церковь, пашня около города [344]), озеро съ сѣнокосомъ въ Чарторыѣ, селище Седивоновское съ данью въ двѣ кадки меда [445]). Когда нѣкто Крыштофъ Кмитичъ началъ вступаться въ монастырскія земли, король, особой грамотою 4-го іюля 1526 г. изъ Гданска, поручилъ защиту интересовъ монастыря кіевскому воеводѣ Андрею Немировичу [446]).—31-го іюля 1522 г. Сигизмундъ жалуетъ Іоанно-Богословской витебской церкви земли на Плоской горѣ, надѣляя льготами имѣющихъ поселиться на ней крестьянъ [447]). Въ 1524 г. король приказываетъ А. М. Гаштольду, воеводѣ виленскому, обыскать землю «пустовскую» въ виленскомъ повѣтѣ и дать ее Юрьевскому виленскому «на Луцѣ» монастырю, по просьбѣ монаховъ [448]); въ томъ-же году приказываетъ воеводѣ Петру Ст. Кишкѣ отдать полоцкому епископу Нафанаилу задвинскіе дворы [449]); въ 1528 г. подтверждаетъ наданья кіевскому Пустынскому монастырю [450]), въ 1529 г.

---

[442]) Акты З. Р. I, 164.

[443]) Ibid. II, 151—153. Ср. Baliński i Lip. Polska Star. II, 540; Лит. Метр., Кн. Зап. XII, 80.

[444]) Дана по ходатайству Гаштольда 8-го августа 1522 г.—Акты З. Р. II, 142—143.

[445]) Ibid. II, 167—168; Daniłowicz, Skarbiec, II, № 2303, стр. 298. Характерны разночтенія.

[446]) Акты Ю. и З. Р. I, 69.

[447]) По просьбѣ мѣстнаго священника.—Вил. Арх. Сб. I, 8—9.

[448]) Акты З. Р. II, 155. Лит. М., Кн. Зап., XII, 156.

[449]) Акты З. Р. II, 158. Послѣ заключенія перемирія съ Москвою эти имѣнья были возвращены Литвѣ и, по указу короля, приписаны къ замку; теперь-же возвращаются каѳедрѣ по просьбѣ владыки и князей.

[450]) Акты З. Р. II, 188; сравни Ibid. 218—219.

4-го марта и 14 іюля король грамотами на имя мстиславльскаго намѣстника Яна Юрьевича Ильинича подтверждаетъ всѣ наданья князей Мстиславльскихъ Пустынскому и Онуфріевскому мстиславльскимъ монастырямъ [451]); въ 1532 г. 18 сентября, по просьбѣ православныхъ бурмистровъ и райцевъ г. Вильны, разрѣшаетъ построить церковь на Юрьевой Россѣ и т. д. [452]).

Ограничиваемся этими фактами, какъ доказательствомъ того, что при Сигизмундѣ въ Литвѣ происходило неслыханное дѣло: не только давалось королевское разрѣшеніе на постройку церквей и даже монастырей, но, что особенно удивительно, король самъ явился фундаторомъ святынь «схизматиковъ» и заботливымъ охранителемъ ихъ интересовъ.

Но этого мало. Сигизмундъ много содѣйствовалъ укрѣпленію юридической устойчивости православной церкви и охраненію ея правовыхъ интересовъ.

Такъ, 19 января 1516 года, король назначаетъ третейскихъ судей для разбора давняго дѣла митрополита съ кн. Софьею Гольшанскою и Бартошевичемъ, при чемъ судьи избраны митрополитомъ и приговоръ ихъ долженъ считаться окончательнымъ [453]). Другое судебное дѣло митрополита Іосифа съ виленскою капитулой за владѣніе Ганевичами велось замѣчательно безпристрастно и рѣшено 18 января 1517 г. къ обоюдному удовольствію обѣихъ сторонъ,—митрополиту присуждено пользоваться частью людей и дани, пущами же и ловами—капитулѣ [454]).

Но еще замѣчательнѣе отношеніе короля къ обидамъ церкви. Въ 1516 г. полоцкій епископъ Іосифъ, впослѣдствіи митрополитъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ своей епархіи, прислалъ къ королю священника съ жалобою на витебскаго воеводу, Януша Костевича. Обиды, чинимыя воеводой, состояли въ удержаніи имъ различныхъ хозяйственныхъ сборовъ съ им. Лемницъ и Любашкова, наданныхъ Успенской церкви пред-

---

[451]) Акты З. Р. II, 206—207.

[452]) Вил. Арх. Сб. VI, 19.—Не говоримъ о наданьяхъ сельскимъ церквамъ—Контовичской (Гродн. пов.), Мерецкой, Свислочьской и др. Л. Метр., Кн. Зап., IX, 217 и на об.; XII, 274 и др.

[453]) Акты Ю. и З. Р. I, 48.

[454]) Ibid. 49—52.

ками короля, въ поборахъ и утѣсненіяхъ,—въ родѣ содержанія, напр., церковными людьми замковой стражи. 24-го іюля король далъ укорительную грамоту на имя воеводы: «мы господаръ ... старины не маемъ рушить, *а церквамъ Божымъ и овшемъ не надобѣ кривды чинити* и стараго наданья рушити... [455])». Принципъ, достойный всякаго уваженія и подражанія! Одновременно, вѣроятно, въ возмѣщеніе убытковъ епископа Іосифа, король жалуетъ ему три службы людей, пустовщину и т. п. [456]), а владимірскому епископу Пафнутію подтверждаетъ право владѣнія церковными имѣньями и запись Свидригайлы въ пользу владимірской Пречистенской церкви на различнаго рода «десятины и теж суды и вины и роспусты и поемщины и смирщины» и всѣ доходы [457]).

Важенъ также привилей кіевскому Печерскому монастырю, данный 4-го іюля 1522 года, по просьбѣ архимандрита Игнатія и братіи. Въ виду татарскихъ разореній монастырь страшно обѣднѣлъ; король, «абы хвала Божія въ той церкви Божой ширила и множила, а намъ-бы большее богомолье было»,—даетъ слѣдующія льготы монастырю: право устроить общину, независимую отъ воеводы и пановъ; по смерти архимандрита, монастырь будутъ держать монахи, а не воевода, какъ было прежде; избранный монахами, князьями, панами и земянами утверждается королемъ въ званіи архимандрита; воеводы могутъ ѣздить въ монастырь 1—2 раза въ годъ, а не по нѣскольку, какъ прежде; монастырь освобождается отъ «стацій» подъ пословъ и гонцовъ; корчемъ около монастыря ставить нельзя; военный налогъ съ имѣній—десять вооруженныхъ конныхъ ратниковъ [458]). Этотъ привилей, много зависѣвшій отъ Константина Ивановича, друга и покровителя архимандрита Игнатія, замѣчателенъ тѣмъ, что король вводилъ новшества въ пользу монастыря и въ ущербъ воеводы и другихъ урядниковъ кіевскихъ.

---

[455]) Акты Ю. и З. Р. I, 54—55.

[456]) Лит. М., Кн. Зап., IX, л 152 на об.

[457]) Ibid. л. 149—дата: 5 іюня 1514 г. и листъ 112—дата: 25 января 1516 г. Брестъ.

[458]) Акты З. Р. II, 140—142. Какъ цѣненъ былъ этотъ привилей, свидѣтельствуетъ тонъ ходатайства предъ Сигизмундомъ Августомъ о подтвержденіи его—см. Акты Ю. и З Р. II, 164—168 и Описаніе Кіевопеч. Лавры, изд. Ш, Кіевъ, 1847 г., стр. 43—45.

Въ октябрѣ того-же года, по жалобѣ нареченнаго митрополита Іосифа, Сигизмундъ даетъ указъ минской магдебургіи—не требовать съ монастырскихъ и церковныхъ людей серебщизны и городскихъ повинностей, какъ въ прошломъ году. Этого изстари не было и чинится кривда церквамъ. Замѣчательно заключеніе грамоты: если серебщизна будетъ наложена на всю землю, тогда *король* сообщитъ объ этомъ митрополиту и духовенство само произведетъ сборъ податей [459]). Въ 1530 г. 6-го іюля послѣдовалъ тожественный указъ короля виленской магдебургіи подтвержденный двумя указами 1536 года, а въ 1533 г. 26-го сентября окружная грамота—о невмѣшательствѣ свѣтскихъ лицъ въ церковныя дѣла и духовный судъ [460]).

Такое отношеніе короля къ дѣламъ духовной администраціи настолько усилило власть митрополита, что послѣдній часто рѣшалъ дѣла свѣтскаго характера и вмѣшивался въ дѣлопроизводство свѣтскихъ судовъ, особенно городскихъ. Подобное явленіе вызвало протесты и король запретилъ митрополиту незаконное вмѣшательство въ свѣтскія дѣла [461]).

Даже право патронатства, столь враждебно встрѣчаемое высшимъ православнымъ духовенствомъ, при Сигизмундѣ попадало въ замѣчательно хорошія руки. За исключеніемъ предоставленія права подаванья Котранской церкви католику Юрію Николаевичу Радивилу, 30-го мая 1520 года [462]), остальныя привиллегіи этого рода давались выдающимся ревнителямъ православія. Лаврашевскій монастырь предоставленъ благочестивому Θеодору Хребтовичу, право поданья церкви св. Василія во Владимірѣ Волынскомъ, *по согласію епископа Іоны*, дается кн. Василію Михайловичу Сангушкѣ, такъ какъ церковь эта «опала»; 27-го октября 1526 г. король отдалъ въ доживотное держанье Ивану Андр. Солтану, подскарбію дворному, монастырь Рождества Богородицы

---

[459]) Собр. др. гр. городовъ Минской губерніи, стр. 7—8.

[460]) Вил. Арх. Сб. VI, 18. 20—21 и 19—20.

[461]) Лит. М., Кн. Зап., XIV, 102. Грамота дана ок. 1526 года.

[462]) Акты З. Р. II, 129. Кстати замѣтимъ, что фамилія Радивиловъ вообще не была фанатичной, а въ то время и подавно. Родной братъ Юрія, Янъ, съ уваженіемъ относился къ православію и въ 1520 г. построилъ правосл. церковь въ Ново-Сверженѣ, на мѣстѣ явленной иконы.—См. Николай, Опис. Минск. Еп., стр. 63.

въ Трокахъ,—а Иванъ Андреевичъ былъ однимъ изъ самыхъ щедрыхъ церковныхъ благотворителей, какіе когда-либо были въ Литвѣ, если считать не родами, а отдѣльными лицами и пропорціонально богатству. Такой-же характеръ носило и наданье Пересопницкаго монастыря Ѳеод. Мих. Чарторыйскому, для фамиліи котораго этотъ монастырь сдѣлался какъ-бы родовымъ [463]).

Если личная иниціатива заставила Сигизмунда такъ благосклонно относиться къ православной церкви, то такое его настроеніе поддерживалось, въ свою очередь, цѣлымъ рядомъ выдающихся по уму и государственной службѣ пановъ-ревнителей православія. Начиная съ такъ называемыхъ «писарей [464])»,—Ѳедьки Святоши, Ив. Горностая, Коптя, Ивана Богдановича Сапѣги, Богуша Боговитиновича, король былъ вездѣ окруженъ православными: посольства велись Сапѣгами, и преимущественно Иваномъ Богдановичемъ; личными финансами короля завѣдывалъ Ив. Андр. Солтанъ; государственнами финансами Богушъ Боговитиновичъ; на трехъ воеводствахъ сидѣли православные [465]), главнѣйшія староства заняты были такъ-же православными [466]); вся Волынь вѣдалась ими-же, военная сила Литвы вѣдалась главою православныхъ пановъ, Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ.

Пользуясь вѣротерпимостью короля, эти паны много поработали въ пользу православія. Особенно-же выдается среди нихъ Константинъ Ивановичъ Острожскій, который въ концѣ жизни особенно предался служенію православной церкви. Цѣлый рядъ наданій, ходатайствъ въ пользу церквей и монастырей, труды въ пользу внутренняго порядка жизни церковной и внѣшне-юридическаго положенія ея,—сосредоточиваютъ въ личности Острожскаго, какъ въ фокусѣ, всѣ интересы того времени, всѣ симпатичныя стороны тогдашняго православнаго общества

---

[463]) Акты З. Р. II, 154 и 146; Архивъ Ю. З. Р. ч. I, т. I, 3—5; Собр. др. грам. Вильны. II, 138; объ Иванѣ Андр. Солтанѣ—см. Будиловича, Истор. изслѣд. о недвиж. церк. им. въ Зап. Р. II, Перечневая опись, Варшава. 1882, стр. XXXI—XXXV, № 291. 326—330. 359.

[464]) Они замѣняли нынѣшнихъ секретарей (статсъ-секретарей) въ соединеніи съ должностью флигель-адъютантовъ.

[465]) Троцкій—Константинъ Ивановичъ Острожскій, кіевскій—Андрей Немировичъ, витебскій—Ив. Богд. Сапѣга.

[466]) Брестское, слонимское, лидское, мстиславльское, ковенское, луцкое и владимірское.

и его членовъ. Что бы наши положенія не были голословными, обратимся къ фактамъ и прежде всего прослѣдимъ его личныя наданья церквамъ, и потомъ ходатайства предъ королемъ въ пользу церкви вообще.

5-го марта 1520 года Константинъ Ивановичъ, съ женою своею Татьяною и сыномъ Ильею, дѣлаетъ большія наданья и подтверждаетъ прежнія записи въ пользу соборной Успенской замковой церкви въ Туровѣ. Неизвѣстно, чѣмъ и какими побужденіями вызвана эта запись, замѣчательная количествомъ даннаго церкви. Кромѣ нѣсколькихъ мѣщанъ въ Туровѣ, со всѣмъ ихъ имуществомъ и угодьями, церковь получаетъ въ полную собственность три села: Ольгомле [467]), Симоничи и Радловичи, 14 озеръ въ разныхъ мѣстахъ тогдашняго туровскаго повѣта, 24 ведра ежегодной медовой дани и 2 бортныхъ дерева. Запись дѣлается въ пользу «владычества туровскаго» и Успенскаго собора, по примѣру кн. Ярослава Владимiровича, Ивана Святославича (?) и прочихъ русскихъ князей, на поминовеніе предковъ Константина Ивановича Острожскаго, его самого съ семьей и будущихъ поколѣній его рода и передается въ вѣдѣніе современнаго епископа Арсенія, а затѣмъ его преемниковъ [468]).

Вѣроятно, кромѣ поминовенія родителей, Константинъ Ивановичъ преслѣдовалъ здѣсь другую цѣль—усиленія епископскихъ каѳедръ посредствомъ фундушей соборнымъ церквамъ, какъ это можно видѣть изъ заботъ его о Пречистенскомъ соборѣ въ Вильнѣ и Борисоглѣбскомъ въ Новгородкѣ.

Въ томъ-же году мы видимъ Константина Ивановича въ Дерманскомъ монастырѣ, которому онъ записываетъ на поминовеніе весьма много цѣнныхъ вещей изъ церковной утвари [469]). Возможно, что въ

---

[467]) Нынѣ Ольгомель, между Туровымъ и Давидъ-Городкомъ.

[468]) Акты З. Р. II, 128—129. Конецъ грамоты полнѣе въ «Опис. рукоп. Рум. муз.», 126—127.

[469]) Запись эта помѣчена: «лѣта Божого тисящ . . . индикта 8, мѣсяца мая 27—дня», а на полѣ: «отъ рожества христова былъ то рокъ 1507, а отъ сотворенія 7015» (слав. буквами, подъ сокращеніями).—Памятн. Врем. Кіевск. Ком. IV, отд. I, стр. 93; а вся грамота на стр. 92—93, примѣчанія къ ней на 94 стр.

Преосв. Макарій (И. Р. Ц. IX, 200) принимаетъ годъ помѣты на полѣ —1507; издатели же не останавливаются на этомъ вопросѣ и прямо полагаютъ, то эта запись не собственноручная и не современная.

Мнѣніе преосв. Макарія очевидно ошибочно уже потому, что неиз-

этой записи соединены были разновременныя наданья и записаны въ одно мѣсто, въ евангеліи. Дары Константина Ивановича Дерманскому монастырю поражаютъ обиліемъ и цѣнностью; были даны: 1) потиръ серебряный, вызолоченный съ драгоцѣнными камнями; къ нему серебряный вызолоченный дискосъ, звѣздица и лжица, 2) серебряный, вызолоченный воздвизальный крестъ съ частицами мощей; 3) евангеліе, съ серебрянозолоченными крышками изящной работы, литыми серебряными изображеніями евангелистовъ и распятіемъ, осыпаннымъ драгоцѣнными камнями: 4) серебряная вызолоченная панагія; 5) три серебряныхъ вызолоченныхъ и два золотыхъ вѣнца, 6) шесть завѣсъ: бархатная, атласная и четыре тафтяныя; 7) двѣ ризы (бѣлая бархатная, шитая золотомъ и такая-же красная), два воздуха, епитрахиль и 8) десять миней мѣсячныхъ, изъ которыхъ восемь писаны на пергаментѣ.

Всѣ эти предметы жертвуются на церковь, съ условіемъ поминовенія рода Острожскихъ, при чемъ былъ данъ и синодикъ для ежедневнаго, кромѣ праздниковъ, поминовенія [470]).

вѣстно, возвратился-ли Константинъ Ивановичъ Острожскій въ Литву изъ московскаго плѣна къ 7-му маю 1507 года, а если возвратился, то имѣлъ-ли возможность дѣлать такіе богатые вклады; кромѣ того индиктъ 8 не соотвѣтствуетъ 1507 г., равно какъ и титулъ «пана виленскаго», упоминаемая семья и т. д.

Судя по титулу, индикту, семьѣ Константина Ивановича, мы относимъ эту запись къ 1520 г. Противъ этого года можно сдѣлать то возраженіе, что Константинъ Ивановичъ въ іюнѣ былъ въ Торуни (Акты З. Р. II, 133), но это было уже въ концѣ мѣсяца, ибо вѣрительная грамота посламъ дана 5 іюля (Сборн. Р. И. Ист. Общ. XXXV, 575), а Острожскій скорѣе могъ прибыть въ Торнъ изъ Острога, чѣмъ послы изъ Торна въ Оршу, гдѣ они были 30-го іюля (Ibid. 571). Что же касается того, что грамота не собственноручная, то въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія: вставка о дачѣ игум. Герасимомъ евангелія не только доказываетъ это, но также и то, что запись сдѣлана съ подлинной грамоты или реестра Константина Ивановича, почему и могла получиться самая вставка и почему вообще грамота такъ неисправна.

Итакъ мы думаемъ, что грамота писана въ 1520 году самимъ Константиномъ Ивановичемъ; съ нея была сдѣлана копія въ евангеліе, при чемъ сдѣланы нѣкоторыя вставки; когда-же текстъ записи сильно испортился, кто то сдѣлалъ на полѣ неудачное хронологическое указаніе.

[470]) Опредѣлить съ точностью годъ, когда былъ данъ синодикъ мы не можемъ. Вѣроятно, судя по сходству помянника Дерманскаго съ Дубенскимъ, оба были даны одновременно, именно около 1523 г., когда Константинъ

Къ тому-же времени, т. е. къ 1521 году, относится и фундушъ Константина Ивановича Острожскаго Смолевичской церкви (Минской губерніи, Борисовскаго уѣзда [471]). Вновь построивъ въ Смолевичахъ Никольскую церковь, Константинъ Ивановичъ обезпечиваетъ дальнѣйшее существованіе храма и клира фундушомъ изъ трехъ уволокъ земли, двухъ морговъ огорода, пяти сѣнокосовъ, огорода для «варива», церков-

---

Ивановичъ носилъ званіе воеводы троцкаго и жилъ еще Кириллъ, еп. луцкій. Оба помянника помѣщены въ Пам. Кіев. Вр. К., IV, отд. I, стр. 107—117.

[471]) Вил. Арх. Сб. I, 5—8. Дата выставлена: 27 марта 1507 г., инд. 10; подтверждена Сигизмундомъ I-мъ 10-го мая 1508 года, инд. 7.

Грамота едва-ли подлинная. Не говоря уже о хронологическихъ ошибкахъ (1507-му году дѣйствительно соотвѣтствуетъ 10 инд. но Константинъ Ивановичъ не былъ тогда паномъ виленскимъ; 1508 году соотвѣтствуетъ инд. 11, а инд. 7 соотвѣтствуетъ 1519 году, когда А. М. Гаштольдъ не былъ еще воеводой виленскимъ и 1534 году, когда грамота дѣйствительно могла быть подтверждена),—самый языкъ грамоты очень страненъ для пера Константина Ивановича Острожскаго.

Сравнимъ, для примѣра, языкъ этой грамоты съ языкомъ дарственной записи 1519 года въ пользу новгородской Борисоглѣбской церкви (Арх. уніатск. митр., № 16): «Я Костянтинъ ивановичъ острозскій, пан виленский . . . сознаваю сам своею доброю волею сим моим листом, што есми за господарскимъ дозволеніем купил ув ивана ивонича золотаря . . . И бил есми чолом гд-рю моему мл-ствому королю его мс-ти великому Жикгимонту, а бы его м-сть дозволил мнѣ тот дворец хоневичи, куплю мою дати и записати на церков Б-жую соборную с-тыхъ му-чнк Бориса и Глеба . . .»

Разсматриваемая грамота: «Въ имя светое и нераздѣльное Троицѣ Бога Отца и Сына и Духа Светого аминь. *Нѣхъ се* то *стане ку* вѣчной памети *аминь* той *речи*, а ижъ *вѣчне речи* звыкли *то* люде *бачніи* письмомъ *вароватu а то* на часы *потомне* зоставяти *абы то* съ памети людской *не вынлынело*, што уваживши *я тое у себе добре*, ижъ каждый человѣкъ, беручи *добродѣйства одъ пана Бога . . . Пре* то я *Константынъ князь Острожскій*, панъ Виленскій, гетманъ *найвышшый* . . . » и т. д. Различіе въ языкѣ слишкомъ ясно; чистую рѣчь грамоты 1519 г. нельзя и сравнивать съ этимъ страннымъ наборомъ словъ; Константинъ Ивановичъ всегда писался—Костянтин князь Острозскій и никогда не называлъ себя гетманомъ «найвысшимъ»,—такъ его называли только другіе; странно также отсутствіе упоминанія о семьѣ . . .

На основаніи этихъ соображеній мы относимъ построеніе Смолевичской церкви къ 1520—1521 г.г. Съ натяжкою признаемъ спискомъ съ подлиннаго только вторую половину грамоты, первую же относимъ къ половинѣ XVII в.

наго дома и права свободнаго пользованія смолевичской мельницей «безъ мѣрки, завше».

Повидимому, Константинъ Ивановичъ построилъ церковь по просьбѣ своихъ крестьянъ, почему и завѣщаетъ имъ поминать его послѣ смерти въ молитвахъ, слушаться священниковъ, помогать имъ и посѣщать церковь. Но что особенно замѣчательно, Константинъ Ивановичъ заповѣдуетъ: «Которые то отцове священники маютъ люди научати и до хвалы Божой намовяти, абы пана Бога знали и ему яко пану и Створцы своему служили». Подобный завѣтъ,—единственный извѣстный намъ за этотъ періодъ, достаточно говоритъ въ пользу нравственной высоты завѣщателя.

Самое крупное изъ всѣхъ наданій литовскимъ церквамъ во всѣ времена [472]) было сдѣлано Константиномъ Ивановичемъ въ періодъ 1521—1522 г.г. 22-го іюня или 4-го іюля виленскому Пречистенскому собору [473]). Судя по заявленію Ильи Константиновича въ 1531 году [474]), его отецъ, будучи въ московскомъ плѣну, далъ обѣтъ записать, въ случаѣ избавленія, митрополиту и виленскому Пречистенскому собору «родовое» (?) имѣнье Здетелы (Дятлово), но впослѣдствіи рѣшилъ замѣнить это имѣнье другими.

Константинъ Ивановичъ съ женою Татьяною и сыномъ Ильею записываютъ собору и митрополиту два громадныя имѣнія: Шешолы съ Кроштами и Свираны, со всѣми данями, угодьями, боярами и т. д. [475]).

---

[472]) См. «Перечневую опись» Будиловича.

[473]) Грамота эта помѣщена въ «Собор. др. гр. городовъ Вильны . . .» II, 89—93 съ помѣтою въ текстѣ 4 іюля, по списку же Вѣстн. З. Р. (1869 г. III, 45—51) помѣчена 22-го іюня, при чемъ послѣдній списокъ составляетъ переводъ съ латинской подтвердительной грамоты Сигизмунда I, подлинникъ которой мы видѣли въ архивѣ виленскаго Троицкаго монастыря. Дата подлинника: 1522 г. инд. 10, «ближайшая суббота предъ праздникомъ Рождества св. Іоанна Крестителя», Вильна, т. е. 22 іюня 1522 года. Но въ Archiwum Sang. III, 215, помѣщена поручительная запись митр. Іосифа въ томъ, что онъ, за наданье Пречистенскому собору Кроштъ, Шешолъ и Свиранъ, обязуется молиться о душѣ фундатора. Помѣчена запись 1521 г. Значитъ, дѣло велось слишкомъ годъ, при чемъ шли различные переговоры, на что даетъ указаніе и Васильевскій, въ его очеркѣ исторіи города Вильны,— Пам. Стар. въ Зап. губ. V, 30.

[474]) Л. М. Кн. Зап., XVII, 98.

[475]) Шешолы—мѣстечко на границѣ Виленскаго у. съ Вилкомірскимъ.

Доходы предназначаются на содержаніе четырехъ священниковъ и двухъ діаконовъ, при двухъ новыхъ престолахъ, которые будутъ пристроены Константиномъ Ивановичемъ въ Пречистенскомъ соборѣ, между первыми его колоннами. Обязанности священниковъ будутъ состоять въ ежедневномъ совершеніи литургіи на обоихъ престолахъ; на проскомидіи они должны прочитывать большой помянникъ Острожскихъ, въ остальныхъ случаяхъ—малый. Въ пятницу вечеромъ и въ субботу утромъ должно быть совершаемо обычное заупокойное служеніе. Кромѣ того, митрополитъ долженъ смотрѣть, что бы помянники были прочитываемы ежедневно и на великомъ престолѣ собора. Послѣ смерти каждаго члена рода Острожскихъ, онъ долженъ быть внесенъ въ помянникъ безъ новаго вклада, что наблюдаетъ митрополитъ, равно какъ и выполненіе всей этой записи. Въ случаѣ нарушенія условій и невыполненія воли завѣщателя, Острожскіе, или ихъ потомки, имѣютъ право взять обратно эти имѣнія...

Довольно обременительныя для клира условія объясняются тѣмъ, что фундушъ представлялъ столь богатое состояніе, что Константинъ Ивановичъ счелъ нужнымъ торжественно обставить дачу грамоты: подъ нею подписалась *вся* литовская рада и немедленно былъ выхлопотанъ подтвердительный привилей Сигизмунда I. Насколько богаты были эти имѣнья, показываетъ судъ уніатскихъ Пречистенскихъ соборянъ съ захватившими эти имѣнья базиліанами въ 1775 г. Имѣніе Кропшты, которое въ грамотѣ Острожскаго названо только фольваркомъ Шешолъ, оцѣнено соборянами minimum въ 100.000 злотыхъ, т. е. въ 16 тыс. рублей [476]).

Этимъ фундушемъ и кончаются наши извѣстія о наданьяхъ Константина Ивановича Острожскаго православнымъ церквамъ изъ своихъ личныхъ имѣній. Безъ сомнѣнія, имъ было сдѣлано много другихъ наданій, о чемъ свидѣтельствуетъ преданіе, но извѣстія о нихъ не сохранились въ письменныхъ актахъ [477]). Изъ позднѣйшихъ наданій намъ извѣстенъ

Шешольскій лѣсъ былъ такъ великъ, что въ 1863 году служилъ центральнымъ мѣстомъ сбора мятежныхъ шаекъ. (Истор. Вѣстн. 92, XII, 608). Свираны, нынѣ большое село на сѣверо-востокѣ отъ Вильны, на р. Виліи. Кропшты—собственно дворецъ, или фольварокъ, а не самостоятельное имѣніе.

[476]) Акты Вил. Арх. К. XVI, 417.

[477]) По свидѣтельству Кальнофойскаго (Teraturgima . . . Kijow, 1638,

фундушъ Порудоминской церкви. 23-го октября 1528 г. Константинъ Ивановичъ, по званію воеводы троцкаго, даетъ предписаніе своему рудницкому намѣстнику, Богдану Долматовичу, выдѣлить «до воли господарское» священнику Порудоминской церкви Куровское поле и Пупревскій сѣнокосъ, о которыхъ билъ челомъ мѣстный священникъ, отецъ Алексѣй. Воля господарская, очевидно, вскорѣ послѣдовала, ибо порудоминскій причтъ владѣлъ этими землями еще въ 1744 г. [478]). Къ этому-же приблизительно времени относятся два факта заботъ о церкви Константина Ивановича. Одинъ-письмо боярину Ивану, намѣстнику туровскому, объ охраненіи священника Сторожевецкой церкви «отъ кривдъ и переказовъ», какія чинилъ церковнымъ угодьямъ «земянинъ нашъ», Тишко Чемурадскій, переставившій, «конецъ» на границахъ своей земли съ церковною [479]); второй фактъ,—свѣдѣніе о которомъ мы заимствуемъ изъ судебнаго дѣла 1539 г., касается Жидичинскаго монастыря. Архимандритъ его жаловался Константину Ивановичу, патрону монастыря, что кн. Корецкая завладѣла церковнымъ имѣніемъ Рудлевскимъ. Но въ виду того, что Корецкая была опекуншей своихъ малолѣтнихъ сыновей, Константинъ Ивановичъ, не желая обижать вдову и не имѣя твердыхъ основаній для окончательнаго рѣшенія, постановилъ, чтобы Корецкая и монастырь пополамъ пользовались указаннымъ имѣньемъ до совершеннолѣтія малолѣтнихъ князей, при чемъ княгиня со своей половины должна была вносить монастырю десятину [480]).

стр. 33—34) надгробный памятникъ Константина Ивановича имѣлъ, между прочимъ, слѣдующую надпись: « . . . прибавь къ этому много замковъ и много свв. церквей, которыя онъ вымуровалъ на Вильнѣ и княжествѣ Острожскомъ; вторую Геѳсиманію, домъ Пречистой Дѣвы Печерской богато надалъ . . . для калѣкъ госпитали, для дѣтей школы . . .» Ср. Bal. i Lip. Star. P. II, 541.

[478]) Акты Вил. Арх. К. IX, 135—136. Обозначенный издателями 1493 годъ совершенно неправиленъ и выставленъ ими по произволу. Въ актѣ года нѣтъ, а только 2-ой инд 23 окт.; но воеводой троцкимъ Константинъ Ивановичъ былъ съ 1522 года, когда индиктъ второй приходился въ 1528 г., а ранѣе падалъ на 1513 и 1498 г.г. Подтверждена дача Острожскаго 1695 г. 22 іюня (Ibid. 281—282).

[479]) Вил. Арх. Сб. I, 3—4. Годъ опредѣляется чиномъ Константина Ивановича. Сравни тожественную грамоту жены Острожскаго, Александры Семеновны, отъ 7 іюля 1513 г. Опис. Рукоп. Рум. муз. 223.

[480]) Архивъ Ю. З. Р. ч. I, т. VI, стр. 23.

Отъ личныхъ фундушей церквамъ обратимся къ ходатайствамъ Константина Ивановича Острожскаго за православное дѣло передъ королемъ. Пользуясь расположеніемъ Сигизмуда, Острожскій все болѣе и болѣе выпрашивалъ у него милостей православной церкви; къ этому побуждали Константина Ивановича, помимо его личной инициативы, и сами православные, высшіе и низшіе, видѣвшіе въ немъ своего постояннаго заступника и успѣшнаго ходатая, и потому обращавшіеся къ нему въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло было весьма важно и требовало именно православной охраны. 7-го мая 1518 года Константинъ Ивановичъ выхлопоталъ королевское подтвержденіе своему другу, м. Іосифу Солтану, на купленное послѣднимъ у кн. Вас. Ив. Соломерецкаго имѣніе Прилѣпы [481]). Фактъ, хотя и мелочный, показываетъ, что Константинъ Ивановичъ любилъ и уважалъ митрополита, который въ свою очередь платилъ ему тѣмъ-же.

Въ срединѣ 1521 года митрополитъ Іосифъ, уже глубокій старикъ, сильно заболѣлъ. Предвидя, что послѣ его смерти, по обычаю того времени, король пошлетъ своихъ дворянъ переписать его имущество, имѣніе и доходы, а они допустятъ обычныя хищенія, Іосифъ просилъ Н. Н. Радивила и Константина Ивановича Острожскаго ходатайствовать предъ королемъ отъ его имени о назначеніи послѣдняго душеприказчикомъ митрополита и оберегателемъ его имѣній. Король исполнилъ предсмертную просьбу митрополита и 26 сентября далъ привилей Константину Ивановичу на охрану митрополичьихъ имѣній, частнаго имущества Іосифа Солтана, сборъ доходовъ и куницъ и сохраненія всего этого до новаго указа короля для передачи слѣдующему митрополиту [482]). Этотъ привилей показываетъ, какое вліяніе Константинъ Ивановичъ имѣлъ на церков-

---

[481]) Акты З. Р. II, стр. 102

[482]) Лит. Метр., Кн. Зап. X, 67—68. Лебединцевъ, Матеріалы для исторіи Кіевской митрополіи, Кіевск. Епарх. Вѣд. 1873 г. отд. II, стр. 400—401. Въ текстѣ стоитъ дата 10 инд. 26 сент. Краковъ. Неизвѣстно, почему Лебединцевъ, позаимствовавшій этотъ актъ изъ Лит. Метрики, выставилъ 1513 годъ, не соотвѣтствующій индикту. Преосв. Макарій (IX, 208) видитъ у Лебединцева ошибку, но неправильно читаетъ вмѣсто воеводы виленскаго воеводу кіевскаго, такъ какъ въ подлинникѣ грамоты прямо стоитъ: «...какже и твоя милость пане воеводо виленскій, а панъ виленскій князь Костянтинъ Ивановичъ Острозскій за нимъ къ намъ жедаючи писали».

ныя дѣла и какъ довѣряли ему православные, если допускали подобное вмѣшательство въ доходы митрополіи свѣтскаго пана.

Очевидно, что Острожскій оказался хорошимъ душеприказчикомъ, такъ какъ и преемникъ Іосифа Солтана, м. Іосифъ III, 12 дек. 1528 г., выпросилъ у короля аналогичный же привилей о назначеніи Константина Ивановича своимъ душеприказчикомъ и завѣдующимъ митрополичьими имѣньями [483]).

Таже дружба, которая связывала Константина Ивановича съ митр. Іосифомъ Солтаномъ и Іосифомъ III, связывала гетмана и съ другими православными епископами. Такъ, 9-го февраля 1522 года, по ходатайству Константина Ивановича, была удовлетворена просьба еп. туровскаго и пинскаго Іоны—о подтвержденіи привилея Александра, по которому всѣ церкви этой епархіи были поданья святительскаго, какое право очень часто нарушалъ кн. Ѳеод. Ив. Ярославичъ Пинскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ церковные люди туровскаго епископства освобождались, какъ то было издавна, отъ подводной повинности и платежа торговыхъ пошлинъ и земскихъ сборовъ, какіе платили жители Пинска [484]). 16 окт. того же года Острожскій хлопоталъ по дѣлу нареченнаго митр. Іосифа съ Я. Я. Заберезинскимъ [485]); а въ слѣдующемъ году, такъ-же, очевидно, по просьбѣ Константина Ивановича, король подтвердилъ тому же новоизбранному митрополиту Іосифу его частныя покупки земель, сдѣланныя въ бытность его епископомъ полоцкимъ [486]). 8 сентября 1526 года король предоставилъ епископу владимірскому и брестскому Пафнутію право занять луцкую каѳедру по смерти старика—епископа Кирилла, опять по просьбѣ и ходатайству Константина Ивановича Острожскаго, соединившагося для этого съ Юріемъ Ник. Радивилломъ [487]). Когда-же Пафнутій умеръ въ санѣ епископа луцкаго, его мѣсто занялъ Макарій, еп. туровскій, впослѣдствіи митрополитъ, такъ-же не безъ вліянія Константина Ивановича, подпись котораго стоитъ на жалованной королевской грамотѣ [488]).

---

[483]) Лит. Метр., Кн. Судн. д., IV, 216.

[484]) Акты З. Р. II, 134—135 и Вил. Центр. Арх., № 13204, стр. 349—350. Сравни Ibid., 345—346.

[485]) Лит. Метр., Кн. Зап., XII, 35.

[486]) Акты Ю. и З. Р. I, 63—64.

[487]) Акты З. Р. II, 178.

[488]) Ibid. 187. Лит. Метр., Кн. Зап. XII, 381.

Ходатайствовалъ Константинъ Ивановичъ и по другимъ дѣламъ въ пользу церкви. Въ 1523 году, по его просьбѣ, было разрѣшено возобновить Межигорскій и Михайловскій Златоверхій монастыри въ Кіевѣ. Въ этомъ случаѣ Константинъ Ивановичъ пользовался содѣйствіемъ другаго виднаго дѣятеля на пользу православія, Богуша Боговитиновича [489]). Оба монастыря освобождались отъ управы митрополичьей и воеводской, что, конечно, отдавало ихъ во власть короля, но лучше было имѣть хоть такіе монастыри, чѣмъ оставлять ихъ въ развалинахъ.

Въ 1522 и 1524 г. г., когда король былъ въ Львовѣ, Константинъ Ивановичъ просилъ его освободить мѣстный Онуфріевъ монастырь отъ арендной платы за садъ, что было исполнено и плата, въ количествѣ 24 грошей ежегодно, снята съ монастыря [490]). Если количественная цѣнность этого ходатайства и не такъ важна, за то она освѣщаетъ темныя выраженія жителей Львова въ ихъ просьбѣ къ митрополиту (1539 г.)—посвятить Макарія Тучапскаго въ епископы. Упоминая о своихъ трудахъ въ дѣлѣ учрежденія у себя каѳедры, посылкахъ къ королю и митрополитамъ, они говорятъ: «и до Солтана и до отца Іосифа тамъ ѣздъ, працъ и накладовъ много есмо чинѣвали... кове вашей милости, князь Костянтинъ, съ князи и паны, и съ нашими предки, и мы тымъ того были не довели». И эти ходатаи, говорится далѣе, дали Тучапскаго, оказавшимся очень радѣтельнымъ въ пользу православія [491]). Эта грамота свидѣтельствуетъ, что Константинъ Ивановичъ хлопоталъ отъ учрежденіи епископіи въ Галиціи, но не успѣлъ въ этомъ, вѣроятно, потому, что съ одной стороны галицкіе митрополичьи намѣстники, какъ увидимъ ниже, не особенно дружно жили съ митрополитами; съ другой— потому, что Галиція была польскою областію, а Константинъ Ивановичъ былъ сановникъ литовскій, почему голосъ его не могъ имѣть той силы, какъ въ Литвѣ. Всетаки, не безъ вліянія Константина Ивановича, 1-го

---

[489]) Акты З. Р. II, 151—153.

[490]) Памятн. Времен. Кіевск. Ком. III, отд I, 94—99; Monumenta confraternitatis Staurop. Leopol., I, I, 4—7.

[491]) Акты З. Р. II, 359. Грамота сохранилась очень плохо; многихъ словъ и даже цѣлыхъ строкъ не достаетъ, но смыслъ ея объясняется корол. грамотою 28 апр. 1521 г., облегчавшею положеніе львовскихъ православныхъ по ходатайству К. И. Острожскаго (См. пр. 530). Выборный отъ православныхъ, Макарій, не тожественное ли лицо съ Тучапскимъ? . . .

сентября 1522 г. король назначилъ галицкимъ намѣстникомъ Гдашицкаго, который впослѣдствіи дружно работалъ съ митрополитомъ въ пользу православія [492]).

Въ то-же время, т. е. 3-го октября 1524 года въ Львовѣ, послѣдовала по просьбѣ Острожскаго грамота, предоставляющая Андрею Дягилевичу три кіевскія церкви; это наданье произошло вслѣдствіе того, что князь пинскій Ѳеод. Ив. Ярославичъ умеръ, не заплативъ долга Дягилевичу; долгъ-же пришлось платить королю, который и даетъ Дягилевичу три церкви, съ обязательствомъ сдѣлаться священникомъ [493]). Что побудило Константина Ивановича просить за Дягилевича и совершить, въ сущности, нехорошій поступокъ содѣйствія гибельной впослѣдствіи продажѣ церковныхъ должностей,—судить не можемъ.

Въ иномъ свѣтѣ представляются два другія ходатайства Константина Ивановича предъ королемъ тоже о дачѣ духовныхъ должностей. 20-го марта 1524 года, по просьбѣ Константина Ивановича и митрополита Іосифа, послѣдовалъ королевскій привилей архимандриту Лавряшевскаго монастыря Алексію на виленскую Троицкую архимандрію. Просьба обусловливалась тѣмъ, что Троицкій архимандритъ, Тихонъ, «есть вельми немоцонъ», благодаря чему, по всей вѣроятности, дѣла монастыря приходили въ упадокъ [494]). Въ слѣдующемъ году Константинъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ братіею Печерскаго монастыря, письменно жаловался королю, что арх. Антоній совершенно разстроилъ монастырь въ имущественномъ и нравственномъ отношеніяхъ, что иноческое житіе падаетъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ о назначеніи архимандритомъ Печерскаго монастыря Игнатія. Король исполнилъ просьбу 17-го іюня 1525 года [495]), но, какъ увидимъ ниже, Антоній нашелъ покровителей и возвратилъ себѣ эту архимандрію.

Перечисленіе всѣхъ этихъ фактовъ показываетъ намъ, какую видную роль въ западно-русской церковной жизни игралъ Константинъ Ивановичъ, особенно со времени оршанской побѣды. Всѣ важнѣйшія перемѣны въ церкви связывались съ егоименемъ, всѣ милости къ православнымъ, по заявленію самого короля, дѣлались ради Констан-

---

[492]) Supplem. ad Hist. R. Mon., 139. Сравни Акты З. Р. II, 336.
[493]) Акты Ю. и З. Р. II, 134.
[494]) Лит. М., Кн. Зап. XII, 150; Акты З. Р. II, 154—155.
[495]) Акты З. Р. II, 161—162.

тина Ивановича. Личное благочестіе его выразилось въ крупныхъ наданьяхъ церквамъ, въ охранѣ ихъ правъ, въ помощи іерархамъ, въ охранѣ ихъ имуществъ, монастырей и т. д. Если въ Литвѣ положеніе православныхъ въ этотъ періодъ, какъ мы говорили, можно назвать золотымъ вѣкомъ, то только благодаря Константину Ивановичу и его тѣсной дружбѣ и единенію съ даровитымъ Іосифомъ Солтаномъ, Іосифомъ III и современными епископами.

Улучшеніе внѣшне-юридическаго положенія церкви, рядъ доблестныхъ іерарховъ и пановъ охранителей и ревнителей церкви, понятно, благотворно подѣйствовали на повышеніе внутренней жизни православныхъ. Замѣчательный подъемъ благочестія, какой мы наблюдаемъ въ этотъ періодъ, по обычаю того времени, выразился въ многочисленныхъ наданьяхъ церквамъ и монастырямъ. Ни въ какой другой періодъ жизни православной церкви въ Литвѣ мы не встрѣчаемъ столькихъ наданій, какъ въ періодъ 1514—1530 годовъ [496]). Не перечисляя всѣхъ наданій и фундушей, сдѣланныхъ въ этотъ періодъ, остановимся только на выдающихся, характерныхъ.

Кромѣ наданій со стороны богатыхъ князей Мстиславскаго и Пинскаго [497]), сравнительно бѣдные дворяне жертвуютъ почти все свое состояніе на церковь. 20-го апрѣля 1517 года Агафія Песочинская, «каштелянка» (?) волынской земли, передала митрополиту Іосифу Солтану и Паисію, архимандриту Жидичинскому, 100 копъ грошей и 5 селъ: Торокани, Чыкинъ, Лосинцы, Телковичи и Рѣчицу,—съ просьбой построить на эти средства монастырь [498]). Иванъ Полозовичъ, кромѣ обычнаго фундуша кіевскому Пустынскому монастырю въ 1517 году, записываетъ 15-го декабря 1518 года кіевскому Софійскому собору

---

[496]) См. у Будиловича, Перечневую опись, №№ 193—269, стр. XXII—XXIX.

[497]) О наданьяхъ кн. Өеод. Иван. Ярославича Пинскаго см. Акты З. Р. II, 125—127; Вил. Археогр. Сб. VI, 16—17,—даръ Виленск. Пречист. собору; Ревизія пущъ и переходовъ . . . 129—132; 219; 221; 255 и т. д.

[498]) Вил. Арх. Сб. VI, 354—355. Неизвѣстно, почему монастырь не былъ построенъ, а Паисій, вѣроятно, по смерти Солтана, обратилъ наданья Песочинской на Жидичинскій монастырь, не смотря на протесты фундаторши. Завѣщаніе Песочинской исполнено только въ началѣ XVIII в. Львомъ Кишкою—См. Акты Вил. Арх. К., XI, 202—204 и Чистовича, «Очеркъ исторіи Западно-русской церкви», II, 372—373.

долгъ свой умершему брату на землѣ Загальцы, на вѣчное поминовеніе [499]). Записывали «спольнѣ», во избѣжаніе столкновеній при совмѣстномъ владѣніи [500]), записывали отдѣльныя книги [501]); иногда даже спеціально производили покупку имѣнія для фундуша церкви. Такъ, 7-го іюля 1523 года, король подтвердилъ устное наданье Богуслава Пилькевича, подскарбія земскаго, виленской Никольской Перенесенской церкви фольварка, купленнаго Пилькевичемъ у князя Вас. Ив. Соломерецкаго [502]). Въ 1523 году воевода витебскій, Иванъ Богдановичъ Сапѣга, вырылъ прудъ, устроилъ мельницу и отдалъ все св. Михайловской церкви [503]). Въ 1527, 1528 и 1532 годахъ послѣдовали наданья кн. Полубенскаго, Барщевича и кн. Лахтыновича мстиславскому Пустынскому монастырю [504]). Предстояла война, опять записывали фундушъ церкви, руководясь такою мыслію: «ѣдучи на господарскую службу, помыслилъ есми о своемъ животѣ: нѣшто станется надо мною Божья воля, пригодиться смерть... [505])». Даже древнія записи приводились въ исполненіе: 29 сент. 1524 г. домовый священникъ Острожскаго, Тихонъ, заявилъ королю, что онъ выкупилъ и возвратилъ кобринской Пречистенской церкви людей, незаконно проданныхъ его предкомъ около ста лѣтъ тому назадъ [506]).

Но лучше всего свидѣтельствуютъ о поднятіи внутренняго уровня жизни православнаго общества въ данный періодъ духовныя завѣщанія. Для примѣра мы приведемъ три завѣщанія: іерея, рядового земянина и пана-дигнитаря.

Завѣщаніе Матѳея, священника Юрьевской виленской церкви, составленное 9-го мая 1522 года, поражаетъ глубокою религіозностью. Не смотря на то, что у о. Матѳея были бѣдные родственники, онъ распредѣлилъ почти

[499]) Акты Ю. и З. Р. I, 55—56; Арх. Юго-З. Р. I, VI, 21—22; Арх. Ун. Митр., № 15.

[500]) Въ 1521 году Витонизскій съ Ходкевичемъ записали Лаврашевскому монастырю выслуженный обоими сѣнокосъ—Акты Вил. Арх. К. XI, 11.

[501]) Добрянскій. Опис. рукоп. Вил. публ. библ., 47.

[502]) Антоновичъ, Грамоты вел. кн. Лит., Кіевъ 1868, стр. 151. Имя Пилькевича, съ титуломъ подскарбія земскаго, намѣстника каменецкаго, маршалка и писаря, встрѣчается только въ одномъ этомъ случаѣ.

[503]) Л. М., Кн. Зап., XII, 99.

[504]) Вил. Арх. Сб, II, 10—11.

[505]) Акты З. Р. II, 115.

[506]) Л. М., Кн. Зап., XII, 183.

все свое имущество церквамъ. Большая часть назначена на сорокоусты и поминовенія, часть наличныхъ денегъ записана митрополиту и различнымъ священникамъ; одежды предназначаются родственникамъ и бѣднымъ сослуживцамъ. Завѣщаніе не только рисуетъ намъ симпатичную, христіански смиренную, личность іерея небогатой Юрьевской церкви, но и то, какъ жили священники того времени. Нужно сознаться, что о. Матѳей, священникъ небогатаго прихода, былъ, сравнительно очень состоятеленъ; онъ имѣлъ, между прочимъ, 114 червонцевъ, 31 копу грошей, около 12-ти фунтовъ серебра, 7 шубъ, 7 рясъ, 18 книгъ и т. д. [507]). Очевидно, усердіе прихожанъ было значительно, благочестіе проявлялось не на языкѣ только, какъ впослѣдствіи. А что это такъ, подтверждаютъ два другія завѣщанія.

14-го іюля 1524 года рядовой кобринскій земянинъ, Давидъ Чоповскій, завѣщаетъ похоронить его въ родовомъ имѣніи Чоповичахъ, отдать Печерскому монастырю кадку меда, обѣщанную его родителями, *построить и обезпечить церковь* въ Чоповичахъ *и не покидать земянской службы* [508]). Замѣчательно соединеніе искренняго благочестія съ твердымъ сознаніемъ гражданскаго долга.

Но особенно хорошо рисуетъ религіозный міръ современнаго общества завѣщаніе великаго радѣтеля о православіи, Богуша Боговитиновича, родственника и друга Константина Ивановича Острожскаго, написанное 12-го ноября 1529 года. Послѣ обычнаго начала—о скоротечности всего земнаго, порученія души Богу, назначенія опекуновъ, Боговитиновичъ писалъ: «Естли Богъ милый душу мою съ тѣломъ разделить, они (душеприказчики) маютъ тѣло мое грѣшное послати до Кіева, до монастыря святое пречистое Печерское, и тамъ его положити, и проводъ вчинити, и сорокоустъ годовый и виписъ вѣчный вдати, какъ естъ обычай и встава церковная, а потомъ по всимъ церквамъ соборнымъ великого князства Литовского сорокоусты годовые и вбогимъ на елмужну (милостыню) давати; мало бы было тыхъ пенезей, ино збожье продавати...» Отдѣльно завѣщается Троцкому монастырю 200 копъ грошей и окованный золотомъ образъ Николая—въ Витулинъ. Завѣщается отпустить на волю безусловно всю челядь; монастырь Бориса и Глѣба въ

[507]) Вил. Арх. Сб. VI, 12—15.
[508]) Акты Вил. Арх. К. VI, 491.

Гроднѣ поручается милостивому вниманію Сигизмунда I, которому, за его благодѣянія, Боговитиновичъ завѣщаетъ 30 корабленниковъ и 5,000 копъ грошей [509]).

Та-же благочестивая настроенность современнаго литовско-русскаго общества, выражавшаяся въ фундушахъ и завѣщаніяхъ, проникала и въ монастыри, приводила ихъ въ дружественную взаимную связь, вліяла и на высшую іерархію. Въ 1508 году Печерскій монастырь мирно покончилъ длинный періодъ раздоровъ съ Пустынскимъ монастыремъ уступкою ему спорной Кононовской земли [510]). Игуменъ послѣдняго, Сергій, въ 1517 году подтверждаетъ заключенный имъ со Слуцкимъ архимандритомъ Іосифомъ договоръ о взаимномъ поминовеніи братьи одного монастыря въ другомъ [511]). Въ 1526 году мы наблюдаемъ особенно пріятный для православныхъ фактъ примиренія митрополита Іосифа съ намѣстникомъ галицкой митрополіи, Исаакіемъ Гдашицкимъ, назначеннымъ на это мѣсто не митрополитомъ, а Сигизмундомъ I, по соглашенію съ львовскимъ латинскимъ бискупомъ. Кажется, православные митрополиты не признали его и подвергли анаѳемѣ, отчего появился пагубный расколъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить на основаніи окружной грамоты Іосифа III отъ 9-го февраля 1526 года: «... благословили есмо его, и раздрѣшили (sic) есмо его, Богомъ простили есмо его, и гнѣвъ нашъ отпустили есмо ему и дали есмо ему моцъ быть намѣстникомъ галицкой митрополіи [512])». Только при такой перемѣнѣ могло быть ослаблено вліяніе латинскаго архіепископа и православные могли достичь своей завѣтной цѣли—возстановленія галицкой каѳедры.

Мы привели рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о свѣтлыхъ сторонахъ церковной жизни того времени. Но если дѣйствительный уровень жизни стоялъ сравнительно высоко, то были факты и противоположнаго рода, неизбѣжно сопутствующіе всякому теченію жизни.

4-го августа 1520 года король издалъ такого рода грамоту:

---

[509]) Акты Ю. и З. Р. I, 75—77. Изъ завѣщанія видно, что Б. Боговитиновичу принадлежали слѣдующія имѣнія въ Литвѣ: Яблочинъ, Славатычи, Долгоброды, Орля, Сѣмятичи, Озерница, Близна и Промяты, впослѣдствіи богатѣйшія имѣнія Яблоновскихъ, Сапѣговъ и Радзивилловъ.

[510]) Арх. Ю.-З. Р. ч. I, т. VI, 13—14.

[511]) Арх. Ун. Митр., Новая опись, № 13. Акты З. Р. II, 124—125. Дата 7026, инд. 6, т. е. 1517, какъ въ описи, а не 1518.

[512]) Акты З. Р. II, 168—169.

писарь королевскій Михаилъ Васильевичъ Копоть заявилъ, что, справляя посольство въ Крымъ, онъ издержалъ, сверхъ данныхъ ему 100 копъ гр., много своихъ личныхъ денегъ, а возвращаясь обратно, принужденъ былъ кормить на свой счетъ 60 человѣкъ татарскаго посольства,— поэтому Копотъ просилъ, чтобы король, въ вознагражденіе за убытки, далъ его отцу, Василію Евлашковичу, луцкую или владимірскую епископію,—которая откроется раньше. Король согласился и далъ привилей согласно просьбѣ [513]). Фактъ дѣйствительно некрасивый, но не настолько, какъ его представляетъ митр. Макарій [514]), замѣчая, что «тутъ попраны были и права всей православной церкви, которой навязывался для епископскаго служенія человѣкъ, можетъ быть вовсе неспособный и вовсе къ тому неподготовленный, и утвердившееся обычаемъ право мѣстныхъ православныхъ—участвовать въ избраніи своихъ епископовъ». *Но можетъ быть*, Евлашковичъ былъ способнымъ и подготовленнымъ человѣкомъ; участіе «мѣстныхъ православныхъ» въ избраніи епископа — фикція; весьма возможно, что при дачѣ этой грамоты былъ Константинъ Ивановичъ Острожскій, находившійся въ Торнѣ въ концѣ іюня [515]), а это лучшая, думаемъ, порука въ томъ, что данною грамотою не были попраны «права всей православной церкви...».

Нужно замѣтить, что нѣкоторые высшіе духовные того времени мало обращали вниманія на церковные уставы; смотрѣли на свои должности, какъ на доходную статью и всѣми силами старались сохранить за собою свои мѣста, сутяжничали, оговаривали предъ королемъ другъ друга и т. д., такъ что дѣло Евлашковича—не изъ особенно мрачныхъ.

Лучшею иллюстраціей къ жизни высшаго духовенства служитъ исторія Печерской архимандріи въ 1524—1540 г.г.

23-го апрѣля 1524 года Печерскимъ архимандритомъ былъ назначенъ Антоній, выпросившій у короля это мѣсто, и тѣмъ устранившій дѣятельнаго архимандрита Игнатія [516]). Но самъ онъ оказался дурнымъ правителемъ, совершенно разстроилъ монастырь и общинное житіе «до конца сказилъ». Это возбудило жалобы монаховъ и Кон-

---

513) Л. М., Кн. Зап., X, л. 54; Акты Ю. и З. Р. II, 129—130.
514) Ист. Р. Ц. IX, 192—194.
515) Акты З. Р. II, 133.
516) Акты З. Р. II, 155; Л. М., Кн. Зап., XII, 154. Ср. прим. 458.

стантина Ивановича Острожскаго; король, «абы Божая хвала (чого Боже уховай!)» не уменьшалась, 17 го іюля 1525 года вновь предоставилъ монастырь Игнатію съ строгимъ наказомъ «ряднѣ ся справовати», подъ угрозою лишенія даже сана [517]). Но очевидно Антоній имѣлъ заступниковъ и успѣлъ оправдаться предъ королемъ. И вотъ 13-го сентября 1525 года король посылаетъ овруцкому намѣстнику, Халецкому, приказъ—предоставить Антонію, потерявшему Печерскую архимандрію «безъ причины» и по наговорамъ, Овруцкій монастырь—впредь до пріѣзда короля въ Литву и подробнаго разбора дѣла Игнатія съ Антоніемъ. Но въ Овруцкомъ монастырѣ былъ свой игуменъ, Германъ; Антоній не задумался оклеветать его предъ королемъ, якобы Германъ «нерядне ся справуетъ», и сослался на дворянина Глеца. Послѣдній подтвердилъ показанія Антонія и мѣсто для послѣдняго освободилось [518]). Но Антоній не воспользовался плодами своей интриги, ибо 2 го марта 1526 года, грамотою изъ Торуни, онъ былъ вновь назначенъ въ Кіевопечерскій монастырь [519]). Два года пришлось ждать Антонію пріѣзда короля въ Литву и цѣлый годъ послѣ этого разбора его дѣла. Антоній въ это время успѣлъ заручиться сильными покровителями. Когда пріѣхалъ король, то о разборѣ дѣла уже не было рѣчи, и формальное, пожизненное, назначеніе Антонія на Печерскую архимандрію произошло, по словамъ привилея 20-го іюля 1528 года, по челобитью виленскаго воеводы Гаштольда и кіевскаго—Немировича; обычнаго въ случаѣ судебнаго разбора—«смотрѣли есло того дѣла...» нѣтъ, равно какого-либо иного намека на разборъ [520]). Но Антоній и на этомъ не успокоился,—чрезъ мѣсяцъ по назначеніи онъ уже поссорился съ кіевскими панами и началъ съ ними судиться изъ за печерскихъ имѣній [521]).

Не менѣе характерный типъ представляетъ одинъ изъ преемниковъ Антонія, Софроній, относящійся впрочемъ уже не къ нашему пе-

---

517) Акты З. Р. II, 161—162 и Л. Метр., Кн. Зап., XII, 235.

518) Акты Ю. и З. Р. I, 68.

519) Акты Ю. З. Р. I, 69; Лит. М., Кн. Зап., XII, 296.

520) Лит. Метр., Кн. Зап., XII, 396. Акты З. Р. II, 189.

521) Жалоба его на кн. Конст. Коноплю и корол. рѣшеніе 19 августа 1528 г., т. е. меньше, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ послѣ формальнаго полученія имъ Печерской архимандріи,—Акты Ю. и З. Р. I, 73—74.

ріоду, но выросшій на его почвѣ. 25-го января 1540 года король потребовалъ Софронія на судъ къ митрополиту Макарію. «Прежде, говорится въ королевскомъ позывѣ, клирошанъ бывало въ церкви по нѣскольку десятковъ, теперь по одному старцу стоитъ на клиросѣ. Ты разогналъ тамъ всѣхъ священниковъ, клирошанъ, заступниковъ, слугъ и монастырскихъ людей... всѣ доходы отсылаешь на Волынь—дѣтямъ и пріятелямъ». Упрекая Софронія въ жестокости и корыстолюбіи, король приказываетъ немедленно явиться на судъ, подъ угрозою лишенія архимандріи. [522]).

Что-же касается еще одной черты тогдашней церковной жизни — патроната и вмѣшательства свѣтскихъ въ дѣла церкви, то оно казалось зломъ только для іерарховъ того времени, желавшихъ сосредоточить въ своихъ рукахъ побольше правъ и власти. Роль православныхъ братствъ въ послѣдующей церковной жизни Литвы заставляетъ насъ нѣсколько иначе смотрѣть на это участіе свѣтскихъ въ дѣлахъ церкви.

Понятно, мы не можемъ одобрить укоренившагося издревле обычая награждать церквами и монастырями, что дѣлали патроны [523]), и одобрить ходатайства митрополитовъ объ освобожденіи церковныхъ людей отъ подсудности городской ратушѣ [524]); но совершенно иначе мы смотримъ на постоянное и упорное желаніе высшей іерархіи устранить участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви. Послѣдней цѣли покровительствовали короли. Но почему? Потому, что епископы, сосредоточившіе въ своихъ рукахъ патронатъ по епархіи, представляли для короля не только болѣе обильный и вѣрный источникъ доходовъ, но и потому, что на нихъ легче было воздѣйствовать въ случаѣ нужды, чѣмъ на массу. Вотъ почему, въ то время, когда церкви патронатства епископовъ и королей приняли унію къ 1600 году, вылазская шляхта

---

[522]) Архивъ уніат. митр., № 22.

[523]) Напр. 1465 г. кн. Кобринскіе дали своему слугѣ, Іудѣ, Петропавловскую церковь и ея доходы (Акты Ю. З. Р. I, 293—294), или упомянутыя дачи: Евлашковичу епископіи, Дягилевичу—трехъ кіевскихъ церквей.

[524]) Вил. Арх. Сб. VI, 18; 19—20. Неподсудность церковныхъ людей свѣтской власти породила такія, напр., явленія, какъ война Красенскаго за Жидичинскій монастырь въ 1565—1575 г.г. Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. I, стр. 138—142; 159—165 и 186—195.

строила вновь православный храмъ въ 1681 году [525]). Поэтому то мы не можемъ смотрѣть на патронатство, какъ на зло; наоборотъ, считаемъ печальнымъ явленіемъ такіе факты, какъ полученіе епископомъ туровскимъ Іоной въ 1522 году подтвержденія права патронатства надъ всей его епархіей,—съ устраненіемъ такихъ дѣятелей православія, какъ князья Пинскіе [526]), какъ устраненіе минскихъ земянъ отъ участія въ дѣлахъ церкви [527]) и т. д., начиная съ грамотъ митрополитамъ 1499 года и собора 1509 г. до конца XVI вѣка. Наше воззрѣніе имѣетъ подтвержденіе въ дѣятельности самихъ-же епископовъ, соглашавшихся на учрежденіе патронатства вновь, когда церковь приходила въ упадокъ [528]), т. е., когда являлась нужда въ матеріальной помощи..

Паны съ своей стороны, понятно, всѣми силами удерживали за собою право патронатства, что вело иногда къ печальнымъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ. Такъ, въ 1526 г. митр. Іосифъ, по какой-то жалобѣ Константина Ивановича Острожскаго, послалъ своихъ слугъ въ Супрасльскій монастырь съ «позовомъ» игумену явиться на судъ и съ запрещеніемъ служенія. Неизвѣстно, въ чемъ состояла вина игумена. Патронъ монастыря, Александръ Ивановичъ Ходкевичъ, вступился предъ королемъ за свой монастырь и указывалъ, что, по привилеямъ Іосифа Солтана, нужно сначала обослать его, Ходкевича, что монастырь не подсуденъ митрополиту въ свѣтскихъ дѣлахъ и т. д. Результатомъ была укорительная грамота Сигизмунда Іосифу III съ повелѣніемъ впредь держаться въ законныхъ границахъ [529]). Понятно, что подобныя столкновенія мірянъ съ духовенствомъ на почвѣ патроната едвали сплочивали и тѣснѣе соединяли православныхъ Литвы...

Для полноты изображенія положенія православной церкви въ Литвѣ мы должны коснуться и вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи къ

---

[525]) Собр. др. гр. Минской губ., 333—346.

[526]) Акты З. Р. II, 134—135. Какъ мы уже упоминали, этотъ привилей еп. Іона получилъ при содѣйствіи кн. Острожскаго.

[527]) По просьбѣ митрополита король далъ эту грамоту въ 1533 г.,—ибо де отъ участія мірянъ крывда дѣется митрополиту и церквамъ.—Арх. ун. митр., № 19.

[528]) Акты З. Р. II, 154; Лит. Метр., Кн. Зап. XII, 234.

[529]) Николай. Супр. Благов. м., 36—37.

православію стояло латинство. Но данныхъ для сужденія объ этомъ предметѣ мы имѣемъ очень мало.

Въ Галиціи католики дѣйствительно притѣсняли православныхъ. Въ 1521 году, по ходатайству Константина Ивановича Острожскаго, послѣдовало облегченіе участи православныхъ жителей Львова: имъ было разрѣшено приносить присягу въ церкви, по древнему обычаю, являться правоспособными свидѣтелями на судѣ, голосъ православныхъ долженъ приниматься во вниманіе при назначеніи магистратомъ священника къ свободной церкви, священники могутъ ходить съ дарами и провожать покойника въ церковномъ облаченіи, а на русской улицѣ—со свѣчами, пѣніемъ и звономъ. Но подобное облегченіе, послѣдовавшее [530]) по ходатайству православнаго литовскаго гетмана, не понравилось польской шляхтѣ и на петроковскомъ сеймѣ, 17-го февраля 1525 года, православнымъ было запрещено строить дома не на своей улицѣ, записываться въ цехи, заниматься ремеслами, торговать напитками, сукнами и т. д. [531]).

Вообще, жизнь Галиціи складывалась особымъ образомъ. Раннее присоединеніе къ Польшѣ, при томъ въ періодъ ея религіознаго фанатизма, быстрое окатоличеніе буйныхъ галицкихъ бояръ [532]), полное безправіе мѣстнаго населенія, хозяйничанье здѣсь поляковъ,—дѣлаютъ эту область какъ-бы отрѣзаннымъ ломтемъ въ исторіи православія...

Что-же касается собственно Литовско-русскаго государства, то въ немъ пропаганда латинства не проявлялась особенно замѣтно. Если и встрѣчаются мнѣнія, что Сизизмундъ I былъ врагомъ, напримѣръ, Волыни [533]), то это не болѣе, какъ фраза. Въ Подольѣ-же такіе епископы,

---

[530]) Monum. Confrat. Staurop. Leopoliensis, t, I, p. 1, 2—4; Зубрицкій. Лѣтоп. Львовск. Братства, Ж. М. Н. Пр. 1849 г. и Галицкая Русь въ XVI ст. Чт. М. Общ. Ист. и др. Р. 1862, III, 24—25; Макарій, И. Р. Ц., IX, 205—206.

[531]) Supplem. ad Hist. R. Mon., 457—458; Mon. Confrat. Staurop. Leop., 8—9.

[532]) Жолкѣвскіе, Потоцкіе, Конецпольскіе, Замойскіе, Збаражскіе, Залусскіе. Замѣчательно, что почти всѣ выдающіяся польскія фамиліи или галицкаго, или нѣмецкаго, или литовско-русскаго происхожденія.

[533]) Вол. Еп. Вѣд. 1873, отд. неофф., 542, статья свящ. Барановскаго—«село Колодно». Авторъ называетъ Сигизмунда I «непримиримымъ врагомъ» Волыни за то, что онъ, отдавъ Бонѣ луцкія и кременецкія королевскія

какъ Гамратъ, не могли пропагандировать латинства уже потому, что, напримѣръ, имя Гамрата послужило корнемъ непечатныхъ словъ польскаго языка [534]). Вообще-же, сначала войны съ Москвою, затѣмъ опасность отъ протестантства отвлекали вниманіе короля и латинскаго духовенства въ другую сторону. Эдикты противъ лютеранскихъ книгъ и проповѣдей слѣдовали почти непрерывно. 24-го мая 1520 года, 5-го февраля 1522 года, 7-го марта 1523 года, 22-го августа 1523 года, 1525 года и синоды 1520, 1523, 1527 и 1538 годовъ [535]) показывали, какъ энергично принялось правительство за борьбу противъ протестантства, тѣмъ болѣе, что въ іюнѣ 1526 года, послѣ всякихъ декретовъ и уговоровъ главнаго дѣятеля лютеранства, прусскаго магистра [536]), пришлось обратиться къ крутымъ мѣрамъ противъ появившихся въ Гданскѣ еретиковъ [537]).

Понятно, что при подобномъ положеніи дѣлъ, у римско-католическаго духовенства не было времени и охоты къ пропагандѣ латинства въ средѣ православныхъ. Даже папы сознали это и шли на уступки. Прежде, когда Александръ женился на Еленѣ, папы, какъ мы видѣли, настоятельно требовали обращенія ея въ католичество. Теперь же, когда кн. Юрій Семеновичъ Слуцкій женился на католичкѣ Радивилъ, папа, не имѣя никакой возможности исполнить его просьбы о воспитаніи дѣтей въ православіи, не только не требовалъ воспитанія всѣхъ дѣтей въ католичествѣ на основаніи постановленій городельской уніи, но предложилъ кн. Слуцкому одну дочь крестить въ православіе, а другую въ

имѣнья, впустилъ туда поляковъ». Но эта логика—заключеніе ab posse ad necesse, ибо до Боны держалъ Кременецъ бискупъ Янушъ—Вол. Еп. Вѣд. 1874 г., стр. 455—456.

[534]) О католичествѣ въ Подольѣ см. Симашкевича—«Римское католичество и его іерархія на Подолѣ», Каменецъ-Подольскъ, 1872, ч. I, 80 и далѣе. Краски нѣсколько сгущены.

[535]) Любовичъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Варшава 1883, стр. 47—49.

[536]) Codex diplomaticus Regni Poloniae et. M. D. L., Wilnae 1764 IV, 238—239; 242.

[537]) Item anno domini 1526 mense junio heretici Luteriani in urbe Gedana quidam decolantur, quidam vincti ferro, compedibus, et quidam in exilium propelluntur ex decreto christianissimi regis Poloniae, Sigismundi primi» Rocznik Swiętokrzyski,—Bielowski, Historica Pol. Mon. III, 102—103.—См. также Relacye Nuncyuszów Apostolskich, I, 5—12.

католичество [538]). Одинъ только фактъ изъ католической церковной жизни того времени могъ служить угрозою православнымъ,—это многократныя хлопоты францисканцевъ, капитулы и короля о канонизаціи королевича Казиміра, виновника запрещенія православнымъ строить церкви (1480 г.), но, въ виду не такъ охотнаго содѣйствія короля и упорнаго молчанія папы, фактъ этотъ прошелъ почти незамѣтнымъ [539]).

Если теперь вкратцѣ очертить положеніе православной церкви въ періодъ 1514—1530 г., то получимъ слѣдующее.

Съ внѣшней стороны церковь наслаждалась миромъ и ничего не потеряла изъ своихъ правъ Отношенія Сигизмунда къ церкви въ Литвѣ не заставляли желать ничего лучшаго. Король не только производилъ потвержденія чужихъ наданій церквамъ, но и самъ давалъ фундуши, разрѣшалъ постройку монастырей и т. д. Уклоненія отъ желательныхъ отношеній были, но такія, какія были возможны и въ московской Руси. Католическое духовенство не имѣло такихъ рьяныхъ дѣятелей, какъ Таборъ, и относилось къ православію безразлично. Во внутреней жизни церкви замѣчается поднятіе благочестія и увеличеніе наданій. Факты темнаго характера являются исключеніями. Спокойствіе внутренней жизни не было смущаемо пропагандой латинства. Вообще, этотъ періодъ церкви въ Литвѣ (Галицію исключаемъ) является лучшимъ изъ всѣхъ. Причиною этого процвѣтанія служилъ рядъ хорошихъ митрополитовъ и Константинъ Ивановичъ Острожскій, принимавшій участіе во всѣхъ важнѣйшихъ перемѣнахъ въ церковной жизни православныхъ и привлекшій на нее милости Сигизмунда I. Ему, и отчасти его сотрудникамъ, Іосифу Солтану, Богушу Боговитиновичу и Александру Ив. Ходкевичу, православная церковь обязана всѣмъ въ области правовой, юридической, и очень многимъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

•

Послѣ обзора церковной дѣятельности Константина Ивановича Острожскаго въ послѣдній періодъ его жизни, намъ остается сказать нѣсколько словъ о его послѣдней службы своей родинѣ на поприщѣ гражданскомъ и военномъ, о его частныхъ дѣлахъ и, наконецъ, сообщить послѣднія свѣдѣнія о Константинѣ Ивановича и его кончинѣ.

---

538) Teiner, Vetera Mon. Pol. et Lith., II, 463; 482—483.
539) Ibid. II, 367; 373—374.

Занятіе Константиномъ Ивановичемъ уряда троцкаго воеводы, вѣдавшаго самую обширную территорію въ Литвѣ, часто вызывало его къ административно-хозяйственой дѣятельности. По большей части Острожскому приходилось разбирать земельныя дѣла, взыскивать деньги въ пользу короля, отыскивать свободныя королевскія земли или свободныхъ людей и «увязывать» (вводить во владѣнье) получившаго королевское наданье. Такъ, 24-го декабря 1522 г. Сигизмундъ далъ подляшскому воеводѣ, Янушу Костевичу, десять человѣкъ въ Радуньскомъ повѣтѣ; Константинъ Ивановичъ долженъ былъ дальше самъ выбирать этихъ людей, «тяглыхъ, не конокормцевъ и не лейтевъ», и выписывать ихъ въ «увязчемъ» листѣ. Въ 1526 году долженъ былъ увязать дворянина Матѳея Заморенку въ пожалованное ему село Якимовичи Горвольской волости (Минск. г., Рѣчицк. у.). 16-го февраля 1524 года Сигизмундъ писалъ Константину Ивановичу Острожскому, что дворянину Ивану Немировичу пожалованы земли и люди въ Троцкой волости. « И твоя бы милость казалъ только людей и земель у повѣтѣ твоей милости Троцкомъ обыскавши, и въ то его казалъ увязати». Понятно, всѣ эти распоряженія приводились въ исполненіе не самимъ Острожскимъ, но его намѣстниками, все-же они отвекали Константина Ивановича отъ другихъ дѣлъ болѣе важныхъ и, быть можетъ, своею многочисленностію отнимали много свободнаго времени у Константина Ивановича,—тѣмъ болѣе, что, помимо приведенія въ исполненіе королевскихъ повелѣній, Константину Ивановичу самому лично приходилось раздавать земли, «до воли господарское», какъ гласитъ подтвердительный привилей Сигизмунда 1523 г. на земли и пустоши, данныя воеводой троцкимъ земянину Августину Дашкевичу, или привилей 1525—Бартошу Станиславовичу, а иногда—даже получать выговоры за невполнѣ ясное опредѣленіе границъ троцкаго воеводства [540]).

Съ другой стороны, Константину Ивановичу поручались самыя сложныя дѣла, рѣшеніе которыхъ почему либо король считалъ затруднительнымъ. Такъ, въ 1523 году, послѣ заключенія перемирія съ Москвой [541]), было рѣшено приступить къ давно назрѣвшему вопросу,—опредѣленію точной границы между Польшей, Галиціей и Подольемъ съ

[540]) Акты Зап. Р. II, 144; 147—148; Лит. Метр., Кн. Зап., XII, 30. 40. 54. 59. 62. 66. 68. 114. 118. 119. 137. 191. 292; XIV, 41. 46. 104 и др.

[541]) Акты З. Р. II, 148—151.

одной стороны, Литвой и Волынью—съ другой. 9-го апрѣля 1523 года королевскою грамотою Константинъ Ивановичъ Острожскій, какъ самый значительный человѣкъ въ Литвѣ, былъ назначенъ главнымъ членомъ литовской разграничительной комиссіи для Волыни. Ему было предписано [542]) въ понедѣльникъ, послѣ св. Троицы, быть на границѣ, извѣстить всѣхъ обиженныхъ и недовольныхъ, добросовѣстно, вмѣстѣ съ польской комиссіей, разобрать всѣ жалобы, дать по нимъ рѣшенія, возстановить и опредѣлить границу сообразно старинѣ. Мы не знаемъ, какой результатъ имѣла эта смѣшанная комиссія и привела-ли она дѣло къ окончанію; но границы между Литвой и Польшей опредѣлялись еще въ 1546 году, хотя уже около Бреста [543]). Весьма возможно, что приготовленія къ отраженію ожидаемаго въ 1524 г. татарскаго набѣга [544]) прервали работы комиссіи.

Другимъ важнымъ порученіемъ короля Константину Ивановичу было назначеніе его верховнымъ судьей въ дѣлѣ волынскихъ земянъ со старостою луцкимъ, кн. Ѳ. М. Чарторыйскимъ. Послѣдній насылалъ слугъ на имѣнія земянъ, грабилъ и обижалъ ихъ. Король послалъ своего дворянина для обузданія Чарторыйскаго, но тотъ ничего не могъ сдѣлать. Тогда былъ назначенъ Константинъ Ивановичъ Острожскій [545]), при чемъ его приговоръ уже не подлежалъ аппелляціи. Кажется, рѣшеніе Константина Ивановича было не въ пользу Чарторыйскаго, жадность котораго не имѣла границъ. Въ томъ-же году Острожскому, какъ уважаемому представителю православно-русской части Литвы, было дано почетное порученіе—быть третейскимъ судьею между цвѣтомъ тогдашней русской аристократіи—кн. Пузыною, А. М. Сангушкою, Одинцевичемъ и кн. Полубенскимъ [546]).

Въ началѣ 1526 года Острожскій, по повелѣнію короля, произвелъ раздѣлъ спорныхъ доходовъ луцкаго староства и маршалковства волынской земли. Но Чарторыйскій лично явился къ королю и вы-

---

[542]) Король выражается мягко: «жедали есмо твоея милости, абы твоя милость . . .» Грамота въ Актахъ Ю. и З. Р. II, 130—131.

[543]) Вил. Арх. Сб. I, 46—126.

[544]) Акты З. Р. II, 156.

[545]) Грамота датирована: Петроковъ 14 ноября 1523 г.—Arch. Sang. III, 254—255.

[546]) Arch. Sang. III, 263.

просилъ для себя доходы, присужденные Константиномъ Ивановичемъ въ пользу маршалка волынской земли, ни слова не говоря о результатахъ суда воеводы троцкаго. Обиженный маршалокъ волынской земли, кн. Андрей Александровичъ Сангушко, обратился съ жалобой къ Острожскому, своему зятю, который написалъ объ этомъ королю, вслѣдствіе чего, грамотою 27-го марта 1527 года, Чарторыйскому было запрещено вступаться въ доходы маршалка подъ угрозою 1,000 копъ штрафа и король дѣлалъ старостѣ не особенно вѣжливые упреки во лжи и обманѣ [547]).

Но этимъ не кончились для Константина Ивановича почетныя порученія короля. 28 декабря 1527 г. король поручилъ ему рѣшить съ волынскими панами принципіальный вопросъ по дѣлу А. А. Сангушки со Ставецкими—именно присягаетъ-ли по волынскому праву тяжущаяся сторона вмѣстѣ со своими свидѣтелями, или-же присягаютъ одни свидѣтели? Константину Ивановичу поручается выдать судьямъ инструкцію, согласную съ рѣшеніемъ этого вопроса [548]). Около 1528 г. Острожскій, по званію воеводы троцкаго, производилъ судебное разбирательство по поводу имѣній Санѣговъ и т. д. [549]).

Вообще, въ 1520-хъ годахъ Литва занимается преимущественно внутренними дѣлами. Съ сосѣдями столкновеній почти не было: даже угрожавшій татарскій набѣгъ 1524 года разрѣшился въ перемиріе [550]). Съ Москвою, послѣ неудачныхъ попытокъ заключить миръ, идутъ дѣятельныя пересылки, но не лично отъ Сигизмунда, а отъ благожелательнаго къ королю папы и эрцгерцога Фердинанда. Папа, приславшій въ 1525 г. Сигизмунду корону и освященный мечъ, дѣятельно способствуетъ заключенію полнаго мира Сигизмунда съ Василіемъ III [551]).

Понятно, что король пользуется отдыхомъ и, заглаживая опустошенія московской войны [552]), проводитъ время преимущественно въ

---

547) Акты Ю. и З. Р. II, 135.
548) Arch. Sang. III, 320.
549) Вил. Центр. Арх. № 5931, л. 99 на об.
550) Histor. Russiae Mon. I, 129—130.
551) Swagnin, Kronika, II, 97 и Histor. Russiae Mon. I, 129; 132—134.
552) Акты З. Р. II, 158—159.

устройствѣ дѣлъ строптивой польской шляхты и въ подготовкѣ изданія Литовскаго Статута.

Константинъ Ивановичъ, также пользуясь затишьемъ, исполняетъ королевскія порученія и устраиваетъ свои личныя дѣла. Въ 1525 году онъ производитъ закладку Староконстантинова [553]),—фактъ весьма важный въ дѣлѣ колонизаціи опустошенныхъ татарами окраинъ. Въ 1526 году онъ хлопочетъ предъ королемъ по слѣдующему, весьма симпатичному и ярко характеризующему его дѣлу: Спасскій кобринскій архимандритъ Іосифъ, съ вѣдѣнія митрополита, добровольно, безъ всякаго принужденія, «нижли убачивши ласку и добродѣйство ку собѣ его милости князя воеводину», записалъ сыну Константина Ивановича, Ильѣ, все свое имущество и эту запись, подъ печатью митрополита Іосифа, князей и пановъ, прислалъ къ Константину Ивановичу съ просьбою выхлопотать у короля подтвержденіе, которое и дано 8 сентября 1526 г. [554]). Этотъ фактъ, гдѣ Илья является только подставнымъ лицомъ, это единодушное согласіе на подпись митрополита, князей и пановъ, самое желаніе архимандрита чѣмъ-нибудь сдѣлать пріятное Константину Ивановичу, является лучшей для него наградой, а для насъ—лучшимъ доказательствомъ плодотворности дѣятельности Острожскаго, его популярности и любви къ нему православныхъ русскихъ.

Въ началѣ слѣдующаго года Константину Ивановичу пришлось въ послѣдній разъ послужить своей родинѣ противъ татаръ. По наговорамъ турокъ, зимою 1526 года, татары вторгнулись въ Волынь и Галицію. Въ Литвѣ, хотя миръ былъ возобновленъ въ 1525 году [555]), ихъ ждали, но, за отсутствіемъ короля, не могли предпринять рѣшительныхъ мѣръ. Татары прошли вплоть до Пинска и Белза, не задерживаемые переправами. Константинъ Ивановичъ, при первыхъ извѣстіяхъ о набѣгѣ, наскоро собралъ войска и поспѣшилъ на встрѣчу. Пораженіе имъ татаръ подъ Пинскомъ принудило послѣднихъ къ поспѣшному отступленію. Гетманъ преслѣдовалъ ихъ по пятамъ; въ январѣ 1527 года подоспѣли къ нему на помощь отряды Ю. Н. Ради-

---

553) Bal. i Lip., P. Star., III, 98.
554) Л. М., Кн. Зап., XII, 332; Акты Ю. и З. Р. I, 70.
555) Акты З. Р. II, 171—176.

вила, А. М. Гаштольдъ, многіе князья и паны; Константинъ Ивановичъ принялъ главное начальство и перерѣзалъ путь татарамъ на р. Гольшанкѣ, между Каневомъ и Кіевомъ, но такъ, что татары, не подозрѣвая впереди себя враговъ, расположились на отдыхъ. Тогда съ литовской стороны было сдѣлано неожиданное и быстрое нападеніе, не допустившее татаръ къ лошадямъ. Послѣ нѣкотораго сопротивленія, часть ихъ прорвалась и убѣжала, остальные-же пали на полѣ битвы и только 700 человѣкъ взяты въ плѣнъ; побѣдители освободили около 40 тысячъ русскихъ плѣнниковъ и захватили весьма много награбленнаго имущества. Прорвавшіеся татары были поражены еще дважды Юріемъ Сем. Слуцкимъ и Е. Дашковичемъ. Въ числѣ убитыхъ на рѣкѣ Гольшанкѣ были и турки, во главѣ съ перекопскимъ пашою Ибрагимомъ [556]). Эта удачная битва (удачная по отсутствію поляковъ и отъ этого путаницы и многоначалія) радостно была привѣтствована всѣмъ государствомъ, а виновникъ побѣды, если вѣрить извѣстіямъ, былъ вторично почтенъ тріумфомъ и при томъ не въ столицѣ Литвы, а въ Краковѣ. Побѣда на Гольшанкѣ была такъ важна, что послѣ нея татары обращаются въ Литву за помощью въ междуусобной борьбѣ, чего не было со времени Витовта [557]).

Чѣмъ отблагодарилъ король Константина Ивановича Острожскаго за побѣду, кромѣ тріумфальнаго въѣзда, неизвѣстно [558]), если не считать дозволенія назначить, по челобитью Константина Ивановича, новые сроки для торговъ въ имѣньяхъ сосѣдей, такъ какъ прежніе совпадали съ торгами у Константина Ивановича [559]), освобожденія поддан-

[556]) Сборн. И. Р. Ист. Общ. XXXV, 754; Wapowski, Scriptores rer. Pol. II, 218; Bielski, Kronika, л. 300; Stryjk. II, 393; Gwagnin, II, 98—99; онъ сообщаетъ о тріумфальномъ въѣздѣ Константина Ивановича въ Краковъ; Rocznik Swiętokrzyski; Bielowski, Hist. Pol. Mon., III, 104; Bal. i Lip., Star. P. II, 540—541 и IV, 643. Стрыйковскій говоритъ, что татаръ было 34 тысячи, 24 тыс. убито, плѣнныхъ отнято 80 тыс.

[557]) 1528 г.—приглашеніе королемъ Ислама царевича въ Польшу съ обѣщаніемъ помочь ему въ достиженіи ханскаго престола. Акты З. Р. II, 190—191.

[558]) Извѣстіе Стецкаго (Miasto Równe, Warsz. 1880, стр. 7) о томъ, что привилей на торги въ Ровнѣ, Острогѣ, Дорогобужѣ, Дубнѣ, Сатыевѣ данъ 1-го апрѣля 1527 года, мы считаемъ невѣрнымъ въ виду Arch. Sang. III, 358, гдѣ этотъ привиллей отнесенъ къ 1529 году.

[559]) Arch. Sang. III, 300—301. Лит. Метр., Кн. Зап. XII, 347.

ныхъ Острожскаго отъ платы соляного мыта въ Кременцѣ и удовлетворенія его просьбы о предоставленіи племяннику, Θ. А. Сангушкѣ, трети имѣній умершаго Ивана Хребтовича [560]). Сигизмунду трудно было дать какую-либо новую награду Острожскому, получившему всѣ награды того времени и достаточно богатому для новыхъ наданій.

Въ срединѣ 1528 года мы видимъ Константина Ивановича на виленскомъ сеймѣ [561]), гдѣ онъ участвуетъ въ выработкѣ знаменитой въ исторіи военнаго дѣла въ Литвѣ «уставы» 1528—1529 г.г., о которой мы уже говорили [562]). Вѣроятно, на этомъ-же сеймѣ Константинъ Ивановичъ участвовалъ въ рѣшеніи дѣла между Сангушками и Боной относительно Грушева и Черевачицъ [563]). Начало слѣдующаго года Константинъ Ивановичъ также провелъ въ Вильнѣ, когда получилъ подтвержденіе на купленное имъ с. Романовъ и милостивый королевскій привилей на постройку замка въ Черлеховѣ, основаніе города съ наданьемъ магдебургскаго права и т. д. [564]) 29 іюня 1528 г. и 13 февраля 1529 г. Константинъ Ивановичъ, вѣроятно, выпросилъ у короля привилей своему троцкому городничему, кн. Петру Михайловичу Острожецкому-Головнѣ, на построеніе въ Острожцѣ замка, города съ магдебургскимъ устройствомъ и присужденіе ему двухъ частей въ им. Дерно и Водерады [565]). Къ этому же времени относится запись Острожскаго своей женѣ Александрѣ Семеновнѣ въ полную собственность двора Словенска, полученнаго Константиномъ Ивановичемъ въ 1516 г. по родству съ князьями Кобринскими и вѣновой записи ей же на Туровѣ. То и другое наданье были подтверждены королемъ 23 и 25-го декабря 1528 года [566]) 30-го января 1529 г. Острожскій былъ при награжденіи имѣньями сына по-

---

[560]) Arch. Sang. III, 311—313 и IV, 12.

[561]) Арх. Ю.-З. Р. ч. V, т. I, 37.

[562]) См. гл. IV, стр. 152, прим. 384.

[563]) Эти имѣнія, торжественно присужденныя Сангушкамъ 6 сентября 1522 года вопреки домоганьямъ Вацлава Костевича, теперь присуждены Бонѣ, но съ выплатою Сангушкамъ 1000 копъ. Arch. Sang. III, 240—241 и 337—339.

[564]) Лит. М., Кн. Зап., XII, 413. 415. 417; Arch. Sang. III, 341—342. Грамоты помѣчены 13, 16 и 18 февраля 1529 г.

[565]) Арх. Ю.-З. Р. ч. V, т. I, 36—37; Arch. Sang. III, 343—344.

[566]) Лит. Метр., Кн. Зап., XII, 404—406. Словенскъ записывается женѣ за прекрасную и безупречную семейную жизнь.

койнаго митрополита Іоны, Семена Ивановича, долго томившагося въ Москвѣ [567]). Вѣроятно, что въ этотъ-же періодъ Константинъ Ивановичъ заключилъ договоръ съ Юріемъ Николаевичемъ Радивиломъ, паномъ виленскимъ и старостою гродненскимъ, о выдачѣ за Илью Константиновича его дочери,—Анны [568]), впослѣдствіи, въ 1539 году, расторгнутый въ виду намѣреній короля выдать за Илью свою побочную дочь, Беату Костелецкую [569]).

Послѣднее дѣло Константина Ивановича Острожскаго, было направлено на пользу роднаго русскаго народа. Пользуясь милостію короля, Острожскій выпросилъ у него освобожденіе Луцка, въ виду татарскаго опустошенія и пожара, на десять лѣтъ отъ платы господарскихъ податей и на пять лѣтъ отъ старостинскихъ. Но тогдашній староста луцкій, Ѳ. М. Чарторыйскій, продолжалъ вымогать свои налоги, что повело къ новой грамотѣ, данной 18-го іюля 1529 года по новому ходатайству Острожскаго и королевы Боны, расположеніемъ которой ухитрились воспользоваться жители Луцка, не смотря на свою бѣдность [570]).

Это были послѣднія, извѣстныя намъ, дѣла Острожскаго. Намъ неизвѣстно, какое участіе принималъ онъ въ подготовкѣ и изданіи Литовскаго Статута,—этого оффиціальнаго признанія кореннаго значенія русскихъ началъ въ Литвѣ [571]), торжества русскихъ принциповъ, за которыя всегда и всю жизнь доблестно боролся Константинъ Ивановичъ. Извѣстно только, что онъ дожилъ до изданія указа [572]) о введеніи съ 8-го ноября Литовскаго Статута, до избранія и коронованія (18-го октября) Сигизмунда Августа великимъ княземъ литовскимъ, чему, по всей вѣроятности, старый гетманъ горячо содѣйствовалъ.

Сравнительно большіе года (около 70 лѣтъ), а главное—жизнь, полная тревогъ и безпокойствъ, раны на войнѣ, томленіе въ жестокомъ

---

[567]) Арх. ун. митр., № 18.

[568]) Malin. i Przezdz., Żródła do dziejów Polskich II, 392.

[569]) Акты З. Р. II, 338—339.

[570]) Акты Ю. и З. Р. II, 136—138. Въ заголовкѣ опечатка въ годѣ, правильно выставленномъ въ текстѣ грамоты.

[571]) По компетентному свидѣтельству Ярошевича (Obraz Litwy, II, 133—135) въ Литовск. Статутѣ 0, 9 принадлежало русскому праву и всего 0, 1 римскому, нѣмецкому и польскому; послѣднему—особенно мало.

[572]) Акты З. Р. II, 211.

плѣну свели въ могилу доблестнаго гетмана православно-русской Литвы, «святой и славной памяти»—Константина Ивановича Острожскаго.

Вопросъ о времени его смерти рѣшался различно. Прежде, вслѣдъ за Стрыйковскимъ, полагали кончину Константина Ивановича Острожскаго въ 1533 году [573]), но уже Кояловичъ колеблется [574]) и относитъ кончину къ 1532—33 году. Послѣ сравнительно правильнаго опредѣленія года смерти Константина Ивановича Острожскаго у Стебельскаго [575]), 1530, вновь неправильно обозначается годъ смерти у Стецкаго—1531 и др. [576]), не смотря на изданные уже памятники, не допускающіе такого мнѣнія.

Въ семидесятыхъ годахъ вопросъ о времени кончины Константина Ивановича Острожскаго возбуждалъ интересъ и мы имѣемъ три рѣшенія: первое далъ г. Романовскій—«до 1 августа 1531 года [577])»; второе —проф. Голубевъ [578]), третье—проф. Петровъ [579]). Но названные ученые не дали яснаго и точнаго отвѣта какъ потому, что упустили изъ виду нѣкоторые печатные акты, такъ и потому, что не имѣли подъ руками нѣкоторыхъ данныхъ изъ Литовской Метрики.

Время кончины К. И. Острожскаго опредѣляется слѣдующими пятью датами: 1) подписью на уставной грамотѣ Кіевской землѣ предъ введеніемъ Статута—1 сентября 1529 года и завѣщаніемъ Богуша Боговитиновича—12 ноября 1529 года [580]); 2) королевскимъ привилеемъ отъ 23 февраля 1530 года, по жалобѣ К. И. Острожскаго, о невзиманіи мыта съ подданныхъ его при проѣздѣ ихъ чрезъ Луцкъ и Кременецъ [581]);

---

[573]) Stryjk. II, 397; Пам. Врем. К. К. IV, I, 91; Bal. i Lip. Star. P. II, 541; Niesiecki, Herb. P., VII, 183; Кальнофойскій, Teraturgima, 33.

[574]) Hist. Lituaniae, II, 393.

[575]) Żywoty . . . II, 58—59.

[576]) Miasto Równe, Warsz. 1880, стр. 7.

[577]) Труды 3-го археол. съѣзда въ Кіевѣ, Кіевъ 1878, стр. 208.

[578]) Труды Кіевск. дух. Академіи, 1877, IV, 182—191,—критическій разборъ реферата г. Романовскаго, читаннаго на археол. съѣздѣ.

[579]) Кіевск. Епарх. Вѣд. 1875, № 15 и 18. Проф. Петровъ, найдя рукописную эпитафію К. И. Острожскаго въ Софійскомъ соборѣ (конечно очень поздняго происхожденія), вѣритъ ей безусловно и поэтому доказываетъ, что Константинъ Ивановичъ умеръ въ 1526 году.

[580]) Акты З. Р. II, 211; Акты Ю и З. Р. I, 75—77.

[581]) Лит. Метр., Кн. Судн. дѣлъ, IV, 204. 207.

3) грамотою князю Полубенскому на разборъ дѣла Радивилловъ со Скиндеромъ—отъ 25 сентября 1530 года[582]); 4) грамотою короля Ильѣ Константиновичу Острожскому о возвращеніи мачихѣ захваченнаго въ Туровѣ—5 октября 1530 г. [583]) и 5) обозначеніемъ времени смерти Константина Ивановича у Стрыйковскаго и Нарбутта [584]).

Первая дата является послѣднею оффиціальною подписью Острожскаго съ одной стороны, съ другой—показываетъ, что къ 12 ноября 1529 года онъ былъ или боленъ, или же такъ слабъ, что Боговитиновичъ, зять и другъ Константина Ивановича, не только не назначилъ его своимъ душеприказчикомъ и не отписалъ ему, какъ другимъ, никакого подарка, но даже ни словомъ не упомянулъ о такомъ видномъ дѣятелѣ и родственникѣ. Вторая дата—послѣднее упоминаніе объ Острожскомъ и его частныхъ дѣлахъ, просьба же со стороны Константина Ивановича, благодаря которой и послѣдовалъ привиллей, понятно, могла послѣдовать задолго до 23 февраля. Третья дата показываетъ, что Острожскій умеръ до 25 сент. 1530 года, ибо король говоритъ о воеводѣ троцкомъ, какъ объ умершемъ, четвертая, 5 окт. 1530 года, отодвигаетъ время кончины на много раньше. «Жаловалъ намъ», писалъ король кн. Ильѣ Константиновичу, «князь Юрьи Семеновичъ Слуцкій именемъ сестры своее кнегини Костентиновое Ивановича Острозского кнегини Александры, воеводиное Троцкое, о томъ, штожъ дей ты, поѣхавши съ тѣломъ отца своего, мужа ее милости князя Костентина его милости, до Кіева, а *оттоль* дей еси наславши слугъ своихъ моцно ктвалтомъ сто коней на замокъ ее Туровъ....» захватилъ и опечаталъ все, включая и документы. Король далъ грамоту 5 октября *въ Краковѣ*; она вызвана жалобою кн. Слуцкаго отъ лица сестры, проживавшей, вѣроятно, *въ Слуцкѣ*; послѣдовала жалоба по вѣсти, данной *изъ Турова*, занятаго отрядомъ Ильи Константиновича, который послалъ захватить Туровъ, находясь самъ *въ Кіевѣ* съ цѣлью похоронить тѣло отца, умершаго *въ Острогѣ*, или

---

582) Лит. Метр., Кн. Зап., XVII, 17—18.

583) Лит. Метр., Кн. Зап., XVII, 34; Акты Ю. и З. Р. I, 78—79. Письмо Ильи Константиновича пану Прусскому отъ 23 мая, помѣченное въ Arch. Sang. (III, 362) 1530 годомъ, относится къ 1531 г., такъ какъ года въ текстѣ нѣтъ и выставленъ онъ предположительно, а равно и въ виду Arch. Sang. III, 369.

584) Kronika, II, 397; Dzieje nar. Lit. IX, 192. Cp. Wolff, Kniaziowie, 350.

въ Трокахъ. Тѣло умершаго отпѣвали на мѣстѣ, везли или по рѣкѣ, или сухимъ путемъ—одинаково медленно. Всѣ эти соображенія отодвигаютъ время кончины Константина Ивановича Острожскаго отъ 5 октября мѣсяца на полтора, такъ что указаніе Стрыйковскаго, что Острожскій умеръ «po Wniebowizeciu Panny Mariej» (послѣ Успенія Пресв. Богородицы), въ связи съ датой смерти у Нарбутта—18 августа 1531 г., даетъ опредѣленное и ясное рѣшеніе вопроса о времени кончины Константина Ивановича—18 августа 1530 года, такъ какъ Нарбуттъ скорѣе могъ ошибиться въ счетѣ годовъ, чѣмъ въ числѣ и мѣсяцѣ.

Погребеніе, вѣроятно согласно завѣщанію, было совершено сыномъ Константина Ивановича, Ильею, въ Печерскомъ монастырѣ, въ отсутствіи жены почившаго. Гробница его, въ «великой церкви», налѣво отъ входа, сохранилась и до нашего времени. Теперь она представляетъ алебастровую фигуру рыцаря въ лежачемъ положеніи. До пожара 1718 года надпись отличалась чрезвычайною краткостію: «Константинъ Ивановичъ князь Острожскій Воевода Троцкій, гетманъ Великаго Княжества Литовскаго, по многихъ побѣдахъ отъ смерти полягши, здѣ погребенъ лѣта отъ Р. Х. 1533, имѣяй лѣтъ 70 [585])». Въ 1554 году никакой фигуры или памятника не было; гробница же была покрыта золототканною съ жемчужнымъ крестомъ парчей, какою покрыты были только гробницы Олельковичей—Слуцкихъ и Ярославичей—Пинскихъ [586]). Вѣроятно, около этого-же времени былъ поставленъ и памятникъ на гробницѣ; изображеніе его и надпись даетъ Кальнофойскій. Послѣдняя, если вѣрить ему, представляется въ такомъ видѣ: «Москву съ Татарами положивъ въ основаніе, выписавъ шестьдесятъ три надъ ними побѣды, придавъ окрашенные кровью Рось, Днѣпръ и Гольшанку, прибавь много замковъ, много церквей, которыя онъ вымуровалъ въ княжествѣ Острожскомъ и въ столичномъ городѣ Вильнѣ, и богато надалъ вторую Гееcиманію, домъ Пречистой Дѣвы Печерской, въ которомъ положенъ послѣ

---

[585]) Описаніе Кіево-Печ. лавры, изд. III, Кіевъ 1847 г., стр. 90; Максимовичъ, Собр. соч. I, 173; Стебельскій (Żywoty . . . II, 58) приводитъ ту же надпись, но измѣняя окончаніе: «здѣсь погребенъ 1530 года, 70 лѣтъ, одержалъ 63 побѣды». Судя по Кальнофойскому Teraturgima, 33—34) на гробницѣ была одна надпись, указанная, а на памятникѣ другая,—обширная.

[586]) Голубевъ. Петръ Могила, т. I. Матеріалы для исторіи Западнорусской церкви, стр. 8—9.

смерти; для калѣкъ онъ оставилъ госпитали, для дѣтей школы, а для людей рыцарскихъ копья и мечи въ Марсовой Академіи,—и благоговѣйно напиши («i mile napisz»): Русскому Сципіону, Константину Ивановичу, Великое Княжество Литовское». Таже надпись, только въ болѣе благочестивомъ тонѣ и съ необходимыми пропускали находится и на возобновленномъ памятникѣ [587]).

Прежде, чѣмъ говорить о роли Константина Ивановича Острожскаго въ исторіи Литвы, дѣлать его характеристику и т. д., приведемъ отзывы о немъ его современниковъ, лѣтописцевъ и историковъ, свое-же сужденіе произнесемъ послѣ. Соблюдая историческую послѣдовательность, мы имѣемъ цѣлью прослѣдить, какъ въ различное время различные люди смотрѣли на Константина Ивановича Острожскаго. Важнѣйшія свидѣтельства приведемъ въ подлинникѣ, менѣе важные въ изложеніи.

Король Сигизмундъ такъ характеризовалъ Константина Ивановича Острожскаго. «Бачучи есмо высокіи послуги въ знаменитыхъ валкахъ вельможнаго князя Константина Ивановича Острозскаго... (титулъ)... не только за насъ, але еще за панованье славное памяти отца нашого Казимира и за брата нашого Александра, королей ихъ милости, ижъ его милость не только накладовъ своихъ великихъ къ службѣ ихъ милости наложити не жаловалъ (штожъ звыкъ чинити николи не переставаючи и до нынѣшнего часу, и за наше панованье), але въ таковыхъ службахъ горла своего утратити не литовалъ, и раны въ битвахъ великіи и нятства тяжкіи отъ непріятеля охотнѣ пріймовалъ, хотячи ся намъ паномъ дѣдичнымъ сталѣ у вѣрѣ заховати, якожъ и вчинкомъ пополнилъ... [588]).

Если король односторонен въ характеристикѣ Константина Ивановича, только какъ предводителя и вѣрнаго своего слуги, то столь-же одностороненъ и другой современный отзывъ объ Острожскомъ Супрасльской лѣтописи. Это даже не отзывъ, а похвала современника, восхищеннаго пораженіемъ около Орши давно непобѣдимой Москвы. Въ порывѣ восхваленія Константинъ Ивановичъ называется «славнымъ и великоумнымъ» подобнымъ Антіоху, «гетману» войска Македонскаго,

---

[587]) Teraturgima, 33—34. Опис. Кіево-Печ. Лавры, 301.

[588]) Упомянутая грамота на печатанье краснымъ воскомъ, въ 1522 г.— Акты З. Р. II, 143.

царю Пирру, Авіи, Тиграну Армянскому, достойнымъ царствовать не только на престолѣ «здѣшнихъ великихъ столечныхъ городовъ», но даже въ самомъ Іерусалимѣ и т. д. [589]).

Гораздо важнѣе этихъ, да и всѣхъ вообще отзывовъ, характеристика Константина Ивановича у римско-католика ex officio, легата Пизона. «Дома благочестивый Нума, пишетъ легатъ папѣ, въ сраженіяхъ Ромулъ, къ сожалѣнію онъ схизматикъ, ослѣпленъ излишнимъ усердіемъ къ Греческой церкви и до того соблюдаетъ ея постановленія, что и на волосъ отъ нихъ не отступаетъ... при всѣхъ его рѣдкихъ качествахъ, въ немъ одинъ только тотъ недостатокъ, что онъ схизматикъ. Если-бы мнѣ удалось сего князя привести въ лоно св. Матери церкви, то примѣръ его увлекъ бы множество народа: такъ велико его вліяніе на соотечественниковъ [590])».

Отзывы польскихъ и литовскихъ лѣтописцевъ касаются по преимуществу военныхъ заслугъ Константина Ивановича. Кромеръ называетъ его «princeps, omnium saeculorum memoria dignissimus» (князь, наиболѣе достойный вѣчной памяти) [591]). Децій—«nulli non duci sua aetate comparandus» (несравнимый ни съ однимъ современнымъ вождемъ) [592]). Ваповій—«vir, bellica laude famigeratissimus» (мужъ, полный военной славы) [593]) Стрыйковскій—«mąż świętej pamięci i trudno wysławionej dzielności и д.) [594]). Отзывы же лѣтописей московской редакціи отмѣчаютъ нарушеніе Острожскимъ присяги, данной Василію III, и вообще не лестны для побѣдителя при Оршѣ [595]).

Но уже современникъ Стрыйковскаго, кн. Курбскій, нѣсколько иначе характеризуетъ Константина Ивановича. Вспоминая прежнюю доблесть волынянъ, онъ замѣчаеть: «егда быша въ вѣрѣ православной,

[589]) Супр. лѣт., 149—154.

[590]) Впервые этотъ отзывъ напечатанъ у Несецкаго, Korona Polska, Lwów 1742, стр. 514, отсюда заимствованъ послѣдующими писателями. Пизонъ лично зналъ Константина Ивановича, ибо прибылъ въ Вильну въ іюлѣ 1514 г.—Decius, LXXXVIII.

[591]) De origine . . . , 682.

[592]) De Sigism. regis temporibus, LXXXIII.

[593]) Script. rer. Pol. II, 81.

[594]) Kronika, II, 397.

[595]) П. С. Р. Л. IV, 291; Сборникъ Р. Имп. Ист. Общ., XXXV, 525 и др.

пребываша по обычаямъ мѣрнымъ и къ тому имѣюще надъ собою гетмана храбраго и славнаго Константина, въ правовѣрныхъ догматахъ свѣтлаго и во всякомъ благочестіи сіяющаго, яко славни и похвальни въ дѣлѣхъ ратныхъ явишась...» и т. п. [596])

Но если для современника Пизона и ближайшаго по времени Курбскаго Острожскій былъ образцовымъ православнымъ, то для болѣе позднихъ историковъ это его качество забывалось. Такъ, іезуитъ Кояловичъ говоритъ, что Константинъ Ивановичъ до оршанской битвы былъ уніатомъ, обратился-же въ схизму только по уговорамъ м. Іоны [597]). Стебельскій повторяетъ тоже, замѣчая, что московскій плѣнъ и убѣжденія въ Литвѣ заставили Константина Ивановича принять православіе и, что всего «плачевнѣе», примѣръ его увлекъ многихъ и самъ Острожскій, великій и славный мужъ, къ сожалѣнію умеръ еретикомъ [598]). Понятно, что такого рода свѣдѣнія заимствованы изъ религіознаго кодекса самихъ авторовъ, но не изъ исторіи.

Гораздо лучше характеристика Несецкаго: «Był statury nie wielkiej, ale wspaniałego serca, wszystkim pzzystępny, na ludzi rycerskieh szczodrobliwy, na niewolników miłosierny, experyencyi wojennej nad innych wielkiej» (т. е. роста былъ невысокаго, но великой души, всѣмъ доступенъ, щедръ на военныхъ людей, къ невольникамъ милосердъ, великой, сравнительно съ другими, военной опытности [599]); у него-же [600]). Старовольскій свидѣтельствуетъ: «Żaden po nim z Hetmanów w Polszcze naszey, tyle razy na nieprzyiaciół Oyczyzny szabli nie dobył...». (т. е. ни одинъ послѣ него гетманъ въ Польшѣ нашей столько разъ не обнажилъ меча противъ враговъ отечества)».

Нарбуттъ, имѣвшій, очевидно предъ глазами портретъ Константина Ивановича, даетъ такое описаніе его внѣшности и внутреннихъ качествъ: «человѣкъ хорошо воспитанный, скромныхъ привычекъ, трезвый, извѣстный среди народа, не искавшій заступничества придворныхъ, воинъ съ дѣтства; роста малаго, не выдающійся по внѣшности, брюнетъ, смуглый и много имѣющій общихъ физіогномическихъ чертъ съ импе-

---

[596]) Сказанія. Изд. II, Спб. 1842, стр. 68.
[597]) Miscellanea . . . , 48.
[598]) Żywoty . . . II, 56—57.
[599]) Herbarz, VII, 181—182.
[600]) Korona Polska, стр. 513.

раторомъ Наполеономъ, равно какъ и не меньшую отвагу, военныя качества, генiй, хладнокровiе и быстрое соображенiе... [601])».

Изъ новѣйшихъ историковъ приведемъ характеристику Константина Ивановича у Романовскаго, Стецкаго и, наконецъ, данную митр. Макарiемъ. Каждая изъ нихъ замѣчательна въ своемъ родѣ. Романовскiй говоритъ, что Константинъ Ивановичъ Острожскiй «является въ исторiи вѣрнымъ сыномъ родной земли, знатнымъ сановникомъ, уклонившимся отъ распрей съ соотечественниками, не участвовавшимъ въ междоусобныхъ раздорахъ, храбрымъ вождемъ, побѣдителемъ въ шестидесяти, исчисленныхъ лѣтописцами, сраженiяхъ, изъ которыхъ ни одно не вело къ посягательству на чужiя владѣнiя и всѣ стремились единственно къ защитѣ родины и государства [602])». Стецкiй кратокъ, но выразителенъ: «Въ 1531 году умеръ кн. Константинъ, этотъ полный славы рыцарь, самый выдающiйся богатырь своей эпохи... [603])». Если характеристика Романовскаго—однѣ фразы, то характеристика преосвящ. Макарiя такова, что послѣ нея трудно сказать что-либо новое. «Въ началѣ 1534 года, говоритъ онъ, скончался митрополитъ Iосифъ III, а еще за три года прежде него, именно въ 1530 году, почилъ и князь Константинъ Ивановичъ Острожскiй, бывшiй при трехъ, если даже не при четырехъ, послѣднихъ митрополитахъ главнѣйшимъ защитникомъ православной церкви въ западно-русскомъ краѣ, какъ главнѣйщимъ защитникомъ и самаго края отъ внѣшнихъ враговъ, рѣдкiй герой, столько-же славный христiанскими добродѣтелями и несокрушимою твердостiю въ вѣрѣ отцовъ, сколько воинскими доблестями и побѣдами. Чтимый и благословляемый всѣми, особенно единовѣрными соотечественниками, для которыхъ столько потрудился, онъ достойно погребенъ въ великой церкви Кiево-печерской лавры, гдѣ покоились уже ближайшiе его предки..- [604])».

Смерть Константина Ивановича Острожскаго не произвела существенной перемѣны въ ходѣ жизни Литвы. Установившiеся взгляды стараго Сигизмунда сильно препятствовали новымъ теченiямъ, тѣмъ

---

[601]) Dzieje nar. Lit. VIII, 345.
[602]) Труды Кiевск. Дух. Ак. 1877, IV, 182.
[603]) Miasto Równe, 7.
[604]) Ист. Р. Ц. IX, 233.

болѣе, что избраніе великимъ княземъ Сигизмунда Августа было актомъ чисто формальнымъ, и управленіе находилось въ рукахъ его отца. Въ политическомъ и внутреннемъ отношеніяхъ нѣкоторое время сохраняется таже картина: миръ съ Москвой до 1534 г. затѣмъ, по смерти Василія, новыя столкновенія, но уже съ перевѣсомъ Литвы, хотя и незначительнымъ. Во главѣ войскъ стоитъ Ю. Н. Радивилъ, довольно счастливый вождь, благодаря смутѣ при Еленѣ въ Москвѣ, бѣгству въ Литву С. Бѣльскаго и Ляцкаго; но и русскіе дѣйствовали довольно удачно, такъ что послѣ сильныхъ взаимныхъ опустошеній, было заключено 25-го марта 1537 г. перемиріе на пять лѣтъ, при чемъ Гомель отошелъ къ Литвѣ, но построенная русскими крѣпость Себежъ удержана за Москвою [605]). Что касается татаръ, то они дѣлали обычныя набѣги на Литву, хотя въ походѣ Радивила на московскую Сѣверщину въ 1534 году, оказали большія услуги Литвѣ. По отношеніи къ татарамъ Константина Ивановича Острожскаго отчасти замѣняетъ «третій гетманъ казацкій» Е. Дашковичъ [606]). Во внутренней жизни перемѣнъ также не замѣтно. Положеніе церкви сначала хорошее [607]), выразившееся даже въ поставленіи новаго галицкаго епископа (1539), мало-по-малу ухудшается подъ вліяніемъ протестантизма и отсутствія столповъ православія, умѣвшихъ, какъ Константинъ Ивановичъ, сгруппировать вокругъ себя лучшія силы православно-русскаго населенія. Личное благоволеніе молодого Сигизмунда Августа къ русскимъ и православнымъ [608]) было благоволеніемъ не потому, что они православные, а потому, что они не католики. Илья Константиновичъ, женившійся на побочной дочери Сигизмунда I, умеръ чрезъ девять лѣтъ послѣ смерти отца, успѣвъ построить и обезпечить доминиканскій костелъ въ Острогѣ [609]). Константинъ Константиновичъ-же былъ еще слишкомъ молодъ, а когда и выросъ, то не на радость право-

---

[605]) См. Акты З. Р. II, 220; 327—328 и 333—337; Gwagnin, II, 101 102; Соловьевъ, VI, 14—23.

[606]) О набѣгахъ татаръ.—Narbutt, Dzieje . . . IX, 187; Gwagnin, II, 99 -102; Кулишъ, Ист. возсоед. Руси, I, 47; Акты З. Р. II, 220—221 и т. д

[607]) Король продолжалъ дѣлать наданья церквамъ и поддерживать митрополита въ дѣлѣ упорядоченія церковной жизни—Monum. Confrét. Staurop. Leop., 10—12.

[608]) Супр. лѣт. 155.

[609]) Słownik Geograficzny Kr. Polskiego. Warsz. 1886, VII, 683.

славной Литвѣ. Усвоивъ себѣ начала латино-польской культуры вплоть до языка, и одновременно желая быть такимъ-же радѣтелемъ православія, какъ и его отецъ, онъ не понималъ собственной раздвоенности и не обдумывалъ своихъ поступковъ. Сознавая, что на Люблинской уніи 1569 года все дѣло зависитъ отъ его подписи, Константинъ Константиновичъ долго колебался и былъ въ нерѣшительности, но потомъ подписалъ унію, а за нимъ и всѣ,—такъ однимъ почеркомъ пера сынъ набросилъ петлю на то дѣло, за которое отецъ его ратовалъ всю жизнь и терпѣлъ несправедливые попреки и оскорбленія и чѣмъ сдѣлался знаменитъ и вліятеленъ въ средѣ современниковъ [610]). Громадное богатство Константина Константиновича не соотвѣтствовало его пожертвованіямъ на дѣло православія; платившій 70.000 злотыхъ шляхтичу за стояніе за стуломъ во время двухъ торжественныхъ обѣдовъ, прославился учрежденіемъ типографіи, стоившей около 15.000 злотыхъ. Кн. Курбскій, хорошо знакомый съ Константиномъ Константиновичемъ, настойчиво совѣтовалъ ему читать почаще библію, такъ какъ Острогъ въ его время сдѣлался гостепріимнымъ кровомъ для представителей всѣхъ религіозныхъ толковъ съ іезуита до антитринитарія, не даромъ старшій сынъ его, Янушъ, сдѣлался ренегатомъ... [611]). Понятно, что такой преемникъ Константина Ивановича въ роли главнаго защитника православія могъ только вредить, а не помогать дѣлу отца, слава котораго, отражаясь на сынѣ, все-таки *заставила* послѣдняго играть такую видную и такую печальную роль въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія. Константинъ Константиновичъ понялъ ошибочность своихъ дѣйствій и выступилъ истиннымъ ревнителемъ православія только тогда, когда дѣло послѣдняго было проиграно...

Вообще, чѣмъ дальше будемъ идти по пути сравненія отца съ сыномъ, тѣмъ выше и выше будетъ подниматься предъ нашимъ умст-

[610]) Роль Константина Константиновича на Люблинской уніи См. Очеркъ исторіи Юго-Зап. Руси.—Кіевск. Ст. 85, I, 52; также—дневникъ Любл. сейма—изд. Кояловича. Упреки Константину Ивановичу предъ сокальской битвой, что онъ не хочетъ славы полякамъ.—Gwagnin, II, 91; подозрѣнія его въ измѣнѣ во время оршанскаго похода—Bielski, Kronika, л. 293.

[611]) Самая лучшая характеристика Константина Константиновича у Кулиша (Ист. возсоед. Р. I, 248—249 и 265—280). Наше мнѣніе не односторонне—см. приложеніе къ I т. Ист. возс. Руси,—переписка Константина Константиновича, также и Сказанія кн. Курбскаго.

веннымъ взоромъ могучая личность западно-русскаго богатыря XVI вѣка, «святой памяти» Константина Ивановича Острожскаго.

Эпоха борьбы русскихъ за сохраненіе національности и православія, борьбы, потрясавшей Литовско-русское государство изъ края въ край и приводившей въ волненіе всѣ сословія государства, смѣнилась вскорѣ сравнительной тишиной, когда острое теченіе этой борьбы миновалось и началась глухая борьба. Константинъ Ивановичъ, воспитанный на преданьяхъ этой борьбы и лично наблюдавшій ея послѣднія отраженія, когда головы русскихъ князей пали на плахѣ, выработался въ типичнаго представителя эпохи: ровный, спокойный, онъ умѣлъ сойтись и съ католикомъ и съ православнымъ [612]), твердый въ вѣрѣ отцовъ и вѣрный своему національному чувству, онъ не хотѣлъ Руси Московской, а Руси Литовской, въ чемъ отчасти и успѣлъ. Столкновенія съ многими личностями Литвы и Москвы, близость къ Александру, Еленѣ, Сигизмунду, М. Л. Глинскому, плѣнъ въ Москвѣ,— все это выработало у него глубокую жизненную опытность, скромность, умѣнье обойтись съ людьми. Мы не видимъ ни одного рѣзкаго столкновенія за всю его жизнь [613]); только съ поляками Константинъ Ивановичъ не могъ ладить; можетъ быть здѣсь было дѣло инстинкта, понятная скорбь за Галицію, а быть можетъ—то общее недовольство, которое раздѣляли всѣ литовцы, требовавшіе въ 1526 году у поляковъ короны Витовта для вѣнчанія Сигизмунда Августа и присоединенія Мазовіи не къ Польшѣ, а къ Литвѣ [614]).

Даровитый отъ природы, Константинъ Ивановичъ самостоятельно, личными заслугами, быстро выдвинулся изъ сферы многочисленныхъ князей того времени и выдвинулся именно на поприщѣ борьбы противъ злѣйшихъ враговъ своей земли—татаръ. На этомъ поприщѣ онъ не зналъ себѣ равныхъ и даже выработалъ особую систему войны съ

[612]) Характерными фактами подтверждающими нашу мысль являются: назначеніе митр. Іосифомъ II Солтаномъ и Іосифомъ III Константина Ивановича въ свои душеприказчики и дружба Острожскаго съ латинскимъ луцкимъ епископомъ Павломъ Гольшанскимъ, дѣлавшимъ ему даже подарки, о чемъ мы говорили выше.

[613]) См., напр., Вил. Центр. Арх. № 12806, л. 171 на об.; даже при неизбѣжныхъ столкновеніяхъ по поводу имѣній, какъ мы видѣли, Константинъ Ивановичъ является въ замѣчательно хорошемъ свѣтѣ.

[614]) Акты З. Р. II, 171—176

ними [615]); авторитетъ его въ борьбѣ противъ этихъ хищниковъ современники признавали безусловно. Дальнѣйшая служба Константина Ивановича государству состояла въ военныхъ его дѣйствіяхъ противъ другихъ враговъ родины—Москвитянъ. Битва на Ведрошѣ, Оршѣ, у Вишневца, на Гольшанкѣ, цѣлая масса мелкихъ битвъ, снаряженіе на свой счетъ цѣлыхъ отрядовъ—доставили Константину Ивановичу не только милости короля, но и уваженіе пановъ—рады и вліятельное положеніе въ государствѣ. Константинъ Ивановичъ поддерживалъ свое положеніе, добытое побѣдами, тѣмъ, что самъ, на свой личный счетъ, сплошь и рядомъ вооружалъ отряды литовскаго войска. Король, всегда нуждавшійся въ деньгахъ, былъ очень радъ такому гетману и эту его черту всегда отмѣчалъ въ милостивыхъ привилеяхъ Острожскому, высоко цѣнилъ его службу и почти всегда исполнялъ разнообразныя его ходатайства по всякимъ дѣламъ. Кромѣ того, Константину Ивановичу часто поручались самыя запутанныя дѣла, рѣшеніе которыхъ облегчало короля и вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе увеличивало авторитетъ и популярность гетмана среди русскаго населенія.

Самая главная забота Константина Ивановича относилась къ православной церкви. Благодаря его хлопотамъ, просьбамъ, ходатайствамъ, было твердо установлено юридическое положеніе православной церкви въ Литвѣ, до него находившей въ весьма неопредѣленномъ положеніи. При его содѣйствіи были приняты и, отчасти, осуществлены мѣры къ поднятію нравственнаго уровня массы, опредѣлено положеніе еписко-

---

[615]) Герберштейнъ (Записи о Московіи, 161) пишетъ: «Константинъ очень часто разбивалъ Татаръ: онъ не шелъ навстрѣчу толпамъ грабителей, а преслѣдовалъ ихъ, обремененныхъ добычею. Когда они, на возвратномъ пути, доходили до того мѣста, гдѣ уже считали себя вполнѣ безопасными и полагали возможность отдохнуть и успокоиться (это мѣсто было ему извѣстно), тогда онъ рѣшался на нападеніе и приказывалъ своимъ, чтобы они приготовляли себѣ пищу, ибо на слѣдующую ночь имъ будетъ запрещено разводить огонь. На слѣдующій день, Татары, продолжая путь и не видя ни пламени, ни дыма, полагали, что непріятель ушелъ, или разсѣялся, и потому распускали лошадей на пастбища, закалывали животныхъ, ѣли и предавались сну. Тогда Констатнинъ нападалъ на нихъ на разсвѣтѣ и наносилъ имъ огромное пораженіе.» Чтобы понять выработку такого способа борьбы, нужно принять во вниманіе внезапность каждаго татарскаго набѣга, постоянную неподготовленность Литвы и дурное положеніе ея военнаго дѣла.

повъ и соборянъ, и много сдѣлано по устроенію патронатства,—спорнаго пункта между епископами и панами, по опредѣленію предѣловъ мірского вмѣшательства въ церковныя дѣла.

Дружба Константина Ивановича съ митрополитами, епископами, и православными благочестивыми панами много содѣйствовала матеріальному обезпеченію церквей, какъ слѣдствію поднятія религіознаго сознанія и благочестія. Мы видѣли, сколько Константинъ Ивановичъ потрудился въ пользу построенія церквей и, главное, ихъ фундушей. Онъ первый заставилъ короля нарушить запретительную грамоту Казиміра 1480 года и не для частнаго имѣнія, но для литовской столицы, Вильны. Троицкая, Пречистенская и Никольская церкви въ Вильнѣ, Борисоглѣбская въ Новгородкѣ, монастыри: Печерскій, Дерманскій, Жидичинскій, церкви: Логойская, Здѣтельская (Дятлово), Туровская, Смолевичская, Староженецкая, Острожскія, Дубенскія, Ровенскія и т. д. были или построены, или фундованы Константиномъ Ивановичемъ. Богато обезпечены были митрополія и туровская епископія. Вслѣдъ за Константиномъ Ивановичемъ, по его авторитетному примѣру, идетъ цѣлый рядъ наданій церквамъ, количество которыхъ въ этотъ періодъ превышаетъ количество фундушей въ другіе періоды какъ числомъ, такъ и качествомъ [616]). Всего, за время дѣятельности Константина Ивановича Острожскаго, православная церковь Литвы получила болѣе двадцати грамотъ, расширявшихъ и утверждавшихъ ея права. Всѣ важнѣйшія изъ нихъ были даны по личному ходатайству Острожскаго: 1499 и 1511 г. г. о правахъ митополита, 1522—о духовномъ судѣ (туровскому епископу), 1511 и 1514—о построеніи Виленскихъ церквей, 1509 и 1512—о содѣйствіи свѣтскихъ чиновниковъ митрополиту въ дѣлахъ духовныхъ, 1522, 1526 и 1528—объ упорядоченіи внутренней жизни и имущества монастырей и т. д.

Если обратить вниманіе на фундуши монастырей и церквей за тотъ же періодъ, то, не говоря о возведеніи ихъ вновь (прилож. № 2-ой), изъ бѣглаго подсчета мы увидимъ, что всего фундовано монастырей болѣе 22, церквей около 30 и 3 епископскія каѳедры: полоцкая, туровско-пинская и смоленская. Число же отдѣльныхъ фундушей распа-

---

616) См. упомянутую «Перечневую опись» Будиловича, стр. XV—XXIX, №№ 114—268, въ сравненіи съ другими періодами.

дается такъ: 1) на епископскія каѳедры — четыре; 2) на монастыри — семьдесятъ три и 3) на церкви — тринадцать, — всего девяносто; изъ числа этихъ фундушей на долю короля приходится участіе въ 13-ти фундушахъ, а на долю Константина Ивановича — 18 фундушей для пяти монастырей и восьми церквей, т. е. 20 % всѣхъ наданій [617]). Понятно, что при такой роли, Константинъ Ивановичъ вмѣшивался въ дѣла отдѣльныхъ монастырей и церквей; конечно его вмѣшательсто было не всегда удачно, его ходатайство предъ королемъ не всегда имѣло успѣхъ.

Если главную долю своего вліянія Константинъ Ивановичъ употреблялъ на церковь, то все-же онъ не забывалъ и другихъ интересовъ русскаго населенія въ Литвѣ. Какъ носитель русскихъ коренныхъ принциповъ и историческихъ традицій, Константинъ Ивановичъ сдѣлался центромъ, вокругъ котораго дружно группировались всѣ лучшіе русскіе люди Бѣлорусіи и Волыни: кн. Вишневецкіе, Сангушки, Дубровицкіе, Мстиславскій, Дашковичъ, Боговитиновичи, Солтаны и т. д., кончая обычными и рядовыми земянами и боярами, среди которыхъ старый гетманъ пользовался замѣчательною популярностью и авторитетомъ. Сознавая важную роль матеріальнаго благосостоянія, Константинъ Ивановичъ выпрашивалъ у короля много земель русскимъ людямъ, а подчасъ и самъ раздавалъ имъ угодья. Часто его подпись стоитъ именно на тѣхъ грамотахъ, которыя даютъ какія-либо права и облегченія русскимъ [618]). Съ своей стороны онъ никогда не былъ тяжелымъ для народа, — не бралъ, какъ его сынъ, лишнихъ поборовъ, и жители, напр., Полоннаго указываютъ на правленіе Константина Ивановича, какъ на образцовое, желательное въ сравненіи съ правленіемъ преемника его, кн. Сангушки [619]). Съ другой стороны, какъ хозяинъ пограничный и староста украинскихъ городовъ, Константинъ Ивановичъ, пользуясь расположеніемъ короля, строилъ въ своихъ имѣніяхъ замки,

---

[617]) Изъ этого же подсчета мы увидимъ, что наибольшимъ уваженіемъ пользовались «пустыни» — кіевскій и мстиславскій Пустынскіе монастыри; первый изъ нихъ получилъ за это время 18 фундушей, второй 13. — Изъ соборовъ — виленскій Пречистенскій получившій 5 фундушей.

[618]) См. Акты Ю.-З. Р. II, 128, 130, 133 и т. д.

[619]) Arch. Sang. I, 146. Ср. Пам. Вр. Кіевск. Ком. IV, отд. II, 128. 139. 140. 225—226.

основывалъ города, надѣлялъ ихъ льготами; сравнительная безопасность и свобода во владѣніяхъ Константина Ивановича привлекала туда массу народа, такимъ образомъ Острожскій дѣлалъ великое и безсмертное дѣло колонизаціи южно-русскихъ областей и шагъ за шагомъ отвоевывалъ у татаръ мѣста для кореннаго русскаго населенія. Въ этомъ дѣлѣ ближайшимъ его помощникомъ и сотрудникомъ былъ другой украинскій богатырь Евстафій Дашковичъ [620]) Населяется даже Звенигородское староство, лежавшее прямо на пути татарскихъ набѣговъ, русскія поселенія переходятъ за Рось и Днѣпръ... Сама Волынь значительно оживилась и заселилась [621]).

Гораздо труднѣе судить о томъ, что сдѣлалъ Константинъ Ивановичъ Острожскій въ пользу просвѣщенія. Отсутствіе прямыхъ указаній, небольшія обмолвки или намеки, заставляютъ прибѣгать къ гаданьямъ. Безъ сомнѣнія, что просвѣщенные люди изъ православныхъ русскихъ были,—М. Л. Глинскій, докторъ Франдискъ Скорина, происходившій изъ полоцкихъ мѣщанъ, доказываютъ это. Безспорно, что подобные люди желали внести просвѣщеніе въ среду западно-руссовъ, тѣмъ болѣе, что поляки имѣли Краковскій университетъ, а Сигизмундъ I, основывая костелы, открывалъ при нихъ школы [622]). Самъ Константинъ Ивановичъ, получившій воспитаніе, кажется, въ Вильнѣ, вмѣстѣ съ Альбр. Март. Гаштольдомъ, былъ дѣйствительно образованъ, такъ какъ писалъ онъ очень красиво и правильно, т. е. съ удержаніемъ славянскаго правописанія [623]). Надгробная надпись свидѣтельствуетъ, что онъ открывалъ школы, насколько это вѣрно,—не знаемъ, но считаемъ достовѣрнымъ это извѣстіе въ виду того обстоятельства, что Константинъ Ивановичъ, какъ мы указывали, богато надалъ причтъ

---

[620]) Подробнѣе о колонизаціи Поднѣпровья и прилегающихъ областей—Антоновичъ, Кіевъ, его судьба и значеніе въ XIV—XVI в. Кіевск. Ст. 82, I, 34 и далѣе.

[621]) Ср. описаніе пути Контарини—Библ. иностр. пис. о Россіи, I, 20—24 со всѣми актами 1525-хъ годовъ,—о Луцкѣ, Жидичинскомъ монастырѣ, Острожцѣ и т. д.

[622]) Jaroszewicz, Obraz Litwy, II, 39; Szujski, Dzieje Polski.., 151—152. Первая школа при костелѣ была открыта въ 1522 г. на средства виленскаго бискупа Яна II—Jaroszewicz, Obr. L. II, 183, прим. 33.

[623]) Арх. ун. митр., № 16.

Смолевичской церкви съ тѣмъ, чтобы священники учили народъ правиламъ вѣры и нравственности. Быть можетъ Острожскій принималъ участіе въ изданіяхъ Фѣоля 1491 года и содѣйствовалъ открытію въ Вильнѣ (1524 года) типографіи, первой въ Литвѣ, откуда вышли изданія Франциска Скорины. Быть можетъ и преданіе о пожертвованіи Константиномъ Ивановичемъ типографскихъ принадлежностей Печерской лаврѣ нельзя такъ огульно отрицать, какъ это дѣлаютъ, и помня, что нѣтъ дыма безъ огня, выдѣлить только основу, ибо если типографія была въ Вильнѣ и дѣйствовала, почему Константинъ Ивановичъ Острожскій не могъ сдѣлать этого наданья, которое потомъ было перемѣшано съ наданьемъ его сына [624]). Тѣмъ болѣе, что нужда въ книгахъ была, онѣ цѣнились высоко и между тѣмъ всетаки довольно часто встрѣчались у литовскихъ русскихъ [625]).

Что касается личной жизни, то мы можемъ судить только о хозяйственной дѣятельности Константина Ивановича Острожскаго. Вѣрный традиціямъ своего рода, онъ не только не разстроилъ своего состоянія, хотя часто на свой счетъ содержалъ военные отряды, но, благодаря милостямъ короля, сдѣлался богатѣйшимъ владѣльцемъ въ Литвѣ и Польшѣ. Обѣ женитьбы Константина Ивановича почти удвоили его состояніе. При этомъ онъ былъ замѣчательно тщательнымъ и заботливымъ скопидомомъ-хозяиномъ, оставившимъ сыновьямъ колоссальное состояніе, соединенное потомъ въ рукахъ Константина Константиновича и пошедшее прахомъ послѣ его смерти...

Насколько можно судить о частной жизни Константина Ивановича, то она отличалась замѣчательною скромностію. По описанію Острожскаго замка въ 1603 году и Дятлова въ 1580 году, гдѣ Константинъ Ивановичъ принималъ большое общество, и Стволовичъ въ 1546 году [626]),

---

[624]) Голубѣевъ. О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ,—Кіевск. Ст. 82, II, 384—385. Harasiewicz, Annales ecclesiae Ruthenicae, Leopoli 1862, 144—145,—свое сказаніе, очевидно, заимствовалъ изъ преданія и повѣрилъ на слово.

[625]) Акты З. Р. I, 136—137—въ Слуцкомъ монастырѣ въ 1494 г. было 43 церковныхъ и святоотеческихъ книгъ. См. у Добрянскаго, Опис. Вил. Публ. Библ., 47, 90, 144, 185, 193, 201, 395, 459 и т. д. Особенно часто встрѣчались прологи и хронографы.

[626]) Słownik Geogr. Kr. Polsk. VII, 682—683; Акты Вил. Арх. К. XIV, 199—226; Вил. Центр. Арх. № 12806, л. 179—181.

старыя, нереставрированныя жилыя помѣщенія, оставшіяся отъ Константина Ивановича, поражаютъ простотой: «свѣтлицы» съ деревянными некрашенными полами, изразцовыя печи, окна «шкляные усы», иногда «паперовые» и «полотняные, насмоливаные», вокругъ—лавки; двери прочныя, окованныя желѣзомъ и т. д. единственная роскошь—«лихтарь роговый». Какая простота сравнительно съ покоями Константина Константиновича Острожскаго, убранными дорогими обоями, шелковыми занавѣсами и т. д. А вѣдь ихъ раздѣляло только 30-ть лѣтъ. Понятно, что пировъ, какіе давалъ современникъ Константина Ивановича, Ив. Сем. Сапѣга, Острожскій не устраивалъ, хотя богатствомъ превосходилъ всѣхъ свѣтскихъ литовцевъ и стоялъ наравнѣ только съ бискупомъ виленскимъ Яномъ, побочнымъ сыномъ Казиміра [627]). Все же богатство гетмана шло на церкви или государственное дѣло, такъ что Константинъ Ивановичъ умеръ, не заплативъ даже всѣхъ своихъ долговъ [628]).

Вообще, если прослѣдить исторію Литовско-русскаго государства, то, за исключеніемъ Григорія Александровича Ходкевича, не найдемъ такихъ личностей, которыя бы съ талантомъ полководца и государственнаго человѣка, соединяли полное пониманіе нуждъ своего народа, горячее и умѣлое служеніе ему, вѣрность церкви и высокую нравственную чистоту, какими отличался кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій, воевода троцкій, гетманъ найвысшій великаго княжества Литовскаго, староста браславскій и винницкій. «Дома, благочестивый Нума, въ сраженіяхъ Ромулъ; къ сожалѣнію онъ схизматикъ, ослѣпленъ излишнимъ усердіемъ къ Греческой церкви и до того соблюдаетъ ея постановленія, что и на волосъ отъ нихъ не отступаетъ... при всѣхъ его рѣдкихъ качествахъ, въ немъ одинъ только тотъ недостатокъ, что онъ схизматикъ...»

---

[627]) Daniłowicz, Skarbiec, II, № 2282, стр. 294. Wolff, Kniaziowie, 350. У Константина Ивановича было ок. 3000 подданныхъ домохозяевъ и свыше 60 тыс. десятинъ обрабатываемой земли.

[628]) Долги Головчинскому—200 золотыхъ—см. Собр. гр. гор. Вильны... II, 64. Вас. Мих. Сангушко—200 копъ гр.—Arch. Sang. IV, 271.

Приложеніе № 1.

Родословная таблица князей Острожскихъ и Заславльскихъ.

При составленіи этой таблицы мы руководились преимущественно первоисточниками, такъ какъ существующія родословія (Несецкаго, Стебельскаго, Зубрицкаго, Максимовича, Бонецкаго, Теодоровича и Вольфа) или неправильны, или неполны, или запутаны. Мы опустили гадательныя родословія отъ Св. Владиміра до Даніила, перваго, исторически извѣстнаго, князя Острожскаго.

- **Даніилъ.** 1340—1349. Жена—Василисса.
  - **Θеодоръ**, въ иночествѣ преп. **Θеодосій.** Уп. 1386—1441. Ж. Агаѳія, въ иноч. Агриппина.
    - **Василій Красный.** Уп. съ 1428 г. † до 2 мая 1461 г.
      - **Иванъ.** † между 20 окт. 1466 и 2 апр. 1474 г. Жены: 1) Анаст. Львовна Глинская. 2) Марія Сем. кн. Кобринская.
        - **Михаилъ.** † 1503 г.
          - **Сынъ** (?).
          - **Марія** за Матѳ. Еловицкимъ.
        - **Дочь** за кн. Иван. Юрьев. Дубровицкимъ.
        - **Дочь** за Богушемъ Боговитиновичемъ.
        - **Константинъ.** † 1530 г. 18 авг. Жены: 1) Т. С. Гольшанская. 2) А. С. Слуцкая.
          - **Илья.** † 1539 г. Жена *Беата Костелецкая**).
            - **Гальшка.**
          - **Константинъ—Василій.** † 1608 г. 13 февр. (?). Ж. *Тарновская.*
            - *Янушъ.* † 1620.
              - *Евфросинія* за кн. Александромъ Янушевичемъ Заславскимъ, къ которому перешли имѣнья кн. Острожскихъ.
              - *Янушъ-Владиміръ* род. и † 1618.
            - *Константинъ* ***). † 1600.
            - **Александръ** † 1603.
              - **Константинъ.** † 1618.
              - **Иванъ.** † 1619.
              - *Анна-Алоиза* † 1654. За Яномъ Карломъ Ходкевичемъ († 1620).
          - **Софія** за кн. Андреемъ Копырскимъ.
        - **Дочь** за кн. Я. М. Сангушкою.
        - **Дочь** за Сем. Олизаровичемъ.
        - **Дочь** за кн. А. А. Сангушкою.
      - **Михаилъ.** Маршалокъ Свидригайлы.
      - **Екатерина** замужемъ за Пацомъ.
        - **Дочь** за Николаемъ Ильиничемъ.
    - **Даніилъ.** Уп. 1418.
    - **Андрушко.** Уп. 1431 г.
    - **Романъ.**
    - **Семенъ.** Уп. 1446.
      - **Юрій**, кн. **Заславскій.** Уп. 1461—1496.
        - **Иванъ.** Уп. 1481 † 1528.
          - **Козьма,** † между 1552 и 1556 г.г. Жена—Анаст. Юрьевна, кн. Гольшанская.
            - **Янушъ.** † 1562.
              - **Петръ.**
              - **Михаилъ.** Уп. 1571—1587.
              - **Янушъ****). † 1629.
                - *Александръ*, «на Острогу». Ж. на Ефрос. Острожской.
                  - *Владиславъ-Доминикъ.* † 1656.
                    - *Александръ.* † 1673.
                    - *Евфросинія.*
                    - *Теофилія.* † 1709. За Іосифомъ Любомірскимъ, къ которому перешли всѣ имѣнья кн. Острожскихъ и Заславскихъ.
                  - *Францискъ.* Уп. 1622.
                  - *Карлъ.* Уп. 1618.
                  - *Константинъ.* Р. 1620. † 1640.
                  - *Исидоръ.* † 1649.
                - *Константинъ.* Уп. 1614.
                - *Юрій.* Уп. 1614—1625.
              - **Софія.**
              - **Анна.**
          - **Михаилъ.** Уп. 1520—1528.
        - **Андрей.** Уп. 1520—1534.
  - **Алексѣй,** въ иноч. **Александръ.**
  - **Михаилъ.** Уб. 1399 г. на Ворсклѣ.
  - **Димитрій.** Уб. 1399 г.
  - **Андрей.** Уб. 1399 году.
    - **Сынъ.** Уп. 10 іюня 1436 г.

Примѣчанія.

*) Курсивомъ обозначены католики.

**) Кн. Янушъ Заславскій обычно считается католикомъ (яко бы принялъ латинство въ 1594 г.); мы же считаемъ его православнымъ на основаніи—Turgenevius, Supplem. ad. H. R. M., 158.

***) О его католичествѣ см. Акты Ю. З. Р. II, 217.

Приложеніе № 2,

къ примѣчанію 210-му.

Объ отношеніи Ягеллоновъ нашего періода къ русскому населенію Литвы—см. Jaroszewicz, Obraz Litwy, II, 32—34.

Для выясненія сравнительно вѣротерпимости литовскихъ великихъ князей и королей прилагаемъ таблицу храмовъ и монастырей, впервые упоминаемыхъ или вновь построенныхъ въ извѣстное царствованіе. Въ таблицу вошли приблизительно всѣ храмы, упоминаемые въ печатныхъ актахъ и научныхъ сочиненіяхъ по данному вопросу; особенно вѣрны цыфры католическихъ храмовъ и монастырей. Не вошли въ счетъ Смоленская и Сѣверская области,—въ виду непродолжительности ихъ зависимости отъ Литвы.

ЦАРСТОВАНІЯ.	Годы.	Православныхъ.					Католическихъ.					Храмовъ инославныхъ.	Уніатскихъ.				
		Монастырей.		Церквей.		Фундовано королями.	Монастырей.		Костеловъ.		Фундовано королями.		Монастырей.		Церквей.		
		Упом.	Основ.	Упом.	Основ.		Упом.	Основ.	Упом.	Основ.			Упом.	Основ.	Упом.	Основ.	
До конца княженія Витовта . . .	до 1430	33		73		3	10		43		37						
Сигизмундъ Кейстутьевичъ	1430—1440	5	3	20	5	—	—	2	1	3	2						
Казиміръ Ягайловичъ	1440—1492	9	4	44	7	7	—	1	5	27	3						
Александръ Казиміровичъ	1492—1506	12	5	52	4	3	1	3	3	14	11						
Сигизмундъ I Казиміровичъ . . .	1506—1529	18	4	84	11	12	1	2	4	36	12						
Сигизмундъ II Августъ	1529—1572	22	4	174	8	13	—	7	15	38	9	24					
Стефанъ Баторій	1572—1586	23	3	81	2	1	—	2	7	5	4	14					
Сигизмундъ III	1587—1632	19	17	89	11	—	6	52	13	68	10	16	1	7	10	3	Эти цыфры нужно увеличить въ виду обращенія въ унію древне-православныхъ храмовъ и монастырей.
Владиславъ IV	1632—1648	14	9	16	3	—	5	31	11	29	2	11	4	4	11	2	
По полустолѣтіямъ	1648—1700	25	6	47	7	—	21	81	17	49	?	7	2	4	122	11	
	1701—1750	15	1	19	2	—	18	34	8	31	?	3	10	16	34	27	
	1751—1800	3	—	10	4	—	24	24	13	90	3	2	10	12	25	26	
Итого	1320—1800	254		773		39	325		530		?	77	70		271		
		1027					855						341				

Приложеніе № 3.

Грамота К. И. Острожскому на устроеніе общежитія въ Жидичинскомъ монастырѣ. Брестъ, 22 іюля 1511 года.

«Жикгимонтъ, божою м-стию король и великій князь. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ о то. Билъ намъ чоломъ гетманъ нашъ ст. л. брясл. и в. м. волынское з. кн. костянтинъ ив. острозскій о томъ, што есмо дали ему манастырь въ луцкомъ повѣте на имя Жидичинъ до его живота, которыи же манастыр здавна нашо господарское поданье. ино билъ намъ чолом князь костянтинъ, абыхмо позволили ему втом манастыри с-того николы въ жидичине объщину въстановити и ряд справити подлуг ихъ закону греческого. и мы для его службы к нам вѣрное и николи невмешканое на его чоломбите то есмо вчинили; позволили есмо его милости в том манастыри ст-ого николы въ жидичине общину встановити и ряд справити манастырский и зрядити подлугъ ихъ закону греческого, какъ найлучшей розумѣетъ (?). и тот манастыр жидичинъ даемъ и дали есмо ему въ моцъ и в опекане до его живота, а по его животе мает тот манастыр за ся приити въ наши руки и въ подане. а што ся дотычеть выбираня игумена к тому манастырю, мають князи и панове и земяне волынское земли посполу съ старци того манастыря, выбравши которого чоловѣка доброго а к тому годнаго, к нам его прислати, а мы маем тот манастыр жидичин ему дати, а отъ того манастыря тот игумен чоломбитя мает нам дати шестьдесят золотых. и тая община и зряжене в том манастыри, которуюж въстав и рядъ справит князь костянтинъ маетъ быти навѣки вѣчныи непорушно. и то потвержаем сим нашим листомъ вѣчно. а на твердость того и печать нашу казали есмо привѣсити к сему нашему листу. а при том были панове рада наша: воевода виленский канцлѣр наш пан миколай миколаевичъ радивиловичъ, воевода троцкий, маршалок наш дворный пан григорей станиславовичъ остиковича, пан троцкий, староста жомойский пан станиславъ яновичъ, воевода полоцки пан станислав глѣбовичъ, староста городенский пан станислав петровичъ и иншые пановѣ рада наша. писан в брести лѣта божьего тисяча пятьсотъ первогонадесят м-ца июля 22 день, индикт 14».

Лит. Метр., Кн. Зап. IX, 45. Съ непунктированной копіи съ подлинной грамоты.

Приложеніе № 4.

Грамота К. И. Острожскому на построеніе Троицкой и Никольской церквей въ Вильнѣ. 1514 г. 30 ноября.

«Во имя Божіе. Аминь. Для вѣчной памяти дѣла. Поелику, сообразно человѣческой природѣ, нѣтъ ничего болѣе достойнаго, какъ память о совершившихся дѣлахъ,—то высокая царственная мудрость присудила, чтобы всѣ тѣ дѣла, о которыхъ всегда нужно помнить, не исчезли изъ памяти людской, были утверждены письмомъ, свидѣтельствомъ достойныхъ вѣры людей и скрѣплены печатями.

Посему мы, Сигизмундъ, Божіею милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жмудскій и прочее, господинъ и дѣдичъ,—знаменуемъ этимъ нашимъ листомъ всѣмъ и каждому, кому это нужно знать, что, когда въ недавнемъ прошломъ, злобный и клятвопреступный великій князь Московскій началъ войну противъ насъ и нашего государства, то, для удержанія столь дерзкихъ попытокъ и для разрушенія безбожныхъ замысловъ, мы выправили наше войско и поручили его вельможному (magnifico) Константину Ивановичу князю Острожскому, Каштеляну Виленскому, Гетману В. К. Л., Старостѣ Луцкому, Брацлавскому и Винницкому и Маршалку Волынской земли.

И упомянутый Константинъ на полѣ Кропивна, гдѣ всякую минуту ждалъ боеваго столкновенія съ указаннымъ врагомъ, въ присутствіи знатныхъ нашихъ совѣтниковъ и прочаго начальства нашего войска, не менѣе благочестиво, какъ и торжественно, далъ обѣтъ (=построить=) въ нашемъ городѣ Вильнѣ два храма, или святилища,—одинъ въ честь святой и нераздѣльной Троицы, другой—въ честь святаго Николая, вывести изъ камня или кирпича, отъ самыхъ фундаментовъ, кончая стѣнами,—однако съ одобренія или утвержденія нашего,—если благій и всемогущій Богъ дастъ намъ побѣду надъ названнымъ безбожнымъ непріятелемъ и предастъ въ наши руки и его людей, столь же жестокихъ, какъ и многочисленныхъ.

Когда это дѣло (въ чемъ дай Богъ счастья!) онъ счастливо выполнилъ, т. е., когда онъ одержалъ побѣду надъ совершенно разбитымъ непріятелемъ, то вышеназванный Константинъ и упомянутые совѣтники покорно и неотступно просили насъ дозволить свободное выполненіе вышеуказаннаго обѣта.

И поелику мы научены святымъ закономъ и евангеліемъ давать обѣты Богу и исполнять ихъ, по совѣту нашихъ совѣтниковъ, упомянутымъ ихъ справедливымъ и правильнымъ просьбамъ, мы милостиво разрѣшили построить вышеназванныя церкви: святой Троицы,—на холмѣ (vici), которымъ идутъ къ воротамъ, что на дорогѣ въ Мѣдники, гдѣ была старая церковь съ монастыремъ, подъ тѣмъ же названіемъ св. Троицы, построенная изъ дерева,—и святаго Николая, котораго называютъ великимъ, посрединѣ города нашего Вильны,—построить (обѣ) изъ камня. И въ тѣхъ церквахъ мы позволили устроить все по обряду греческаго богослуженія и этимъ нашимъ листомъ позволяемъ и даемъ полную мочь, постановляя, чтобы это наше постановленіе и разрѣшеніе не считали противорѣчащими постановленіямъ и правамъ, которыя на этотъ случай мы отмѣняемъ (quibus pro hac vice derogamus),—и чтобы они имѣли силу навсегда. Почему, во свидѣтельство данной записи, мы приложили и нашу печать Великаго Княжества Литовскаго.

Дано въ Вильнѣ, въ четвергъ, въ самый день святаго апостола Андрея. Годъ отъ Рождества Христова тысяча пятьсотъ четырнадцатый, царствованія же нашего восьмой. Въ присутствіи вельможныхъ и родовитыхъ: Николая Радивила, Воеводы Виленскаго и Канцлера В. К. Л., Григорія Остиковича, Воеводы и Станислава, Каштеляна—Троцкаго и Старосты Жмудскаго, Альберта Гаштольда, Полоцкаго, Яна на Забрезьи, Новгородскаго, Яна Сапѣги, Занаревскаго, и секретаря нашего,—воеводъ; Яна Николая Радивила, Маршалка В. К. Л. и Старосты Слонимскаго, Немиры Грималича, Мельницкаго, Юрія Ильинича, Брестскаго - старостъ нашихъ и иныхъ многихъ совѣтниковъ, дворянъ и маршалковъ нашихъ, вѣрныхъ и любезныхъ намъ: рукою почтеннаго Станислава Тарло изъ Чекаровичъ, каноника Краковскаго, Владиславскаго и Сандомірскаго костеловъ и секретаря нашего, въ Богѣ намъ любезнаго».

Подлинникъ грамоты, на латинскомъ языкѣ, находится въ архивѣ Виленскаго св. Троицкаго монастыря, но настолько испорченъ временемъ, что возстановить его невозможно. Напечатанъ—въ Собраніи древн. грамотъ городовъ Вильны, Трокъ... II, 13—15 тоже съ пропусками. Полный текстъ данъ Скаргою, въ польскомъ переводѣ,—Prawa i Przywileje... 24—26. Сводъ двухъ этихъ текстовъ и представляетъ предлагаемая грамота.

Приложеніе № 5.

Грамота Сигизмунда I по поводу возведенія К. И. Острожскаго въ званіе Воеводы Троцкаго. 1522 года 25 марта.

«Сигизмундъ, Божіею милостью король Польскій etc. Знаменуемъ этимъ нашимъ листомъ.... что когда въ, нынѣшнее время было свободно Троцкое Воеводство по причинѣ повышенія вельможнаго Войтѣха Гаштольда на Воеводство Виленское, освободившееся послѣ смерти покойнаго Николая втораго Радивила... И хотя это Воеводство Троцкое мы не могли дать ни одному Русскому Схизматику (?!), согласно постановленію Земскаго Привиллея того нашего Великаго Княжества Литовскаго, справленнаго и введеннаго благословенной святой памяти Владиславомъ, королемъ Польскимъ, дѣдомъ нашимъ, и Александромъ Витовтомъ, Княземъ Литовскимъ,—но должны выбирать на то Воеводство и на иныя высшія должности только вѣрноподданнаго нашего Римской Католической вѣры, что дѣлать мы обѣщали и радѣ нашей при счастливомъ вступленіи нашемъ на отчинное и дѣдичное Великое Княжество.

И если теперь мы подали и уступили означенное Воеводство Вельможному Константину князю Острожскому, Каштеляну Виленскому и Найвысшему Гетману В. К. Л., Русскому, то—ради дѣйствительныхъ и важныхъ причинъ, которыя насъ къ тому принудили, имѣя въ виду столь вѣрныя его заслуги противъ непріятелей нашихъ, Москвы и Татаръ, оказанныя намъ и Рѣчи Посполитой во время частыхъ войнъ,—ровно по просьбамъ и доводамъ господъ Радъ (совѣтниковъ) нашихъ того и другого царства нашего, особенно же Великаго княжества, которые освободили насъ отъ нашего обѣщанія (—слѣдовать—) Привиллею, но только отнесли это условіе къ личности самого князя Константина, принявъ во вниманіе то, что и раньше, за свои достоинства, онъ былъ почтенъ Виленскимъ Каштелянствомъ.

А посему нынѣшнимъ нашимъ листомъ мы обѣщаемъ нашимъ королевскимъ словомъ, что эта отдача нами Воеводства Троцкаго Русскому, по особой милости и ради особенныхъ его заслугъ предъ нами и Рѣчью Посполитой, впредь не можетъ считаться прецедентомъ въ нарушеніи Земскаго Привиллея (więcej Ziemskiemu Przywilejowi praejudi-

kować nic nie będzię mogło), такъ что мы и потомки наши, великеі князья Литовскіе, въ будущемъ, навѣки, не должны будемъ и они не должны будутъ такія высшія званія и должности никому изъ Русскихъ давать или уступать безъ совѣта со старшими панами нашими; но эти должности могутъ быть предназначаемы для Литовцевъ Римской Католической вѣры,—на вѣчно утверждая этимъ нашимъ листомъ, къ которому, для свидѣтельства, привѣшана и печать наша.

Дано въ Гроднѣ, на общемъ соймѣ, во вторникъ, въ день благовѣщенія Дѣвы Маріи, года 1522, царствованія же нашего 16-ый годъ».

Skarga. Prawa i Przywileje... 26—27. Самый конецъ грамоты приведенъ у Гарасевича (Annales Ecclesiae Ruthenicae, pag. 128, nota 2) полатыни, но безъ указанія, откуда взятъ этотъ отрывокъ.

Приложеніе № 6.

Списки должностныхъ лицъ Литовско-русскаго государства за періодъ 1460—1530 г. г.

Въ этихъ спискахъ помѣщены лица православной іерархіи, латинскіе епископы, чины рады, двора и нѣкоторые мелкіе «уряды», интересные только по мѣстному вліянію. Списки эти, составленные по первоисточникамъ и пособіямъ строго-научнаго характера, имѣютъ цѣлью показать степень участія православнаго элемента въ управленіи Литовско-русскимъ госудрствомъ, для какой цѣли приложены и цыфровыя таблицы. Въ послѣднія вошли, по возможности, всѣ болѣе значительныя должностныя лица, не отмѣченныя въ приложенныхъ спискахъ. Кромѣ этой цѣли, приводимые списки имѣютъ и другую—оправдать неоднократныя поправки хронологическихъ датъ, сдѣланныя въ текстѣ нашего изслѣдованія.

Православная іерархія.

Митрополиты:

Григорій Болгаринъ † 1472
Мисаилъ (Друцкій) 1474—1476.
Спиридонъ.
Симеонъ. 1477—1488.
Іона Глезна 1488—† 1494.
Св. Макарій 1495—† 1497.
Іосифъ Болгариновичъ 1497—1504.
Іона II 1505—1507.
Іосифъ II Солтанъ 1507—1521.
Іосифъ III — 1522—1534.

Епископы Владимірскіе и Брестскіе.

Ѳеодосій уп. 1458.
Никифоръ уп 1481.
Даміанъ уп. 1487.
Вассіанъ I — 1487—† 1497.
Вассіанъ II уп. 1500—† 1511.
Вассіанъ III уп. 1512.
Пафнутій 1513—1526; перешелъ на Луцкую каѳедру.
Іона 1527—1529.

Епископы Луцкіе и Острожскіе.

Алексій уп. 1475.
Іероѳей уп. 1483—1486.
Никифоръ уп. 1487—1490.
Іона 1491—† 1494.
Кириллъ 1494—1526.
Пафнутій 1526 † 1528.
Макарій 1528—1533.

Епископы Полоцкіе и Витебскіе

Симеонъ до 1477; митрополитъ.
Іона Глезна до 1488. »

архіепископы: Лука уп. 1488—1505.

Евфимій Онушковичъ уп. 1512.
Симеонъ уп. 1513.
Іосифъ Русинъ 1516—1523; митрополитъ.
Наѳанаилъ 1524—1533.

Епископы Смоленскіе и Оршанскіе.

Мисаилъ уп. 1458—1476.
Іоакимъ.
Іосифъ Болгариновичъ 1494—1498.
Іосифъ Солтанъ уп. 1505—1507.
Варсонофій уп. 1509—1514.

Епископы Туровскіе и Пинскіе

Вассіанъ уп. 1495—1506.
Арсеній уп. 1509.
Іона уп. 1513—1522.
Макарій, съ 1528 г. еп. Луцкій.

Епископы Холмскіе и Белезскіе.

Григорій Деполтичъ 1432—1468.
Сильверстъ 1468—1471.
Герасимъ Бесскій Окушко 1471—1494.
Симеонъ Бугакъ 1494—1504
Филаретъ Терновскій 1508—1533.

Примѣчаніе. Изъ епископовъ Перемышльскихъ за данный періодъ извѣстенъ одинъ Антоній (1509 г.).

Къ высшему правящему духовенству причислялись, какъ показываютъ дѣянія Виленскаго собора 1509—1510 г. г., архимандриты,

игумены и протопопы. Въ данномъ періодѣ упоминается до 90 монастырей; наиболѣе извѣстными изъ нихъ были слѣдующіе: Уневскій (Галиція), Кіево-Печерскій, Троицкій Виленскій, Троицкій Слуцкій, Лаврашевскій, Минскій Вознесенскій, Полоцкій Михайловскій, Троцкій Пречистенскій, Смоленскій Св. Духовскій, Кобринскій, Кіевскій Пустынскій, Мстиславльскіе—Пустынскій и Онуфріевскій, Гродненскій Борисоглѣбскій, Полоцкій Іоанно-Богословскій, Жидичинскій, Мелецкій и Супрасльскій.

Изъ протопопій на соборныхъ постановленіяхъ 1509—1510 г. г. упомянуты: виленская, новгородская, городненская, слуцкая, марковская (Вилейск. у. Виленск. губ.), слонимская и волковыйская.

Латинскіе епископы

Виленскіе.

Янъ Лоссовичъ 1462—1480.
Андрей Шелига 1481—1491.
Войтѣхъ Таборъ 1492—1507.
Войтѣхъ Радивилъ 1508—1518.
Янъ 1519—1536.

Луцкіе.

Венцлавъ уп. 1462.
Войтѣхъ Радивилъ уп. 1507.
Павелъ Гольшанскій 1507—1536.

Жмудскіе.

Матѳей Топольскій 1463—1471.
Мартинъ. 1496. 1499—1514
Янъ Пуделко 1499 ?
Николай Радивилъ 1514—1521.
Николай Визгайло 1522—1533

Кіевскіе.

Климентъ уп. 1473.
Альбертъ Нарбуттъ уп. 1507.
Янъ уп. 1522.
Николай Вежгайло 1528—1529.

Свѣтскія должностныя лица.

Воеводы Виленскіе: Михаилъ Кезгайловичъ 1459—1470...
Олехно Судимонтовичъ 1478—1490.
Николай Ник. Радивиловича 1492—1521.
Альбрехтъ Мартин. Гаштольдъ 1522—1539.

Паны (каштеляны) Виленскіе: Янъ Кезгайловичъ 1478—1484...
кн. Александръ Юрьевичъ Гольшанскій 1492—1511.
кн. К. И. Острожскій 1511—1522.
Станиславъ Яновичъ Гаштольдъ 1522...
Юрій Николаев. Радивилъ 1528—1541.

Воеводы Троцкіе: Андрей Саковичъ уп. 1459.
Ник. Ник. Радивиловича » 1470.
Мартинъ Гаштольдъ » 1481...—1486.
Богданъ Андреевичъ Саковича уп. 1484 и 1486.
Петръ Яновичъ Монтигердовичъ 1491—1497.
Янъ Юрьевичъ Заберезинскій 1498—1505.
Ник. Ник Радивилъ Младшій 1505—1509.
Григорій Станиславовичъ Остиковича 1511—1518.
Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ 1520—1522.
кн. К. И. Острожскій 1522—1530.

Паны Троцкіе: Олехно Довойновичъ 1459 ..
Ник. Ник. Радивиловича 1473...1488...
Михаилъ Монтовтовичъ 1483—1484.
Станиславъ Яновичъ Гаштольдъ уп. 1490 г. и 1499—1522.
Янъ Юрьевичъ Заберезинскій 1492—1498.
Юрій Николаевичъ Радивилъ 1522—1526.
Станиславъ Станиславовичъ Гаштольдъ 1527—1531.

Старосты Жмудскіе: Янъ Кезгайловичъ 1470—1481...
Станиславъ Яновичъ Гаштольдъ 1486—1523...
Стан. Станисл. Гаштольдъ 1527—1531.

Воеводы Кіевскіе: Мартинъ Гаштольдъ 1471—1474.
Иванъ Ходкевичъ ...1481—1482.
Юрій Пацевичъ ...1486—1490.
кн. Димитрій Путятичъ 1492—1503.
кн. Иванъ Львовичъ Глинскій 1503—1507.
Юрій Михайловичъ Монтовтовичъ 1507—1508.
кн. Юрій Александровичъ Гольшанскій 1508—1510.
Юрій Николаевичъ Радивилъ 1511—1514.
Андрей Немировичъ 1515—1539.

Воеводы Смоленскіе: Михаилъ Кезгайловичъ уп. 1455.
Иванъ Вяжевичъ.
Николай Ник. Радивиловича 1482—1486
Иванъ Ильиничъ 1487—1488.
Юрій Глѣбовичъ 1492—1499 и 1509—1514.
Станиславъ Петровичъ Кишка 1500—1501...

Юрій Зеновичъ 1507—1508.

Воеводы Полоцкіе: Олехно Судимонтовичъ 1460...1470...
Янъ Юрьевичъ Заберезинскій 1492—1496.
Юрій Пацевичъ 1496—1499.
Станиславъ Глѣбовичъ ...1503—1511.
Альбрехтъ Мартин. Гаштольдъ 1514 1518.
Петръ Станиславовичъ Кишка 1522—1531.

Воеводы Новгородскіе: Петрашъ Монтигердовичъ уп. 1451.
Мартинъ Гаштольдъ уп. 1470.
Ник. Ник. Радивиловича уп 1473 и 1488.
Михаилъ Монтовтовичъ уп. 1482—1484.
Юрій Пацевичъ 1494—1496.
Янъ Юрьевичъ Заберезинскій 1497—1498.
Янъ Литаворъ Хребтовичъ 1499—1500.
кн. Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій 1501.
Альбрехтъ Мартин. Гаштольдъ 1503—1506 и 1508.
кн. Иванъ Львовичъ Глинскій 1507.
Янъ Яновичъ Заберезинскій—1511—1530.

Воеводы Витебскіе: Иванъ Ходкевичъ 1453—1477.
Иванъ Ильиничъ уп. 1483.
Кн. Иванъ Юрьевичъ Жеславскій (?) 1484—1491.
Кн. Михаилъ Ивановичъ Жеславскій 1492—1495.
Станиславъ Глѣбовичъ 1496—1502.
Юрій Глѣбовичъ 1506—1508.
Иванъ Семеновичъ Сапѣга 1508—1514.
Янушъ Костевичъ уп. 1516.
Иванъ Богдановичъ Сапѣга 1522.
Янъ Юрьевичъ Глѣбовичъ 1528—1531.

Воеводы Подляшскіе: Иванъ Семеновичъ Сапѣга 1514—1516...
Янушъ Станиславовичъ Костевичъ 1520—1522...
Иванъ Богдановичъ Сапѣга 1529—1540.

Старосты Луцкіе: Михаилъ Монтовтовичъ 1463—1475.
Иванъ Ходкевичъ 1478.
Олизаръ Шиловичъ 1480.
Петръ Яновичъ Монтигердовичъ 1486—1490

Кн. Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій 1490—1499 и 1502—1505.
Кн. Михаилъ Ивановичъ Острожскій 1500—1501.
Θеодоръ Янушевичъ 1506—1507.
Кн. К. И. Острожскій 1507—1522.
Кн. Θеодоръ Михайловичъ Чарторыйскій 1522—1542.

Старосты Брестскіе (берестейскіе): Якубъ Немировичъ 1483—1493.
Сенько Олизаровичъ 1495—1496.
Станиславъ Михайловичъ Потковичъ уп. 1499.
Кн. Василій Львовичъ Глинскій 1506—1507.
Кн. Александръ Юрьевичъ Гольшанскій 1507—1510.
Юрій Ивановичъ Ильиничъ 1511—1524.
Александръ Ивановичъ Ходкевичъ 1529—1540.

Старосты Городенскіе: Станко Судивоевичъ уп. 1470.
Янъ Кучукъ уп. 1478.
Янъ Насутовичъ уп. 1484.
Кн. Александръ Юрьевичъ Гольшанскій 1486—1503.
Янъ Юрьевичъ Заберезинскій 1506—1507.
Станиславъ Петров. Кишка 1508—1513.
Юрій Николаевичъ Радивилъ 1514—1539.

Старосты Владимірскіе (владиміро-волынскіе):
Олизаръ Шиловичъ 1461—1475.
Θеодоръ Янушевичъ 1475... и 1503.
Иванъ Юрша уп. 1488.
Альбертъ Яновичъ Кучукъ уп. 1494.
Василій Хребтовичъ 1495—1498.
Кн. Юрій Ивановичъ Четвертенскій уп. 1502.
Кн. Василій Андреевичъ Полубенскій 1506—1507.
Кн. Андрей Александровичъ Сангушко 1508—1531.

Старосты Лидскіе: Николай Пацъ уп. 1453.
Янъ Кучукъ уп. 1473—1476.
Петрашко Пашковичъ уп. 1483—1484.
Станиславъ Петровичъ Кишка 1490—1499.
Юрій Ивановичъ Ильиничъ 1501—1504 и 1507—1524.
Андрей Александровичъ Дроздъ 1505—1507.
Юрій Николаевичъ Радивилъ 1528—1541.

Старосты Дорогицкіе: Иванъ Ильиничъ 1477—1478.
Якубъ Двойновичъ 1486—1499.
Янъ Стецко 1501—1507.
Янъ Литаворъ Хребтовичъ 1510.
Янъ Николаевичъ Радивилъ 1520—1521.
Петръ Станислав. Кишка 1522.
Станиславъ Петровичъ Кишка 1529.

Старосты Слонимскіе: Мишко Выштортовичъ 1468—1478 (?)
Солтанъ Александровичъ 1483—1490.
Янъ Литаворъ Хребтовичъ 1493—1499.
Кн. Янушъ Александровичъ Гольшанскій 1501—1504.
Кн. Василій Львовичъ Глинскій 1505—1507.
Янъ Николаевичъ Радивилъ 1507—1522.
Богушъ Боговитиновичъ 1522—1529.

Старосты Брацлавскіе и Винницкіе:
Кн. Михаилъ Васильевичъ Чарторыйскій 1459—1479.
Кн. Андрей Александровичъ Сангушко 1489... и 1501—1502.
Быкъ Александровичъ ...1494.
Кн. Өеодоръ Ивановичъ Четвертенскій 1494...
Кн. К. И. Острожскій 1499—1500, 1507—1516 и 1517—1530 Кн. Михаилъ Васильевичъ Збаражскій...1507.
Кн. Романъ Андреевичъ Сангушко 1516—1517.

Старосты Ковенскіе: Юрій Пацевичъ уп. 1481.
Станко Костевичъ 1486—1498.
Войтѣхъ Яновичъ Клочко 1499—1510.
Абрамъ Езофовичъ 1516—1518.
Юрій Ивановичъ Ильиничъ 1522—1524.

Старосты Каневскіе и Черкасскіе:
Кмита Александровичъ 1494—1495.
Кн. Василій Дашковичъ Глинскій 1504—1506
Евстафій Дашковичъ 1508—1535.

Канцлеры—см. воеводы Виленскіе.

Гетманы: Олехно Судимонтовичъ уп. 1455.
Иванъ Ходкевичъ 1459 до (?) 1482.

Петръ Яновичъ Монтигердовичъ 1490—1495.
Кн. К. И. Острожскій 1497—1500 и 1507—1530.
Кн. Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій 1501...
Станиславъ Петровичъ Кишка 1505—1507.

Маршалки земскіе: Радивилъ Остиковичъ уп. 1469.
Богданъ Андреевичъ Саковичъ уп. 1482—1486.
Петръ Яновичъ Монтигердовичъ уп. 1492—1495.
Янъ Юрьевичъ Заберезинскій уп. 1498—1503 и 1506—1507.
Ник. Ник. Радивилъ Младшій уп. 1505.
Станиславъ Петровичъ Кишка уп. 1513.
Янъ Николаевичъ Радивилъ 1514—1522.
Янъ Яновичъ Заберезинскій 1522—1532.

Маршалки Волынской земли:
Олизаръ Кирдѣевичъ Шиловичъ 1463—1464.
Петръ Яновичъ Монтигердовичъ 1488—1490.
Кн. Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій 1491—1499 и 1502 1504.
Кн. Михаилъ Ивановичъ Острожскій 1500—1501.
Ѳедоръ Янушевичъ 1506—1507.
Кн. К. И. Острожскій 1507—1522
Кн. Андрей Александровичъ Сангушко 1522—1534.

Подскарбіи земскіе:
Янъ Литаворъ Хребтовичъ 1487
Андрей Александровичъ ? 1494—1498.
Ѳеодоръ Богдановичъ Хребтовичъ 1501—1509.
Андрей Якубовичъ Довойновичъ 1508.
Богушъ Боговитиновичъ 1509 и 1520—1529.
Абрамъ Езофовичъ 1510—1518.
Богуславъ Пилькевичъ (?) 1523.

Подскарбіи дворные: Иванъ Андреевичъ ? 1477.
Иванъ Александровичъ Стретовичъ 1486.
Янъ Литаворъ Хребтовичъ 1486—1489.
Ѳеодоръ Богдановичъ Хребтовичъ 1494.
Иванъ Андреевичъ Солтанъ 1507—1540.
Юрій Николаевичъ Радивилъ 1512.
Андрей, державца Велюнскій 1528—1529.

Маршалки дворные (надворные) и господарскіе:

Солтанъ Александровичъ 1483—1490.

Петрашко Пашковичъ 1483.

Станиславъ Михайловичъ 1483.

Иванъ Юрша 1488.

Литаворъ Хребтовичъ 1492—1510.

Войтѣхъ Кучукъ 1494—1498.

Кн. Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій 1495.

Григорій Станковичъ Остиковичъ—надв.—1492—1516.

Станиславъ Петровичъ Кишка 1494—1508.

Бартошъ (Борисъ) Таборовичъ 1495—1499.

Петръ Радивиловичъ 1496.

Станиславъ Глѣбовичъ 1496—1501.

Николай Ивановичъ Ильиничъ 1496.

Войтѣхъ Яновичъ Клочко 1497—1509.

Янъ Петровичъ ? 1498.

Петръ Яновичъ ? 1498.

Янъ Николаевичъ Радивилъ 1500—1520.

Кн. Михаилъ Львовичъ Глинскій—надв.—1500—1507.

Юрій Ивановичъ Ильиничъ—надв.—1501—1524.

Кн. Иванъ Львовичъ Глинскій 1501—1503.

Янъ Стецко 1501.

Станиславъ Яновичъ Гаштольдъ 1506.

Иванъ Семеновичъ Сапѣга 1506—1511.

Евстафій Копецъ (Копоть) 1507.

Янъ Яновичъ Заберезинскій 1507—1513.

Войтѣхъ Нарбуттъ 1509.

Немира Грималичъ 1511.

Богушъ Боговитиновичъ 1512—1529.

Николай Михновичъ Рачковичъ 1514.

Станиславъ Бартошевичъ 1516.

Янъ Юрьевичъ Глѣбовичъ 1516—1552.

Янушъ Станислав. Костевичъ 1522.

Копоть Васильевичъ (Терпигоре) 1527—1531.

Вацлавъ Костевичъ 1527.

Александръ Ивановичъ Ходкевичъ 1522—1533.

Юрій Николаевичъ Радивилъ 1528—1540.

Иванъ Богдановичъ Сапѣга 1529—1531.

Янъ Стецковичъ Цыбулька 1529.

Иванъ Горностай—надв.—1530—1558

Писаря: Левко Боговитиновичъ 1482

Иванъ Яцковичъ (Яновичъ) Владыка 1487—1499

Ѳедько Борисовичъ (Богушевичъ) 1491.

Ѳедько Григорьевичъ 1490—1500.

Ѳедько Янушевичъ (Янушокъ) 1492—1499.

Петръ Фоминичъ Любичъ 1492—1495.

Янъ Литаворъ Хребтовичъ 1494—1510.

Адамъ Якубовичъ 1494.

Иванъ (?) Сапѣга 1493- 1510.

Игнатъ (?) 1498.

Богданъ Сапѣга 1503—1507.

Григорій Горемыка 1506—1510.

Юрій Ильиничъ 1506.

Ѳедько Святоша 1507.

Евстафій Конецъ 1507.

Иванъ Богдановичъ Сапѣга 1509.

Богушъ Боговитиновичъ 1510—1529.

Копоть Васильевичъ 1510—1531.

Иванъ Горностай. 1514—1558.

Пытаясь дать цыфровое отношеніе правящихъ лицъ латинскаго и православнаго вѣроисповѣданій, мы должны замѣтить слѣдующее:

1) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно опредѣлить вѣроисповѣданіе извѣстнаго лица, почему мы и допустили рубику «неизвѣстнаго» вѣроисповѣданія. Такъ, не извѣстно вѣроисповѣданіе воеводы смоленскаго Юрія Зеновича, старосты слонимскаго Мишко Виштортовича и др.

2) Такъ какъ весьма часто нельзя сдѣлать точнаго опредѣленія времени, когда извѣстное лицо занимало «урядъ», поэтому въ счетъ вошли лица, дѣйствительно занимавшія ту или другую должность сообразно точнымъ даннымъ историческихъ памятниковъ.

3) Изъ царствованія Казиміра взята вторая половина, совпадающая съ жизнью К. И. Острожскаго, съ извѣстными смутами въ Литвѣ и первыми отпаденіями отъ нея пограничныхъ православныхъ князей.

А. Общая таблица должностныхъ лицъ Литовско-русскаго государства.

Годы.	1460—1492.			1492—1507.			1507—1530.			1460—1530.			
	Вѣроисповѣданіе.												
	Лат.	Прав.	Неизв.	Лат.	Прав.	Неизв.	Лат.	Прав.	Неизв.	Лат.	Прав.	Неизв.	Всего.
Воеводы Виленскіе	1	—	—	1	—	—	2	—	—	4	—	—	4
Паны »	1	—	—	—	1	—	2	2	—	3	2	—	5
Воеводы Троцкіе .	4	—	1	3	—	—	2	1	1	7	1	2	10
Паны »	3	—	1	2	—	—	3	—	—	7	—	1	8
Старосты Жмудскіе	2	—	—	1	—	—	2	—	—	3	—	—	3
Воеводы: Кіевскіе	2	2	—	2	—	1	1	2	1	3	5	1	9
» Смоленскіе.	2	3	—	1	1	1	—	3	—	3	6	1	10
» Полоцкіе .	2	—	—	2	—	1	2	—	—	5	—	1	6
» Новгородск.	4	—	1	2	3	1	2	1	—	7	3	2	12
» Витебскіе .	—	3	—	—	1	2	1	2	2	1	6	3	10
» Подляшскіе	—	—	—	—	—	—	1	2	—	1	2	—	3
Старосты: Луцкіе .	1	3	1	—	4	—	—	2	—	1	8	1	10
» Брестскіе . .	—	—	1	—	3	1	—	3	—	—	6	1	7
» Гродненскіе	1	1	2	1	1	—	2	—	—	4	1	2	7
» Владимірскіе	—	3	—	1	3	—	—	2	—	1	8	—	9
» Лидскіе . .	3	—	1	1	3	—	1	1	—	4	3	1	8
» Дорогицкіе .	—	2	—	—	2	—	3	2	—	3	4	—	7
» Слонимскіе.	—	2	1	1	2	—	1	1	—	1	5	1	7
» Брацлавскіе и Винницкіе	—	2	—	—	5	—	—	3	—	—	10	—	10
» Ковенскіе .	1	—	1	—	1	1	—	1	1[1])	1	2	2	5
» Каневскіе и Черкасскіе .	—	—	—	—	2	—	—	1	—	—	3	—	3
Канцлеры	2	—	—	1	—	—	2	—	—	4	—	—	4
Гетманы.	—	1	—	2	2	—	—	1	—	3	4	—	7
Маршалки земскіе	2	—	—	4	—	—	3	—	—	9	—	—	9
Маршалки Волынской земли . .	1	1	—	—	4	—	—	2	—	1	7	—	8
Подскарбіи земскіе	—	1	—	—	2	—	—	3	2[2])	—	6	2	8
Подскарбіи дворные	—	3	—	—	2	—	1	1	1	1	5	1	7
Намѣстн.: Браславскіе . .	1	—	—	1	2	—	—	2	—	2	3	—	5
» Бѣльскіе . .	1	—	—	1	3	—	1	—	1	3	3	1	7
» Минскіе . .	—	3	—	—	2	—	—	1	—	—	5	—	5
Стар. Волковыйскіе	—	1	1	1	1	1	1	2	—	2	4	1	7
» Пинскіе . .	—	—	—	2	—	—	—	1	—	2	1	—	3
Прочіе старосты, державцы и т. д.	—	12	1	11	51	16	17	43	13	24	98	24	146
Маршалки	1	2	1	9	11	3	9	13	2	15	22	6	43
Писаря	—	3	—	—	8	2	—	6	2	—	16	3	19
Секретари	—	—	—	1	1	—	1	—	—	2	1	—	3
Чины придворные .	1	4	—	5	5	2	5	—	1	11	9	2	22
Общій итогъ . . .	36	52	13	56	126	32	65	104	27	133	260	57	450
Процентное отнош.	35,6	51,4	12,4	26	58,9	14,9	33	53	13,7	29,5	57,3	12,6	—

[1]) Еврей. [2]) Одинъ еврей.

Б. Таблица высшей рады; маршалковъ и писарей; державцевъ и старостъ.

Годы.	1460—1492.			1492—1507.			1507—1530.		
	Вѣроисповѣданіе.								
	Лат.	Прав.	Неизв	Лат.	Прав.	Неизв.	Лат.	Прав.	Неизв.
Высшая рада (съ бискупами)	30	12	4	19	15	—	24	19	—
Маршалки и писаря	1	5	1	9	19	5	9	19	4
Державцы, старосты, намѣстники	8	29	9	20	85	19	26	85	15

Первая, общая, таблица показываетъ, что процентное отношеніе между первымъ и послѣднимъ періодомъ повидимому ие измѣнилось. На дѣлѣ же это отношеніе нужно нѣсколько увеличить въ пользу православныхъ, изъ которыхъ одинъ только К. И. Острожскій занималъ нѣсколько урядовъ (три), тогда какъ католики: Гаштольдъ, Ю. Н. Радивилъ и Заберезинскій вмѣстѣ занимали 14 урядовъ.

Вторая таблица показываетъ, что въ высшей радѣ всегда преимущество было за латинянами, хотя православный элементъ постепенно усиливался. И опять нужно отмѣтить, что на дѣлѣ православные были нѣсколько сильнѣе: изъ латинскихъ бискуповъ, самыхъ высшихъ членовъ рады, въ ней постоянно присутствовалъ только виленскій бискупъ, рѣже жмудскій; луцкій и кіевскій присутствовали въ радѣ только въ исключительныхъ случаяхъ.

Цыфровое соотношеніе маршалковъ и писарей показываетъ, что литовскіе великіе князья были окружены по преимуществу православными, такъ какъ маршалки были придворными, писаря же замѣняли нынѣшнихъ статсъ-секретарей, пословъ и личныхъ секретарей государя. «Маршалокъ надворный», впослѣдствіи «маршалокъ великаго кн. Литовскаго», въ разсматриваемый періодъ не выдѣлялся изъ среды простыхъ маршалковъ «господарскихъ». Эти должности, маршалковъ и писарей, являлись какъ бы школою для подготовки государственныхъ дѣятелей, почему изъ нея вышли такіе дѣятели, какъ Горностай,

Григорій Ходкевичъ и Павелъ Сапѣга, впослѣдствіи видные борцы за православіе

Что касается старостъ, намѣстниковъ и державцевъ, то, въ періодъ 1460—1530 г.г., эти должности не были строго разграничены, иногда, хотя пока и очень рѣдко, отдавались за деньги. Какъ ближайшіе земскіе правители, лица, занимавшія эти должности, были основною финансовою силою государства и, при не такъ видной роли, оказывали довольно сильное вліяніе на ходъ государственной жизни.

Сокращенный указатель именъ и названій.

Первыя цифры указываютъ страницы текста, цифры же, стоящія за сокращеніемъ «пр.», указываютъ счетъ примѣчаній.

ИМЕНА.

НАЗВАНІЯ.

Замѣченныя опечатки.

Напечатано:	Нужно:
Стр. 14, стр. 2 сн.—Zibior... do dziojow	Zbiór...do dziejów
» 22, прим. 2.—полскій	польскій
» 50, стр. 16 св.—объ Иванѣ Васильевѣ	объ Иванѣ Васильевичѣ
» 55, стр. 19 св.—спокойнымъ безъ всякаго	спокойнымъ, безъ всякаго
» 56, стр. 4 св.—формально то	формально, то
» — » 15 » —уніи, съ Польшей	уніи съ Польшей
» 59, » 14 сн.—какъ не очевидна	какъ ни очевидна
» 66, » 17 св.—отцу его,. Казиміру Великій	отцу его, Казиміру. Великій
» 78, пр. 140—*паны* Александра VI	*папы* Александра VI.
» 84, стр. 8 св.—*сихъ*	*силъ*
» 85, » 17 » —примиріемъ	перемиріемъ
» 87, » 8 » —пожалованныхъ	пожалованьяхъ
» 88, пр. 177 » —дѣятельнсcть	дѣятельность
» 89, стр. 18 св.—но какъ оказалось	но, какъ оказалось
» — » 22 » —на то что	на то, что
» 92, » 11 св.—ознамѣновалась	ознаменовалась
» — » 15 сн.—о великимъ	о великомъ
» 93, » 4 св.—предшествинника	предшественника
» 100, » 4 »—скупого	скупаго
» 105, пр. 238 — 228)	238)
» 109, стр. 12 св.—Монтовичемъ	Монтовтовичемъ
» 110, пр. 258—Ист.-стагист.	Ист.-статист.
» 115, стр. 1 св.—громотѣ	грамотѣ
» — » 10 »—*тридцати*	*тринадцати*
» 117, пр. 276—значнтъ	значитъ
» 120, стр. 19 св. отменѣно	отмѣнено
» 120, пр. 287—Ibid.	Вил. Арх. Сб.
» 121, стр. 12 св.—на то, что по	на то, что, по
» 122, стр. 18 сн. тясячами	тысячами
» 125, » 6 св.—новоселенцы	новопоселенцы

Стр. 128, стр. 14 св. къ русскихъ	— къ русскимъ
» 131, » 14 » — горнизона	— гарнизона
» 135, » 2 » —впечатленіемъ	— впечатлѣніемъ
» 139, пр. 344 » — 334)	— 344)
» 141, » 351—мсжду	— между
» 143, стр. 1 св. уловіемъ	— условіемъ
» — » 8 »—молодого	— молодаго
» 146, » 1 св.—мороване	— мораване
» — » 19 » —Розничи	— Разничи
» 149, пр. 375—раслѣдованіе	— разслѣдованіе
» 150, стр. 14 св.—пробплись	— пробились
» — » 11 сн.—невинности	— невиновности
» — пр. 377—accerta	— accepta
» 157, стр. 16 св.—пріобрѣталъ	— пріобрѣлъ
» 161, » 8 сн.—гетманамъ	— гетманомъ
» 168, » 13 св.—притомъ на	— притомъ, на
» 169, » 16 сн. *соляного моста*	— *солянаго мыта*
» 176, » 14 св.—Гдинска	— Гданска
» 186, стр 1, 4, 7 св. Порудминской	— Порудоминской
» 188, » 14 сн.—Пофнутію	— Пафнутію
» 195, » 5 св.—Копотъ	— Копоть
» 197, » 10 »—жизни патроната	— жизни—патроната
» 200, пр. 537— an urbe	— in urbe
» 206, стр. 1 св.—Гаштолдъ	— Гаштольдъ
» 212, » 8 сн.—отзывъ, объ	— отзывъ объ
» 213, пр. 593— Gcript.	— Script.
» 214, стр. 14 сн.—tyle razu	- tyle razy
» 217, пр. 611—Канстантина	— Константина
» 223, пр. 624—Голубьевъ	— Голубевъ

Литовско-Русское Государство
въ періодъ
1482—1530-хъ г. г.
сост. А. Ярушевичъ.
Условные знаки.
Литва.
Польша.
Русь.
Орденъ.
Государственныя границы.
Факт. граница Литвы съ Москвою до войнъ 1492—1520 г.г.
Граница Литвы съ Москвою послѣ войнъ 1492—1520 г.г.
областная граница.
правосл.
католич.
церковь *).
правосл.
католич.
монастырь *).
правосл.
католич
епископія.
Имѣнья К. И. Острожскаго
(подчеркнуты) наданныя имъ церкви и монастыри.
Главнѣйшія дороги.
Путь главнѣйшихъ татарскихъ набѣговъ.
Походы русскихъ войскъ.
Походы К. И. Острожскаго.
*) Примѣчаніе. На картѣ отмѣчены храмы, упоминаемые въ актахъ до 1550 года; не отмѣчено 47 правосл. и 24 лат. храма—по неизвѣстности ихъ мѣстонахожденія.
Рига
Псковъ
Москва
Тверь
Вильна
Смоленскъ
Полоцкъ
Витебскъ
Минскъ
Кіевъ
Черниговъ
Новгородъ Сѣверскъ
Краковъ
Варшава
Львовъ
Луцкъ
Черкасы
Торунь
Плоцкъ
Сандомиръ
Каменецъ
Брестъ
Новгородокъ
Гродно
Слуцкъ
Пинскъ
Туровъ
Владиміръ
Винница
Брацлавъ
Хортица
р. Днѣпръ
р. Дунай
р. Прутъ
р. Десна
р. Волга
р. Ока
р. Самара
Вармія
Т. Пруссія
Польск. Пруссія
Великая Польша
Малая Польша
Мазовія
Русь
Подолія
Волынь
Сѣверская Украина
Смоленская
Витебское
Полоцкое
Минское
Кіевская
Новогрудское
Брестская
Подляшье